

Алена Кручко

Полуночные мени

Когда родившегося ребенка показывают богам, выясняя, кто станет его покровителем, обычно это всего лишь формальность. Но случается, что один из богов объявляет свои права на ребенка прямо и недвусмысленно. Зачем, почему, какая служба потребуется от избранника? — людям знать не дано...

Алёна Кручко

Полуночные тени

Колинова Звездочка никак не могла разродиться. Теленок шел правильно, головкой, но крупный был необычайно; мелкокостная, поджарая Звездочка вряд ли годилась в матери такому богатырю.

Посеревший Колин бормотал молитву Хранителю стад, я пыталась передать измученной Звездочке еще немного сил. Винси, Колинов работник, дюжий флегматичный парень, мялся на подхвате: его дело было тянуть теленка, как появится. Колинова женка Джильда тем временем готовила отвар — я принесла с собой все нужные травы, как чувствовала, что понадобятся. Хотя — нетрудно было догадаться. Наш Колин, как любой, наверное, трактирщик, падок на сулящие выгоду авантюры, а эта вся прошла на моих глазах. Колин долго подмазывался к баронскому управляющему, чтобы тот в добрую минуту замолвил за него словечко перед господином; долго, но своего добился. Отвел Звездочку, когда пришла ее пора, к лучшему быку из господского стада знаменитой турецкой породы, рядом с которой деревенские буренки — что козы.

— Сьюз, а Сьюз, — дрожащим голосом позвал трактирщик. — Ты скажи, он жив хоть? Если... то есть...

Я поняла, о чем боится он сказать. Не пришлось бы звать живодера. Ради спасения такого приплода — можно и должно.

— погоди, — ответила я, — не трясись. Если отвар не поможет — тогда...

Погладила дрожащую Звездочку, та ответила жалобным хриплым мычанием. Устала, бедная.

Джильда вошла торопливо, держа в вытянутой руке исходящий паром ковшик.

— Наконец-то, — буркнул Колин. Обычно добродушный, он, кажется, готов был рычать и кусаться, и сдерживался из последних сил.

— Разбавь немного, — велела я. — Совсем немного, только чтоб не обожглась.

Джильда долила в ковш колодезной воды из бочки в углу, подошла. Бросила опасливый взгляд на мужа, на Звездочку. Я приняла у трактирщицы ковш, нашептала над отваром нужный заговор, добавила короткое моление к Хранителю стад и, миг поколебавшись, к Звериной матери. Сунула обратно Джильде:

— Вливай ей, быстро.

Закрыла глаза, улавливая изменения. Ощутила прошедшую по мышцам волну тягучей боли, подстегнула: *ну же, давай!* — и с трудом успела оборвать связь. Телиться вместе с коровой мне не улыбалось.

Звездочка застонала почти по-человечески, Колин рявкнул на работника:

— Тяни, болван!

Зашумело в ушах. Я прислонилась к стенке стойла, отерла пот со лба. Больше от меня ничего не зависит, что могла — сделала. Теперь только ждать.

Время словно остановилось. Жалобное мычание Звездочки, хрипя, вполголоса, ругань Колина, пыхтение Винси... Джильда стояла рядом со мной, прикусив край ладони: от нее, как и от меня, толку сейчас было чуть. Мы могли только молиться.

Я даже не заметила, когда все кончилось.

— Бычок, — обессилено и блаженно сказал Колин. — Бычок, слышите, вы?! Бычо-ок... Умничка моя!..

Разумеется, сначала он обнял корову. Но потом пришел черед и нас с Джильдой. Звездочка вылизывала рыжего, как все турцы, сынулю, а счастливый трактирщик облапил нас сразу двоих, закружил, смеясь. Повторил:

— Бычок, ну надо же! Хвала Хранителю стад!

Я его понимала. Бычок-турец, хоть бы и полукровка — благо для всей деревни, но для хозяина — золотое дно. Уже лет через пять, подумала я, деревенское стадо не узнать будет.

— Поздравляю, Колин!

— Тебе спасибо, Сьюз! Кабы не ты...

— Гляди, — засмеялась я, — какой шустрый!

Рыженький уже успел найти вымя и старательно сосал, подрагивая хвостом и смешно отставив заднюю ножку.

— Пойдемте, — растроганно прошептала Джильда. — Нечего тут шуметь.

Шуметь мы продолжили в трактире. Счастье пополам с облегчением кружит голову не хуже крепкой браги; впрочем, и за брагой дело не стало: вести по деревне расходятся быстро, а предвечернее время располагает к трактирным посиделкам. Но я не собиралась засиживаться. Отпразднуют без меня. А я дождусь бабушку — и домой. Устала. Забавно: сегодня у нас с бабулей забота одинаковая...

Я уминала поданную Джильдой кашу со свиными шкварками, запивала слабеньким элем и глупо улыбалась, вспоминая смешного рыжулю. Малыши — они все такие трогательные. Но в этом чувствовалась порода. Красавцем вырастет.

Интересно, как у бабули обошлось?

Словно откликаясь на мои мысли, в трактир заглянул мелкий Ронни. Взгляд мальчишки шустро обежал собравшихся и остановился на мне.

— Сьюз, бабка Магдалена велела передать, чтоб ты ее не ждала, она до утра у нас останется!

Голос — так и распирает счастьем. Но если все хорошо, чего ж тогда?...

— Стой, подь сюды, — рывкнул готовому исчезнуть мальчишке Колин. — Что там у вас?

— Мальчик! — сияя, сообщил Ронни. — Большо-ой! Бабка Магдалена говорит, все хорошо, но она хочет все равно с мамой побыть, так лучше будет.

— Ну, беги, — трактирщик широко улыбнулся. — Да передай матери с отцом мое почтение!

— И мое! — крикнула я вслед.

— Пасиб, — донесся издалека ответ Ронни.

Джильда присела рядом, сказала тихонько:

— Ну вот, и у Гвенды все хорошо, благодарение богам. И Колин... он, бедный, последние дни сам не свой был, совсем извелся. Спасибо тебе, Сьюз.

— Джил! — рывкнул Колин. Трактирщица подхватила, убежала. Ее крахмальный чепчик и белый фартук замелькали меж гостей, проворные руки меняли пустые кувшины на полные, и была она — как шустрое, деловитое, расторопное привидение. Я покачала головой. Зимой Джильда подхватила жестокую простуду и скинула ребенка, первенца. И, хотя проболела недолго, душевно до сих пор не оправилась. Куда делась острая на язычок хохотушка, не спускавшая обычных для подвыпивших мужчин шуточек? Пройдет, говорила бабушка, время лечит. Но пока что смотреть на Джильду было больно.

Веселье в трактире нарастало, и я поторопилась доесть. Поднялась, прощально махнула

рукой. На пороге меня догнал Колин, сунул в корзинку каравай свежего хлеба и увесистый сверток, благоухающий свиными колбасками:

— Бери, Сьюз, поужинаешь.

Был он уже слегка пьян — и, верно, поэтому даже не попытался меня обнять. Что мне в Колине нравится, так это умение себя обуздать. Хотя, конечно, при его ремесле иначе нельзя.

Я посвистела Серому, но пес не появился. Пришлось звать. *Извини, хозяйка*, пришел ответ. С картинкой... мда. Ну что ж, зато от Серого щенки хороши. Брое, хозяин пегой сучонки, небось только рад, что нас с Серым нынче в деревню принесло.

На запах колбасок за мной увязалась кузнецова шавка, рыжая, склочная и блудливая.

— Отвали, — буркнула я, — самой мало.

Жадина, ответила рыжая. Но отстала — правда, обрехав напоследок.

Я шла домой — сначала лугом, затем лесом, по натопанной тропе, знакомой настолько, что с закрытыми глазами пробежать можно. Помахивала приятно увесистой корзинкой и знать не знала, что этот вечер — последний в спокойной жизни и нашей деревни, и замка его милости барона Лотара, что властвует над окрестными землями, и моей собственной.

Наш с бабушкой дом стоит в лесу, и это не какая-нибудь покосившаяся избенка, в каких обитают ушедшие подальше от людей ворожейки. Он большой — по правде сказать, слишком большой для двоих, но у нас частенько задерживаются больные, и хорошо, что есть куда их пристроить. Вообще-то, это бывший охотничий домик его милости. Когда бабушка пришла в эти края, ее милость баронесса Иозельма — так уж совпало! — рожала первенца. И если б не бабушкино лекарское умение, и баронесса бы родами померла, и сыночек баронский навряд ли выжил бы. Вот ее милость и пожелала, чтоб умелая лекарка всегда была под рукой и ни в чем не нуждалась. А в замке жить бабушка отказалась наотрез — да оно понятно, пока войны нет, нечего лекарке в замке делать. Ни трав нужных вовремя собрать, ни огород развести. И барон поселил нас в пустующем лесном домике: сам-то он, с тех пор как умерла первая жена, не любит здесь бывать. Люди говорят, прежней баронессе нравился этот дом...

С тех пор бабушка еще два раза принимала роды у баронессы Иозельмы. Правда, младшенький не выжил, он слабенький родился, раньше времени — слуги в замке шептались, это потому, что Иозельме явился призрак первой бароновой жены, чуть не до смерти напугал. Может, и вправду было что-то, а может, просто совпало: едва оправившись, баронесса переехала жить в столицу. Не то при дворе должность купила, не то у родни пристроилась — слухи всякие ходят. Но обоих деток — и первенца, Анегарда, и дочку, Иоланту, — оставила в замке, при отце. Девочку я видела почти каждый раз, попадая в замок; барон ее любил, холил и наряжал, и она казалась мне похожей на беспечную яркую бабочку. Бойкая, любопытная и беспечная. Ланька, Ланушка, любимица отца, брата, замковой обслуги, даже собак и коней. Маленькая белокурая богиня, цветочный дух.

А сыночек вырос бугай бугаем, половину девок у нас на деревне перепортил — правда, ни одной без согласия. Красив, зараза. Высокий, плечи — куда там нашим парням, разве у кузнецова Рольфа малость пошире будут. Темные волосы летом выгорают и отливают на солнце рыжиной, крупные губы и твердый подбородок у кого другого смотрелись бы грубо, но Анегарда ничуть не портят. Глаза... а вот в глаза молодому барону я не заглядывала. Но

кто из девчат вблизи видел, говорят — в цвет неба зимой, когда снежные тучи стоят низко-низко. Да, красив наш молодой барон. Увидишь — аж сердце екает, и на душе делается тепло-тепло. Но мне такие ухажеры ни к чему, и бабушка тоже так считает. Да и младше он меня, почти на два года младше.

Чтобы вернее выкинуть Анегарда из головы, я перебираю в памяти вечерние дела. Сначала те, что обычно делает бабушка: лекарские. Хорошо, больных у нас нет сейчас, летом самая частая хворь — натруженная спина, с таким недугом по знахаркам не ходят. Разве пришлют кого едкой растирки попросить. Но надо просмотреть ту часть огорода, где высажены целебные травы, оборвать цветки ноготков и фиалки, разложить сушиться на чердаке. Поворошить вчерашний урожай, а позавчерашний, высохший, ссыпать по мешочкам. Осенью это добро только успевай раздавать, детворе да старухам от кашля и простуд. Потом — работу, что всегда на мне: накормить кур, собрать яйца, загнать и подоить козу Злыдню, приготовить ужин — хотя ужин, спасибо Колину, у меня нынче есть.

Вечер проходит в точности так, как я надумала по дороге: сначала травки, потом куры да коза. Злыдня, как всегда, громко возмущается: не любит она ночевать в сарае. Я, зная такое дело, частенько оставляю ее под навесом в загоне, но сегодня поблажек не будет.

— И не на меня ругайся, — ворчу я, закидывая в кормушку ивовых веток и наливая в поилку свежей воды. — Все вопросы к Серому. А то он, понимаешь, по блудодейкам, а я виновата, что хозяйство охранять некому.

Злыдня выдает совсем уж неприличную тираду.

— Да уж, милая, — я чешу свою любимицу за ухом, — многие девчонки говорят, что все мужики — козлы, но от тебя не ожидала.

Злыдня тычется носом мне в ладонь и трусит к кормушке, а я подхватываю подойник и иду в дом. Процеживаю молоко — сегодня никто не помешает мне выпить, сколько захочу, хоть все. Обожаю парное, что коровье, что козье, но козье — больше. А уж со свежим хлебом...

Неторопливый ужин в одиночестве, когда переделаны все дела, но спать еще рано, — самое время для раздумий ни о чем и глупых мечтаний. Мои мысли снова возвращаются к Анегарду. Молодой барон любит охотиться, но ни разу не упрекнул отца, что такой удобный для отдыха домик заняла пришедшая лекарка с внучкой. Если б упрекнул, я бы знала: у замковой прислуги чуткие уши и длинные языки.

И вообще он охотится в другой части леса, к северу от замка. Там глуше, деревенские туда не ходят. Только мы с бабушкой — летом за грушанкой да по осени за копытнем.

Может, нам и лучше бы жилось в деревне, поближе к людям. Но я люблю наш дом, он родной для меня, другого не надо. Мы пришли в эти края, спасаясь от лихорадки, охватившей наши родные места. Наверное, страшная была болезнь, раз даже маму бабушка не смогла выходить. Мне едва исполнился год, когда мама умерла, я совсем не помню ее. Бабушка говорит, мы шли долго, всю весну и все лето, и пришли к замку Лотаров как раз в середине осени. Бабушка боялась, что не найдет пристанища на зиму, но нам повезло. Анегард вовремя вздумал родиться!

Иногда мне кажется, что мамина душа живет с нами в этом доме. Наверное, поэтому я не боюсь оставаться здесь одной. Никогда не боялась. Будто сам дом хранит меня, когда бабушке приходится ночевать в деревне или в замке.

Я еще немного посидела просто так, глядя в окно. На темнеющее небо над поляной, на облака, раскрашенные закатом в розовые, алые и золотые полосы — совсем как праздничная

юбка задаваки Хенны, старостиной дочки! На старую яблоню у колодца — яблочко она дает немного, но какие же они сладкие! На выбегающую из леса тропинку.

И пошла спать.

Разбудил меня ужас. Панический, необъяснимый, темный. Смертный — да, вот только теперь я поняла, что такое "смертный ужас". На себе прочувствовала. Когда словно отнимается все — ни бежать, ни защищаться, ни даже закричать, а только смотреть молча, как подходит к тебе смерть — ближе, близко, вплотную... с закрытыми глазами смотреть, потому что смерть только так и увидишь... или нет? Не проверить, веки поднять сил нет...

Мама... Мамочка!!!

Спасите!!!

Я дернулась и окончательно проснулась. Глаза открылись сами, без малейшего труда. Сердце колотилось как сумасшедшее, липкий пот пропитал ночную рубашку насквозь. Но...

Но я жива, в комнате никого, и привычная ночная тишина... ой, нет! Совсем не привычная! Слишком тихая!

И паника никуда не делась — просто теперь, проснувшись, я поняла, что не моя она была. Вернее, не совсем моя: уж вряд ли наши куры, и затаившийся на чердаке курятника приبلудный хорек, и Злыдня стали бы в испуге звать мамочку! А страх — их, звериный, нерассуждающий... и, между прочим, не проходит!

Да успокойтесь вы все! Что вообще случилось?

Ответом на мысленный вопрос стал новый взрыв ужаса.

Помянув нехорошим словом Звериную мать и детей её, я откинула одеяло, встала и пошлепала к окну. И, не дойдя шагов трех, застыла, словно замороженная. Люди добрые, Мать звериная, что это?!

По залитой лунным светом поляне от края до края змеилась полоса тени. Извивалась, дергалась... текла темной рекой, брызгала размытыми черными пятнами на лунные берега. Тень. Просто тень.

Я посмотрела на небо. Луны не было видно, зато угадывалась — черная на темном — широкая летящая полоса, как будто поразившая меня тень отразилась в небе.

— Облако, — сказала я себе. И, разумеется, не поверила. Ну не совсем же ты дура, Сьюз? Какое ж это облако? Это кто-то живой там летит, живой и очень опасный.

Смертельно опасный.

Я осторожно отступила назад — но так, чтобы не терять непонятных летунов из вида. Показалось, или черная полоса впрямь стала уже? Нет, точно. Вот открылся краешек луны, проглянуло серебристое облако... я отчетливо видела край черноты, стремительно летящей над нашим лесом; еще несколько мгновений — и небо очистилось. Полная луна, серебро редких облаков, звезды... залитая лунным светом поляна, пустая тропинка... все как всегда, вот только страх никуда не делся.

Что это было? Что???

Смерть, ответило мне звериное нерассуждающее чутье.

Смерть, от которой нет защиты.

— Ладно, — буркнула я, — у вас, может, и нет, а у людей, глядишь, найдется. Схожу завтра в деревню.

А можно и в замок, мелькнула шальная мысль. Деревенские мужики правду с выдумками путать горазды, а капитан Гарник, начальник бароновой стражи, очень даже

может знать, что за твари летают по ночам, окутанные мраком.

Но сначала надо дожждаться утра. Я подкралась к окну, еще раз, внимательно, оглядела небо и поляну. Закрыла окно тяжелым ставнем — обычно он все лето стоит у стены комнаты, в дело идет, только когда ливень хлещет. И ощутила, как отползает страх, отдаляется, становится лишь тенью на самой границе сознания. И — тенью, комком тьмы — остается там на страже, готовый воспрянуть в единый миг от малейшей тревоги.

Я так и не смогла заснуть.

Стадо сегодня не паслось, гуси не щипали траву на берегу ручья, ребятишки не бежали в лес по ягоды. От деревни шли темные волны уже знакомого мне звериного ужаса. Я покачала головой: трудно будет успокоить тут всех, я с одной-то Злыдней еле справилась. Трудно, а надо. Но это после; сначала узнаю, что здесь было.

Собаки молча жались по щелям. Поджав хвост, ко мне метнулся Серый, проскулил коротко.

— Что, — спросила я, — тоже перетрусил? Гуляка ты блудливый, где ночью был? Почему дом не охранял?

Пес виновато прижал уши.

Народ собрался у дома старосты — что само по себе показывало степень испуга, обычно новости обсуждают у Колина в трактире, под темное пиво и светлый эль. Мужики стояли хмурые и нетрезвые — для храбрости, что ль, хлебнуть успели? Завывали бабы — понятно, у коров да коз молоко пропало, да и куры хорошо если от страха не перемерли, а всего-то нестись перестали. Детей, похоже, позапирали: в толпу затесалось лишь несколько мальчишек постарше.

Меня заметили.

— Сьюз пришла! — крикнула белобрысая Лиз, главная деревенская сплетница. Глаза у нее на затылке, что ли?!

— Давай сюда ее, — зычно скомандовал староста. — Сьюз, к нам иди!

Люди неохотно расступились, давая дорогу.

На высоком крыльце лучшего в деревне дома, кроме старосты и кузнеца, обнаружили Рольф, Колин, бабка Грета — заводила и предводительница деревенских женщин — и моя бабуля.

— Рассказывай, — с ходу велел староста.

Я передернулась, вспомнив черную полосу на ночном небе. "Смерть, от которой нет защиты"...

Спросила:

— Люди все живы? Оно у вас не охотилось?

— Мимо пролетело, — ответил староста. — Только вот что это за напасть такая? А, Сьюз?

— Не знаю, — вздохнула я. — Зверье говорит: смерть, от которой не защититься. Так перепугались, я чуть сама не сбрендила.

Я рассказывала о том, что было со мной ночью, и что я видела, и как потом долго успокаивала Злыдню и подманивала хорька на сдохшую от страха Пеструшку — расспросить. Я рассказывала, и лица людей, без того хмурые, мрачнели все больше.

Бабка Грета задумчиво пожевала губами:

— Никогда о такой напасти не слыхала. А ты, Магдалена?

— В наших краях такого не водилось, — покачала головой бабушка.

— Покажи-ка еще, — попросил меня староста, — откуда и куда эта дрянь летела?

Я прикинула, как стоит относительно деревни наш дом, куда смотрит мое окно. Повела рукой, обозначая направление:

— Вот так примерно.

Рольф прищурился, повел глазами вдоль воображаемой линии. Сказал непонятно напряженным голосом:

— Так ведь это значит — к замку?

— И верно, — ахнула бабушка.

Кузнец почесал в затылке, прогудел:

— Узнать бы надо, как там дела.

— И рассказать его милости, что у нас было, — кивнул староста. — Заседывай-ка ты, Рольф, Огонька, да скажи.

Кузнецов Огонек был не то чтобы лучшим в деревне конем — а единственным пригодным для гонца. Остальные, привыкшие тянуть плуг да телегу, аллюров быстрее шага не признавали, как ни погоняй. Обычно, правда, с вестями отправляли Тони, кузнецова младшего — но после такой ночи слать через лес ребенка? Так что Рольфу и в голову не пришло спросить "Почему я?" или еще как заспорить, хотя и довольным он не выглядел. Молча кивнул, развернулся и двинул сквозь толпу — перед ним расступались почти испуганно, а кое-кто творил вслед охранительные знаки.

— Рольф, погоди, — окликнула я. Бросила старосте: — Посмотрю Огонька, как он.

Кузнец глянул благодарно, бабушкин взгляд стал неприятно острым.

— Давай, дочка, — кивнул староста. — По дворам-то сможешь потом пройти?

— Постараюсь, — я не стала объяснять, что сил может не хватить: староста наш умный мужик, небось уже и сам все понял. Побежала за Рольфом. Остальные подождут, но гонца конь подвести не должен.

Огонек не пуглив, скорее наоборот. Да что говорить, зараза он злобная — из тех, что только хозяина и признают. На что я зверья не боюсь, и то к нему без Рольфа или Тони подойти не рискну. Но после этой ночи и он как пришибленный. Уши нервно прядают, и даже морковку от Рольфа не взял.

— Куда вот его? — мрачно спросил Рольф. — А, Сьюз?

— Ничего, — я погладила длинную черную гриву, положила ладони на рыжую шерсть. Ощутила, как мелко подрагивает сильная шея. Огонек пах страхом. — Хороший, — прошептала я. — Хороший наш, храбрый. Сильный. Самый лучший.

Настроиться на разговор оказалось непривычно тяжело — похоже, ночной ужас и меня ударил сильно: мне не хотелось, очень не хотелось даже отголоски его слышать. Я закрыла глаза, прижалась к Огоньку лицом. Резким до боли усилием выпихнула себя туда, где можно обходиться без слов. Где Звериная мать слышит всех и говорит со всеми.

Успокойся, Огонек. Они улетели. Уже день, а они ведь ночные, верно? Ты ведь знаешь это, скажи?

Ночные. Страшные. Вернутся.

Огонек, хороший наш, успокойся. Сейчас день. До ночи еще долго, далеко. Съешь морковку. Пожалуйста. Гляди, как твой хозяин волнуется за тебя.

Коняка фыркнул и захрустел морковкой. Рольф шумно выдохнул. Я покачала головой, шепнула:

— Помогай, Рольф. Он так испуган, что я сама не справлюсь.

Я гладила длинную гриву, похлопывала Огонька по шее — и все время посылала одну и ту же мысль, тихо, но настойчиво: *успокойся. Успокойся, все хорошо. Все спокойно. Вот твой хозяин, твой вожак. Видишь, он спокоен? С ним безопасно.* Рольф так не умел — да никто в деревне не умел! — он просто гладил коня по морде, шептал что-то ласковое... был рядом, и этого уже хватало.

Наконец Огонек ткнулся мягкими губами Рольфу в лицо: так, я знала, он всегда предлагал прогуляться.

— Сьюз, ты чудо! — выдохнул Рольф.

— Сама вся взмокла, — буркнула я. — И то без тебя не вышло бы. Не знаю, что за мерзость летала, но хорошо бы оно не возвращалось больше! Удачи, Рольф. Смотри там, в лесу...

— Не бойся, — усмехнулся парень, — не пропадем. Ты молодец, хорошо его успокоила. Гляди, сам под седло просится!

Рольф седлал своего любимца, а я все не могла понять, что встревожило меня в его словах. Поймала, когда Огонек, отмахнувшись ушами от назойливой мухи, вслед за хозяином вышел из конюшни. Рольф сел в седло, повторил:

— Не бойся, Сьюз, доберемся.

— Погоди!

— Чего ты? — Рольф глядел удивленно, наверное, мой голос был слишком уж не похож на обычный.

— Послушай меня, Рольф, и запомни. Тебе может пригодиться. Никогда не говори "не".

— Не понял?

— Если придется успокаивать Огонька, не вздумай говорить "не бойся", "не пропадем"... нельзя так. Говори «успокойся», "все хорошо", "ты храбрый" — без «не», понял? Это важно.

— Понял, — Рольф ответил серьезно, без улыбки. — Спасибо, Сьюз.

Всадник на рыжем коне выехал за околицу.

— Удачи, — прошептала я вслед.

Сейчас он проедет через луг, а дальше почти до самого баронского замка — лесом. Пешком идти день; Рольф будет в замке к обеду. Если разговоры затянутся, лучше ему остаться там на ночь...

Успокаивать каждую корову и каждую лошадь так, как Огонька — меня бы попросту не хватило. Поэтому для начала я прошла по деревне, рассылая вокруг легкое "все спокойно" — никому и всем сразу. Панику прекратить, и то хлеб. Потом вернулась к дому старосты — люди все шумели там, рядясь, кому и как сторожить ночью. Пробралась к бабушке, спросила:

— Ты-то как, бабуль?

— Что мне сделается, — отмахнулась бабушка. — Я и зверья не слышу, и сама не пугливая. А вот ты силы подсадила, а, Сьюз?

— Есть хочу, — призналась я. — И выпить бы чего укрепляющего — сделаешь? С Огоньком едва не надорвалась, а по коровам пройти надо, как люди без молока...

Колин крикнул, ухватил меня за локоть:

— Пойдем, Сьюз, накормлю. Прости дурня, сам бы догадаться мог! А ты, бабка Магдалена, отвар ей делай, какой надо, да тоже ко мне подходи.

Та-ак, похоже, с Колина я и начну.

Под вечер я валилась с ног — но по хлевам и конюшням все было спокойно. И Колин, и староста, и кузнец, и вчерашняя роженица Гвенда звали оставаться ночевать, но мы с бабушкой пошли домой. У нас там тоже хозяйство не бросишь.

Рольф не вернулся. Брое, отряженный старостой нас проводить, всю дорогу не то нас, не то себя убеждал, что парня задержали расспросами и он не рискнул возвращаться на ночь глядя. Хорошо бы так, думала я. Чем ниже опускалось солнце, тем тревожней становилось на душе.

Этим вечером даже Злыдня не возражала против сарая.

Приблудившийся вчера хорек не ушел: устроился на чердаке над Злыдневым обиталищем, в остатках прошлогоднего сена. Обиходив козу, я попыталась с ним поговорить, но зверек еще не отошел от вчерашнего ужаса и только просил не гнать. Живи уж, вздохнула я, только с курами осторожней. Мышей лови, их у нас в избытке.

Ночь прошла спокойно — не считая того, что вряд ли кто-то в деревне спал. Мы с бабушкой закрыли окна ставнями и сидели на кухне. Сначала перебирали травки, потом, наскучив работой, пили земляничный чай и болтали.

— Пролетели мимо, напугали, — посмеивалась бабуля, — экая важность! Вот я слыхала, в одной деревне упыри попросту постучали в двери, да и вошли, когда им открыли. Сразу во все три дома. Вечером была деревня человечья, к утру стала упырячья.

— И что? — я вцепилась в кружку, будто не кружка это вовсе, а защитный амулет какой. По спине пробежали мурашки.

— Так и живут, а что делать? Поля под пастбища перевели, коров на кровь разводят, а так — все то же. И богам по-прежнему молятся, и налоги платят...

— Да не может быть! — ахнула я.

Бабуля не торопясь отхлебнула чаю, ответила:

— Да почему ж не может? Сама подумай, девонька, — всю жизнь свою они людьми прожили, с родными по-родственному, с соседями по-соседски, богов и законы уважали, трудились как положено и отдыхали как заведено... Ну поменялись у них вкусы, ели мясо жареное, стали сырым глотать — и что? Все равно как ты сегодня черную юбку надела, а завтра зеленую — сама-то ты в новой юбке прежняя!

Представила я, как рву на куски сырое мясо, как течет по губам теплая кровь, и чаем поперхнулась. Бабушка покачала головой, спросила печально:

— Разве это главное, девонька? Как матери детей любили, так и будут любить, как отцы семьи кормили, так и будут кормить. Кто человеком был, тот в любом обличье человеком останется.

Я покосилась на окно, на дверь. Представилось — вот так войдет гость незнаемый, а к утру будешь сырое мясо зубами рвать... а отказать путнику в ночлеге — Великого отца прогневить, ведь и сам он, сказывают, ходит иной раз по дорогам в смертном обличье.

— Человек, — повторила бабушка, — не то, что он ест, а то, кто он есть. А нечисть — тот, у кого душа нечиста, кем бы ни был он. Жаль, не все это понимают...

Совсем неуютно мне сделалось. Чуяла, самым глубинным, нутряным чутьем чуяла — права моя бабуля. Но как же страшно от такой правды! Упыря или, предположим, оборотня можно хоть на вид различить, а в душу к человеку как заглянешь?

Бабушка усмехнулась вдруг, спросила:

— А знаешь, что в этой истории самое забавное?

Люди добрые, Звериная мать, там еще и забавное было?!

— Самое забавное, — сообщила бабуля, — как об этой истории вообще узнали.

— И как?..

— В ту ночь там менестрель ночевал прохожий. Он и рассказал, как дальше пошел...

— Менестрель?! — Что-то я уже совсем ничего не понимаю! — А разве его... он...?

— Думаешь, если менестреля в упыря перекинуть, он песни петь да байки травить бросит? — бабуля покачала головой. — Да ни в жизнь! Тот еще и смеялся: вот, мол, обычно с меня за ночлег истории просят, а там — сами историю подарили.

Хорошо все же, подумала я, что у нас деревня большая. Десять дворов — не три, тишком не взять. Правда, мы с бабулей на отшибе...

— А еще в наших краях рассказывали, как лесникова дочка, умница и красавица, влюбилась однажды в оборотня... — начала новую байку бабуля.

Так мы и проболтали всю ночь. То есть болтала бабушка. Вспоминала услышанный где-то когда-то треп о "ночном ужасе" — упырях, оборотнях, разбойниках, всякой прочей нечисти, нежити и неслерти, — и тут же, пересказав во всех леденящих душу подробностях, доказывала, что этакая чушь не может быть правдой. А то, что походило на правду, оказывалось после ее рассуждений совсем не так страшно, как чудилось прежде. Я сначала вздрагивала, а потом начала смеяться, и бабушка, затаив улыбку в уголках губ, довольно кивала.

После бессонной ночи я мало на что способна, и бабушка это знает. Так что с рассветом она загнала меня спать.

— Ты ж только разбуди, если что, — пробормотала я.

— Разбужу, разбужу, — ворчливо откликнулась бабушка. — Как «что», так и сразу...

Она говорила что-то еще, но я не слышала: стоило голове прикоснуться к подушке, и мир тут же исчез.

Подняли меня лай Серого, голоса, шаги за стенкой. Я аж подскочила — тревога никуда не ушла, а мутное чувство близкой беды стало и вовсе невыносимым. Выскочила в кухню. Там за столом сидели Рольф и капитан Гарник, начальник бароновой стражи, и бабушка хлопотала, собирая им обед.

У меня ослабли колени, пришлось прислониться к косяку.

— Рольф, — сказала я, — как хорошо, что ты вернулся. Я боялась. Здравствуйте, господин капитан.

— Сьюз, — Рольф шагнул ко мне, помялся несколько мгновений — и обнял.

Я пискнула: силушки в кузнецовом сыне — подковы гнуть, а не девчонок обнимать! Да и дышать, уткнувшись носом в широкую грудь, все-таки затруднительно.

— Сьюз, ты ж... Кабы не ты, точно мы пропали бы! — Рольф осторожно разжал руки, отступил на шаг. — За Ореховым ручьем как нашло на Огонька — насилиу удержал. Все говорил, говорил — как ты учила. А он, пока голос мой слышит, держится, а замолчу — дрожит, храпит, аж меня жуть накрывает. Пока до замка добрались, весь в мыле был... Там уж его милости спасибо, успокоил. С меня уже и толку не было, самого, стыдно сказать, бражкой отпаивали. Уж не знаю, что за тварь там засела... — не договорив, кузнецов сын отер лоб и плюхнулся на лавку. Дерево жалобно скрипнуло, а я подумала: не знаю, как Огонек, а Рольфа пришибло крепко, раз до сих пор трясется. Первый парень на деревне! Чего

ж тогда от остальных ждать? Мокрых штанов?

— И тебе поздорову, Сьюз, — дождавшись, пока замолчит Рольф, степенно ответил Гарник. — Садись с нами, Магдалена говорит, ты не завтракала еще.

На столе ждали горячая каша со шкварками, крынка молока, полкраюхи хлеба. Я села напротив мужчин, объяснила:

— Сморил поутру. Ночью забоялись ложиться...

— Ясное дело, — кивнул Гарник. — Ты ешь, а потом расскажешь толком, что тут у вас творилось.

Рольфу не верит, что ли, зло подумала я. И только потом поняла: ему нужно, что чувствовала я. Что смогла узнать... а ведь ничего толком и не узнала.

Каша с трудом лезла в горло. Вдруг вспомнилось: снился мне мертвый Рольф, белый, как первый снег поутру, и Анегард, отмахивающийся обломком меча от размытой черной тени. Я не выдержала, спросила:

— А что, в замке тоже?..

— Летали, — Гарник дернул плечом, словно сбрасывая чужую руку. — Коней насилу успокоили, свора охотничья до сих пор с поджатыми хвостами. И не понять, то ли стрелы их не берут, то ли высоко просто... Покружили — и в лес. Облаву устроить бы, да без собак что за облава?

— Загонщиков, — буркнул Рольф. — Я бы пошел.

Капитан не одернул деревенского парня за дерзость. Ответил спокойно:

— То ты. Не все такие храбрые, а силой на такое дело не погонишь. Что в деревне-то у вас, многие захотят?

Из парней, пожалуй, наберется с десятков охотников, подумала я. Рольф тоже, видно, начал перебирать имена да загигать пальцы, но Гарник покачал головой, сказал:

— Подождем. Его милость в Оверте послал, за мэтром Куржем. Пусть поглядит сначала по-своему, по-магически.

Бабушка водрузила на стол кувшин с холодным квасом. Пожевала губами, сомневаясь, стоит ли влезать в разговор. Проворчала:

— Курж вам наглядит! И наглядит, и наговорит, и наобещает, лишь бы себя показать покрасивше да содрать побольше. Уж если кого звать, так Энниса, парень вроде и зеленый, а дельный, да и работает первым делом по нечисти. А Курж ваш за все подряд хватается, лишь бы денежку мимо себя не пропустить, а толком одно и умеет — пыль в глаза пускать!

— Нам с приказами не спорить, — примирительно ответил Гарник. Влил в себя кружку кваса, вытер усы, крякнул довольно: — Благодарствуй, Магдалена, за угощенье. Рассказывай, Сьюз.

Я повторила капитану все, что уже рассказывала старосте, а потом бабушке. Гарник слушал молча, серьезно. Иногда кивал, иногда в задумчивости теребил ус. Переспросил, когда я замолчала:

— Значит, "смерть, от которой не защититься"?

Я кивнула. По спине пробежал холодок. Капитан положил ладони мне на плечи, заглянул в глаза:

— Не робей, малышка. Я знаю, чужой страх похуже своего будет, да ты ведь у нас не из трусих, верно?

— Знать бы, что это, — призналась я, — не так бы страшно было.

— Оно верно, — кивнул Гарник. — Неведомый враг всего хуже. Ничего, Сьюз, узнаем.

А тебе спасибо — кабы не ты, Рольфу бы до нас не добратся, и знать бы не знали, что и у вас неладно. Его милость по другим деревням поутру дозоры отправил, да в Оверте гонца. Разберемся, что за дрянь такая летает, честным людям спать не дает.

От слов капитана страх и впрямь отступил. Наверное, хороший командир так и должен, подумала я: вроде почти ничего и не сказал, а в победе сомнений нет. Не зря все-таки Гарника по всем баронским землям уважают.

Между тем капитан поднялся, хлопнул Рольфа по плечу.

— Ну что, парень, отдохнули, поговорили, теперь пора. Мне еще деревенских расспрашивать. Может, там и заночую.

— Можешь там, — бабушка чуть заметно улыбнулась, — можешь здесь. Шумные они, деревенские.

Капитан уважительно поклонился бабушке, подмигнул мне и, больше не медля, вышел. Рольф поспешил следом.

* * *

На мэтра Куржа, мага и главного знахаря славного города Оверте, бабушка держала зуб с тех давних пор, как мы только-только пришли в эти края. Бабуля всего-то остановилась в Оверте на денек, отдохнуть и осмотреться. Она не собиралась там работать, но все же заглянула, как водится, в лекарскую гильдию. А вечером пришлую лекарку нашел Курж — он как раз в тот год стал старшим городским магом, — и потребовал платить гильдейский сбор или выметаться из города вон. Еще объяснил — знахарство, мол, та же магия, только недоделанная, и все вы, лекаришки да знахарки, примерно как наши подмастерья, только можете куда как меньше.

Эту линию Курж, видно, обдумал тщательно и твердо ее держался. Полугода не прошло с того случая, как к должности старшего городского мага он прибавил еще одну — главного знахаря, прибрав к рукам лекарскую гильдию, а заодно и городских коновалов со всеми их доходами.

Но бабуля по городам сроду не жила и в гильдиях никогда не состояла. И ей совсем не было интересно, правда ли знахари, лекари да коновалы должны подчиняться магу и есть ли в том справедливость. Она попросту плюнула мэтру Куржу под ноги — и ушла. Переночевала в трактире за городской стеной, а под вечер следующего дня постучалась в ворота замка его милости барона Лотара — как раз вовремя, чтобы спасти его жену и первенца и заслужить благодарность человека познатней и поважней какого-то там возомнившего о себе городского мага. Против покровительства барона и баронессы Лотарских Курж только и мог, что зубами скрипеть и выдавливать кислую улыбочку. Впрочем, у городских знахарей бабуля хлеб не отбирала, ей хватало работы в замке и по окрестным деревням, так что Курж оставался единственным недовольным.

Господин старший городской маг изволил явиться самолично, уже на третий день после переполошившей народ ночи — из чего следовало, что заплатил ему наш барон ой как немало.

Я выглянула на голос Гарника.

— Эгей, Сьюз, — кричал под окном капитан, — выходи, до деревни довезу!

— Зачем это мне в деревню? — отозвалась я.

— Приказ его милости! Почтенный мэтр Курж накладывает защиту на всех жителей баронства!

Почтенный мэтр, подбоченясь в нарядном седле, изображал из себя особу рангом не ниже королевской. Даже с тропы не свернул. Я оглянулась на бабушку.

— Ступай, — махнула она рукой, — хоть новости узнаешь. Спасибо, меня, старую, по такой ерунде не дергают.

Гарник, видно, знает, что ты ему ответишь, подумала я. "Курж вам назащищает!" Чмокнула бабулю в щеку, наказала Серому охранять дом и вышла на крыльцо. Капитан подмигнул:

— Поехали, дочка?

Подхватил меня под мышки, поднял в седло — я и айкнуть не успела. Тронул коня, шепнул на ухо:

— Ох и права бабуля твоя! Какая от него защита, когда сам осиновым листом трясется! Всю дорогу от каждого шороха вздрагивал.

Вороной капитана поравнялся с гнедым Куржа, мэтр тронул поводья, пристроился стремя в стремя, благо тропа позволяла.

— Здравствуйте, почтенный мэтр, — проворковала я. — Какое счастье для нас, что сам господин старший городской маг почтил наше захолустье своим высоким присутствием! Уж теперь точно бояться нечего!

Гарник подавил смешок. "Господин старший городской маг" кивнул, поджав толстые губы. Я беззастенчиво пялилась на гостя, для порядку подпустив на лицо глупого восторга. Мэтр Курж — мужчина видный, дородный. Одет богато: черный бархатный камзол, кружевной воротник рубахи, цепь серебряная с алой подвеской-амулетом. И конь хозяину под стать — сытый, лоснящийся, с широкой грудью и мощными ногами. Но я-то вижу: конь испуган, а хозяин и вовсе в панике. Может, в Оверте его и впрямь почитают за мастера, только я бабушке больше верю. И разве стал бы мастер-маг так трястись?

— Да, — подыграл мне Гарник, — видела б ты, как господин маг ворожил в замке его милости! Все стены обошел, а потом еще и на башню поднялся, на самую верхнюю смотровую площадку! Потруился на славу! Небось на добрых полдня пути вокруг теперь чар защитных хватит. Хватит ведь, а, мэтр Курж?

— Сие, — важно отвечивал мэтр, — зависит от многих факторов, зачастую трудно поддающихся точному математическому расчету. Разумеется, я учел положение небесных светил, силу и направление ветра, природный рельеф и магический фон местности. — Мудреные магические слова Курж выделял особенно значимыми интонациями, поглядывая на нас искоса: впечатлились ли должным образом? — Однако учесть такие нюансы, как точное число хищников в окрестных лесах, уже не представляется возможным. Кроме того, эффективность защитных чар для каждого индивидуума зависит от его персонального гороскопа, и тут уж я, увы, почти бессилен...

— Поняла? — Гарник усмехнулся в усы.

А то, подумала я: будет все хорошо — господину магу спасибо, а ежели что случится — гороскоп виноват! Я подняла взгляд к небу:

— Господин маг истинно великий мудрец...

— Ото ж, — веско уронил капитан.

Курж приосанился. Люди добрые, Звериная мать, да он наш с Гарником разговор за чистое восхваление принял! Даже не понял, что я всего-то его обычное витийство передразнила! Ай да господин маг!

Тропа вынырнула на луг; отсюда уже видна была деревня, спокойная и безмятежная. Вот только за стадом следил нынче не старик Берни с внуком, а трое крепких мужиков с увесистыми посохами, и у ручья не паслись гуси, не носилась, визжа и брызгаясь, мелкота, не полоскали стирку девчата.

— Эгей! — заорал Гарник, да так, что у меня аж в ушах зазвенело. — Эгей, мужики, давай живо в деревню! Маг приехал, ворожить будет!

Защелкали бичи; коровы, протяжно мыча, потянулись к тропе. Курж, чуть заметно поморщившись, поторопил коня: как видно, городскому магу совсем не улыбалось въехать в деревню предводителем буренок, чернушек и звездочек.

Капитан отвез высокого гостя напрямик к старосте, велел:

— Пусть люди соберутся, все. Детей непременно.

— А я пока что восстанавливаю силы, — мэтр Курж с намеком поглядел на старосту.

Тот понял — староста наш мужик умный. Кликнул женку:

— Накорми дорогого гостя, живо!

Отправил мальчишек собирать народ, — Гарник тем временем ссадил меня с коня; подошел, спросил:

— Никак господин маг ворожить будут?

— Будут, — подтвердил капитан. — Еще как будут — мало не покажется.

— Дыкть... а платить-то?..

— Его милость платит.

— А-а, ну тады... тады конечно, дай боги здоровья его милости...

Люди подтягивались к дому старосты, спрашивали у подошедших раньше, что стряслось, поглядывали на Гарника и незнакомого гнедого под дорогим седлом. Староста нырнул в дом — не иначе, проверить, как жена гостя кормит, не слишком ли привечает.

— Господин капитан, — звонко крикнула белобрысая Лиз, — чего стряслось-то? Расскажите, будьте ласковы!

— Мага вам привез, — откликнулся Гарник. — Аж из Оверте! Вот поколдует сейчас хорошенько, и станешь ты, Лиззи, тихая и скромная, и будешь...

Договорить Гарнику не дали — грянул хохот.

— Все б вам шуточки шутить, — обиженно протянула Лиз, когда народ притих. — Я серьезно спросила...

Тут на крыльцо вышел почтенный мэтр, сытый и довольный.

— А я серьезно ответил, — немедля откликнулся Гарник. — Вот, люди добрые, поглядите и убедитесь — самолично мэтр Курж, старший маг и главный знахарь славного города Оверте, изволил приехать в вашу глухомань, дабы защитить вас от зла своим великим искусством! Все здесь?

— Дыкть вроде все, — окинув толпу взглядом опытного пастуха, сообщил староста.

Капитан кивнул мэтру Куржу:

— Прошу вас, господин маг.

Курж напыжился, кашлянул.

— Значит, так, люди добрые. У вас тут, мне сказали, паника внезапная приключилась.

Пролетали, мол, какие-то твари, мраком окутанные, напугали скотину, а вы вослед за скотиной подхватились. Так что просмотрел я земли его милости барона Лотара магическим зрением с самой вершины его замка, дабы определить, где затаилось зло и что оно из себя представляет. И увидал я тьму вдоль, — маг обернулся к капитану, — как его там?

— Ореховый ручей, — подсказал Гарник.

— Да. Так что увидал я тьму, что угнездилась вдоль Орехового ручья, и связал ее заклятием, дабы сидела там тихо. Поскольку я маг, так сказать, мирный, и за истребление нечисти не берусь. Не в том моя специализация. Его милость господин барон сам будет решать, что делать дальше, пока же я накладываю защитную ворожбу на земли его и людей его. Но вы уясните, что защита сия на всех действует по-разному, кого-то сильнее оградит, а кого и слабей. Так что проявите, люди добрые, благоразумие и осторожность, помните, что береженого и боги берегут, и на Ореховый ручей не ходите.

— Близо не подойдем! — заверил кто-то из баб.

— И детишкам накажите!

— А как же, — отозвались сразу несколько женских голосов.

— Вот и хорошо, — кивнул почтенный мэтр. — А теперь все стойте тихо, я ворожить начинаю.

Люди замерли; кое-кто, кажется, и дышать перестал. Еще бы: нам здесь всей ворожбы — бабушкины наговоры на травках, работу настоящего мага раз в жизни, может, и увидишь. Мэтр Курж раскинул руки — будто всех разом обнять захотел — и, прикрыв глаза, что-то забормотал себе под нос. Толстые губы шевелились все быстрее, лохматые брови нахмурились, на лбу прорезалась суровая складка. Пальцы начали подрагивать. Любому видно — выкладывается господин маг до самого доньшка. Даже уведенные раньше времени с пастбища коровы перестали обиженно мычать по хлевам, и затихли в недоумении шавки-побрехушки.

Продолжалась Куржева ворожба ровнешенько до того мгновения, как люди наскучили ее созерцанием. Едва по собравшейся у старостиного дома толпе прошел первый шорох — кто с ноги на ногу переступил, кто шумно выдохнул, кто шепнул словечко соседу, — Курж приподнялся на цыпочки и, натужась, свел ладони. Медленно, будто мешало что-то. И, едва кончики его пальцев соприкоснулись, открыл глаза. Достал из кармана большой клетчатый платок, отер лоб. Сказал благодушно:

— Так что вот, люди добрые, навел я на вас защиту от всех тварей ночных, во тьме рыскающих, ползающих и особенно летающих. Теперь же надобно землю вашу защитить тако же, поля, пашни да огороды. Но это уж и без вас можно, так что ежели кого дела зовут, я более не удерживаю. А вы, почтенный, — повернулся к старосте, — подскажите, куда здесь у вас повыше забраться можно?

Разумеется, никто не ушел.

На крыше Куржу, похоже, не понравилось. Ясен пень — это вам не смотровая площадка на башне баронского замка. Чуть не так ступишь — и вниз кувырком. Маг поразмахивал руками на четыре стороны, то и дело хватаясь за трубу, и поспешно слез. Снова отер взопревший лоб, отряхнул бархатный камзол от приставшего воробьиного пуха и сообщил с чувством выполненного долга:

— Так что здесь управились.

— Значит, едем дальше, — Гарник взмыл в седло, поискал меня глазами: — Сьюз, до дому сама доберешься? Мы в другую сторону теперь, к мельнице и за пруды.

— Доберусь, — махнула я рукой, — а то проводит кто. Спасибо, господин капитан.

Сказать по правде, домой я не торопилась. Любопытно ведь послушать, что скажут наши деревенские о господине маге!

Несколько спокойных дней и ночей, и жизнь вошла в привычную колею. Как прежде, старик Берни с внуком гоняли пастись деревенское стадо, мелкая ребятня следила за гусями у ручья, а детвору постарше снова отпускали в лес за земляникой — правда, строго-настрого наказав не заходить далеко и держаться вместе.

Зато мои ночи превратились в один сплошной кошмар. Ужас лесных обитателей врывался в сны падающей с темного неба черной тенью, меркнувшей луной, предсмертным стоном. Уж не знаю, чего стоила ворожба мэтра Куржа, но неведомое зло никуда не делось — и даже, кажется, набирало силу.

Как-то к нам прибежал мелкий Ронни. Выпалил, едва войдя:

— Баб Магда, вас мамка моя прийти просит! У малыша животик пучит, всю ночь орал!

— Как орал, — встрепенулась бабушка, — рассказывай?

— Ну, как, — растерялся Ронни, — громко!

— Гро-омко, — передразнила бабуля. — Ясен пень, раз орал, так уж не шепотом. Ладно, что с тебя спрашивать! Сядь покуда, сумку соберу, да и пойдем. Сюз, налей мальчонке кваса, ишь, упыхался по жаре.

— Уже, — я поставила перед Ронни кружку, спросила: — Почему один пришел?

— Дорогу знаю, — презрительно отозвался мелкий. — Уфффф... вкусный квас, у мамки хуже выходит. Сюз, дай еще, а?

Я зачерпнула еще кваса.

— Держи. И слушай меня внимательно, Рон. Что ты дорогу знаешь аж до самого замка, никто и не сомневается. Только в лесу плохо, понял? Уж не знаю, чего там господин маг наворожил, а никуда эти твари не делись, запомни сам и другим передай. Лучше бы в лес вообще не соваться, но... — без лесу что деревенским, что нам с бабушкой никак, и я только вздохнула. — Хотя бы поодиночке не ходите. Сожрут.

— Я там скажу, — бабушка уже собрала сумку и слышала мои последние слова. — Ты, Сюз, если я до захода не вернусь, не волнуйся — значит, у них на ночь осталась. Закрывайся тогда и спи. Я там тебе мяты заварила, от дурных снов нашептала, настоится к ночи, попей.

Я покосилась на мелкого, вздохнула:

— Что, снова кричала?

— И кричала, и стонала... опять не помнишь, что снилось?

Я покачала головой. Что-то я помнила. Заслонившую луну крылатую тень, прижавшую к земле тяжесть, рвущие горло зубы. Ничего ясного. Ничего такого, чтобы понять, что творится.

— Одна не иди, — я чмокнула бабушку в щеку. — Пусть проводит кто.

Бабуля насмешливо щелкнула меня по носу: мол, яйца курицу не учат. И ушла. А неясная тревога осталась.

Серый ткнулся мокрым носом в ладонь: тоже хотел в деревню.

— Беги, — сказала я. — Охраняй там нашу бабушку, понял?

Шершавый язык проехался по моей руке: *понял, хозяйка!* Серый вильнул хвостом и припустил вслед. Скоро догонит. Надеюсь, бабуля не будет очень уж сильно ругаться.

Я хлебнула кваску, поглядела на огород: давно прополки просит. Взяла берестяной

туесок и пошла в лес — по землянику. До моей любимой поляны деревенские нынче не ходят; не пропадать же добру! Страху вблизи я не чуяла, лесное зверье спокойно паслось, охотилось, кормило и учило детенышей. Самый обычный летний денек, жаркий и томный. А Ореховый ручей от нас далеко.

Туесок наполнился быстро, хоть и собирала я — горсть туда, две в рот. Самые земляничные деньки... Завтра еще приду, решила я. Вволю наевшись сладкой лесной ягоды, я разомлела, на душе стало легко и безоблачно, как будто зло и впрямь ушло, а то и вовсе не приходило — а так, почудилось. Приснилось.

Я сделала шаг с поляны и остановилась. Та волна паники, что мчится сейчас по лесу, уж точно не чудится мне и не снится! Бежать? Или лучше переждать на месте? Вроде мимо идет... не пойму...

Я прижалась спиной к бугристому столетнему дубу, закрыла глаза. Прислушалась — и отлегло от сердца. Эта паника мне знакома. Так шугается зверье, когда по лесу скачут всадники с собаками. Ладно, подождем. И лучше здесь: у всадника в лесу не очень хороший обзор, нечего мельтешить да под копыта соваться.

Эй, Сьюз, спохватилась я через несколько мгновений, а почему собак не слышно?

По хребту побежал колючий холод. В голову полезли страшные сказки — про дикую охоту, волков-оборотней, злобных лесных духов. Тут же вспомнился и призрачный болотный пес — родовое проклятие какого-то барона, одного из тех, по землям которых мы проходили с бабушкой до того, как осесть здесь. Надо же, двух лет мне не было, а запомнила трактирные пересуды! Да в них, небось, правды на ломаный грош нет... Я зашептала молитву Звериной матери: охрани, Великая! Укрой от злобы лютой, хищной! Защити!

Могучий черный жеребец выметнулся, ломая ветви, из чащи. Одним взглядом я охватила огромные копыта, мощную грудь, крутую шею, зло прижатые уши... вороной всхрапнул, когда твердая рука хозяина осадила его, заставив, как вкопанного, застыть на месте. Охотник в зеленом камзоле, потертых замшевых штанах и порыжелых от конского пота сапогах небрежно спрыгнул наземь. Шагнул ко мне. Я невольно всхлипнула: облегчение накатило слишком уж резко, ослабило колени не хуже давешней паники.

Анегард.

Никаких лесных духов и призрачных псов, никаких волков-оборотней — всего лишь молодой барон. У седла — короткое охотничье копьецо, за спиной — легкий самострел, на поясе — длинный кинжал. За пояс заткнуты потертые замшевые перчатки. Темные волосы спутаны, на щеке едва подсохшая царапина. Вольно ж ему галопом по лесу скакать! Совсем шалый, коня бы хоть пожалел! И на то похоже, что один, без спутников. Верно, видать, его милость Эстегард ругает сына за горячность.

— Ты, — Анегард прищурился, оглядел меня так пристально, как, наверное, на войне вражьих лазутчиков оглядывают. Но тут лицо его прояснилось: — Я тебя видел в деревне. Ты лекаркина внучка, да? Как тебя... Сьюз?

Я молча кивнула.

— Почему по лесу одна ходишь? — спросил он. В точности, как я — мелкого Ронни. — Опасно сейчас одной. Да еще, — молодой барон чуть заметно улыбнулся, — такой красивой девице.

Так, вот только этого мне не хватало!

Черный с рыжими подпалинами пес шумно обнюхал мои ноги; подбежал второй, третий. Я прижала к груди туесок, коснулась чуть заметно их сознания: злобы нет, только

щеньячье любопытство.

— Господин, — вопрос сам прыгнул на язык, — а почему собаки не лаяли?

— Так я молчать приказал, — усмехнулся Анегард. — Молодь это, только начал натаскивать. Лаять они должны, когда на след встанут. Попусту брехать — это и для деревенских шавок не дело, а уж для охотничьей своры...

Пес вскинулся на задние лапы, черный нос смешно зашевелился, обнюхивая туесок. Что, тоже землянику любишь, чуть не спросила я. Удержалась: еще не хватало с господской сворой фамиллярничать! Но чуткий пес завилял хвостом: хватило и тени от доброй мысли. Ишь, каков... охотничек!

— Господин, а... можно погладить?

— Валяй, — ухмыльнулся Анегард.

Я осторожно протянула раскрытую ладонь, шепнула:

— Знакомиться будем, псень?

Пес понюхал, прошелся по ладони шершавым языком. Я погладила лобастую голову, почесала за ухом.

— Умеешь, — Анегард одобрительно кивнул, — молодец. Вот что, Сьюз, — молодой барон зачем-то оглянулся назад, погладил морду вороного, — давай-ка я тебя до дома довезу.

— Да я сама...

— Не спорь! Бабка твоя не в лесу хоть?

— Н-нет, — до меня начало доходить, что не ухаживаниями тут пахнет: Анегард встревожен неподдельно, да и конь его явно был не так давно напуган. — В деревне бабушка.

Молодой барон одним движением взмыл в седло, протянул мне руку:

— Хватайся, подсажу.

Миг — и я сидела боком перед ним, неловко привалившись к широкой груди, обтянутой зеленым сукном охотничьего камзола. Никогда я не видела Анегарда так близко. Глаза его и впрямь оказались цвета зимнего хмурого неба, и сам он тоже хмурился.

— Не ходи больше одна, — сказал, тронув жеребца. — Не нравится мне в лесу, с той самой ночи не нравится. Не знаю, что там Курж наворожил, а только ничего не изменилось.

Вороной вышел на тропу, собачья молодь, оставленная хозяином без внимания, носилась кругами вокруг. Лес был светел, пронизанный полуденными лучами, и не верилось, что где-то в нем таится зло.

— Что ж это, господин, — не выдержала я, — так и будем теперь? Незнамо чего бояться? В лес носа не высовывать? Разве ж это жизнь, а?!

Молодой барон скрипнул зубами. Пообещал твердо:

— Разберемся. Чертогом богов клянусь, на нашей земле злу не бывать. Иначе какие мы вам защитники?

Я подняла голову, посмотрела Анегарду в лицо. Я здесь выросла, я привыкла... нет, не привыкла даже, а просто знала, твердо знала: барон защищает свои земли и своих крестьян, потому что иначе и быть не может. Ему так честь велит. Вспомнилось вдруг, что рассказывали люди о соседнем баронстве, том, что лежит меж славным городом Оверте и королевскими заповедными лесами. Что его милость барон Вилант, господин тех земель, может, охотясь, почем зря вытоптать крестьянские посевы, а одинокой девице вроде меня лучше не попадаться ему на пути: сочтет такой же славной добычей, как оленя или кабана, и согласия спрашивать не станет. Нет, нам с господами повезло!

Анегард поймал мой взгляд, улыбнулся — явно через силу. Повторил:

— Клянусь. Веришь, Сьюз?

— Верю, господин, — ответила я.

Совсем скоро показался наш дом. Анегард хмуро оглядел заменявшую ограду коновязь, широкие окна — одно, то, что в комнате, было распахнуто, — колодец в десятке шагов от задней двери. Спросил:

— И что, вы тут одни? Даже собаки нет?!

— Есть собака, — сказала я. — Серый. Хороший кобель, умный. С бабушкой в деревню побежал.

— Весело, — пробормотал себе под нос Анегард. Ссадил меня наземь, прыгнул сам. — В дом пригласишь, прелестная хозяйка?

Сердце толкнулось в груди — будто выпрыгнуть захотело.

— Заходите, ваша милость...

Молодой барон хлопнул ладонью по двери, оглядел небольшую прихожую, просторную кухню. Открыл заднюю дверь, несколько мгновений рассматривал не то поляну, не то колодец. Снова пробормотал:

— Весело...

Прошел в комнату, выглянул в окно. Качнул туда-сюда прислоненный к стене ставень. Повернулся ко мне — и следа давешней вымученной улыбки в лице не осталось, зато злость явно была неподдельной. Я догадывалась, конечно, что сейчас услышу. И не ошиблась.

— Да вы тут с ума посходили, что ты, что бабка твоя! В доме никого, окна нараспашку, двери не заперты, и даже собаки нет! А ночью — тоже все открыто, добро пожаловать, зверье да нечисть, приятного вам аппетита? Вы ж лекарки, не клуши деревенские, должны понимать! Бабка да девка, одни в лесу! Как вас до сих пор не сожрали?

Я заметила вдруг, что так и держу туесок с земляникой в руках. Поставила на лавку, пожала плечами. Спросила:

— Квасу хотите, господин?

— Че-его?!

— Квасу. У нас хороший, на травах.

Анегард, не дослушав, махнул рукой:

— Давай. Дура девка, я ей, как живой остаться, а она мне — квасу.

Сел к столу — так, чтоб не выпускать из виду дверь и окно. Я поставила перед ним кружку и замерла, вдруг ухватив то на его лице, чего не заметила в лесу.

Тень бесконечной усталости. Темные круги под глазами — и красные жилки бессонницы в глазах.

— Вам надо отдохнуть, господин.

— Я и отдыхаю. — Анегард взял кружку двумя руками — обхватив ладонями, как берет зимой, грея пальцы. — Посижу вот... и ты не стой, садись.

Я присела на краешек лавки. Спросила неловко:

— Может, еще чего дать? Молоко есть, с земляникой вон можно... вкусно...

— Ничего не надо. — Анегард поглядел на меня задумчиво, сказал вдруг: — Сьюз, лекаркина внучка. Ты ведь вроде на год старше меня? Тебе сколько, семнадцать?

— Уже восемнадцать, — ответила я. — На полтора, господин. Вы осенний, а я весенняя.

— Маленькая ты для восемнадцати, — покачал головой Анегард. — Да и для

семнадцать маленькая.

Я пожалала плечами: что за странные разговоры? Какая есть.

— И глупая. Я ведь серьезно про окна-двери — нельзя так. Беспечно живете. Ты пойми, Сьюз, — что с вами случится, других лекарок ближе Оверте нет. Вы нам здесь живыми нужны.

— Я понимаю, господин. Мы привыкли просто. Сколько себя помню, всегда здесь бояться некого было. Люди лекарку не обижают, нечисти в этих краях не водится, а звери...

Я запнулась, не зная, как объяснить: со зверями я умела договориться. С любимыми.

— Не водилось, — поправил Анегард, не заметив заминки. — Теперь водится. Привыкли — отвыкайте.

В приоткрытую дверь просочился черный в подпалинах пес — тот самый, что вынюхивал мою землянику. Лег на пол, умильно повозил толстым хвостом-морковкой. Анегард хмыкнул, шлепнул ладонью по ноге. Пес подбежал, виляя всем задом.

— Угости его, — тихо подсказал Анегард.

Я зачерпнула земляники, протянула на ладони. Псень зачавкал. Прошелся языком по опустевшей ладони, подлизал с пола упавшую ягодку. Сел, оглянулся на хозяина и уставился на меня умильным щенячьим взглядом.

— Его Рэнси звать, — сообщил Анегард, все еще баюкая почти полную кружку: — У тебя останется. Дарю.

— Но, господин...

Молодой барон взглянул на меня так, что возражения приморозились к языку. Матерь звериная, да что ж это творится?! Породистый кобель хороших кровей — а у нашего барона псы знатные! — стоит не дешевле такого коня, как Рольфов Огонек. И за что мне такие подарки, за красивые глаза или за кружку кваса? Анегарда, конечно, в скупости никто еще не обвинял, но даже тех наших девчат, которые за счастье считали прогуляться с ним до сеновала, он так не одаривал!

— Не спорь. И дурного не думай. — Ишь ты, словно мысли мои прочитал! — Не делс бабке да девчонке совсем без защиты, а стражу к вам поселить — разговоров не оберешься, сами ведь и откажетесь.

— Откажемся, — кивнула я.

— Вот то-то. Рэнси охранять уже обучен, ты с ним поладила, значит, так тому и быть. А кто чего сболтнет по дурости, можешь ко мне отсылать, самолично мозги вправлю.

Кривая ухмылка молодого барона не сулила предполагаемому болтуну ничего доброго. Я пробормотала «спасибо», все еще пребывая в некоторой оторопи. Рэнси просительно твякнул, я зачерпнула земляники. Подумала: да тебя, дружочек, хоть пастись выводи! Псень умял ягоды и заколотил хвостом по бокам. А барон сказал мрачно:

— Но ты, Сьюз, и с ним по лесу лишнего не болтайся. И вот что, — явственнс поколебавшись, Анегард вытянул из-за пояса замшевую перчатку. — На, спрячь. Если что случится такое, что помощь нужна будет, дай ему да вели хозяину отнести. Он дорогу найдет, а я пойму, что здесь у вас неладно.

Я взяла, уже совсем ничего не понимая. Вот уж честь лекаркиной внучке! С чего бы?..

Рэнси насторожился, заворчал. Рука молодого барона метнулась к поясу — к кинжалу. А я даже не сообразила сказать, что это бабушка возвращается. Вертела в руках мягкую, явно не новую перчатку, и думала, что ответить...

Только услышав горловой рык Серого, опомнилась. Крикнула:

— Свои, не бойтесь! Серый, цыц!

Анегард встал. Кажется, его ладонь так и сжимала рукоять кинжала — пока не вошла бабушка. Лишь тогда его лицо смягчилось, и молодой барон, поздоровавшись, как подобает, с хозяйкой дома, снова сел.

Между тем Серый и не думал униматься. Стоял на пороге и рычал, вздыбив загривок. И Рэнси, даром что щеня против матерого кобеля, уступать не хотел. Стал передо мной, оскалив зубы, всем видом показывая: *не пройдешь!* Одно слово, благородный!

— Будем знакомить. — Анегард вздохнул чуть заметно. — Рэнси... Серый...

Мне показалось — молодой барон *сказал*. Так, как говорю я — выйдя на миг туда, где правит миром живых тварей Звериная мать. А может, это я истолковала в понятном мне образе его умение собачника, не один псиный выводок обучившего и натаскавшего. Как бы то ни было, оба кобеля успокоились и обнюхали друг друга уже по-приятельски.

Анегард ухмыльнулся:

— То-то.

Бабушка оглядела гостя, покачала головой:

— Нехорошо выглядишь, молодой господин. Немочь приступила иль тревога одолевает?

— Да я так, — отчего-то смутился Анегард. — Отдохнуть зашел... квасу вот попить.

И схватился за кружку.

Бабушка впилась в меня острым взглядом. Я пожала плечами. Тут молодой барон собрался, видно, с мыслями — то ли сам, то ли квас помог. Поставил опустевшую кружку, спросил:

— Что в деревне, баба Магдалена, спокойно?

— Да как сказать, — бабуля села напротив Анегарда, подперла голову рукой. Ответила медленно, словно сама с собою рассуждая: — Вроде на первый взгляд тихо. Мужики уж посмеиваться начали: сдуру, мол, тогда перетрусили... бабы детишек запирать бросили, только что поодиночке ходить не велели, да ведь малые и так вечно стайками.

Я слышала в бабушкином голосе странную неуверенность; услышал ее и Анегард. Спросил, насторожившись:

— Что же не так?

Бабуля задумчиво почесала кончик носа.

— А вот Гвендин малый, к которому звали меня, он и не так. Гвенда решила, животик у малыша пучит, да только не в животике дело. Беспокойство его наведенное, извне воспринятое. Оно конечно, до храмового дня судить рано: боги младенца не видели, покровитель ему не назван, для любой хвори дитя уязвимо. А вот не хворь у него, хоть режьте — не хворь! На что похоже: всю ночь воплями заходился, не умолкал, а как утро — уснул себе, и хоть бы хны!

Анегард потер лоб. Спросил:

— Только эту ночь? А раньше?

— Дитю боговорота нет, — объяснила бабушка. — На Хранителя стад родился.

— И вокруг тихо? Псы не выли, скотина не билась?

— Покой и благолепие, — вовсе даже не благолепным голосом сообщила бабуля.

Ткнувшийся в ладонь холодный нос вывел меня из задумчивости. Так ты всю мою землянику схрумкаешь, подумала я. Рассеянно почесала псенья за ухом, погладила крутой лоб. Тяжелая голова легла ко мне на колени, всего через несколько мгновений рядом плюхнулась толстая лапа. Рэнси блаженно вздохнул. Ах ты ж подлиза!..

— Вот что, — сказал Анегард, — ты, баба Магдалена, туда сейчас вернись. Отдохнешь, и я тебя отвезу. Посиди там ночь, глянь сама, что да как. А назавтра мне расскажешь. Странно это все...

Взгляды бабушки и молодого барона столкнулись вдруг — и скрестились на мне. Показалось, даже воздух в доме заискрился. Эй, чуть не ляпнула я, что это вы оба себе вообразили?! Но тут Анегард усмехнулся, покачал головой:

— Нет, глупость это. Если правильно я думаю, нельзя Сьюз одной ночевать. Придется мне самому.

Прозвучало так, будто молодой барон ответил разом и на свои же слова, и на бабулины мысли. Меня даже ревность кольнула: обидным показалось, что моя бабушка и чужой парень вот так, с одного взгляда, друг друга поняли.

— Вдвоем сходим, — буркнула я. — Гвенда только рада будет.

— И отвезить никого не надо, — добавила бабуля. — Что там делать добрых полдня? Вечеру соберемся да пешочком и дойдем.

— Можно и так, — после чуть заметной заминки согласился Анегард. — Тогда, хозяйюшки, спасибо вам за угощение, а мне пора. Заеду завтра, расскажете, как ночь пройдет.

Молодой барон встал; заметная глазу усталость опала с него, стекла, как вода с гуся. Оглядел кухню прищуренным взглядом воина, бросил резко:

— Окна позакрывайте. Еще раз такое увижу, тут же в замок вас отвезу, и сидите там за стенами.

Бабушка покивала; спросила вдруг:

— А вот скажи, молодой господин, в замке у вас все спокойно ли? Никому дурные сны не снятся?

Анегард замер на полушаге. Развернулся к бабуле — медленно, словно через силу. Выдохнул сквозь зубы. Уронил тяжело, как камень на ногу:

— Мне.

И снова они поняли что-то без слов. Бабуля не стала спрашивать, что да как. Почесала кончик носа, выудила из ларя тыковку-горлянку, налила заваренной для меня мяты. Протянула Анегарду:

— Выпьешь на ночь, господин. А завтра привези бутыль поболее, я тебе сделаю, чтоб хоть на боговорот хватило. И заварю, и нашепчу... так-то тоже не дело, вона, глаза красные, сам ровно ужас ночной.

Анегард рассмеялся, бабуля согласно хихикнула. Так и распрощались — со смехом, будто и не беда свела.

Мы с бабушкой вышли на крыльцо — проводить гостя. Смотрели, как садится он на коня, как поправляет копыцею и самострел, чтоб удобно было дотянуться. Как молча уметывают в лес братцы и сестрицы моего Рэнси.

Махнул рукой, тронул коленями бока вороного. Отдохнувший жеребец не артачился, двинул спорой рысью.

Серый, для порядка поворчав ему вслед, недовольно задрал лапу на коновязь: видно, кто-то из господских псов успел пометить.

Я невольно оглянулась: где подарочек, что поделявает? Псень, стоя передними лапами на лавке, подьедал из туюска землянику.

— Ах ты ж, зараза! — вскрикнула я.

Бабушка обернулась так резко, будто ждала увидеть в кухне волка. Охнула, схватившись

за поясницу:

— Вот так напугаешь бабу, Сьюз, и... а это еще что?!

— Это Рэнси, — вздохнула я. — Подарил вот... подарочек. — Наткнулась на острый бабулин взгляд и заторопилась, чувствуя, как полыхают щеки: — Бабуль, да ты не думай! Я сама не знаю, что на него нашло, честное слово, всеми богами клянусь! Вот взял и подарил! Сидите, говорит, одни посреди леса, совсем без охраны, не дело... знаешь, как ругался?!

— Не дело честной девушке принимать подарки от господина, да еще такие!

— Ага, попробовала бы ты отказаться! Так посмотрел... думала, прибьет на месте. И ничего, сказал, дурного не думай, просто в лесу плохо, а кто чего скажет, ко мне отсылай. — Я помолчала и добавила тихо: — А в лесу ведь и правда плохо, сама знаешь...

— А земляника? — желчно спросила моя остроглазая бабуля. Ах, Рэнси, Рэнси, ну что уж тебе было всю ее доесть!

— Ну... тут ведь недалеко. И спокойно было, я послушала...

— Сьюз!

Когда бабуля говорит вот таким вот железным голосом, лучше поскорее умолкнуть. Я и умолкла. Достала с полки чистую глиняную миску, поставила на пол, вывалила туда остатки земляники. *Сказала Рэнси: Твое!*

— Я думала, ты умная девушка, — выговаривала между тем бабуля. — Я думала, тебя можно оставлять без присмотра. И хватило же ума... Сама ведь ночами криком кричишь, знаешь ведь сама, что в лесу неладно! И куда тебя бесы понесли? А если б, не ровен час, и впрямь сожрали?

— Кто? — не выдержала я.

— Знали б, кто, спокойно бы жили, — отрезала бабуля. — А то ишь, невесть какая нечисть в лесу хозяйнует, а ей все трын-трава! Она у нас всякой ерунды не боится, она, понимаете ли, если уж захочет земляники, то никакой ночной кошмар ее не остановит! Правильно, Сьюз, так и надо! Если в следующий раз тебя съедят...

— Да ладно, ба, — я обняла бабушку, чмокнула в щеку, усадила к столу. — Перестань. Все обошлось, и я больше не буду, вот. Как твоя поясница? Растереть?

Рэнси доел землянику и теперь задумчиво жевал бабулин фартук.

Гвенда нам и правда обрадовалась. Особенно когда узнала, что мы собираемся просидеть ночь с ее малым. Вздохнула:

— Хоть выплюсь!

— Ей тоже постели, — бабуля мотнула головой в мою сторону.

Я хотела было возразить, но бабушка — и откуда она всегда знает то, что я только собираюсь сказать?! — осадила:

— Не спорь, Сьюз! Я знаю, что говорю.

И объяснила, когда Гвенда убежала собирать ужин:

— Ты, Сьюз, будешь спать. Или хоть дремать. А я гляну... сдается мне, девонька, что одно и то же вам с малым снится.

Девонькой бабушка меня звала редко. Только когда очень за меня боялась.

— Чего ты, ба? — тихо спросила я. — Все ведь хорошо?

Бабушка только головой покачала.

Тут прибежал мелкий Ронни, увидел Рэнси, и глаза его полезли на лоб.

— Чего тарацишься, — усмехнулась я, — никогда баронских гончих не видел?

— А откуда он у тебя? — хитро спросил мелкий.

— Много будешь знать, судейским станешь.

Ронни презрительно фыркнул. Ох, пойдут по деревне пересуды, уже завтра пойдут! Захныкал за перегородкой малой. Тут же появилась Гвенда, сказала чуть виновато:

— Кормить пора.

— Так корми, — в голосе бабушки отчетливо послышалось: "мне, что ли, тебя учить?".

Пока Гвенда возилась с сынишкой, пока ужинали, пока Чарри, хозяин дома, неторопливо рассуждал о видах на урожай, а Ронни пытался угостить Рэнси корочкой (псень смотрел жалобно, однако без моего разрешения не брал), — вечер перетек в ночь. За окнами установилась сонная тишина, нарушаемая лишь далеким криком "обманщика пастухов" козодоя да редким взлаиванием собак.

Ронни убежал спать на сеновал. Чарри увел, приобняв, смутившуюся Гвенду.

— Ты смотри, не балуй, — кинула вслед бабуля.

— Да что ж я, не понимаю, — усмехнулся тот.

И мы остались одни с малым.

Безмянный пока мальчишечка, рожденный в день Хранителя стад, сыто посапывал в старой, помнящей его отца и деда дубовой зыбке. Вековой дуб, дерево силы, мужества и долголетия, сохранит малыша от зла; но все же до первого своего храмового дня, без божественного покровительства, дитя уязвимо. Я смотрела на щекастое розовое личико и думала: неужели он тоже, как я и Анегард, видит сны, полные страха и смерти? Бабушка редко ошибается. И если так, если и в этот раз она не ошиблась, значит, у меня, у Анегарда, у этого малыша нет защиты перед неведомым злом?

Холодный озноб пробежал вдоль спины. Я передернулась. Рэнси, как почуял, ткнулся в ладонь мокрым носом. Анегардов псень от меня не отходил. Щедро накормленный, он был благодушен, однако я ощущала исходящую от него привычную настороженность. С такой охраной и впрямь спокойней.

— Ложись, — сказала бабушка. — Только вот глотни сначала.

— Что это? — я качнула тыковку-горлянку; в ее утробе плеснуло незнакомое мне зелье. Защекотал ноздри терпкий запах, кольнуло недовольство: я-то думала, бабулину науку всю уже переняла, ан, выходит, нет!

— Это чтоб спать. Выпей, Сьюз.

Я пожала плечами. "Чтоб спать", мне до сих пор хватало нашепченной мяты, но если бабуля решила дать что-то посильнее — ей лучше знать. Не забыть только расспросить, как домой вернемся...

Вкус зелья оказался горек — едва не выплюнула. Зажав нос, сглотнула судорожно. И провалилась в сон, как в глубокую черную яму с отвесными стенами. Захочешь — не выберешься.

Все там, во сне, было как обычно — но четче и ярче. И намного, намного страшнее. Я бежала в панике, а полная луна предательски швыряла на тропу дрожащую изломанную тень, и сердце мое выпрыгивало из груди. Я зайчиком забивалась под куст, из последних сил сдерживая крик; мнилось, еще миг — и увижу *тех*, пришедших в наш лес, увижу, узнаю и пойму, как спастись от них. Но упавшая с неба черная тварь прижимала к земле и рвала горло, и не было спасения.

Кажется, я кричала. Кажется, я бормотала сама себе, тщаь проснуться: Сьюз, милая, это всего лишь филин поймал зайчика! Но ужас не отпускал, а гладкие черные стены не

давали выбраться. Сон держал меня, и убивал раз за разом, и снова, снова, снова пыталась я разглядеть убийц... тщетно!

Проснулась я взмокшая от пота, истерзанная, слабая, будто и вправду умерла пару десятков раз за одну эту ночь. Бабушка смотрела жалостливо и... виновато?

— Чего ты, бабуль? — спросила я.

— Ничего, — покачала головой бабушка. — Ничего, девонька. Ступай умойся, завтрак скоро.

Я встала, растерла лицо ладонями. Руки дрожали, ноги подгибались, будто и впрямь не спала, а по лесу бегала в ужасе. Малыш сыто посапывал в своей зыбке, и непохоже было, чтоб для него ночь прошла плохо. Или я просто не слышала?

— Он-то как?

Бабушка вздохнула.

— Как и ты. Как и ты, Сьюз... Гвенде я уже сказала. Если подумать, так оно и хорошо: сама знаешь, твой дар людям на пользу и тебе не во вред. Да только времена нынче тревожные.

Ничего, подумала я, завтра храмовый день, назовут мальчонке покровителя... Хранителя стад или вон Звериную мать, как у меня... стоп, это о чем?..

— погоди, — я уставилась на бабушку, — я не поняла. При чем тут мой дар? У него что, тоже?..

Новым, придиричивым взглядом я воззрилась на Гвендиного малыша. Такой... обычный! Младенец как младенец. Это что же, и я была вот такой? Качалась в березовой девчачьей зыбке — и уже видела звериные сны? Плакала от чужого страха раньше, чем научилась бояться сама?

А он — подрастет, и раньше научится понимать собак да коров, чем соседских одногодков? И всегда будет хоть и свой, да чуточку на отшибе...

Я шла из деревни, ощущая себя непривычно растерянной — и, как это ни глупо, чужой. Даже бабушке — чужой, что уж говорить о деревенских. Когда-то давно я спросила у бабушки, был ли у моей мамы тот же дар, что у меня, дар Звериной матери. Бабушка ответила — нет. До сих пор я не знала никого с этим даром. И вот — Гвендин малыш. Не мне ли придется лет через пять-шесть объяснять ему, что к чему? Мне никто не объяснял.

Почему-то хотелось плакать. Рэнси, как чуял, крутился рядом, повизгивал, то тыкался носом в ладонь, то прихватывал зубами край юбки. Щеня игривое, даром что Серого на ладонь в холке выше.

И дома все валилось из рук. Бабушка поглядывала искоса, не говорила ничего. Она всегда знала, когда лучше обнять меня и утешить, а когда — разрешить побыть одной в своих мыслях. Вот только сейчас мне плохо было одной. Мне нужен был рядом такой же, как я. Чтобы тоже знал этот страх — но умел прогнать его. Чтобы не было так бесконечно одиноко, чтобы, закрывая глаза, не ждать с ужасом темных снов о чужой смерти. Вольно ж тебе, Сьюз, мечтать о несбыточном...

Всплеск ужаса ударил внезапно; разжались ослабшие пальцы, миска с кашей упала на пол, раскололась надвое. Преодолев мгновение оторопи, я метнулась к окну — открытому, ох, правильно Анегард ругал нас за беспечность! Так, ну и что стряслось? За окном все тихо и спокойно, обычный летний денек, Серый дремлет в тени колодца, Злыдня, зараза, объедает завязи с нижней ветки старой яблони. Как это бабуля выражалась — покой и благолепие?

И только мне слышный смертный ужас.

Заполошное кудахтанье указало направление — и подсказало отгадку. Бесов сын хорек! За хвост и об стену! Предупреждала куроцапа!..

Злая, как дюжина бесов, я ворвалась в курятник. Отмахнулась от вихрящихся перед лицом перьев, проморгалась, всмотрелась. И увидела совсем не то, что ожидала. Нахально не обращая внимания на птичий переполох, куроцап тащил в зубах жирную черную крысу.

Я прислонилась к косяку и расхохоталась. Выдавила сквозь смех:

— Да ты, выходит, полезный постоялец!

Хорек встряхнул добычу, словно понял мою похвалу. Я опустила на корточки, поймала взгляд черных глазенок. Осторожно, одним пальцем, погладила золотисто-бурую шерстку. *Оставайся и живи, охотник.*

И, успокоив дур-несушек, пошла в дом. Закрывать окна, бесы бы их побрали вместе с неизвестной нежитью, Куржевой ворожкой и Анегардовыми выволочками.

Рэнси, аккуратно обходя осколки, подьедал с пола кашу. Бабушка, не обращая внимания на это безобразие, хлопотала у печки. Здесь мне хорошо, меня любят, а дар... ну что дар, вон, тем же магам наверняка тяжелее приходится, и ничего, живут и радуются жизни. Утренняя тоска махнула крысиным хвостом и шмыгнула в тень.

— Бабуль, — спросила я, наложив себе каши, — а что это было, ночью? И зелье незнакомое, ты мне такого не показывала.

— Сны помнишь? — вопросом на вопрос отозвалась бабушка.

Я вздрогнула. Бабушка кивнула:

— Помнишь. Для того и затевалось. Ты прости, девонька... Отвар-то и впрямь, чтоб спала, но еще — для яркости снов, а наговор на нем — чтоб не забылись те сны поутру, не развеялись вместе с тьмою ночной. Вот приедет молодой барон, да попробуем разобраться вместе, что снится вам...

— Ты что, — едва не подавилась я, — ему тоже *такого* дала?!

— Нет, — бабуля хмыкнула чуть слышно, — зачем? Он своей земле хозяин и защитник, это посильнее наговоров будет. Ты лицо его вспомни — небось ни одной ночи с тех пор не спал спокойно...

А и верно, вид у Анегарда... ой, спохватилась я, а сама-то? После такой ночи...

Каша не полезла в горло. Я бросила ложку, вскочила. Заглянула в ведро с водой, ловя смутное отражение.

О-ёй... бледная, как поганка... и страшная, наверное, как мертвяк!

— Сюз! — бабуля смотрела сердито. — Не дури! Перед кем прихорашиваться собралась? Сама вчера говорила...

Я едва сдержала слезы: если парень не для тебя, разве это повод показываться ему уродиной? Повернулась ответить, но тут радостно залаял Рэнси, завилял хвостом.

— Эгей, дома ли хозяйюшки?

Я закусила губу и убежала к себе. Хоть успокоиться.

Когда вышла, Анегард сидел за столом, снова, как и вчера, баюкая в руках кружку с квасом. Мою недоеденную кашу бабушка убрала — что ж, и на том спасибо! Они замолчали при моем появлении, и я спросила едко:

— Не помешаю?

— Тебя ждем, — коротко ответил Анегард. Бабушка сердито поджала губы.

Ладно, сказала я себе, бабуля права: все равно он на тебя и не смотрит. И хорошо. А то

ишь, возомнила...

Я и села не напротив — чуть сбоку. Он — воин! — отслеживал окно и двери, вот и прикинула, где под взгляд не попадусь. Не больно-то и хотелось!

— Рассказывай, — велела бабушка, — что из снов помнишь.

Я пожала плечами. Ответила коротко:

— Смерть.

— Верно, — кивнул Анегард. И добавил: — Незнакомая.

Я невольно потеряла шею; и, прежде чем поняла, почему, молодой барон кивнул:

— Горло рвут, да. Неизвестный нам хищник, летающий, пикирует на жертву сверху, валит на землю и рвет горло. Причем это не птица, потому что зубы.

— И тяжелый, — вырвалось у меня.

— Да, — согласился Анегард, — крупный. Примерно с человека, с мужчину. Но кто это может быть... что скажете, баба Магдалена?

— Никогда о таком не слыхала, — призналась бабуля. — Оборотни если, так не летают они, да и байки это пустые, оборотни. Кто их видел, кроме пьяни подзаборной?

— Мэтр Курж видел, — голос Анегарда прозвучал не слишком уверенно, словно и сам он верил городскому магу не больше, чем трактирному забулдыге. Бабушка буркнула что-то себе под нос — наверняка весьма нелестное.

— Но о летающих и мэтр Курж, кажется, не знает, — помолчав, добавил Анегард. — Вот разве съездить в Оверте и городского архивариуса расспросить? Пусть в старых бумагах пороется, вдруг чего нарост...

Бабуля покачала головой:

— Вряд ли. Люди бы помнили. Память людская — она лживая, но крепкая. Баян бы наплели, переврали бы несусветно, но что есть на свете такая дрянь — помнили бы.

— Ладно, — вздохнул Анегард. — Отцу расскажу, пусть решает. Спасибо, баба Магдалена. И тебе, Сьюз.

Молодой барон уехал, а мы долго еще молчали. Разговор всколыхнул пережитый ночью ужас, мне снова было страшно, и Рэнси поскуливал, чуя мой страх.

— А ведь соврала я, — сказала вдруг бабуля. — Есть про таких — байка не байка, легенда не легенда, не пойми что, но есть. Не любят ее, правда, в наших краях, так просто не вспоминают. Будто давным-давно один безумный маг захотел потягаться с Прядильщицей и отобрать у нее власть над смертью.

— Ну?..

— Ну и отобрал. Стал не то нежитью, не то несмертью, а плата за его не-жизнь-не-смерть была — чужая кровь. Вот и летал с учениками своими вместе... охотился. И до сих пор где-то летает.

— Так надо ж Анегарду рассказать?!

— Не надо пока, — оборвала меня бабуля. — Не к добру их поминать. Может, так обойдется.

— Пока что не обходится, — я поймала себя на том, что снова тру горло.

Следующий день был храмовый. Наша деревенька слишком мала, чтобы в ней прокормился хотя бы храмовый служка, не говоря уж о храмовнике полного посвящения, так что у нас тут нестрого. У нас и храм-то — не храм, а так: круг простых каменных алтарей на поляне за деревней, ни мрамора с позолотой, как в столице, ни даже крыши-навеса, как в

Оверте. Кому чего надо — сам возносит жертву и положенную к случаю молитву, и на том успокаивается. Но дети рождаются все-таки не каждый боговорот, да хоть бы и каждый — им здесь жить. Так что посмотреть, кто станет покровителем малышу Гвенды, пришли многие. И мы с бабулей тоже, а как иначе?

В праздничной полосатой юбке и расшитой знаками богокруга выбеленной рубашке, с распущенными волосами — почти до колен! — Гвенда оказалась такой красавицей, что и богам впору. Совсем непохожая на простую селянку, что угощала нас ужином, жаловалась на неслуха Ронни и кивала рассуждениям мужа о видах на урожай. Словно все земное, суетное и маятное, было всего лишь лягушачьей шкуркой, сброшенной в единый миг. Малыш спал у нее на руках, взволнованный Чарри поддерживал жену под локоть. За ними шли свидетели: бабка Грета и кузнец. А уж позади валил прочий люд.

Говорят, в настоящих храмах, где каждому богу служит свой посвященный, для любого случая заведен особый порядок. Но мы здесь обходим алтари, соображаясь с собственным пониманием. Ясно ведь безо всяких посвященных, что при обручении надо восславить Звездную деву, на свадьбе — задобрить Хранителя стад и Жницу, а, провожая умершего, поклониться Старухе-прядильщице. Ребенка же, только пришедшего в людской мир, прежде всего показывают Великому отцу, хранителю верхнего мира и господину над всеми прочими богами, кроме Прядильщицы, хозяйки судьбы и смерти. Перед его алтарем впервые произносят вслух назначенное ребенку имя. И так же, как родители дают дитю жизнь, так Отец и Старуха решают, продолжится ли этой жизни в людском мире или отправиться сразу в мир верхний или нижний.

Поэтому я понимала волнение Чарри, когда он, взяв из рук жены новорожденного сына, положил его на алтарь Великого отца, отступил на шаг и сказал:

— Я прошу благословения и покровительства для своего сына Кевина.

Понимала и страх Гвенды, когда она чуть дрожащим голосом повторила за мужем ритуальные слова.

Ребенок лежал тихо, уже не спал, но и не хныкал. Тишина сгустилась над храмом — и прервалась общим вздохом, когда упавший с небес луч обвел малыша сиянием и угас. Благословение получено.

Чарри взял малыша, передал Гвенде: следующим в кругу стоит алтарь Прядильщицы, с богиней первой должна говорить женщина. Три шага, и руки матери опускают дитя на грубый черный камень.

— Я прошу благословения и покровительства для своего сына Кевина.

Теперь уже Чарри повторил за женой. Я заметила, как Гвенда сжала его руку. Мне на ее месте тоже было бы страшно сейчас. А ну как хозяйка подземного мира сама, в зримом обличье, появится, чтобы заявить права на младенца?

Но нет: вокруг голенького тельца лишь сгустилась на мгновение непроглядная тьма — и растаяла, унеся страх. Долго ли, коротко, гладко или коряво — Старуха не отказала малышу в земной судьбе.

Гвенда поклонилась, прежде чем взять сына с алтаря Прядильщицы.

Малыша благословили на земную жизнь, и боязливая тишина сменилась веселым ожиданием. Не все ли равно, по большому счету, кто именно будет назван покровителем ребенка? Кто их видел, этих покровителей? Некоторым они и впрямь помогают — как мне Звериная мать, — но куда чаще знать своего бога лишь затем и нужно, чтобы не путаться, к какому алтарю ходить по храмовым дням. Зато после обряда счастливые родители

выставят угощение, а праздник — всегда праздник.

Поэтому событие заметили не все. Но я видела, как у предпоследнего алтаря сгустилась из воздуха светлая фигура с сияющим клинком. Как огненный меч коснулся плеча ребенка, ставя печать — настоящую, зримую печать бога, какая есть хорошо если у одного из тысячи!

Бросил короткий взгляд на оторопевших Чарри и Гвенду, кивнул — и растаял.

Замерли, кто видел. Заозирались, кто проглядел. Четверо у алтаря — родители и свидетели — будто вовсе окаменели. В нашей деревеньке — избранник Воина! В прежние времена такого ребенка сразу взял бы на воспитание местный барон, да не абы как, родным бы сыном вырастил: честь великая. Теперь же... хотя, почему мы знаем, что теперь? Не слыхала я, чтобы у простых людей избранники богов рождались. Только в старых легендах, которым и не знаешь, верить ли.

Теперь уже Чарри поклонился, прежде чем взять сына, — низко, до земли. Подошел к последнему алтарю, едва не забыл передать дитя Гвенде — хорошо, бабка Грета толкнула в бок. Последний алтарь принадлежал Звездной деве.

Да уж, думала я мгновением спустя, этот день у нас забудут нескоро! Юная богиня любви, дева, слепленная из света звезд, не показывается в храмах: ее внимание принадлежит лишь одному или двоим. Но ведь совсем не обязательно снисходить к людям воочию, чтобы явить свою волю.

Всего лишь упала звезда — и рядом с печатью Воина появилась еще одна.

— Эй, сестренка, — услышала я, — что это ты делаешь? Я первый успел, он мой!

— Твой, твой! — отозвался смеющийся голос. — Он-то твой, не спорю, но его любовь — моя!

Или показалось? Я оглянулась на бабушку, вгляделась в лица людей. Показалось, наверное...

* * *

Ронни пропал через два дня, как раз на Воина. Пошел перед рассветом на реку, верши проверить — и не вернулся.

Тревогу подняли ближе к обеду. Обыскали все известные нашей ребятне рыбные места, все ближние земляничные поляны, заглянули и к нам с бабушкой. Ясно, что мы отправились в деревню.

С Гвендой сидели бабка Грета и Колин: денек выдался справный, кто на полях, кто на огородах, без толку судачить людям некогда. Гвенда то вскакивала, глядя в конец улицы, то начинала всхлипывать, и тогда бабка Грета гладила ее по плечу и шептала что-то успокаивающее. Проку с обеих было мало. Хорошо, Колин умеет объяснить толком...

Верши Ронни поставил с вечера, а где именно — ни его приятели, ни Гвенда с Чарри знать не знали. Нашел рыбное местечко, а уж тем более прикормил — оно твое, допытываться не принято. Мальчишка обещался вернуться быстро, помочь матери с огородом — да ведь все они, мелкие, обещать горазды, а потом заиграются и не заметят, сколько времени прошло. Так что встревожилась Гвенда не скоро. Лишь тогда спохватилась, когда пришла пора отправить сына в поле с обедом для Чарри.

Первым делом решили, что охламон сбежал на поиски приключений: хоть он и задрал нос перед остальной ребятней, что его маленького братца отметил печатью Воин, самого наверняка грызла зависть. Покровителем Ронни считался Хранитель стад — самое то для деревенского парня, и никогда раньше он не мечтал искать другую долю. Но — мало ли, что стукнет в дурную пацанячью голову? А день Воина — самый что ни на есть подходящий для любых начинаний, где нужды отвага, сила духа и прочие почти бесполезные в сельской жизни, но ценимые мальчишками качества.

Однако Гвенда сказала, что из дома не пропало даже старой тряпки, даже сухаря. Не говоря уж о том, что любимый нож Ронни как торчал в стене за поленницей, так и торчит.

— Вчера допоздна лучину колол, позабыл, видать, — растерянная Гвенда мяла в руках край полосатого фартука. — Да не убежал бы он так. Он нам помощник, ему это нравится.

Заплакал Кевин, Гвенда, всхлипнув, пробормотала:

— Кормить пора...

Я перебирала в памяти укромные места на речке, куда мальчишка из деревни может сбегать «быстро». Плавает Рон хорошо, лучше многих. Но — вода есть вода...

Колин, видно, думал о том же. Сказал, вздохнув:

— Рольфа, что ли, позову. Надо на реку идти, искать.

На реку пошли вчетвером: Колин, Рольф, я и Ронов закадычный дружок Бени. Прочих мелких трактирщик шуганул: нечего галдеть почему зря. Я, не колеблясь, свистнула с собой Рэнси: Серый всего лишь охранник, а баронский пес умеет и по следу идти, и дичь за глотку брать. Да и по сердцу мне пришелся подарок Анегарда — уж от себя стоит ли таить? Хороший псень.

Бени места знал, вел напрямик, а на вопрос Рольфа, почему утром Рон ушел один, ответил хмуро:

— Подрались мы вчера.

— Ну так и что? Как подрались, так бы и помирились.

— Да хотел я, — Бени вдруг всхлипнул, поспешно вытер нос. — Так и думал — пойдем в поле, не туда так обратно вместе подгадаю, повинюсь. Я ж его обидел-то... А тут вона как...

— Помиритесь еще, — неловко ободрил мальчишку Колин.

Тропинка нырнула в заросли ивняка, побежала вниз; мы съехали с крутого обрыва на глинистый пляжик. Чуть слышно плескалась вода, набивая к берегу пену бурой ряски, лаская ветви низко склоненной, почти уже упавшей старой ивы; ходила под ивовыми ветвями крупная рыба — у Бени аж глаза загорелись, да и Рольф, кажется, равнодушным не остался. Вздохнул, с явным трудом отведя взгляд от расходящихся по темной воде кругов:

— Пошли дальше, что ль?

Тропинка здесь разделялась: шла вдоль берега и поверху. Бени почесал в затылке и пошел низом. Скоро мы вышли еще в одну бухточку, не хуже первой. Даже Колин восхитился:

— Эк рыба-то играет!

Рэнси повертелся по берегу и дружелюбно тявкнул.

— Он был здесь, — хором сказали мы с Бени. Я — вспомнив, как Гвендин старший играл с моим псом, а Бени... Бени держал в руке сломанный, как видно, для кукана ивовый прут.

Я присела на корточки рядом с Рэнси. Потрепала между ушей, спросила:

— Найдешь, псень? Найдешь нам Ронни?

И добавила без слов, посылая псу, как смогла, образ мальчишки: *ици!*

Рэнси взвизгнул, завертелся, — и побежал по чуть заметной в густом ивняке тропке вверх.

Скоро мы выбрались на тропу, идущую над рекой поверху; и почти тут же Рэнси, гавкнув, ткнулся в кусты.

Рольф, раздвинув ветки, полез следом.

Бени схватился за мою руку, и я поняла, что боюсь. Боюсь, что Рольф, появившись снова рядом, скажет мрачно: все, нашли...

Рольф ничего не сказал. Вылез обратно на тропу озадаченный, держа в руках подранную вершу, измазанную глиной и чешуей.

— Это его! — воскликнул Бени. — Ронни! Эй, Ро-он!

— Не ори, — буркнул Рольф. — Нет его здесь. Это просто кто-то с тропы откинул.

Ици, послала я Рэнси, *ну же!*

Псень сосредоточенно нюхал ронову снасть, и похоже было, что он в недоумении. Ну же, беззвучно шептала я, пожалуйста, Рэнси, найди его...

Пес поднял голову, сделал круг. Вернулся. Снова долго нюхал. И, коротко взлаяв, потрусил по тропе — прочь от деревни.

Мы побежали следом.

Первым держался Рольф; когда вперед попытался вырваться Бени, он молча отодвинул пацана назад.

— Не лезь, — объяснила я, — мало ли...

Колин пыхтел сзади, все больше отставая. Наш трактирщик не был предназначен для бега.

Если Рон и правда отправился на поиски приключений, думала я, мы его не догоним. Полдня форы! Но Гвенда права, не мог он уйти вот так — не попрощавшись, не взяв ничего. Что же случилось? Почему след уводит от деревни прочь? И Рэнси... давешняя неуверенность пса значила больше, чем простое неумение взять остывший след. Я чувствовала это. Чужла отголоском песьего чутья, но понять, перевести на человеческий язык — не могла. И оттого мне все больше казалось, что мы ошиблись.

Но что еще могли бы мы сделать?

Тропа свернула от реки к лесу.

— На Оверте, — бросил Рольф.

Я поняла, что он хотел сказать. Если бы след вел к замку его милости — свернул бы в лес сразу. А так — мы пройдем лес и выйдем на дорогу, ведущую от замка в город. Тропа для тех, кто не хочет показывать свой товар господам здешних земель.

Холодок страха пробежал по спине. Эта часть леса считалась беспокойной. Здесь пошаливали волки; здесь же прошлой осенью его милость расправился с разбойной шайкой, без особых затей развесив грабителей по деревьям, и с тех пор, как говорили, долгими зимними ночами к волчьему вою примешивались замогильные стоны. Но сейчас летнее солнце щедро заливало лес, и Рэнси уверенно бежал вперед, и никакого беспокойства не ощущалось далеко вокруг. Я обругала себя трусихой. Помогло слабо.

Когда внезапный порыв ветра принес вкусный запах запеченной в углях рыбы, я чуть не расплакалась от радости.

Но радоваться оказалось рано.

Рэнси свернул с тропы в густой орешник; впервые я услышала от своего умильного щеня настоящее злобное рычание. Рольф, коротко ругнувшись, ломанулся следом. Крик, полный ужаса, подстегнул меня, и я сама не заметила, как оказалась на скрытой в зарослях орешника крохотной полянке.

Ронни здесь не было.

У прогоревшего костра, разложив обед на листьях лопуха, сидел какой-то бродяга. То есть сидел он, очевидно, до нашего появления. Пес опрокинул его на землю; уж не знаю, о чем думал любитель печеной рыбки, разглядывая нависшие над своим лицом огромные клыки, но вряд ли что хорошее. Он замер, прикрывая ладонями горло, и Рольф, подойдя, буркнул:

— Обделаешься — стираться не отпустим.

— За что, добрые господа? — проныл бродяга.

А ведь он не прост, подумала я. Рубаха — рвань замызганная, зато штаны почти новые, на ногах добротные сапоги, а рядом с рыбой торчит из краюхи хлеба очень даже серьезного вида нож, и хорошо, пожалуй, что до этого ножа ему никак не дотянуться. А то, небось, не ныл бы. Вон глаза какие цепкие...

— Мальчишка где? — спросил Рольф.

— Какой мальчишка?

— Который ту рыбку наловил, что ты тут жрать собрался, — зло пояснил Рольф.

— Да не знаю я никакого мальчишки! — бродяга попытался подняться; Рэнси зарычал громче. — Всеми богами клянусь, не знаю!

— Брешет, — выдал Бени.

— Брешет, — согласился Рольф. — Слышь, ты, мы ж не просто так до тебя прицепились. Пес по следу шел, так что признайся лучше добром.

Я бы на его месте призналась, подумала я. Рольф и Рэнси и поодиночке выглядят убедительно, а уж на пару...

— Да нашел я эту рыбу проклятую, — простонал бродяга, — нашел! Валялась она посреди дороги, и не было там никаких мальчишек и вообще никого! А я с голодухи помирал! Я ж снасть брать не стал, а рыба — обеднели вы с нее, что ли? Все равно протухла бы!

Проломился сквозь орешник вконец упыхавшийся Колин, спросил:

— Ну что?

— Да вот, — мрачно ответил Рольф, — брехло какое-то побродяжное. Никого не видел, ничего не знает, а рыбу на дороге подобрал.

— Так и было, всеми богами клянусь, — снова заскулил бродяга. — Я здешних мест не знаю, наугад шел... думал к жилью выйти...

Колин обвел полянку внимательным взглядом. Подошел к разложенной на лопухах рыбе, поднял ближнюю за хвост, понюхал, отщипнул кусочек. Сказал одобрительно:

— Умеет. Вот что, Рольф, я думаю, — трактирщик опустил рыбу и подобрал нож. — Надо его в замок вести. Господин барон с ним разберется лучше нас.

Рольф глянул презрительно.

— Вот есть у его милости время с каждым нищевродом возиться! Слышь, ты, признавайся лучше по-хорошему да и ступай куда шел.

— Рольф, — протянул трактирщик, — ты что? Ты на нож глянь! *Таким* нищевродом его милость не побрезгует, уж ты мне поверь!

Бродяга дернулся; похоже, только теперь он испугался по-настоящему. Я подошла к Колину. Нож как нож, острый... надо спросить, что в нем такого особенного, не сейчас только. А насчет барона трактирщик прав. На то и господин у здешних земель, чтоб судить и решать!

— Он прав, Рольф, — сказала я. — В замок надо. Сами мы Рона уже не найдем.

— Нечисто дело, — кивнул трактирщик. — Все одно к одному валится.

Рольф оценивающе оглядел нашего пленника.

— Тогда вы с Бени возвращайтесь, а мы — в замок. Как, Сьюз?

Я кивнула: Гвенда, наверное, совсем уже извелась, а Рэнси не подведет.

— Собачку придержи, — Рольф подмигнул. — А ты, отрепье, давай-ка руки за спину.

Да не дергайся лишнего, а то как бы чего ни вышло.

Я не стала отзывать Рэнси. Вместо этого подошла, ухватила «собачку» за холку и отшагнула назад. Пес глухо заворчал; бродяга неловко заворочался. Обманчиво равнодушный взгляд заметила, кажется, только я. Как и то, что бродяга перестал скулить — не с того ли мига, как Колин сказал про замок? Принято решение и больше ни к чему давить на жалость — так, что ли? Я глядела, как Рольф обматывает судорожно напряженные запястья снятой с роновых снастей бечевкой, старательно затягивает узел... а сильные у этого типа руки, под рваной рубахой не видно, а сильные... смутная тревога наконец-то оформилась во вполне внятную мысль: подозрительный бродяга понял, что в замок его поведут всего двое! При чем меня он не берет в расчет, и правильно: что девчонка против сильного мужчины? Рольф и Рэнси... он надеется вырваться дорогой. Освободиться — и уйти.

Сиди, попросила я, карауль. Хорошо карауль!

— Рольф!

— Чего?

Я развязала поясok. Сама плела, прочный... да не в том секрет, что прочный, а в том, что девичий!

— Этим вяжи.

Рольф не сдержал довольной ухмылки.

В кои веки моя тревога оказалась не напрасной: бродяга и впрямь попытался сбежать. Не сразу: почти до самой дороги он брел, понутив голову, изображая покорность судьбе. Я уж и успокоилась на его счет; гораздо больше волновало меня, успеем ли дойти до замка посветлу. Наш пленник явно не торопился предстать перед господином здешних мест: медленнее, чем он, передвигался бы разве что безногий. Мы и расслабились... то есть не знаю, как Рольф, но уж я точно не ожидала, что снулый оборванец вдруг с разворота заедет ногой Рэнси по носу, оленем перепрыгнет через поваленный давней бурей ствол и кинется прочь.

Рольф, не тратя сил на ругань, кинулся следом. Рэнси скулил; я упала рядом с ним на колени, ощупала морду. Подумала мрачно: за псенья — убью. По счастью, удар оказался не так силен: ушиб, не больше. Хотя тоже приятного мало. Его бы так, небось бы не побегал...

Я гладила скулящего пса, сама не замечая, что бормочу сквозь зубы проклятия. Рольф не появлялся.

— Давай за ними, — я встала. — *Ищи, Рэнси! Найди этого гада!*

Пес понял. Рванул, только хвост-морковка мелькнул над рыжим мхом. Я вздохнула и поплелась следом. Потерять их всех я не боялась: бродяга, Прядильщица его заberi, вовсе не

был бестелесным духом, а Рольф так и вовсе целую просеку проложил. Но путь отсюда до замка и без беготни по лесу неблизкий! Я продиралась сквозь смятый Рольфом орешник, путалась ногами в траве, потеряла косынку и чудом не изорвала юбку — так что, догнав остальных, находилась в прескверном расположении духа.

Но мне открылась такая уморительная картина, что я не выдержала. Схватилась за молодой дубочек: ноги почти не держали меня — и расхохоталась.

— Ага, смейся, — хмыкнул Рольф. — Тебя ждали, между прочим, оцени.

— Да уж, — сквозь смех выдавила я, — великий подвиг! Рэнси, отпусти придурка, он невкусный. Вечно ты тянешь в рот всякую гадость.

Бродяга оказался скользок: ума не приложу, как исхитрился, но связанные руки были уже не за спиной у него, а спереди. Но это и все, чего он добился, сбежав. Теперь он лежал, прикрывая руками горло, а Рэнси аккуратно сжимал челюсти на его запястьях. Разумеется, связанных все так же крепко — а что он думал, я просто так Рольфу поясok на это дело дала? Когда девица сама пояс плела, да с правильными словами, да с чистым сердцем, — его только она сама и развяжет. Правда, на то, чтоб такими вот поясками пленным руки вязать, никто еще, кажется, не додумался — да оно и к лучшему.

— А я лопух, — мрачно сообщил Рольф. — У него еще один нож был, в сапоге. Вот, гляди. Это я подумал: не зубами же он веревки грызть собирался?

Рэнси разжал челюсти, но отходить не спешил. Бродяга не отводил от пса напряженного взгляда.

— А этот? — острым бликом подмигнул из густого папоротника металл, я шагнула туда и нашарила еще один нож — двойник того, что показывал мне Рольф. Выронил, наверное... наверное, мой поясok он как раз этим перерезать пытался, а Рольф нашел последний... А ведь прав Колин, непростую птичку мы изловили!

Рэнси подбежал глянуть, холодный нос ткнулся мне в ладонь. Я погладила пса, шепнула мысленно: *умница ты наш!* Поглядела на небо: день клонился к вечеру, а идти нам еще... охрани, Звериная мать! Одно утешение: Ореховый в стороне остается!

Бродяга отер лоб связанными руками, откинул с глаз спутанные волосы и зло выдохнул сквозь зубы. Серые, очень светлые для таких темных волос и смуглой кожи глаза глядели пристально и недобро.

— Знаешь, Рольф, — сказала я, — мне страшно. Этому типу охрана нужна посильней, чем мы.

— Доведем, — пообещал Рольф — скорее ему, чем мне. — Доведем, а там их милости разберутся. А еще раз дернет — пусть твой пес ему что-нибудь отъест, а, Сьюз? Важное.

— Это можно, — согласилась я. — Тем более он еще растет, ему много надо. Вечно голодный.

— Добрые вы, — буркнул бродяга.

— Точно, — согласился Рольф.

Я отвечать побрезговала.

Теперь мы стали внимательней.

— Шустрей, — то и дело подгонял пленника Рольф.

— Устал я! — огрызнулся наконец тот.

Рольф хмыкнул:

— Бегать мог, значит, и идти можешь. Или тебе нужно, чтоб собачка за пятки кусала?

Бродяга выругался, да так, что у меня уши загорелись. Все больше он напоминал мне

волка, случайно угодившего в плен к овцам. Если б не Рэнси, уже бы упустили — и всем богам бы кланялись, что сами живы-целы. Теперь мы держались настороже, и наш пленник это видел, но явно не собирался сдаваться. Кто ж нам попался, думала я, что за тип такой непростой? Колин понял... Жаль, не расспросила трактирщика. Теперь оставалось только ждать подвоха.

Скоро вышли на дорогу — накатанную-наезженную, такую родную после мрачной чащобы! Я перевела дух; а вот Рольф, наоборот, напрягся. Шепнул:

— В оба гляди! Здесь точно сбежать попробует.

Рыкни, Рэнси! — попросила я. Псень заворчал; бродяга вздрогнул и оглянулся.

— Пусть пробует, — негромко ответила я. — Пес только того и ждет.

Рэнси, словно понял, согласно гавкнул.

Между тем над дорогой постепенно сгущались сумерки. Еще бы, мрачно думала я, сколько времени прошло, пока на этого типа вышли, да пока он еле брел, да пока по лесу бегал...

— А что, Сьюз, — спросил вдруг Рольф, — ты мэтру Куржу хоть на вот столько веришь? Как видно, размышления кузнецова сына шли с моими в лад.

— Ни на ломаный медяк.

— А комары-то перестали летать!

Исчезновение после Куржевой ворожбы комаров последние дни стало в деревне любимой темой для шуток. Но сейчас мне было не до смеха — да и Рольфу, как видно, тоже.

— Значит, нас съедят не комары, — я поймала себя на том, что уже привычно тру горло. Ткнула пальцем в спину замедлившего шаг бродяги, добавила мстительно: — Надеюсь, начнут с него.

Рольф посмотрел на небо. Вздохнул:

— Часа три еще идти. Слышь, ты, перебирай ногами-то! Иль правда жить надоело?

Бродяга оглянулся; похоже, хотел он ответить, но — взгляд метнулся за наши спины, на миг исказило лицо злое разочарование, и вдруг перед нами оказался тот забитый оборванец, которого увидели мы в первый миг. Я оглянулась и чуть не подпрыгнула.

— Господин Анегард! Рольф, Рольф, ты только глянь! Это ж наши!

Рэнси уже выплясывал, радостно взлаивая, вокруг черного жеребца. Анегард оглядел нас, протянул мне руку:

— Иди в седло, Сьюз. Рольф, хватайся за стремя — вон, хоть с Шонни. Какие бесы вас носят, так поздно и так далеко?! А этот?..

— Я тоже могу за стремя, добрый господин, — торопливо сказал бродяга.

— За ним глаз да глаз, — предупредил Рольф. — К вам вели, господин.

— Ладно, — кивнул Анегард. — Доедем, разберемся. Дилан, проследи, — бросил одному из стражников. — Сделает хоть шаг не в ту сторону — стреляй. — Помедлил и добавил: — По ногам.

Дорогой я успела рассказать Анегарду и про исчезновение Ронни, и про странного бродягу, и даже про храмовый день. Рассмотрев отобранные у бродяги ножи, молодой барон присвистнул; я вновь пообещала себе встряхнуть из Колина объяснения, а пока лишь спросила:

— Мы правильно сделали, господин?

— Правильно, — кивнул молодой барон. — Но повезло вам... нет, не скажу пока точно, но очень на то похоже, что сильно повезло. Не про вас улов, уж извини.

— Да я поняла... — Я поежилась. — Страху с ним натерпелись... Он бы, кажется, и с Рэнси справился, если б руки развязал!

— Может быть, — Анегард рассеянно кивнул и прищипорил коня. — Быстрее!

Ночь догоняла нас, кусала за пятки, наваливалась тьмой на плечи. Но впереди уже открывались для молодого хозяина ворота замка, и скалился с герба на воротной башне медведь Лотаров, отгоняя зло, и зыбкий свет факелов обещал защиту...

Только рухнув на лавку в замковой кухне, я поняла, как же устала за этот сумасшедший день. Тетушка Лизетт, жена баронского управляющего и командир кухонного войска, самолично поставила передо мной прикрытую ломтем хлеба миску, вокруг устроились обе поварихи, девчонки-посудомойки, все свободные служанки, и даже старуха Инора, кормилица его милости, приковыляла из своего угла — послушать.

Рэнси не сменял меня на Анегарда, лежал у ног и шумно глодал мосол, и женщины почему-то ничуть не удивлялись, что пес из господской своры признает хозяйкой лекаркину внучку. Хотя чему удивляться, псари-то, небось, в тот же день одного щенка недосчитались и Анегарда о нем спросили, так что слушок о подарке мог уже и разойтись, и перестать быть новостью.

Я хлебала густую мясную похлебку и рассказывала, тетушка Лизетт качала головой, служанки ахали, и все это было восхитительно безопасно. Так безопасно, что меня аж потрухивать начало — теперь, когда бояться стало нечего, когда с непонятным бродягой разбираются его милость и молодой барон, а тьма вместе с ночными страхами осталась за крепкими запорами, у меня кончились силы. Словно весь тот страх, который я отгоняла днем, навалился разом. Даже слезы на глаза навернулись.

— Выпей-ка, девонька, — невесть откуда в руках тетушки Лизетт возник стаканчик.

— Это что? — растерялась я. — Бражка, что ли? Не, я не это... не надо, не буду я!

— Пей-пей, — прошамкала Инора. — Глотнешь, да спать ложись, а утром будешь как ягодка свежая, наливная да румяная. А то вона, бледная вся, дрожишь да плачешь, ровно сама с тою нежитью встретилась!

Я взяла стаканчик. Руки и впрямь дрожали. Пить не хотелось, не люблю я брагу; но вспомнилось вдруг: почти так же, как мне сейчас Инора, бабушка говорила рыдающей Джильде... "выпей да спать ложись, а утром все иначе покажется"...

— А что нежить? — спросила я.

— Да сидит, по всему видать, на Ореховом, — ответила Лизетт. — Давеча хотели стадо на ту сторону перегнать — не пошли коровы-то, забились. Косарей пришлось налаживать. А косари тоже бояться: третьего дня шорникова дочка пропала, по ягоды пошла и не вернулась. Неладно в лесу, и маг не помог. Одна надежда, что молодой господин в городе чего умного узнал. Видели ведь, не один приехал? Говорят, этот, как его, Эннис, хоть только из учеников, кое в чем посильней мэтра Куржа будет. Да ты пей, девонька. Быстро пей, не думай, чего над ней думать, над гадостью этой.

Я зажмурилась и хлебнула добрый глоток. Брагу в бароновом замке гнали крепкую — даже покрепче, чем у нашего Колина. Шибануло в нос, обожгло рот и горло — а потом стало вдруг тепло, навалился сон, и вся нежить, сколько ни есть ее на свете, показалась не стоящей не то что страха, а даже памяти. Я подтерла миску корочкой, дожевала — лениво, почти через силу.

— Вот и умница, — сказала где-то рядом тетушка Лизетт. — Пойдем, девонька, спать...

Уложу тебя в Динушкиной каморе, а Динуша с бабушкой поспит.

Динуша, внучка старой Иноры, согласно закивала. В ее каморке мне приходилось уже ночевать. Там было хорошо, тепло: Динушкин уголок помещался как раз между печкой и хлебной кладовой; от кухни его отделяла толстая полосатая занавеска, утро отмечали сонные голоса служанок и запах разгорающихся дров, и воду на умывание можно было брать не из колодца на дворе, а здесь же, в бочке. Это сейчас, летом, все равно, а зимой — очень даже кстати!

Юбку я скинула сама, и даже мимо подушки головой не промахнулась, — но укрывал меня уже кто-то другой. Лизетт, наверное... я засыпала, в кухне шушукались служанки, за стенкой шумно ужинали стражники, и Рольф с ними — его, верно, тоже раскрутили на рассказ, — а в окно стучала тьма, но я совсем ее не боялась.

Стремительной тенью я летела над залитой лунным светом тропой. Страха не было, только слегка разбавленное тревогой любопытство. "Запоминай дорогу", — бубнил над ухом смутно знакомый голос; я оглянулась, никого не увидела, зато заметила, что меня тут тоже вообще-то нет. Ни рук, ни ног, ни собственно ушей!

Тут я вспомнила, что сплю, рассмеялась и полетела дальше. На всякий случай запоминая дорогу.

Светлый березняк с земляничными полянами, с мягкой травой. Сюда ходят по ягоды детишки замковой обслуги, здесь набирают грибов — бочками, и господам и челяди хватает. В лунном свете он весь — сверкающее серебро на серебре чернеющем, чертог, достойный Звездной девы.

Старая вырубка, заросшая кипреем, печальная, словно пеплом подернутая.

Обширный малинник.

Елки с осинами, места мокрые, буреломные, волчьи.

Густой, почти непролазный орешник по склонам прячущего ручей неглубокого овражка.

Мост — крепкий, слаженный на века прадедом его милости Эстегарда. За мостом тропа делится на две. Одна ведет вдоль ручья к реке, к рыболовным угодьям. Вторая — в нашу деревню и дальше, к мельнице. Но меня потянуло от натоптанных людьми путей прочь.

Я летела над ручьем, и черная тень скользила по серебру воды, и лунный свет будоражил кровь. Наверное, было в этом что-то от любви — а верней, от страсти. Острая хмельная радость, восторг, сила и власть, и упоение, и тень печали, потому что все в этом мире рано или поздно заканчивается — *рано или поздно, так или иначе* ...

Полет мой закончился резко, неожиданно и больно. Словно в огненную стену с маху врезалась — опалило душу, золой осыпались крылья, швырнуло вниз, на прелый хвойный опад, во влажную стынь, в непроглядную тьму небытия. *Так или иначе*, мелькнуло в помраченном сознании, а следом — радостно — *вот и конец*.

То, что случилось дальше, было так странно и страшно, что даже для сна — чересчур. Тень — *моя тень!* — поднялась с земли полузверем-получеловеком, чужим и чуждым. Шевельнулись острые уши, дрогнули чуткие ноздри. Незнакомые — *мне, Сьюз!* — звуки и запахи она — *я, тень!* — опознавала легко и безошибочно. Сходятся *свои*. В тех, кому *пора*, бурлит жажда, жжет, зовет, *забирает*. Их много. Больше, чем хотелось бы. Плачет девчонка, зло сопит мальчишка. Хватит ли на всех? Нужен третий, ох как нужен! Хорошо бы — большой и сильный.

Я-тень медленно огляделась. Звериные глаза видят четче человеческих. Различают

каждую травинку, каждый листик. Взгляд останавливается на детишках. Девчонка такая худенькая, слабая. Лучше бы пока ее не трогать. Но — слишком мало осталось тех, кто *держится*.

Я-Сьюз разглядывала вышедших навстречу *мне-тени*. Были они разные, очень разные. Некоторые — совсем как люди. Мужчины и женщины, молодые и средних лет, подростки, несколько детей. Другие — в нетопыриных крыльях, словно в плащах, с мохнатыми острыми ушами, с волчьей пастью или когтями рыси на почти человеческих пальцах. С глазами, горящими желтым голодным блеском. Были и такие, человеческий облик которых почти истаял, но моя — *тени* — память помнила их людьми, знала по именам и любила.

И лишь одно было в них общее. Словно пеплом подернуты все; и я — *тень* — знала, почему. Опаленные виной души, сердца, израненные безнадежностью, желание забыть — и страх забыться. А я — *тень* — была за них в ответе. И от меня ждали чуда.

Много лет.

Много десятилетий.

Они верили. Вопреки очевидному, вопреки безнадежности и отчаянию. Наверное, только эта вера и держала их, помогая оставаться людьми.

Вера — и кровь.

Меньшее зло — самая страшная из ловушек, самый жестокий из всех выборов.

Меня выдернуло из сна резко и внезапно — словно ледяной водой окатили. Было тихо, похоже, стоял самый глухой час ночи. Перед глазами плавала белесая муть, мелькали обрывочные картинки: березняк в лунном свете, мост над ручьем, болотистый островок, двое ребятишек, окруженные жуткого вида тварями — не то нелюдью, не то нежитью-несмертью...

Чтоб я еще когда брагу в рот взяла? — да не в жизнь!

Я встала, на ощупь добрела до бочки с водой. Попила, плеснула в лицо. Приснится же такое! Тьфу, гадость!

Дошлепала обратно до Динушкиной постели, свернулась в клубочек, натянула одеяло на голову. Тьфу на вас, дурные сны! Защити, Звериная мать...

Богиня-заступница не подвела: остаток ночи я проспала как младенец. И утро выдалось в точности таким, как мечталось вечером: с запахом разгорающихся дров и хлебного теста, с несуетливыми разговорами ("А мне-то, девоньки, снова давешний менестрель снился! Да как обнимал, зараза, как обцеловывал! Уж будто и не во сне! — Гляди, Анитка, вот родишь невзначай менестрельчика, будет тебе "как не во сне"! Ему-то что, песен напел, а сам улетел, а тебе... — Ой, ну ты скажешь! С чего это я вдруг рожу, когда месяц уже прошел и женские дни как обычно... а я бы, — мечтательный вздох, — и не против совсем").

Я натянула юбку, завязала поясок. Поморщилась: после вчерашнего приключения он казался словно и не моим — вернее, *не только* моим. Как будто непонятный бродяга оставил на нем свою метку, невидимую, но ощутимую. Вот и Рэнси ворчит...

— Брось, — я потрепала псенья по ушам. — Придем домой, я его в ключевой воде отполюскаю, на солнышке выжарю...

Едва я вышла из-за занавески, ко мне кинулась Анитка:

— Сьюз, вот скажи! Ты ж лекарка, ты знаешь! Ведь если женские дни прошли, значит, если и было что с мужчиной, все равно уже не рожу?

— Не родишь, — кивнула я. — Ну, то есть в этот раз не родишь. А что, очень хотелось?

— Хотелось, — Анитка, покраснев, теребила кончик длинной косы.

— В другой раз так быстро не отпускай, — ввернула толстуха Берта. — Держи обеими руками, покуда ясно не станет!

Девушки засмеялись. Анитка вздохнула, махнула рукой, перекинула косу за спину. Косища у нее... я завистливо вздохнула. На свои волосы не жалуюсь — и густые, и выются в самый раз, чтоб плести легко, и цвет красивый, темный в рыжину. Но Аниткина коса... Хотя расчесывать такую, конечно, сплошное мучение, в полчаса не управишься. Я плеснула в лицо воды из бочки, вышла во двор. Рэнси выметнулся следом, задрал ногу на колесо груженной дровами телеги. Тебе проще, усмехнулась я...

Когда вернулась на кухню, тетушка Лизетт поднялась навстречу:

— Пойдем, Сьюз, господин Анегард с тобой говорить хочет. Да быстро, разбудить велел, коли спишь!

Рано молодой барон поднимается, отметила я. И о чем ему со мной говорить? Если о бродяге или Ронни, так Рольф лучше меня рассказал бы. Может, что узнал в городе?

А я и косу переплести не успела, растрепала растрепой...

Тетушка Лизетт вывела меня на господскую половину. Я ахнула, завертела головой. Парадный холл, огромный, высокий, со старинными подставками для факелов на стенах, с выложенным каменными плитами полом; широченная лестница, балкон-галерея вокруг холла: дубовые перила, дивной красоты резьба... Второй этаж, третий... Я торопилась следом за тетушкой Лизетт, изо всех сил стараясь не пялиться очень уж заметно на развешанные по стенам пики и алебарды, отмеченные алым гербовым медведем Лотаров старинные портреты и гобелены, цветное стекло в окнах...

— Сюда, — тетушка Лизетт толкнула дубовую дверь, бросила куда-то туда, вглубь: — Вот вам ваша Сьюз, господин барон, привела, как велено.

Развернулась и ушла.

Я застыла столбом.

— Заходи же!

Дверь открылась. На пороге стоял Анегард (его милость Анегард, поправила я себя) взъерошенный, только в штанах и рубашке. Я попятилась.

— Да заходи, не бойся! Чего эта клуша тебе наболтала?

— Ничего не наболтала, — пискнула я. — А... а что, должна была?

— Тут мэтр Эннис, ты ведь знаешь мэтра Энниса? Из Оверте? Он говорил, вы знакомы.

Я знала Энниса — подмастерья мэтра Куржа. Года два, кажется, назад он заезжал к нам с бабушкой, просил кое-каких снадобий, из тех, что в городе не достать. Бабушка долго потом ехидствовала — мол, вона как выходит, лекари да знахарки почтенному мэтру в одной цене с неучами-подмастерьями, а и без них, выходит, не обойтись. Но Эннис ей глянул: парень вежливый, умный и скромный, нос не задирает, пыль в глаза не пускает, зато на деле кой-чего может.

Значит, за это время подмастерье выбился в маги?

— Доброго тебе утра, Сьюз. — Эннис подошел к двери, отодвинул Анегарда. Шепнул ему — тихо, но у меня уши чуткие: — Оденьтесь, господин барон, не смущайте девушку! — Улыбнулся мне: — Заходи, не стой! Ты похорошела с нашей последней встречи, не узнать.

— Здравствуй, Эннис. Ты теперь маг, поздравляю!

Я вошла, украдкой огляделась. Какая из наших девчат может похвастать, что бывала в покоях его милости Анегарда в замке? Нет, я хвастать не собиралась, за такое хвастовство,

пожалуй, и волосы повыдергивать могут, и рожу коготками разукрасить. Но любопытно ведь!

Хотя комната наследника баронства могла бы быть и поинтереснее. Ни оружия на стенах, ни... что там еще полагается в обиходе благородным господам? Зеркала, серебряные кубки, покрывала и занавеси из дорогих тканей? Молодой барон жил просто, даже проще, чем мы с бабулей. Стол, четыре тяжелых табурета. На столе — пергаменты, придавленные кинжалом в потертых ножнах, початая бутылка с брагой и две кружки, пьянствовали они тут, что ли? Вроде трезвые... Полуоткрытая дверь — похоже, в спальню. Распахнутое настежь небольшое оконце. Сундук в дальнем углу. Самый обычный сундук, как в любом деревенском доме. У нас с бабулей в таком же точно для зимы одежда сложена.

— Да ты садись, не стесняйся, — Эннис подхватил меня под локоть, подвел к табурету. Сел напротив. Я поморщилась: от молодого мага пахло каким-то снадобьем, резко и незнакомо, угадывались лишь горькая луговая полынь, смола и, вроде, еловые почки. Тот же запах витал над столом, смешиваясь с сивушным духом крепкой браги. Видимый мне уголок пергамента весь был исчеркан непонятными значками. Мне стало не по себе; убежала б, но — его милость Анегард здесь хозяин, я живу на его земле и он в своем праве. Да и нехорошо ждать подвоха от господина и защитника. Он ведь ни одну девку в собственных деревнях даже не поцеловал иначе, чем по обоюдному согласию, и ни с одним парнем не отказался подраться по-честному, на кулаках. Опять же Эннис... Знать бы еще, зачем я им понадобилась...

Анегард вышел причесанный, в охотничьем костюме. Посмотрел на меня долгим взглядом — будто впервые видел. Чего это он, подумала я; даже мурашки по спине побежали. Но когда молодой барон провел ладонями по лицу и, сев на сундук, прислонился к стене и закрыл глаза, поняла — он просто устал. Сильно устал, смертельно. Намного больше, чем в тот день, когда подвез меня домой...

Похоже, они с Эннисом ночь не спали. Вон у мага глаза какие красные, припухшие...

— Послушай, Сьюз, — прервал мои размышления Эннис. — Это очень важно. Мне... нам, — поправился торопливо, — нужна твоя помощь.

— Моя? — удивилась я. — Вам?..

— Сьюз, ты ведь знаешь, что происходит, — хрипло сказал Анегард. — Мэтр Эннис взялся выяснить, что за твари завелись у нас в лесу. И — где именно. Честно говоря, мы надеялись вдвоем справиться. Но не выходит. Не липнут ко мне чары, хоть тресни. Всю ночь без толку...

Какие чары, подумала я, почему к Анегарду? Ничего не понимаю!

— Вы запутали ее, господин барон, — сказал Эннис. Мысли, что ли, он читает, или у меня на лице все написано? — Лучше я. Сьюз, мне нужен был человек, способный ощутить и увидеть этих ваших — уж не знаю, кто они! — во сне. Это самый удобный и безопасный способ выследить нечисть. Его милость Анегард (молодой барон поморщился на "его милость", но смолчал) видит сны о том, что творится в лесу ночью. Он мог бы — там, в своем сне, — поймать эту мерзость за кончик хвоста, крыла или что там у них еще есть, и выследить путь к логову. Есть такие чары. Но его милость (Анегард бросил на мага сердитый взгляд) относится к тем редким людям, у кого природный иммунитет к наведенным чарам.

— У кого — что? — переспросила я. Вот уж достойный ученичок мэтра Куржа, тьфу на него!

— Я же говорю, не липнут ко мне чары, — устало пояснил его милость Анегард. —

Если еще простенькое что, вроде отваров твоей бабушки, то куда ни шло, а сложные — без толку. Всю ночь так и сяк колотились, и хоть бы хны. А я, дурак, только под утро и вспомнил, что ты тоже такие сны видишь.

Кажется, меня шатнуло. Позабытый к утру кошмар вспомнился весь и сразу, от лунных бликов на ручье до боли в опаленном незримой огненной стеной теле, до желтого голодного блеска нелюдских глаз, до вкуса крови во рту.

— Сьюз, да ты не бойся! Звездной девой клянусь, ничего в этом страшного нет. Разве что браги глотнуть придется.

Голос Энниса долетал словно из далекого далека, с трудом пробиваясь сквозь девчоночий плач, злое сопение Ронни, шелест ночного леса и дыхание нелюди. Не страшно, хотела спросить я, ты уверен? Ты — там — был?! Но сквозь пережавшую горло судорогу протиснулся лишь тонкий, какой-то мышинный писк.

— Сьюз, — укоризненно протянул его милость Анегард, — я не думал, что ты такая трусиха. Это же только сон. Не страшней всех тех, что ты видела в эти ночи. Зато он поможет справиться...

Я мотнула головой; как видно, от обиды на «трусиху» голос вернулся, и я выдала наконец то, о чем сама должны была бы вспомнить, едва проснувшись.

— Да видела я уже этот ваш сон, чтоб его! И дорогу, и логово, и еще кучу всего! Чароплеты недоделанные!

Анегард осекся. Эннис выдавил ошарашенно:

— Т-то есть?

— Видела, — уже тише повторила я. — Только забыла. Постаралась забыть, как все эти кошмары. А могла бы догадаться, что не простой это кошмар, говорила ведь тетушка Лизетт, что у вас тут тоже дитё пропало...

— Девочка, — прошептал молодой барон.

— Опиши, — потребовал Эннис. — Подробно.

Я прикрыла глаза.

— Поменьше Ронни. Худенькая, белобрысая... рубашка некрашенная, знаки Жницы вышиты...

Голос барона дрогнул:

— Она.

— Такое описание к каждой второй подойдет, — возразил Эннис. — Худенькая, белобрысая...

— Нет, точно она, — уверенно сказала я. — Там наш Ронни с ней был. Их в клетку посадили. Такую... вроде как в городе на площади стоит, только не железная, а из жердей сколочена.

Увиденное ночью вставало перед глазами во всех подробностях. Теперь, когда я знала, что это — не просто сон, не кошмар, который лучше всего попросту забыть, я не стала гнать его прочь. Я рассказывала, стараясь не упустить ни крупинки — мало ли что покажется важным Эннису! Говорила, и чудилось — снова прелый опад под ногами, и вкус крови во рту, и боль — не моя, чужая, за тех, кто еще человек, и тех, кто уже зверь, и перепуганных селянских детишек, которых на всех не хватит... и тоска, тоска, тоска...

— Не плачь, Сьюз, — тихо сказал Анегард.

Я и не плачу, хотела ответить я, и тут только поняла — плачу, правда. Вытерла лицо рукавом рубашки, Анегард (его милость Анегард, Сьюз, запомни уже наконец!) торопливо

протянул платок.

— Сьюз, ты... — Эннис глядел на меня, как ребенок на захожего сказителя, с восторгом и ужасом. — Ты просто чудо!

— Дорогу сможешь объяснить? — спросил его милость. Он подошел к окну и глядел на далекий лес, и в голосе его мне почудилась смерть.

— От моста через Ореховый свернуть с тропы и по ручью вверх, — ответила я. — Там, где болотце начинается, они и засели.

— Понял, — кивнул молодой барон. — Найдем.

— Не так все просто. — Эннис задумчиво потер подбородок. — Судя по рассказу Сьюз, там чары вокруг стоят. То, что ей показалось "как сквозь огненную стену пролетела"...

— И что? — обернулся к магу Анегард.

— Да то, — Эннис опустил глаза. — Ничего хорошего, вот что. Сьюз, похоже, только потому барьер прошла, что у кого-то из этих тварей на хвосте висела. Теперь, если я верно понимаю, ее их чары пропустят, за свою примут. А вот других...

— Ты что предлагаешь, — Анегард сгреб Энниса за ворот, рывком поднял на ноги, — предлагаешь туда девчонку сунуть?!

Молодой маг не попытался высвободиться, только голос его стал сухим и крайне вежливым.

— Я ничего не предлагаю, ваша милость. Я только докладываю о положении дел тому, кто собирается, как я понял, вести людей в бой. Считайте это сведениями об укреплениях противника, это сравнение лучше прочих соответствует...

— Прости... — Анегард медленно выдохнул, отпустил мага и повернулся ко мне. — Прости, Эннис. Продолжай, пожалуйста. Сьюз прошла "на хвосте" твари, и ее теперь пропустит. А других — что?

— Других проведет она, — выдавил маг. — Поверьте, господин барон, если бы я мог что-то изменить, я бы это сделал.

Мы вышли часа, наверное, через два. За это время я успела еще два раза пересказать свой сон — старому барону и Гарнику, позавтракать и отпихаться от предложенной капитаном мужской одежды и доспеха-стеганки. Нет, то есть сначала я честно все примерила! Как они в этом ходят, ума не приложу! Да не просто ходят, а еще и дерутся! Даже в самом маленьком, что Гарник для меня нашел, я просто утонула, и уже через десяток шагов упыхалась и взопрела так, что скинула с себя всю эту воинскую сбрую и заявила:

— Пусть меня лучше съедят!

— А ну как правда? — спросил капитан.

— По крайней мере, это быстро!

— Дура девка, — вздохнул Гарник, но спорить не стал. Может, потому, что во двор замка вышли оба барона, маг и... и вчерашний бродяга.

Пока его милость Анегард медленно шел вдоль неровного строя стражников, бродяга описал замысловатую кривую за спинами Энниса и его милости Эстегарда и остановился рядом со мной.

Рэнси заворчал.

— Что он у тебя, на людей натаскан? — недовольно спросил бродяга.

Выглядел он точно таким же оборванцем, как и вчера, но чувствовал себя не в пример уверенней. Видать, наплел что-то... ну да не мое это дело.

— Он спокойный, добрый и ласковый пес, — ответила я. — Просто не любит тех, кто его бьет. Ну а ты будто любишь?

— Верно, — кивнул бродяга. — И я не люблю. Тебя, я слышал, Сьюз зовут?

И что ему до моего имени?

Я положила ладонь Рэнси на голову. Сказала:

— Пес нервничает. Отойди лучше.

— Послушай, — заторопился бродяга, — у меня дело к тебе.

— Какое?

— Чем вы меня вчера, а? Первый раз я так лопухнулся, чтобы рук освободить не суметь!

Я поддела пальцами поясok.

— Это?! — Он пощупал цветную тесьму, поднял на меня ошарашенный взгляд. — Чары, да? Продай, а! Хорошо заплачу, не сомневайся.

— Нет, — рассмеялась я, — не продам. И не потому, что жаль, а просто без толку будет!

Бродяга помрачнел:

— Только тебя слушает, да? Ну да, то-то ты вчера сама развязывала...

— Ты разве про такие чары не слышал?

— Нет, — мотнул он лохматой головой, — не слышал. Я из других мест...

К нам подошел его милость Анегард. Сказал хмуро:

— Сьюз, Рэнси лучше здесь оставить. Помочь он нам там не поможет, а...

Обожгло стыдом: могла бы и сама подумать!

— Я его уведу на псарню. А ты, — молодой барон окинул меня выразительным взглядом, — ты бы все-таки оделась. Не на гулянья идем.

— Нет уж! — Гарнику сказала, и ему повторю! — Я в этой вашей справе через сотню шагов сдохну. Обойдусь. Звериная мать защитит.

— А если нет?

Вот ведь, совсем как Гарник!

— А нет, значит, судьба такая.

Кажется, Анегард тоже с удовольствием объяснил бы, что я за дура. Но счел, как видно, неподобающим. Отошел молча; бродяга же вытянул вдруг из-за ворота странного вида цацку, вроде неровной каменной бусины на шнурке.

— Чары на чары, Сьюз. Возьми, дарю.

— Что это?

— Да пустячок. Так, на удачу.

Я огляделась. Анегарду втолковывал что-то старый барон, Эннис мялся рядом. Мага таки обрядили в стеганку, и непохоже было, чтобы ему это нравилось.

— Эннис!

Подошел, неуклюже переваливаясь:

— Звала?

— Глянь-ка. Можно в подарок принять?

Ладонь мага зависла над ладонью бродяги, и на лице явственно проступило изумление. Вскинул голову — не на меня, на бродягу. Хотел, кажется, сказать что-то резкое, но осекся. Как будто, встретившись с бродягой взглядами, прочел в его глазах приказ молчать.

Мне вдруг стало неуютно рядом с ними — так бывает, когда окажешься слишком близко от готовых как следует подражаться парней. Я попятилась, но тут наваждение ушло.

— Бери, Сьюз, не сомневайся, — голос Энниса звучал уверенно, если он и учуял что в

нежданном подарке, то вряд ли подвох.

Бусина упала мне в ладонь. Она была теплой, почти горячей, будто хранила жар прежнего хозяина. Мне стало вдруг неловко даже в мыслях звать его бродягой.

— Хоть имя свое скажи, а то даришь...

Он криво улыбнулся:

— Неважно. Да и какая разница?

Прекрасно! Спросит бабушка, чей подарок, а я что отвечу?

Хотя как раз бабушке в любом случае одного имени мало будет. Я представила, какой допрос ждет меня дома — если доживу, конечно, — и едва не отдала подарок обратно. Отдала бы, да не успела. Наш вчерашний пленник умел, видно, читать по лицам куда лучше, чем я — прятать мысли.

— Бери, — торопливо сказал он, — не сомневайся. Я от души дарю. А нужно тебе имя... ну зови хоть Марти, что ли. Какая разница.

И добавил, повернувшись к Эннису:

— Сними ты эту душегубку, все равно двигаться в ней не умеешь. Без привычки только хуже. Упаришься без толку, а до дела дойдет, никакой будешь.

Подошел его милость Анегард, бросил:

— Выходим. Эннис, готов?

Маг вздохнул, помялся. Буркнул:

— Прав ты, наверное.

Скинул стеганку, расправил плечи, размял руки. Странно, без доспеха он выглядел... опаснее? Сила мага — не в оружии.

— Удачи, — негромко сказал Марти. Вроде бы всем сразу, но мне показалось — для меня одной.

* * *

Ноги по щиколотку вязли в илистом дне, ветви орешника цеплялись за одежду, били по лицу и рукам. Хоть я и подоткнула повыше юбку, подол все равно намок, отяжелел. Представляю, какова б я сейчас была в стеганке! И так еле плетусь...

А еще здесь стоял густой сумрак, будто и не ясный день сейчас, а... в общем, что-то в этом мире явно давало нам понять: зря мы суемся куда не просят и лучше повернуть обратно. Что-то — или кто-то. Я оглянулась. Интересно, Анегард, Рольф, Гарник и остальные тоже чувствуют неладное?

— Устала? — посочувствовал Анегард.

Я мотнула головой. Спрашивать расхотелось, а так — не понять. Мужчины. Воины. Мало ли что им там кажется! Для мужчины отступить позор, а смерть в бою — награда. Они пойдут вперед, даже если точно будут знать, что не вернутся. Даже Эннис, хотя он маг, а не воин.

Скорей бы уж, подумала я. Ночью все казалось другим, да и — летела я, а не брела вот так по колено в воде, воюя с орешником. Никогда не думала, что с высоты, пусть и небольшой, лес видится настолько иначе!

Ручей обмелел, разлился затянутой бурой пленкой лужей. Я остановилась. Странно... такого я здесь не помнила. Ни по сну, ни по-настоящему, а казалось, весь этот лес насквозь знаю.

— Здесь, — свистящим шепотом выдохнул сзади Эннис. — Чувствую чары. Сюз, дай руку и иди вперед. Медленно.

Не глядя, я протянула руку назад. Кто-то — Эннис? — взял мои пальцы в свои, сжал легонько, будто желая ободрить. Шепнул:

— Иди.

Я и пошла. Даже не думая, что там впереди может быть, чего ждать, к чему готовиться...

Шаг, другой, третий... Всякого я ждала. Что выпрыгнут из-за кустов, метаясь в горло, виденные ночью зверолюди. Что провалится дно под ногой, расступится, затянет гостей незваных болотнице на обед. Что еще шаг — и перенесемся из пускай сумрачного, но все же дня, в родную нелюди ночь. Но — не того, что так и будем брести, хлюпая, в полном безмолвии (и когда успели птицы затихнуть?), в невесть откуда взявшемся тумане — брести незнамо куда, готовые к драке, но не умеющие найти врага. Видно, нелюдские чары оказались сильнее полученного мною во сне пропуска...

Туман давил, с каждым шагом из-под ног поднималась волна тяжелого, странно затхлого запаха. Давно уж мне не бывало так страшно — не чужим, извне наведенным страхом, а самым обычным, своим. Хотелось вырвать руку из чужой ладони и бежать, бежать без оглядки, все равно куда, лишь бы отсюда подальше. Я обернулась к Эннису:

— Может, мы неправильно что-то сделали? Или не туда пришли?

— Туда, — качнул головой маг. Он тоже казался встревоженным, и мне стало совсем жутко. — Туда, Сюз... ты правильно нас привела, я чую чары, сильные. А вот что пускать тебя эти чары не хотят — это да. Понять бы еще, почему.

— Думай, — из тумана показался Анегард. — Ты маг или сопля-недоучка?

Эннис вспыхнул.

Выпустил мои пальцы.

Туман разошелся клочьями, словно под порывом ветра. Я успела заметить, как грязные, вымокшие стражники мнутя, потеряв строй, с ноги на ногу; как изумленно оглядывается Гарник; как Рольф стирает с лица пот — за его ладонью остался грязный след. Мир вокруг истончался, расползался вместе с туманом, оборачивался другим — не то с лица на изнанку, не то с изнанки на лицо. Вместо орешника — старые кривые ели, вместо затянутой бурой пленкой стоялой воды — прелый хвойный опад. Взвизгнув, я схватилась за Энниса; почувствовала на своем локте чью-то железную хватку — Рольф? А в следующий миг...

Не знаю, что это было. Не так, как ночью — словно в огненную стену врезалась. Но похоже. Опалило душу тягучей болью, перехватило дыхание — и отпустило. Мельничным жерновом навалился на плечи побелевший Рольф. Эннис с коротким придушенным стоном упал на колени. Выхватив клинок, встал в боевую стойку молодой барон.

Из-под еловых лап, из сумрака нездешнего леса выныривали навстречу... *они*. Нелюдь, взвыл во мне страх. *Свои*, ответила ночная память — с печалью, жалостью и любовью. При свете дня они уже не казались тенями. Женщина, похожая на Гвенду, такая же красивая, с длинной косой — вот только в косе седины не по возрасту. Худой мальчишка лет десяти — двенадцати, с рыжими лохмами, со злым лицом. Мужичок — вылитый Броке, взгляд сам метнулся к его ногам в поисках вредной пегой сучонки... метнулся и вернулся к лицу,

зацепившись за что-то неправильное. Я охнула: у *этого* Брое звериная желтизна затопила глаза, и острые лохматые уши шевелились, как у настороженного пса. А за ним шел парень с лицом вовсе нечеловеческим — вот только не могла я назвать его звериной мордой, не могла никак! Будто наяву виделись сквозь шерсть и клыки прежняя задорная улыбка, молодой румянец и глаза не волчьи, а обычные карие, теплые и ласковые.

Да что ж это со мной?!

Эти... *свои* ... эта нелюдь поганая наших детей ворует, а я их жалеть буду?!

Подбитой птицей, сложив нетопыриные крылья, упал с неба еще один. Грянулся оземь меж нами и нелюдью, взвихрив еловый опад, шагнул к нам. Сощурил желтые рысьи глаза. От пристального взгляда словно пригоршня льда просыпалась за ворот.

Похожие на людей отступили назад, оставив перед нами совсем или почти совсем утративших человеческий облик. Клыкастых, когтистых, мохнатых... много их было, десятка два, не меньше. И все равно, все равно — в каждом чудилось мне прежнее! Тенью, чужим воспоминанием... да что ж это за наваждение такое?!

Всхлип Рольфа привел меня в чувство. Засмотрелась! Наши-то как?

Да так же. Прошло, наверное, всего-то несколько мгновений...

Анегард оглянулся, крутнулся на месте, неловко, прочертив сапогами мокрый след. Обернулась и я. Баронской стражи не было. Ни Гарника, ни ребят. Там, за нашими спинами, стягивали круг *эти*, недозвери-нелюди, и в их глазах мне чудились вина, тоска и жажда.

— Эннис, — взвизгнула я, — сделай что-нибудь!

Маг только застонал. Зато Рольф, охнув, выпрямился. Вытер ладони — эй, об меня-то зачем?! — и перехватил поудобней выданный в замке боевой топор.

Я подскочила к Эннису, потянула на ноги:

— Вставай же, ну!

— Сейчас, — пробормотал он, — встану.

Вцепился в меня ледяными пальцами. Заверочался. Из носа его капала частыми каплями кровь, расплывалась алыми пятнами на мокрых рукавах рубахи.

— Давай же, — почти зарычала я. За спиной послышался мерзкий чавк — верно, Рольфов топор пошел в дело. Эннис выпрямился, посмотрел шалыми глазами через мое плечо, вскинул руку...

Разное рассказывали у нас в деревне о боевых магах. Будто и молниями швыряться умеют, и замораживать противника так, что вроде живой, а с места двинуться не может, и слепоту насылать... Или ввали, или Эннису до таких умельцев еще учиться и учиться. Оглянуться я побоялась: хватило того, что на лице молодого мага разочарование быстро сменилось ужасом. Зашевелились губы — надеюсь, он чары плетет, а не молится! Молиться — это по моей части.

Кстати, да.

Помоги, Звериная мать, беззвучно зашептала я. Охрани, Великая! Защити от злобы лютой, от клыков хищных, от...

Неведомая сила закрутила Энниса волчком, швырнула оземь. Мелькнуло перед глазами кожистое крыло, ударил по лицу ветер. Сморгнув слезы, я увидела вдруг Анегарда; его клинок располосовал клыкастого амбала и, похоже, застрял у того в ребрах. Нелюдь отшатнулся, рывкнул что-то, очень похожее на "побери тебя Старуха". Анегард прыгнул следом — и скрылся за спинами невесть откуда налетевших врагов. Не отобьется, обмирая, поняла я. На локте сомкнулась чья-то лапища, царапнула когтями. Я завизжала,

развернулась, пнула вслепую.

— Не дергайся, дурочка, — прохрипел на ухо чужак. — Добром пойдешь, лучше будет.

И вовсе не то меня успокоило, что *они* говорить умеют; просто есть такие слова, на которые у человека ответ всегда наготове, и для меня это как раз "добром пойдешь". Впечатать колено в то место, что парни пуще глаза берегут, пяткой с маху стопу приголубить, а как согнется — сверху по шее наддать. Когти разжались, я отскочила, крутанулась, оглядываясь: куда бежать? Эннис, забыв мудреные чары, сцепился с кем-то мохнатым по-бабьи — за волосы; немудрено, что дурня тут же схватили в десять рук. Анегард отмахивался обломком меча от наседающего на него крылатого, а со спины к нему примерялись еще двое, и ясно было — вот-вот завалят. И только к Рольфу с его топором никак не могли подступиться. Кузнецов сын, хэкая, встречал быстрой сталью любого, кто приближался к нему слишком близко; похоже, и меня до сих пор не тронули потому только, что слишком близко к нему стою... У Рольфа, вспомнила я, Молотобоец в покровителях — хоть и мрачный бог, и боятся его люди почти как саму Старуху, а кузнецам помогает. Жаль, мало нас... прошли бы все, глядишь, отбились бы...

Взгляд зацепился за смутное движение сбоку; я развернулась и увидела крылатого предводителя. Похоже, именно он ставил чары на обиталище нелюдей; во всяком случае, сейчас он именно колдовал. И направлял свое колдовство явно против Рольфа. Желтые рысьи глаза целились в кузнецова сына, быстро-быстро шевелились губы, а меж сведенных ладоней чуялась нарастающая сила.

Выдох, мягкий шаг вперед...

— Рольф! — взвизгнула я. И, не помня себя, кинулась вперед-наискось, между колдуном-нелюдем и человеком — единственным здесь по-настоящему *своим*.

Наверное, то же испытывает хлебная крошка, когда ладонь хозяйки сметает ее со стола. Неодолимая сила сбила с ног, вышибла дух, швырнула куда-то прочь. Мелькнуло перед глазами исколотое вершинами елей небо, мир перевернулся — и погас.

— Он так тебе дорог? — спросил высоко над головой чужой голос. — Впрочем, спасибо. Я погорячился, не рассчитал. Нам не нужны трупы.

"Нужны живые", — поймала я недосказанное вслух. — "Кровь. Живая человеческая кровь. И сами пришли".

С трудом я подняла руку, провела ладонью по лицу. В затылке и висках бухал кузнечный молот. Перед глазами плавали цветные пятна, малейшая попытка шевельнуть головой отдавалась приступом тошноты. Из далекой выси наклонился чужак с рысьими глазами; лицо его казалось странно размытым, глядеть на него было тяжело, неприятно, и я, преодолевая тошноту, отвернулась.

Зря.

Есть на свете зрелища и похуже, чем звериные глаза на человеческом лице.

— Рольф... — я всхлипнула, не в силах сдержаться.

Парня, как видно, приложило крепче меня: был он без чувств, и нелюди безнаказанно суетились вокруг. Вырвали из рук топор, стащили промокшую стеганку... сорвали рубаху...

— Не надо тебе этого видеть. — Чужак подхватил меня на руки и пошел прочь. Мир в очередной раз повернулся; теперь я не видела Рольфа, зато на моих глазах протащили куда-то вялого, явно ничего не соображающего Энниса, а следом проволокли Анегарда — за ноги, как тащат за два уголка мешок. Я дернулась. — Тихо, — буркнул чужак. Расправились

крылья, закрыв обзор. Я уткнулась лицом в обтянутую драной рубахой, остро пахнущую псиной грудь, и беззвучно заплакала.

Все бы отдала, чтобы это оказалось сном.

Открыв глаза, я долго не могла понять, где нахожусь. Кривая щелястая стена, гора плохо выделанных вонючих шкур... В памяти смутно плыли оскаленные морды, звериные глаза на человеческих лицах, обломок меча в руках Анегарда, острый запах псины... Болела голова. Сильно болела. Но, странно, при этом казалось, что до того, как заснула, было намного хуже.

Кстати, как заснула, я не помнила. Может, и вовсе не спала, а, скажем, без чувств валялась... даже очень может быть, иначе с чего мне так плохо-то?

Я осторожно повернула голову. Потом села. Подступила тошнота — и ушла; зато откликнулось на движение тело, и как откликнулось! Даже не думала, что в человеке так много всего может болеть. Колотили меня тут, что ли?! Я потеряла лоб; от этого простого действия стало настолько легче, что я уже не могла остановиться. Растерла лицо, шею, плечи. Боль потихоньку отпускала, в голове прояснялось; я возвращалась на этот свет.

И вспоминала. Болотистое русло Орехового ручья, долгое блуждание в тумане, короткую драку, что закончилась для нас так бесславно. Жадную суету вокруг оглушенного Рольфа. Хриплый голос крылатого чужака. Энниса и Анегарда — куда их волокли, уж не на съедение ли?!

Чужая, в наведенном сне подслушанная мысль: *"Нужен третий, ох как нужен! Хорошо бы — большой и сильный"*. Вот и сбылось вам. И третий, и четвертый, и пятый. И я шестая. На всех хватит.

Боги великие, защитите! Я не хочу, не хочу умирать!

Не хочу, чтобы умерли Рольф, Эннис, Анегард, Ронни с девчонкой! Не хочу! Слышишь, Звериная мать, заступница моя? Молотобоец, покровитель Рольфа, Хранитель стад, покровитель Ронни, слышите? Жница, твои знаки у девчонки на рубашке — отзовись! Помогите, защитите! Или вам все равно, что мы, дети ваши, кончим жизнь на клыках у нелюди, словно какая-то кровавая колбаса?!

Я поняла вдруг, что смеюсь. Смеюсь, хотя от слез плывет все перед глазами. Ну ты, Сьюз, и сказанула! Уж наверное, любая жертва — разбойников, нелюди, зверя лютого — хочет жить. Наверное, просит о спасении в последние свои мгновения. И что? Много ты слышала о чудесных спасениях, девонька?

Среди нас нет избранных. Боги нам не помогут. Если и спасемся, то сами.

Надо что-то делать.

Я выпуталась из шкур, встала. Огляделась. Люди добрые, Звериная мать, ну и конура! Потолок низкий, руки раскинь — в стены упруешься. Дверной проем шкурой завешен. Спасибо, под ногами не хлюпает...

И спасибо, что рядом никого. Не ждали, что я так быстро очухаюсь, или опасной не считают? Скорей второе — и, как ни горько, в этом они правы. Что сделает безоружная девушка там, где трое мужчин ничего не смогли?

Убежать, и то не сможет. Иначе бы караулили.

Ох как страшно мне было выходить! Казалось — первый же шаг из этого, такого ненадежного, но все же убежища, станет шагом к смерти. Забиться в угол... Очнись, Сьюз, толку тебе прятаться! Все равно ведь не отсидишься. Кто-то ведь здесь живет; кто-то спит в этих шкурах, кто-то принес тебя сюда! А зачем принес, как ты думаешь?

Зачем... что тут ответишь? Или — или. Или я понадобилась кому-то как женщина, или как еда. Что выберешь, девонька? Что больше нравится? Кровяная колбаса (вот же привязалось сравнение! я сглотнула вмиг набежавшую слюну, подумала: а есть-то хочется) или игрушка для нелюдя? Хотя, скорей всего, ни то ни другое от тебя не уйдет. Лучше бы сразу убили!

Лучше бы сидела дома и не связывалась с недоделанными чароплетами, маги они или бароны, без разницы!

И ведь могла отказаться. Могла. Тебя просили, не приказывали. А еще могла вернуться в деревню, вместо того, чтоб вести в замок подозрительного бродягу. Или не ходить Ронни искать. Сидела бы дома... пили бы сейчас с бабушкой земляничный чай, разбирали травки и болтали о всяком-разном.

Хотя нет. Бабушка сейчас, должно быть, с Гвендой.

Я вытерла слезы, обтерла лицо рукавом рубашки. От мокрой ткани озноб пробрал до костей. Эге, Сьюз, да ты вся осиновым листом трясешься! И разбери, страх тому виной, промозглый ночной холод, мокрая насквозь одежда? Все сразу; да и какая разница! Я шмыгнула носом и вышла наружу.

Стояли здесь вечные сумерки, или вечер уже настал? Мохнатые, под пару нелюди, ели чернели в туманной сизой дымке дремучим лесом из тех легенд, после которых страшно засыпать. Сердце трепыхнулось, подзуживая бежать: разве кто увидит в эдакой мгле, что одной пленницей меньше стало! Увидит, осадил я себя. Эти твари ночные. А не увидит, так почует.

Да и не смогла бы я уйти, не узнав, что с другими случилось. Представить только... Пусть чудо, пусть не заметят, упустят... вот я возвращаюсь, и?.. Что в замке скажу, как в глаза Гвенде гляну? От каких снов ночами кричать буду? Пусть уж... от судьбы не уйдешь, что напряла Прядильщица, то и встретишь.

И я пошла наугад, не заботясь выбором дороги и не тревожась ощущением буравящего спину тяжелого взгляда. А то неясно, кто смотрит! Глядите себе, от погляда меня не убудет. Зато сразу ясно, чего стоят все надежды на побег.

Через несколько шагов я наткнулась на еловые ветки. Обойдя дерево, запуталась в кустах. Лес водил меня, путал, застил глаза стремительно густеющей тьмой. И звуки тоже обманывали, морочили голову: то зашуршит над головой и смолкнет, то филин ухнет вдали, то вдруг вода плеснет. И — ни голосов, ни движения. Как будто на всей земле я одна осталась!

Не знаю, сколько прошло времени, но в конце концов мне надоело так блуждать. Странно — никогда за собой такого не замечала! — но одиночество и отчаяние сделали меня безрассудной. Я остановилась, вздохнула глубоко и закричала:

— Ро-онни-и! Ро-ольф! Э-энни-ис! Где-е вы-ы!

Мой голос канул в пустоту, не породив не то что эха — малейшего отклика. Но зато, как будто обманный заморочный лес только этого и ждал, туман стал расползаться. Сначала проглянуло небо — едва начавшее чернеть, с редкими, еще робкими звездами. Выглянул из-за еловых верхушек обкусанный тучами краешек луны. Колыхнулись мохнатые еловые лапы, словно показывая: туда иди! И, стоило мне сделать шаг, последние пряди тумана рассеялись, открыв ту самую поляну, с которой унес меня крылатый чужак.

С которой на моих глазах уволокли Энниса и Анегарда.

Где оставался Рольф.

И, если только нелюдь не умеет оживать после честной стали, с десятков не вполне человеческих трупов.

Сейчас поляна была пуста. Но я примерно помнила, куда надо идти. Вот только заставить себя двинуться оказалось ой как трудно. Ты хотела узнать, что случилось с остальными? А ну как узнаешь сейчас? Помнишь ведь тот сон, ту жажду, помрачающую разум? Помнишь вкус крови, приправленный виной и тоской?

Что, Сьюз, жуть пробирает? Сидела бы уж, не высывалась!

Я беззвучно всхлипывала, давясь слезами. А спину жег чужой пристальный взгляд.

Клетка обнаружилась за кустами. Точно такая, какую видела я во сне — вот только были в ней теперь не Ронни с девчонкой.

Молодой барон, бессильно уронивший руки на колени — голова его упиралась в верхние прутья, глаза были закрыты, но по напряженному лицу мне стало ясно — Анегард, хвала богам, в полном сознании и готов действовать.

Испуганно сжавшийся маг — от этого, похоже, толку будет чуть.

Рольф...

Еще недавно полный сил парень, последний, кого смогли одолеть зверолюди, лежал в забытии, укрытый Анегардовой стеганкой, и лицо его было белее снега.

Я кинулась вперед, ухватилась за неровные жердины:

— Вы здесь!

Анегард вскинул голову, на лице мелькнуло изумление.

— Сьюз?!

Я изо всех сил затрясла жердины — но клетка, на вид казавшаяся хлипкой и неустойчивой, держалась крепко.

— Сьюз, ты с ума сошла! — зашипел Анегард. — Беги! Беги, отцу расскажешь, что к чему...

Я мотнула головой. Вдохнула:

— Помогли бы лучше!

— А то мы не пробовали, — маг нервно рассмеялся.

— Скажешь, тут много их и чары сильные, — торопливо шептал Анегард, — пускай из столицы подмогу зовут...

Тяжелая рука упала мне на плечо.

— Никуда она не побежит и никому ничего не расскажет.

Я дернула плечом, и уж потом обернулась. Кого увижу, знала: я теперь этот хриплый голос ни с каким бы не спутала. Да и запах...

— А ведь могла убежать, — крылатый ухмыльнулся, показав песьи клыки. — Нет, орать начала, звать, искать. Зачем, девочка?

Я промолчала. Только жалкий всхлип сдержать не удалось. Кабы не тот сон, ответила бы, наверное, что-нибудь вроде "кто сам таких вещей не понимает, тому не объяснить". Но я знала, он — понимает. Я слышала тоску и вину в его голосе. *Меньшее зло, самый жестокий из всех выборов.* Он убьет нас — ради своих, за которых в ответе.

— Ее не отпустишь, хоть детей отпусти, — сказал Анегард. — Уж они-то вам не навредят. А сколько вам толку с них, ты и сам знаешь.

Чужак подался вперед. Их с Анегардом взгляды столкнулись, как два клинка — и замерли, сцепившись. Меня аж озноб пробрал.

— Я — знаю, — прошипел крылатый. — А тебе откуда знать?

— От тебя, — чуть слышно ответил молодой барон. — Больно громко думаешь.

В голосе его звенело дикое, невыносимое напряжение, и почудилось мне, будто два поединщика застыли на крайней точке усилия, когда вот-вот решится — кто кого. Помоги, Звериная мать! Что ж это делается?..

Я зажмурилась. Что-то происходило — не здесь. Там, где властвуют боги, где нет слов, потому что не нужны слова. Там, где и у меня иногда получается *говорить* *ислушать* ... вот только как я ни вслушивалась, ловила лишь смутные отзвуки чужих голосов. На большее моего умения не хватало.

Но теперь я верила, что для нас не все еще потеряно. И, не умея помочь иным, всеми силами души молила Звериную мать — дай сил, Великая! Не мне — Анегарду! Пусть у него получится, пусть он победит в этом поединке, смысла которого я не умею понять, пусть если не мы, то хотя бы дети выберутся отсюда живыми... пожалуйста, Великая!

В тот миг, когда у меня уже мутиться в голове начало от усилий, неслышимый другим разговор оборвался. Всхлипнув, я села: ноги не держали. Хотелось спросить: что, как? Кричать хотелось. Или — закрыть глаза, лечь и не видеть больше ничего и никого, до самого конца, каким бы он ни оказался. Вот только — яростные попытки *слышать* не прошли бесследно — я чувствовала, что на самом деле ничего еще не кончилось. Что самое важное, быть может, только сейчас и начнется.

Чужак что-то сделал с клеткой — наверное, отщелкнул незамеченные мной запоры — и молодой барон вылез наружу. С явственным усилием разогнулся, распрямил плечи. Анегард оказался с крылатым одного роста, и короткий обмен взглядами теперь еще больше походил на поединок. Вернее, походил бы, — но теперь за ним не ощущалось такого яростного напряжения. Будто все уже сказано и понято, и решение принято, и надо лишь проверить — точно ли другой не отказался от решенного?

А потом я *услышала* зов, и на поляну стали выходить... *эти*. В точности такие, как во сне. Люди-звери, нелюди-незвери. Теперь, когда во мне не осталось страха, а лишь усталость, но не было и странного чувства сродства, с каким я смотрела на них впервые, я только удивлялась. Каким недобрым колдовством, чьим попусшением могли появиться на свет такие существа? Слишком много от людей, чтобы спокойно называть нелюдью; слишком много боли в глазах, чтоб честить нечистью; слишком жутко, чтобы жалеть, но и не жалеть — не получается. Похоже, думала я, что-то я про них знаю теперь, что-то такое, что мешает ненависти и страху. Вот только как выкопать из глубин души это нечаянное знание? И откуда оно вообще взялось? Сон отзывается? Или отголоски безмолвного поединка?

— Три десятка и еще шестеро, — сказал вдруг чужак. К чему, о чем? Добавил: — И я.

— Ничего, справлюсь, — отрывисто кинул молодой барон, и я поняла: они все еще продолжают разговор. Они нашли решение, сошлись на чем-то... в чем-то согласились...

— Не переоценивай свои силы, парень. Хотя, мы ведь можем дать тебе передышку.

Передышку — в чем? Он что, драться будет, со всеми?!

Ой, похоже... иначе зачем рубаху стаскивать?

Да он сбрендил! Чем это поможет, как?! Боги великие, ему ж всего-то шестнадцать! Каким бы ни был бойцом, после такой ночи против троих не выдюжит, не то что...

Но, когда я увидела, как *на самом деле* собрался решать вопрос наш молодой господин... придурок тронутый, псих безмозглый... я просто закрыла глаза, уткнулась лицом в колени и стала думать, как хорошо было бы помереть прямо сейчас. Чтобы не видеть — ну ладно, я и так уже не вижу, — чтобы забыть, навсегда-навсегда забыть, как его

милость Анегард, молодой барон Лотарский, протягивает нелюдю руку, а тот впивается зубами в вену.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Сьюз!

Я попыталась откликнуться, но и сама не услышала того писка, что продавился сквозь сжавшую горло судорогу.

— Сью-уз! Очнись, все страшное уже закончилось!

Может, и закончилось, мрачно подумала я. Вот только проверять почему-то не хочется.

— Я думал, деревенские девчонки не такие трусливые! — его милость явственно ухмыльнулся. — Ладно бы еще Ланька в обморок хлопнулась, ей простительно... Сью-уз!

Счастье, Ланька твоя не видела, что тут творилось, придурок! Представляю, какими глазами смотрело бы невинное дитя на любимого старшего брата...

— Ну и зачем все это было? — не поднимая головы, буркнула я.

— Помилуй хоть ты меня, Сьюз! Я и без рассказов чуть жив. — А по голосу и не скажешь, чуть не ляпнула я. — Дома расскажу, сразу всем, — как будто подслушав мои мысли, уже серьезно сказал Анегард. — Оно того стоит. Посмотри лучше, Рольфа сможешь в чувство привести? Рассвет скоро, лишнего здесь задерживаться неохота.

Вот уж точно, молча согласилась я.

И только потом поняла, что он, собственно, сказал.

— Так мы... нас отпускают?!

— Угу, — коротко буркнул господин барон. Кажется, рассусоливать на эту тему он не хотел. Или, может, считал опасным.

Ладно, ему видней. Я все-таки подняла голову, посмотрела на стоящего передо мной парня. Человеком он быть не перестал. По крайней мере, внешне. Разве что бледный сильно...

Рольфа вытащили из клетки, натянули на него стеганку. Кузнецов сын бормотал что-то невнятное, глаза его были закрыты, руки холодны как лед, на венах багровели следы укусов. Вспомнив, как знатно приложило нас с ним чужачьей боевой магией, и как раскалывалась и гудела моя голова, я начала тереть ему лоб, лицо и шею — так же, как растирала себе. Жаль, я не умею, как бабушка: она ведь не только всякие травки да наговоры знает, она чувствует, что делать надо — так же чувствует, как я зверей. А у меня дара к целительству вовсе нет, только то и знаю, чего от нее нахваталась.

Вина бы теплого сейчас... или хоть укутать...

— Эннис, — позвала я. Молодому магу втолковывал что-то Анегард, но мне показалось, тот не слишком соображает, на каком он свете. Тоже, что ль, чарами приложили? — Эннис, помощи.

Маг присел со мной рядом. Сказал угрюмо:

— Чем я помогу, если у меня как отшибло все. Ничего не выходит, что ни пробовал. Будто *эти* не только кровь, но и силу высасывают. А так лечить, без чар, я не умею.

— Хотя бы согреть помощи. Я ведь тоже не ахти какая лекарка — так, у бабушки на подхвате.

Эннис кивнул, начал растирать Рольфу ладони. Простое и понятное занятие ему, кажется, помогало — совсем скоро растерянность на лице молодого мага сменилась сосредоточенной деловитостью, а движения стали четче и резче. Ну хоть этого тащить не придется, про себя вздохнула я. А вот Рольф сам идти точно не сможет. Хотя бы до

баронского отряда как-нибудь добраться, авось brave ребята никуда за ночь не делись. А там уж донесут, будет кому.

Анегард тем временем ушел — вместе с крылатым чужаком. Я проводила их рассеянным взглядом.

— Эннис, как думаешь, с ним все... в порядке?

Маг понял недосказанное. Ответил лживо-мягким голосом, каким утешают напуганного ребенка:

— Сьюз, от простых укусов не перерождаются.

— Думаешь?..

Мое недоверие его разозлило, мягкость ушла из голоса, сменилась резкостью уверенного в своих словах человека.

— Знаю. Меньше слушай менестрельских баек. Разумеется, господин барон *не* в порядке, но не более, чем можно ожидать после тяжелого боя и сильной потери крови. До дома бы добраться, а там — на другой день как новенький будет.

Я тайком перевела дух.

— Что, легче стало? — сердито спросил маг.

— Теперь — да.

Эннис кивнул, словно говоря: ну наконец-то дошло. Нашупал на запястье Рольфа слабо бьющуюся жилку, покусал губы.

— Сьюз, ты ведь с ним рядом была? Можешь рассказать, чем его так знатно оглушило? Тут, я чувую, без магии не обошлось.

Я рассказывала, Эннис хмурился — хотя что там можно понять с моих слов? Да и вряд ли это магия, мрачно думала я. Вон, со мной-то уж сколько все в порядке. А из парня крови попили — еще бы ему худо не было!

Но маг выпрашивал о самых крохотных мелочах, и я послушно вспоминала: где стояли мы, а где чужак, как двигались его руки, шевелились ли губы, ощущался ли какой-то непонятный мне "ток энергии" или хотя бы ветер, что я чувствовала, когда чары ударили, а что, когда пришла в себя...

Наконец Эннис, как видно, что-то понял. Покачал головой, буркнул:

— Силен. Дураки мы были, что с простым оружием сюда поперлись. А и верно ж говорят, Сьюз, — дуракам счастье! До сих пор не пойму, как живы остались.

Что тут понимать, хотела сказать я, — им трупы не нужны были, вот и все наше счастье. Они живую кровь хотели. И получили.

Но тут Рольф открыл глаза.

Я ахнула:

— Хвала богам, очухался! Ну, Рольф, ты нас и напугал!

— А... что... со мной... — просипел он.

Эннис прикрикнул:

— Молчи! Что, с кем, как да почему, после будем разбираться. Голова болит?

— Ага...

— Вот и молчи, пока не пройдет. Тебя, парень, так садануло...

— Не... помню...

Маг поморщился. Оглянулся; а я вдруг подумала: странно, мы тут совсем одни, но ощущение давящего в спину взгляда никуда не делось. Верно, из лесу караулят, на глаза не показываясь, — но с чего бы такая деликатность?

— Сьюз, а Сьюз, — смущенно сказал Эннис, — ты б воды раздобыла? Напоить бы парня надо.

"Раздобыла", легко сказать! Как он себе это представляет? Что ручей в потемках искать, что у нелюди просить — одна малина.

Я посмотрела в мутные глаза Рольфа, встала и побрела в лес. Туда, откуда так упорно чудился давящий чужой взгляд. Авось не съедят, раз до сих пор цела.

На обжитой нами поляне уже ощущался близкий рассвет, здесь же стояла непроглядная ночь. Еловые лапы цепляли за одежду, за спутанные волосы — не пускали.

— Эй, — тихо позвала я, — есть тут кто-нибудь?

Зашумело над головой, словно от порыва ветра — и стихло. Проклятый лес, снова морочить взялся!

— Э-эй... отзовитесь!

— Чего тебе?

Передо мной стоял мальчишка. Кажется, тот самый, рыжий и злой, которого я запомнила перед дракой. Хотя в такой темноте разве точно скажешь...

— Воды, — ответила я, — можно?

— Оглянись, — посоветовал мальчишка. — Курица слепая.

Сделал шаг назад — и исчез. Растворился в ночном лесу, как и не было.

А позади меня и впрямь оказался родничок. Совсем крохотный — немудрено проглядеть. Пробивался ключом сквозь шкуру прелой листвы и тут же впитывался обратно.

Ну и в чем нести прикажете? Было б светло, хоть бы мох поискала... Я набрала пригоршню и пошла назад. При каждом шаге на колени падали крупные капли. Донесу ли хоть что-то?

Донесла. На один глоток — но все лучше, чем ничего.

— Второй раз не пойду, — буркнула в ответ на укоризненный взгляд мага. Сам пускай носит, раз такой умный. Чарами.

— Ты считаешь, ему хватило напиться?

— Хорошо, давай флягу.

Несколько долгих мгновений мы с Эннисом буравили друг друга взглядами. Не люблю бестолковой работы, а маг, по моему разумению, именно ее от меня и требовал. Уж не знаю, кто вышел бы победителем, но тут, на наше счастье, вернулся господин барон. А с ним...

— Сьюз!!!

Ронни повис у меня на шее. Кажется, наш мелкий близок был к тому, чтобы разреветься. Белобрысая девчонка — та, что плакала в моем сне, — цеплялась за рваную, окровавленную рубаху Анегарда, и все повторяла, всхлипывая:

— Мама, мамочка...

Чужак — все тот же, крылатый с рысьими глазами, — держался немного поодаль и словно чего-то ждал.

— Как Рольф? — спросил его милость.

— Живой, — буркнул Эннис. Под взглядом чужака магу явно стало неуютно — а тот, как назло, смотрел именно на нас троих. И как смотрел... будто гуся на рынке выбирает!

Я поежилась, встала. Протянула Рольфу руку:

— Поднимайся, что ли.

Эннис спохватился, поддержал. С нашей помощью Рольф держался на ногах почти твердо, хотя идти вряд ли сумел бы. Но идти не пришлось. Чужак что-то сделал — как будто

швырнул в нас слепленным из тумана снежком, — мир в очередной раз повернулся, и мы оказались среди баронских стражников.

Дорога в замок выпала у меня из памяти. Остались только неимоверная усталость, хныканье девчонки, тяжелое дыхание Рольфа, сопение Ронни. Охи выбежавшей навстречу челяди, расспросы Гарника, отрывистые, короткие ответы. Чей-то плач. И тягучий, непрерывный звон — не в ушах и не в голове, а где-то далеко-далеко, чуть ли не там, на Ореховом. Отголосок не чар даже, а силы, что выше любой ворожбы. Той самой силы, о которой просила я богиню...

— Сьюз, что с тобой? Что с ней?

— Уложите ее спать, тетушка Лиз. Ничего страшного. Устала, перепугалась...

— В бою побывала...

— Чарами шарахнуло...

— С нелюдью познакомилась...

— Ох, мать честная, вот так и отпуская с вами девушку! Все им пустяки... Загнали, как есть загнали!

Чьи-то руки помогают раздеться. Прохладная подушка, теплое одеяло. Темнота — ласковая и безопасная.

И никаких кошмаров.

Я проснулась до неприличия поздно. За знакомой полосатой занавеской — меня, значит, снова уложили в Динушиной каморке, — стояла та ленивая тишина, какая отмечает спокойные послеполуденные часы. На пол падала широкая полоса света. Пахло свежим хлебом, парным молоком, тушеным с овощами мясом. Запах уюта, покоя и безопасности. Будто и не было ничего.

Вставать не хотелось. Все живы, все вернулись — чего еще надо? Но я уже достаточно пришла в себя, чтобы понимать — не так все просто с нашим возвращением. И хорошо бы все-таки узнать точно, какую цену заплатил Анегард за наши жизни. Так что я поднялась, худо-бедно привела себя в порядок и пошла искать людей. Для начала — хоть кого-нибудь, кто может рассказать новости.

Первой навстречу попалась Анитка. Всплеснула руками:

— Сьюз, ты встала! Им милости о тебе спрашивали, и господин маг тоже! Сьюз, а правда, что на болоте настоящие оборотни поселились? А они какие?

Я потерла лоб, поморщилась: голова все-таки побаливала.

— Где господа-то? Раз спрашивали, наверное, пойти надо?

— Да там, — махнула рукой Анитка, — старую казарму зачем-то смотрят. Сьюз, а правда, что эти оборотни колдовать умеют?

— Умеют, — кивнула я. — Один так точно умеет. Только не знаю я, оборотни они, упыри или вообще нежить-несмерть какая. Не разбираюсь. У Энниса спроси, может, он понял.

— Ой, ты что, я его смущаюсь! Городской, да еще и маг, а я... Ой, Сьюз, а давай ты спросишь? Интересно же...

— Это кто там посередь бела дня лясы точит? — к нам шел баронский управляющий. Анитка оглянулась, ойкнула и убежала. — А, ты. Ступай к старой казарме, там его милость Анегард тебя видеть хотели. Знаешь, где?

— Д-да...

Я вдруг взволновалась: понятно, что мне хотелось поговорить с Анегардом, не только Анитка здесь такая любопытная, — но я-то ему зачем? В голову полезла всякая дичь: вот прикажет молчать обо всем, что видела, а проговорюсь... вдруг Эннис такой же «знаток», как его учитель, и наш молодой барон... Я сглотнула окончание мысли. В менестрельских байках тоже, небось, правда встречается.

— Так пошевеливайся, коли знаешь, — прикрикнул управляющий. Проворчал: — Вот ведь дуры девки, одно языками чешут да страхи себе всякие выдумывают...

Та-ак... кажется, пока я спала, слухи по замку уже пошли, и слухи не очень-то приятные... Поежившись от внезапного озноба, я поплелась к конюшням — именно там, за посыпанным крупным речным песком пятакком манежа и сенными сараями, медленно ветшала старая нежилая казарма.

У ее дверей, покосившихся и вросших в землю, мялся Эннис. Увидев меня, маг повеселел, приосанился.

— А, Сьюз! Выспалась?

— Выспалась, — вздохнула я. — А что, пока я спала, еще неприятности подоспели?

Эннис рассмеялся:

— Да ничего такого, не бойся. Ваш мальчишка умял половину кладовой, ваш кузнец на спор подковы гнет, перед девицами красуется, так что решили, пора вас отсюда по домам налаживать, пока замок еще цел. Тебя ждали.

— А-а... это хорошо. — Мне вдруг пришел в голову вопрос, который стоило бы задать магу по свежим следам. — Эннис...

— Что, Сьюз?

Я достала подарок Марти.

— Что за цацка такая, можешь мне объяснить?

Маг, мне показалось, смутился.

— Кажется, он сказал "на удачу"?

— Ой, Эннис, ну не надо! Ты же понял что-то, я видела! И Марти этот не так прост, как прикидывается, и подарок его, по-моему, тоже. Чего боишься, убьет он тебя, если расскажешь?

— Все-то ты замечаешь, — грустно усмехнулся Эннис. — Парень тебе свою защиту отдал. Видно, глянулась ты ему.

— То есть как — "защиту"? — От «глянулась» я предпочла отмахнуться.

— Да вот так, — пожал плечами Эннис. — Очень просто. Эта, как ты выразилась «цацка» эффективно нейтрализует направленную против хозяина агрессивную магию. Высокого качества вещь, я таких раньше и не встречал.

Я застонала.

— Ты по-простому можешь выразаться?

— По-простому? — Эннис почесал в затылке. — Ну вот если против тебя чары какие-нибудь кинуть, боевые в особенности, она тебя от них защитит. Может, полностью, может, частично — тут все от разности потенциалов зависит... ой, прости! От сравнительной силы чар и амулета, так понятно?

— Понятно, — вздохнула я. — Как наши мужики любят выразаться, дело ясное, что дело темное.

— Да ладно тебе, темное! Оно ж видно, Сьюз! Ты разве сама не заметила... там? Ты вспомни...

Я честно попыталась вспомнить. Опаляющий душу барьер, свалившие нас с Рольфом чары, замороженный лес...

— Знаешь, Эннис, мне кажется, оно не работает. Или у меня не работает.

— Сьюз, — Эннис посмотрел на меня, как на дурочку. — Да если б не эта штука, тебя бы там размазало! Уж ты мне поверь, я какой-никакой, а маг. Очень даже оно работает, просто там такие силы бушевали, ты себе представить не можешь. — Добавил, помолчав: — И я не мог, пока не увидел.

Я задумчиво покатила по ладони каменную бусину.

— Эннис, а этот парень, Марти, — он здесь еще?

— Вчера ушел.

— Жаль. Я б вернула.

— Сьюз, — вздохнул маг, — такие подарки не возвращают. Он решил и отдал, а ты приняла. Все, дело сделано. Владей и не заморачивайся. Оно ни к чему не обязывает.

— Ладно, — я надела амулет обратно на шею. — Дадут боги встретиться, хоть спасибо скажу. Эннис, а он вообще кто? Ведь не бродяга же?

— Не знаю.

Что-то подсказало: вот теперь Эннис соврал. Но... наверное, мне и не нужно знать. А то бы, наверное, сам Марти и рассказал. Вот так шел человек мимо, шел и прошел, а памятку оставил...

Мне стало грустно. Эннис это заметил, спросил:

— Ты хоть поела?

Я покачала головой.

— Ну, это не дело! погоди, — маг заглянул в казарму, крикнул: — Господин барон, тут Сьюз пришла!

— Сейчас, — откликнулся Анегард.

— Сейчас, — подмигнув, повторил Эннис. — Нехорошо, господин барон, держать такую девушку голодной. Да и я, честно говоря, не откажусь лишний раз подкрепиться.

— Подкрепиться? — его милость Анегард вынырнул из казармы внезапно, я даже вздрогнула. Выглядел молодой барон вполне бодрым, от вчерашнего и следа не осталось. — Извини, Эннис, мне подкрепляться некогда. Поешьте со Сьюз, ладно? Только быстро. Сьюз, я тебя домой отвезу, не возражаешь?

Попробовала бы я возразить! Когда наш молодой господин говорит таким тоном, лучше кивать да помалкивать.

— Вот и хорошо, — Анегард провел ладонью по волосам, стряхивая паутину. — Жди на кухне, я за тобой зайду.

И умчался, на ходу выкликая Гарника.

Ну и зачем звал? Убедиться, что жива?

На кухне Анитка и Динуша встретили нас как дорогих гостей. Вот только похоже, усмехнулась я, придвинув мясо к себе поближе, Эннису придется расплачиваться за их доброту рассказами. Впрочем, маг явно не возражал. Пока я торопливо ела, удивляясь собственному звериному голоду, он всю распускал хвост перед девчонками. Сначала расписывал опасности нашего похода и чудесное спасение — правда, к чести его, не утаил, что спас нас всех господин барон. Затем начал рассуждать, с каким, собственно, видом нелюди мы повстречались, и быстро перескочил на магическую заумь, — вот уж Куржева школа!

Я кое-как ухватывала смысл — помогало, что я видела тех, о ком шла речь. Зато Аниткины глаза стремительно утрачивали осмысленное выражение.

— ...Таким образом, мы имеем дело не с оборотнями, упырями или лесными духами, и уж тем более не с легендарной Дикой Охотой, а с обыкновенными заколдунцами, сиречь несчастными людьми, пострадавшими от чужого злонамеренного колдовства...

— Эннис, — улыбнулась я, — говори проще, и все девушки твоими будут!

— А что? — удивился маг. — Непонятно?

— Не-а, — ответила бойкая Динуша. — Кровь-то они пьют? Пьют. Так почему ж тогда не упыри?

— А если в зверей перекидываются и от честной стали не мрут, значит, оборотни! — добавила Анитка.

Эннис закатил глаза. "Для кого я тут распинался?" — нарисовалось на его лице. Однако начал заново, старательно подбирая слова попроще. Я наострила уши, но тут заглянул его милость Анегард:

— Сьюз, пошли!

Мимо барона протиснулся Рэнси, кинулся ко мне, в порыве щенячьего восторга попытался запрыгнуть на колени. Анитка взвизгнула: псень едва не спихнул на пол кувшин с элем.

— Рэнси! — смеясь, я трепала пса за уши, гладила умильную морду. — Хороший мой, веди себя прилично. А то в другой раз тебя здесь и на порог не пустят!

Пес в ответ скулил и тянулся облизать мне лицо. Эннис покосился недовольно, переставил эль на середину стола, отодвинул подальше мясо. Его милость Анегард откровенно потешался.

Пришлось мне прощаться с магом и с девчатами... ну ладно, увидимся еще, тогда расспрошу. А может, господин барон понятней расскажет. Надо только набраться храбрости спросить.

Во дворе ждал черный жеребец. Анегард сел в седло, протянул мне руки:

— Давай, Сьюз, смелей!

Кажется, подумала я, это становится моим законным местом. Ох, Сьюз, береги косу! Как бы кто ревнивый в нее не вцепился!

Впереди Гарник вез по уши довольного Ронни. Следом ехал Рольф. Был он еще изрядно бледен, однако в седле держался уверенно. Для него нашли в баронских конюшнях резвую крепенькую кобылу-четыrehлетку под пару Огоньку и вручили во владение торжественно, перед всей челядью и стражей: старый барон счел, что храбрость деревенского парня заслуживает награды.

Их ждет дома хорошая встреча, думала я. И пересудов теперь надолго хватит, и от невест Рольфу совсем прохода не станет. А мне одного хотелось — чтобы моя жизнь потекла по-старому, будто и не было ничего. Позабыть о ночных кошмарах, выкинуть из памяти жуткую ночь на болоте... страшные полужвериные морды, в которых угадываются бывшие человеческие лица... жажду крови, боль и страх, и тоску, тоску... Проклятый тот сон! Нет, не ночь на болоте оказалась для меня самым страшным испытанием, не ледяные ладони почти мертвого Рольфа, не Анегард, подставляющий вену под укусы. Куда страшней — жалость. Душу рвет. Главарь с нетопыриными крыльями, похожая на Гвенду женщина, обозвавший меня слепой курицей мальчишка, — все они были раньше людьми. И те, кто

готов был рвать на части Рольфа — тоже. Безумие кровавой жажды, отчаяние, удушливый туман чар, скрывающий клочок чужого леса — все, что осталось им от радостного людского мира.

Проклятый сон, швырнувший в их шкуру! Разве такое позабудешь?..

Анегард сказал, все страшное закончилось, не будет больше ни ночных кошмаров, ни пропавших детей. Но что-то во мне, какое-то мне самой непонятное чутье, говорило: прежняя жизнь ушла навсегда, и жалеть о ней так же глупо, как, например, мечтать стать баронессой.

А новое меня пугало.

Кони шли спокойно, озаренный солнцем лес медленно плыл назад, и не было в нем ни следа от ночных страхов. Рэнси носился кругами, то нырял в густые папоротники, то выпрыгивал на тропу едва не под самые копыта, взлаивал, звал побегать с ним. Анегард молчал, верно, задумался о чем-то. Да и ясно, о чем: похоже, от ночных соседей нам так просто не избавиться, назвались друзьями, так должны помочь. Значит, надо объяснять людям, как дальше жить... а может, ехать в столицу, у королевских магов просить совета... заботы посерьезней, чем объяснять бабушке, что за цацка на шее висит, кем подарена да почему взята!

Дорога показалась мне слишком короткой. Очень уж хорошо было ехать вот так, отложив страхи и тревоги на потом, посреди выпавшего вдруг островка безмятежности — быть может, слишком короткого. Чувствовать спиной тепло Анегарда, которого все трудней в мыслях называть бароном и его милостью. Забавляться весельем Рэнси, наслаждаться солнечным деньком и не думать о том, что будет дальше...

К чему думать о том, что не в твоих силах изменить? Чего и предугадать пока не можешь?

Анегард спешил к нашему домику. Сказал:

— Приглашай в дом, хозяйюшка. Вашим в деревне Гарник все расскажет, а я кваску попою да обратно поеду.

Бабушка выбежала навстречу, ахнула:

— Наконец-то! Я уж заждаюсь, сердце не на месте! Заходите, ваша милость... а что ж господин капитан, неужто не отдохнет? А ты, Рольф, что-то совсем белесый, слезай-ка, гляну на тебя поближе. Охти ж, и пропажа нашлась... что, герой, готов домой явиться? Мамка с папкой тебя ждут, ой жду-ут!

— Здорова будь, Магдалена, — рассмеялся Гарник. — На обратном пути загляну, ты уж кваску твоего знаменитого на мою долю оставь!

Ронни прыснул, Рольф пробормотал смущенно:

— Не, я домой поеду. Тоже, небось, волнуются. Ниче, хорошо все...

Два коня с тремя седоками пошли дальше, а нас с Анегардом бабушка потащила в дом. Вокруг увивался Серый, Рэнси, не будь дурак, просочился на кухню, свалил на пол горшок с кашей и начал торопливо хватать — уж его ли, проглотя, в замке не кормили?! Бабушка кинулась убирать, замахнулась на псенья веником, тот рыкнул, развернулся боком, прикрывая несправедную добычу...

— Бабуленька, — не выдержала я, — сядь ты, всех богов ради, спокойно! Пусть уж ест, потом подмету. Я с утра любопытством мучаюсь, так что сейчас квасу выставлю, и пусть господин барон нам с тобой рассказывает, каким чудом мы все живы остались и домой вернулись, и что за нелюдь теперь у нас в соседях, и как с такими соседями дальше жить.

Бабуля даже не села — упала на лавку. Я грохнула на стол кувшин с квасом, выставила кружки:

— Господин барон?

— Что с тобой делать, — вздохнул Анегард. Сел, взял кружку. Поставил обратно. — Рассказать надо, сам знаю. Вот как начать...

Сначала, хотела сказать я. Но — глянула в его лицо и осеклась. Молча села напротив.

— На легенду похоже, — глухо сказал Анегард. — Из тех, которые слушаешь и веришь — да, раньше такое случалось, ну так раньше и боги по земле ходили, и люди были другими. А чтоб теперь...

Он стал старше, подумала вдруг я. За каких-то несколько дней — как будто лет десять прошло.

— Жил в старые времена один барон, — Анегард покачал головой, усмехнулся грустно. — Времена не такие уж и старые. Я не понял точно — век, два... наверное, и архивные записи найти можно, если знать, что и где искать. В его родных местах наверняка еще помнят, вот только от наших краев далеко, не спросишь. Хотя оно и к лучшему, что далеко.

Рэнси пристроился рядом, положил голову мне на колени. Анегард замолчал, и я услышала тишину — такую полную, такую глубокую, будто весь мир замер и ждет чего-то. Говорят, в такие мгновения можно услышать, как скрипит колесо прялки, на которой Старуха прядет нити людских судеб...

— Он был обычный, — продолжал Анегард. — Не герой и не трус, не злой и не добрый; о таких легенды не слагают. Жил как все. Воевал за короля, женился, детей воспитывал. Правда, он умел ворожить и даже обучался у мага по молодости. Но, как подобает благородному, изучал только боевые чары, так что полноправным магом не стал. Обычный, да... вот только был он избранник, отмеченный печатью богини. Прядильщицы.

Могильным холодом повеяло от этих слов. Я поежилась. Избранник Воина станет великим воином, избраннику Хранителя стад будет удача в мирной жизни. Звездная дева подарит любовь, Жница — многочадие и долгую жизнь, а будет нужно — легкую смерть. Но что даст своему избраннику Хозяйка тьмы, та, во славу которой в темные и дикие времена приносили кровавые жертвы?

— Слыхала я о печати Прядильщицы, — бабушка покачала головой. — В тех краях, откуда я родом, говорят, что таких детей надо убивать прямо на алтаре.

— Кто посмел бы убить единственного наследника благородного рода? — спросил Анегард. И ответил сам себе: — Я бы — теперь — убил. Даже собственного сына. Все лучше, чем... — Он тряхнул головой, провел по лицу ладонью, будто смахивая липкую паутину. — Однажды Старуха явилась к своему избраннику и потребовала службы, и клянусь, я на его месте лучше бы сам себе глотку перерезал, чем... Нет, он не согласился. Но он был не трус и не храбрец, а так, серединка-наполовинку, и он, ответив богине «нет», решил жить дальше, будто ничего не случилось. Дурак.

Что ж там за приказ такой был, подумала я, что за служба? Но спросить испугалась. Если Анегард не сказал, наверное, лучше об этом молчать. Не будить зло неосторожным словом.

— Прядильщица отреклась от послушника. — Анегард сцепил руки в замок, покачал головой. — Отреклась... вы ведь понимаете, что такое, когда от тебя отрекается Смерть?

Бессмертие?!

Я открыла рот — и закрыла, не сказав ни слова. Очень уж не вязалось... что-то тут не то...

— Он не мог умереть и не мог жить. Как человек — не мог. Старуха сделала ему подарочек на прощание, чтобы помнил. Он должен был пить кровь, иначе начинал сходить с ума, и... И — опять же пил кровь. Только уже не разбирая, сколько, как и у кого. И каждый приступ безумия оставлял в нем все меньше человеческого.

— И он превратился... — я запнулась, подбирая слово, — вот в это? Это ведь он был... там?

— Да, — тяжело уронил Анегард.

— А остальные?!

— Сейчас объясню. Остальные... понимаешь, Сьюз, он может питаться любой кровью. Как еда годится любая живая тварь. Но только кровь человека позволяет ему сохранить разум. А тот, у кого он возьмет слишком много, сам превратится в такого же.

— И они все?!..

— Да.

— Сволочь, — прошипела я.

— А Ронни? — спросила бабушка.

— А... — «ты», хотела спросить я. Но как о таком спросишь?

Анегард понял.

— Там хитро, — сказал он. — Этот... его, кстати, Зигмонд зовут... он не сразу понял. А когда понял, стал осторожнее. По глотку от человека... Стаю свою в руках держал жестко — это ж все его люди, из тех, кто первым под клыки попался, когда он и не понимал еще ничего. Из родных мест улетели, чтоб таких же не плодить. И они поумнели с тех пор. Научились, как лучше... Я не все, наверное, уловил, это ведь не сам он мне рассказал, а...

Молодой барон замялся, не умея объяснить. Я кивнула:

— Да, я поняла. Сила Звериной матери... ох и страшно было, когда вы с ним там взглядами сцепились! Аж воздух звенел!

Анегард поглядел странно: как будто я сказала что-то такое, о чем и понятия иметь не должна. Потер лоб.

— А, ну да. Я и забыл, о тебе говорят — звериная лекарка... да и сны эти... а ты не избранница ли, Сьюз?

Я мотнула головой:

— Что вы, господин! Просто *слышу* иногда. Успокоить могу... вот и все. Остальное — чему бабушка выучила. А там... там, наверное, с перепугу чувства обострились. И я ведь не слышала, не поняла, что там между вами было, просто... ну, как сказать? *Что-то было* — и все.

— Да, я понял, — кивнул Анегард. — Я знаю, как оно бывает. Перепугали мы тебя, да?

— Еще как...

— Ну, зато друг друга поняли. И выход нашли. Так что и с детьми, и с Рольфом, и со мной все в порядке будет. Да и с ними теперь легче.

— Что-то я нить упустила, — проворчала бабушка. — Рассказали б вы лучше толком, чем так скакать...

— Я расскажу потом, — я взяла бабушку за руку. — Там долго рассказывать, столько всего было... сейчас другое важно. Почему легче? — Я посмотрела Анегарду в глаза. — Как вы договорились, господин, объясните уж, сделайте милость! Ведь просто так они бы нас не

отпустили?

— Я отдал кровь добровольно, — глухо сказал Анегард. — Сам предложил. А оказалось, это...

— Снимает проклятие? — замирая, прошептала я.

— Если бы... Нет, Сьюз, проклятыми они были, проклятыми и остались, и как тут помочь, никто не знает. Разве что сама Прядильщица. Но человеческая кровь им больше не нужна, и безумие им не грозит, и сколько в них от людей осталось, никуда уже не денется.

— Заморозили, — буркнула бабушка.

— Что? — переспросила я. При чем тут...

Бабушка усмехнулась невесело:

— Как вареники на морозе. Сколько надо, столько и лежат свеженькими.

— Да, похоже. — Анегард рассеянно кивнул.

— И что вы с ними сделаете?

— А что сделаешь? Пусть в замок перебираются, живут по-людски — насколько смогут. Мы ж с ними теперь вроде как родня получаемся.

— Верно, родня, — кивнула бабушка. — Да больше того! Раз им господин и защитник здешних земель свою кровь добровольно отдал... ох, твоя милость, ну ты и удумал! А если б не помогло?

— Дуракам везет, — ухмыльнулся Анегард. — Это посильней вассальной клятвы будет, верно. Я-то уж потом, задним умом понял. — Взял наконец-то свою кружку, выпил залпом давно согретый квас. На губах осталась мокрая дорожка, и мне захотелось взять платок и вытереть. Еле удержалась! — Поеду. Спасибо, хозяйюшки, за угощение, рад бы еще посидеть, а только время не ждет. — Встал, глянул в окно, на скатившееся к вершинам деревьев солнце. — Как раз на Ореховый завернуть успею. Завтра устроим новоселье, а там уж...

А там, подумала я, и начнется самое интересное.

В вечерних сумерках, примерно за полчаса до закрытия ворот, в славный город Оверте въехал всадник на гнедой в белых «чулках» и с белыми боками кобыле.

Кобыла была справная, с длинной гривой и лоснящейся от доброго корма шерстью, и неблагородный пегий окрас лишь подчеркивал очевидный любому лошаднику покладистый нрав. Иное дело ее хозяин. Сильные руки, разворот плеч и уверенная посадка выдавали человека, привычного к оружию и сражениям, светлые глаза глядели пристально и цепко. Такой на боевом жеребце разъезжать бы должен, смирная кобыла ему не к лицу.

Стражникам у ворот он назвался менестрелем.

— Сдается мне, — проворчал старший караула, — ты такой же менестрель, как я бургомистрова дочка. Лютня-то где?

— Украли, — мрачно ответил всадник. — Так могу спеть, если хочешь.

— Да уж ты, я чую, споешь, — караульный махнул рукой. — Надолго в город?

— Тебе что за печаль?

— О таких типах, как ты, я должен докладывать.

— Ненадолго. День, два... может, три.

— Едешь куда?

Губы «менестреля» искривила улыбка, такая же неприятная, как взгляд.

— Ты ж мне на медяк ломаный не веришь! Ну скажу я — в столицу. Или в Азельдор. Или вовсе — по святым местам. И что? Дорог много.

— Много, — согласился стражник. — Откуда, тоже не скажешь?

Всадник равнодушно пожал плечами:

— Почему же. След, он проверяется. Еду от барона Лотарского.

Караульный заметно смягчился: барон был для Оверте добрым соседом, и его имя служило неплохой рекомендацией.

— Ладно, проезжай и не балуй. Да не вздумай в "Колесе и бочке" остановиться!

— Что так? — светлоглазый придержал кобылу.

— Ну, если любишь разбавленное пиво...

— Понял, — ухмыльнулся «менестрель». — Спасибо.

Подковы неторопливо зацокали по выложенной камнем мостовой. Караульный, прищурясь, смотрел вслед, пока всадник не свернул в проулок. Бросил с ноткой одобрения:

— "Менестрель", ишь ты! Нахал.

Выглянул из ворот: дорога, сколько хватало глаз, была пуста. И, зевнув в кулак, махнул страже:

— Закрывай, ребята!

Между тем непохожий на менестреля всадник петлял по извилистым улочкам Оверте. Он проехал мимо квартала оружейников, даже вечером чадного и громкого, мимо "Колеса и бочки" с ее разбавленным пивом и драчливыми посетителями, мимо храма, рыночных рядов, магистрата и спешил к дверей "Королевского стремени" — заведения респектабельного, дорогого и спокойного. Кинул поводья кобылы парнишке-конюху и толкнул тяжелую дверь.

По вечернему времени зал был полон. Здесь собиралась публика под стать вывеске: гильдейские старшины и городские советники, купцы, маги, прикормленные магистратом

писцы и поверенные, — говоря короче, — абы кто, а люди, отягощенные бременем власти, состояния либо учености. Менестрель без лютни, но с внешностью заядлого рубаки выглядел среди них не менее странно, чем на своей смирной пегой кобылке. Однако, как верно заметил старший караула у ворот, нынешний гость славного города Оверте отличался изрядным нахальством. Ни слишком пристальные взгляды, ни откровенно недовольный шепоток за спиной его не смутили; ловко пробравшись к стойке, он повертел под носом хозяина серебряшкой азельдорской чеканки и спросил пожрать и комнату.

Деньги остаются деньгами в любых руках; ужин был предоставлен незамедлительно, хотя хозяин и не преминул повторить вопрос стражника: на какой именно срок намерен уважаемый господин задержаться в городе?

— Поглядим, — буркнул в ответ нахал. Совершенно правильно переведя это как "не твое собачье дело", трактирщик отправил служанку приготовить гостю комнату и оставил его наедине с печеным гусем.

Впрочем, следует отдать тому должное: вел он себя тихо-смирно, пышный зад подавальщицы, ловко сгрузившей на стол перед опасным гостем миску с кашей и кусками одного гуся, кружку с пивом и хлеб, остался в неприкосновенности, а серебряшка была честной, новенькой и необрезанной. Поэтому почтенный трактирщик ограничился короткой молитвой Великому отцу, покровителю странников и гостеприимцев, смысл которой сводился к банальному "пусть все будет хорошо", и вернулся к обычному для себя душевному покою.

Постепенно неподобающий заведению гость перестал притягивать взгляды завсегдатаев, и в "Королевском стремени" возобновились привычные для вечернего времени беседы: о видах на урожай, ожидаемых к осени ценах, налогах, дорогах и прочих вещах, от которых напрямую зависят как власть, так и состояние.

Гость, жадно уничтожив ужин, спросил еще пива. Но напиться не стал: сидел себе, тянул неторопливо, по плоточку, всем своим видом выражая "устал, отдыхаю, никого не трогаю", а разговоры стекали в его уши, как талые ручейки по весне — сами, без малейших усилий с его стороны. Впрочем, ничего особо интересного «менестрель» так и не услышал: заботы, волновавшие нынче верхушку славного города Оверте, не назвал бы предосудительными даже самый пристрастный судья.

Простыни в "Королевском стремени" отличались чистотой, служанки неназойливостью, а окна и двери — крепкими запорами, и путешественник имел все основания предвкушать спокойный сон. И все же среди ночи его разбудило ощущение опасности, иглой пронзившее сердце. В комнате стояла та прозрачная тишина, в которой легко слышен даже шорох лапок пробежавшей мыши; и ничто, кроме быстрого дыхания пробудившегося человека, не нарушало ее сейчас. Постоялец затеплил свечу, оглядел номер. Проверил дверь, окно. Все было спокойно, вот только сердце стучало как бешеное.

"Менестрель" выругался сквозь зубы, грязно и затейливо. Звук собственного голоса разбил тишину и — в какой-то мере — страх.

— Спи! — сказал он себе. Но вместо того, чтобы вновь завернуться в одеяло и выбросить из головы мешающие отдыху глупости, принялся одеваться.

Ночь уже повернула к рассвету. Самый сонный час: время воров, темных колдунов и нечисти, время для удачной разведки и подлых штурмов, время самого тяжелого и опасного караула.

Одевшись и вооружившись, «менестрель» почувствовал себя лучше. Страх ушел, но тревога не отступала.

— Да что ж это со мной?!

Рука шарила по груди, словно пытаюсь защитить обнаженное сердце. До странности пусто и холодно было там, и пустота подсказала ответ: что-то стряслось с девчонкой из замка Лотаров, которой он подарил амулет, как там ее — Сьюз? Ну, друг Марти, сказал себе «менестрель», раз уж ты разбрасываешься святыми амулетами ради ясных глаз деревенских красоток, не жалуйся, когда потом не спится! Слишком долго он жил рядом с твоим сердцем, многолетняя связь не разорвется за день или два, вот и получай теперь весточки о чужих неприятностях.

Марти попытался рассмеяться, но смех прозвучал хрипло и лживо. Да, все дело в амулете: его защиту проверили на прочность, и... Что «и», оставалось только гадать. Лишь одно не вызывало сомнений: амулет исправно защищает новую хозяйку.

Надо было остаться, с досадой подумал Марти. Безумная вылазка... хоть бы Анегард вернулся цел! Сейчас только гибели наследника Лотаров не хватало для полного счастья.

Но, думая так, он слышал в собственных мыслях ложь. Остаться в замке Лотаров было нельзя, идти на вылазку с отрядом Анегарда — тем более. У баронов Лотарских свои дела, у него — свои. Спасибо им, конечно, за коня и за деньги — маска нищего бродяги не самая лучшая для того, кому не нужны неприятности в пути, — но по нынешним временам эта помощь весит немного. Да и расплатился он по совести: предупреждение о том, что сосед набирает наемников, стоит не меньше. Лотары с Ренхавенами не в дружбе...

Семью днями раньше, когда Марти подъезжал к замку его милости Ульфара Ренхавенского, лютия висела на положенном месте у седла, а уздечку гнедого меринка украшали бронзовые подвески-бубенчики, исконно менестрельский оберег. Лютия всегда его слушалась, и голосом боги не обделили; Ульфарова дочка едва не сомлела от любовных баллад, все просила: спой еще, менестрель! В конце концов барон, зыркнув недобро, отправил гостя во двор, развлечь слуг и гарнизон. А гостю, по чести говоря, того и надо было: слуги разговорчивей господ, а на охрану всегда полезно поглядеть вблизи. Не в первый раз молодой «менестрель» осматривался в замке, который предстояло вскоре брать штурмом, и знал, куда смотреть и о чем словно невзначай спросить. Здесь, правда, готовились не к штурму, а к походу, но разница небольшая. Марти перебирал струны, скользя рассеянным взглядом по лицам слушателей: вот эти, верно, еще вчера коровам хвосты крутили, зато рядом — волки битые-недобитые, вкус крови знают не только из песен менестрельских. "Мой клинок не затупится, мне Старуха не приснится, и любая мне девица даст, что захочу..." — подхватывают, гогочут развязно, тянут к себе служанок, а те и не противятся. И ведь мало их, волков-то. По всему видать, Ульфар их десятниками нанял, над своими селянскими командовать. Что ж, зубы наточить любому увальню можно, было бы желание. "Губы милки слаще меда, мы вернемся из похода..."

— Эй, певун, а "Три дочки у трактирщика" знаешь?

— Как не знать! "Три дочки у трактирщика, девицы хоть куда, гостей встречают ласково, да вот одна беда: три дочки у трактирщика да девять сыновей..."

Знаю, парни, я еще и не то знаю. Баллады для господ, любовные страдания для простого люда, разудалая похабень для наемников. Веселитесь. Скоро менестрелю понадобится промочить горло, и вот тогда поговорим: ведь я уже стану вам своим, насквозь знакомым и

почти родным. Общие песни сближают, и ничего нет лучше, если хочешь быстро втереться в доверие — ненадолго, на час или на вечер, пока не развеются хмельные пары. "А младшая дочурка была сестер хитрей..."

Марти любил эту маску. Она позволяла держаться независимо и дерзить в ответ на дерзость, а если острый язык становился поводом размять кулаки, тем лучше: пристрастие к доброй драке Марти отнюдь не считал недостатком для мужчины. Конечно, с господами следовало держаться в рамках: мало ли, что менестрели и маги вне подлого сословия, против слуг с дубьем лютней не отмахнешься, а стенам замковой темницы не докажешь неправоту хозяина, хоть весь на речи изойди. Но наемники уважают нахальство. Если, конечно, ты способен доказать на деле право быть наглецом.

Через десяток-другой кружек и песен Марти знал о бароне Ульфаре Ренхавенском намного больше, чем безопасно знать незваному гостю. Конечно, любому в этом дворе ясно, что никакой нету тайны в давних дрязгах его милости с соседом, и в недавней обиде на обнесшего чином короля, и в любовной интриге с одной столичной штучкой ("Ох и красивая, волосы-то ровно золото, глаза синюш-щие, только взгляд недобрый — зыркнет, аж мороз по хребту!"). Да только, бывает, сложишь два-три всем известных слуха, а вместе они та-акое дадут...

Столичная штучка с золотыми волосами, синющими глазами и недобрый взглядом у нас на все королевство единственная, гадать не приходится! Уж если она крутит шашни с захудалым провинциальным баронишкой, то... нет, ребята, про любовь кому другому рассказывайте! У ее высочества принцессы Вильгельмы любовь одна — братова корона. Сколько лет по ней чахнет.

Тут бы и уходить, да кто ж на ночь глядя из-под крыши в путь пускается? Марти пристроился ночевать в сеннике над конюшней, благо, его милость Ульфар о госте вспомнить не соизволил. И подружка на ночь нашлась — одна из кухонных девчонок. По правде говоря, не ахти какая красавица, зато разговорчивая.

Даже, пожалуй, слишком разговорчивая. Как же Марти благодарил всех богов скопом, что болтушка успела убраться, когда в конюшню вошли припоздавшие гости! Братья у нее, понимаете ли, да отец строгий... младшая дочурка...

Уставший Марти начал уж задремывать; разбудил памятный — слишком памятный! — резкий голос.

— Ого! Знакомый меринок, и сбруя знакомая. — Звон бубенчиков ударил погребальным колоколом. — У вас, никак, менестрель нынче пел?

— Точно, ваша милость, пел. Знатно повеселил, ребята довольны остались.

— И хозяин?

— Дыкть, хозяева нам, ваша милость, не докладывают...

— И где он сейчас?

— Хозяин-то? Дыкть, у себя. Велел, как появитесь, сразу вас к нему проводить...

— Менестрель, дубина!

— А-а... Да кто ж его знает... вроде с Лиззи в обнимку уходил...

— Так, вот что, давай-ка проверим. Менестрель молодой, с меня ростом, волосы темные, глаза светлые, смотрит нагло?

— Дыкть... ага, вроде похоже...

— Та-ак... беги-ка ты, любезный, к хозяину и доложи, что не менестрель ему нынче пел, а Игмарт из "Королевских псов". Пусть стражу поднимает замок обыскивать, да тихо:

раньше сроку нам переполох не нужен. Ну, чего зенки вылупил, беги!

"Любезный" дернул с места в карьер, будто за ним волколаки гонятся.

— Беги, — выцедил вслед новый гость барона Ульфара. — Беги, а я здесь постерегу. Авось попустят боги, выведут щенка к его мерину.

Марти перевел дух. Ага, жди! Гнедого придется бросить, и все остальное тоже — лютню, деньги... а, будь ты проклят! Любимый тесак тоже там, в вещах, в одеяло увязан! С собой только потайные ножи... ну что же, собственная шкура всяко дороже имущества, даже самого ценного. Придется драпать, в чем есть.

Выскользнуть из сенника на крышу конюшни было самым трудным. Беглецу казалось: чужая ненависть там, внизу, притягивает его, путает мысли и движения. Чужая — и его собственная. Давние счеты, сводить которые не время и не место — а жаль! Так неожиданно разоблаченный «менестрель» зло сплюнул под ноги и тенью в тени побежал к лестнице на стену: та, по счастью, оказалась рядом, и пробираться через двор не пришлось. Прыгать со стены в ров — жутенькое, конечно, развлечение, но не смертельное. Особенно если ров запущен до такой степени, как у Ульфара. Короткой форы как раз хватило: выбравшись из воды, лазутчик увидел мелькание факелов на стене. Усмехнулся: ищите, покуда не лопнете! И побежал в лес — пока что не особо выбирая дорогу, лишь бы подальше от Ульфарова замка. Правда, для начала нужно найти ручей и вымыться, иначе его и без собак найдут, по несусветной вони. Игмарт брезгливо отряхнулся. Превратить ров в сточную канаву, может, и умно в стратегическом плане, но разводить под собственными окнами такой смрад... Впрочем, ежели Ульфар согласен дышать нечистотами... тут Марти наткнулся на вожденный родничок. Следующие полчаса он яростно отмывался, выполаскивал штаны, рубаху и сапоги, и думал: а может, барон Ренхавенский для того и не чистит ров, чтоб посмеиваться, представляя, как самые отчаянные его враги отплеваются, вылезая из этого оборонного недоразумения? А может, и не только представляя — кто знает, чем тешится его милость Ульфар на досуге?

"Менестрель" так и не узнал, была ли за ним погоня. Кого благодарить за свободу: собственную прыть и умение путать следы или Ульфарово попустительство? Расслабился уже в землях Лотаров. За то и поплатился: попался не погоне и даже не разъезду, а каким-то селянам, искавшим пропавшего мальчика. Да мало что попался — сбежать не смог! Кому расскажи, позору не оберешься!

Впрочем, в тот день, по пути к замку Лотаров, неминуемое грядущее осмеяние меньше всего занимало мысли Марти. Доживи сначала! Тут уж — либо божья милость, либо могильная сырость: старый барон Лотарский знает его и в лицо, и по имени, и по месту службы. Навряд ли у героя осады Готтебри вдруг отшибет память настолько, что он не угадает в оборванном бродяге одного из своих разведчиков, тех, кого лично расспрашивал перед победным штурмом. Ох, расспрашивать барон умеет! И допрашивать, кстати говоря, — тоже... Ну и за кого ты нынче стоишь, барон Лотар? Все еще верен королю, или Вильгельма и тебя переманила, как многих?

Оказалось — верен. Так что вовсе не за красивые глаза Марти отдал селянской девчонке драгоценный амулет. За такую удачу не отдарить — навек удачи лишиться. И вот оно — в первую же ночь ей пригодился.

Что ж, думал невыспавшийся Марти, раз такой поворот, значит — судьба. Значит, ей нужнее. Откровенно говоря, королевскому псу было совсем неинтересно знать, какая такая нечисть завелась в Лотаровых лесах. Своих забот хватает, чего о чужих беспокоиться. Не о

девчонке думать надо и даже не о молодом Лотаре, а о том, как быстрее в столицу добраться. В Оверте задерживаться не стоит: если Ульфар и его ночной гость все-таки послали погоню, у них вполне хватит ума и здесь его поискать.

Едва забрезжил рассвет, неудобный постоялец затребовал завтрак и еды, годящейся в дорогу — да поживей, бесы вас всех дери через три колена! Сонный трактирщик еще подумал: не иначе, Великий отец принял вчерашние молитвы слишком всерьез! Пусть в приличном заведении не место таким вот опасным типам, но уж лишние полчаса потерпели бы, чем носиться спозаранку как ошпаренным...

Впрочем, ни тени столь неприветливых мыслей достойный трактирщик не выпустил на радужную физиономию профессионального гостеприимца. Подогнал служанок, сам подсуетился — известное дело, пока постоялец готов раскошелиться, он прав. И лишь проводив гостя, разрешил себе облегченно перевести дух и покачать головой: мол, надо же, и не чаял так легко отделаться. Отрадно видеть, что и среди ловцов удачи встречаются еще приличные люди.

Поддельный менестрель вполне представлял себе мысли трактирщика: не в первый раз. Обычно такое его забавляло; иногда, под настроение или по делу, он мог изобразить чванливого осла и затеять бучу; нынче же было все равно. Лишь зудело: скорей, нельзя задерживаться, опасно, опасно, опасно! Расплатился честь по чести, самолично заседлал подаренную бароном пегашку, выехал со двора, — и остановился в нерешительности. Обвел взглядом просторную, безлюдную по раннему времени площадь, — лишь в рыночных рядах начиналось уже утреннее оживление.

Будь Игмарт на месте застукавших его на шпионаже мятежников, уж он бы королевского лазутчика так просто не отпустил. Дорог много, но мест, какие не минешь — мало, и проследить за каждым нетрудно. Поставить людей следить за воротами, стражу расспросить, обойти постоянные дворы... долго ли? Скажем прямо, думал Марти, странно, что на въезде не взяли. Дадут ли выехать?

Тронул кобылу — не в паутину ведущих к воротам узких улочек, а через площадь напрямик, к магистрату. Очень кстати припомнилось оброненное вчера кем-то из посетителей "Королевского стремени": мэтр Огьен, мол, после визита его милости Анегарда совсем заработался, и ночует в своем архиве... видать, хорошо молодого барона припекло, щедро платит. Вот и еще раз Лотар меня выручает, усмехнулся Марти, спешиваясь у боковых дверей магистрата, под вывеской, изображающей книгу и перо.

Мэтр Огьен, архивариус славного города Оверте, оказался бойким юрким старичком. Лицом он был схож с печеным яблоком, а повадками походил на домовитую белку. Как и надеялся Марти, мэтр успел позавтракать и приступить к работе. Посетитель обнаружил хозяина архивов не без труда: тот сидел на верхней ступеньке шаткой стремянки, с поистине ураганной скоростью пролистывая растрепанный том.

— Мэтр Огьен, доброе утро! Не позволите ли...

Погруженный в изыскания архивариус и головы не поднял.

— Почтенный мэтр! — На сей раз Марти рявкнул так, что с полок посыпалась труха.

— А? Что? — Стремянка покачнулась, но устояла. — Что вы кричите, молодой человек? Что вам угодно?

— Я хотел бы написать письмо.

— Так пишите. Вон стол, — мэтр махнул рукой куда-то вглубь, — там есть и бумага, и

перо с чернилами.

— И отправить. Скоростной почтой, — уточнил, понизив голос, Марти.

— Отправим, — мэтр Огьен безразлично отмахнулся, как будто речь шла о чем-то столь же скучном и рутинном, как подшивка магистратских счетов или, к примеру, поиски позапрошлогодних решений земельного суда. — Пишите пока, а я тут... — и снова уткнулся носом в книгу. Марти чуть заметно пожал плечами и пошел на поиски обещанного стола с бумагой, пером и чернилами.

Искомый стол обнаружился в самой глубине архива, за полками, у окна. Марти присел, взял лист бумаги, на миг задумался: секретная почта стоила дорого, тем дороже, чем больше слов...

Он уложился в дюжину, не считая имени адресата.

И вышел из архива с пустым кошельком. Зато мэтр Огьен и впрямь оказался умельцем хоть куда: на глазах посетителя ровная чернильная вязь истаяла, а через пару минут на побелевшем листе проступила печать королевского архивариуса: принято. А деньги, что деньги... можно продать пегашку, жаль, конечно, зато без коня и к дорогам не привязан, а по лесу он любую засаду обойдет.

Дело сделано, и сделано на совесть; однако Игмарт из "Королевских псов" не относился к породе людей, готовых умереть с чистой совестью, зная, что долг исполнен. Он предпочитал победить, выжить и победить снова.

* * *

В вечерних сумерках, примерно за полчаса до закрытия ворот, со стены славного города Оверте, с той стороны, что над рекой, спустился человек. Пауком скользнул по веревке вниз, без плеска ушел в воду, а вынырнул уж почти на стремнине. Да какая там стремнина в середине лета — чай, не половодье! Пересек реку, держа к заросшему ивняком мыску. Вылез, отряхнулся, сделал шаг... и застыл, оказавшись вдруг под прицелом сразу трех самострелов.

А ведь пусто было, когда со стены осматривался!

Острое лезвие кольнуло шею под ухом: стой, мол, не дури. А куда дурить при таком раскладе? Игмарт из "Королевских псов" проигрывать, конечно, не любил, но признавать проигрыш умел. Сейчас, похоже, он проиграл вчистую. Этот заход. Потому что игра целиком еще не сделана.

Стоящий против него стрелок, тот самый, что во дворе Ульфарова замка "Три дочки у трактирщика" заказывал, ухмыльнулся:

— Споешь, менестрель?

— Хватит с вас, — откликнулся Марти.

— Невежливо так уходить, менестрель, — стрелок откровенно забавлялся. — Господин барон тебя наградить хотели за песни, а ты...

— Не зря, видно, говорят, — словно невзначай проронил Марти, — что награда героя всегда найдет.

— Верно, — хохотнул Ульфаров наемник. — Пошли, герой. Господин барон тебя

заждались.

Мысли о побеге Марти отбросил сразу. Ясно ведь: не дадут. Позориться только. Шел, поглядывал искоса на довольных — не иначе, награды за пленника ждут! — конвоиров. Думал: если след потеряли и искали наудачу, то не только Оверте должны проверять. Кто встретит его сейчас? Только Ульфар, или?...

Долго гадать не пришлось. Ульфар, даром что на чужой земле, не стеснялся расположиться с удобствами. Палатка, костер, мясо жарится... коней два десятка, не так уж много... странно, чтобы вдоль всей стены караулить, а не только за воротами, людей побольше надо. Впрочем, странность объяснилась, едва пленника втолкнули в палатку.

Ульфар был не один, и все же Марти не смог удержать вздох облегчения. Его врага — того, встреча с которым сейчас могла означать только смерть, — здесь не было. Зато рядом с Ульфаром сидел мэтр Гиннар: маг из столичных, наипервейший специалист в поисковых чарах. Такому — хоть стену сигналками обнести, хоть след в городе найти да бубенчик на него навесить. Такому проиграть не стыдно.

Хотя обидно все равно.

— Ну, здравствуй, — Ульфар сыто усмехнулся, — менестрель. Что сегодня нам споешь? Отвечать Марти не стал.

— Быстро бегаешь, — продолжал барон. — И сдался без боя, не ожидал, не ожидал... Или "Королевские псы" разучились сражаться? А?

И снова Марти смолчал. Глаза барона Ульфара насмешливо сузились.

— Чего молчишь? Или не знаешь, как ответить?

— "Королевские псы", — отозвался пленник, — не лезут драться там, где драка бесполезна. Может, я и похож на дурака, но не настолько же.

Барон хмыкнул. Кто-то из охраны подобострастно хохотнул, но тут же умолк, словив неодобрительный взгляд мага. Затрещала лампа, на миг вспыхнув ярче, и по лицам вспугнутыми бесами метнулись тени.

— Не дурак, говоришь? Посмотрим, посмотрим...

Ульфар взглянул на мага, тот чуть заметно качнул головой. Заранее обсудили, понял Марти, как обломать фальшивого менестреля. Ну что ж, барон верно говорит: посмотрим, посмотрим...

— Мой друг барон Герейн, — сказал Ульфар, — жаждет твоей крови. Подозреваю, что для тебя это не новость, Игмарт из "Королевских псов". Очень уж точно совпало... верно? Прямо как в той песне, в дверь муженек, дружок в окно... знаешь, а?

— Знаю, — коротко согласился Марти. Ульфар заполнял паузы, похлопывая по широкой ладони кинжалом, и пленнику стоило больших усилий глядеть не на подсвеченное желтоватыми бликами лезвие, а хозяину палатки в лицо.

— И про Герейна знаешь?

— Конечно.

Ульфар кивнул рассеянно: не то ответу, не то своим мыслям. Сказал:

— Хотел я, Игмарт, сделать тебе одно предложение... Ты ведь понял, что к чему? Понял, понял... Небось и доложить успел: я знаю, ты заходил в архив Оверте и отправил письмо в столицу. О чем письмо-то? — Отраженная лезвием полоска света легла на глаза, заставив прищуриться. — Сам расскажешь, или старичка из архива расспросить?

Королевский пес пожал плечами:

— О мятеже, конечно.

Вот так, и моя смерть вам уже не поможет. Вопрос в другом: поможет ли *моя жизнь*? Или предпочтете мечь? Ульфар молча вертит в руках кинжал, маг в задумчивости разминает пальцы, стража хрипло дышит в затылок... одно лишнее движение, и...

Спокойно. Королевские псы не делают лишних движений.

— О мятеже, — повторил барон. — Конечно. Я и не сомневался. Герейн, конечно, обрадуется... обрадуется, да... видел бы ты, как его корежило, когда тебя упустили...

Барон умолк. Ни намека о пощаде не дожدهшься, зло подумал пленник. Знаем мы эту манеру — играла кошка с мышкой... Ульфар помолчал и продолжил:

— Жаль без толку на смерть отдавать такого ловкого и храброго парня. Ты мог бы мне пригодиться, а я — тебе. Правда, Герейн... но что, если я примирю тебя с ним?

— Запросто, — хмыкнул Марти. — Как только я перережу ему глотку, можно будет считать, что вражде конец.

— Послушай, Игмарт, — Ульфар подался вперед, впился в пленника острым взглядом. — Когда мы сбросим с трона чванливого дурака и посадим на его место достойного, в стране освободится немало земель. Я сделаю тебя шатленом, владельцем замка. Ты сможешь вызвать Герейна на поединок, и он не посмеет отказаться. Вы разберетесь с вашей враждой честно и законно.

Пленник молчал, прикусив губу, и видно было, что в этот раз не из упрямства молчит — думает, крутит в голове неожиданно щедрое предложение. Подвох ищет, прикидывает варианты. Барон Ульфар не зря гордился своим умением подбирать ключики к трудным людям.

— Что скажешь?

Игмарт ответил медленно, словно каждое слово было тяжелым валуном.

— А если я его убью... честно и законно убью... то смогу претендовать на его баронство? На Герейн?

— Высоко метишь, — качнул головой Ульфар. — Я бы тебе пообещал — сам понимаешь, обещания раздавать много труда не надо. Но наследники...

— А если я с наследниками разберусь? Честно и законно?

— Ну, это уж будут твои дела, — ухмыльнулся барон Ульфар. — Мешать не стану, помочь... там поглядим.

Некоторое время тишину в палатке нарушали только хлопки лезвия по бароновой ладони и треск лампы.

— Ладно, — выдохнул Игмарт. — Согласен.

Ульфар неторопливо встал, потянулся. Сытый кот, сожравший пойманную мышь.

— Уж простите, господин, а только не верю я ему, — подал вдруг голос кто-то из-за спины пленника — тот самый, кажется, стрелок из наемников. — Слишком легко согласился. Воля ваша, а только "Королевские псы" хозяев не меняют, хоть на куски их режь.

Барон усмехнулся:

— Значит, наш гость скорее человек, чем пес.

— Я ненавижу Герейна, — тихо сказал Игмарт. — Бесы все дери, я не доставлю ему удовольствия получить мою голову в подарок.

— А верность его *нам* обеспечу я, — пообещал мэтр Гиннар. Спокойно эдак пообещал, с лентой даже, однако у Игмарта мороз по хребту прошел, и подумалось: может, проще стало бы гордо и глупо умереть?

— Выйдите все, — приказал мэтр.

Через несколько мгновений в палатке остались Ульфар, маг и пленник. Причем Ульфару было откровенно не по себе, Марти видел это так же ясно, как жадный блеск в темных глазах мэтра Гиннара и отблески огня на лезвии баронова кинжала.

— Ваша милость, позвольте...

Кинжал послушно лег в подставленную ладонь столичного мага. Тот шагнул к пленнику, бросил небрежно:

— Руку дай.

Выбора у тебя нет, напомнил себе Игмарт. Или покоряешься, или — к Герейну в лапы, и смерть, и ладно бы просто смерть, но стоит лишь представить торжество врага!..

Лезвие вспороло кожу, потекла темная струйка. Маг подставил ладонь, выговорил звучно и торжественно:

— Услышь, Хозяйка тьмы, слова мои, и стань свидетелем нам! Жертвую тебе кровь и прошу власти над этой кровью, через часть к целому, через каплю к полному, через кровь к человеку! Прими, дай знак, яви свою милость!

В глазах у Марти внезапно потемнело — хотя с такой чепуховой царапины и морщиться-то стыдно! Он так и не понял, верно увидел или почудилось, как пустеет наполненная кровью ладонь мэтра Гиннара. Но то, что случилось после, запомнил накрепко.

Как столичный маг смазал его кровью свой цеховой знак, подвеску-амулет на гильдейской цепи. Как приказал, недобро оскалясь:

— На колени!

И какая дикая боль смяла, перекрутила, расплавила его тело, когда он подумал: "Ишь чего захотел, хмырь!"

Очнулся Игмарт на полу, скрючившись, сжавшись в комок, словно жестоко избитый мальчишка.

— Уж прости, — маг довольно усмехнулся, — я должен был показать, какой монетой плачу за неповиновение. Знаю вас, наемников, и обещания ваши тоже. Ты понял, чего добьешься, если хотя бы задумаешь нас предать? Если ослушаешься?

— Понял, — выдохнул Марти, даже не пытаясь скрыть ненависть. — Что, игрушку завели? А вот сдохну, и все дела. И хрен вам от шелудивого пса вместо...

— Не сдохнешь, — равнодушно отрезал маг. — Во-первых, даже смерть не поможет тебе выдать нашу тайну. Ты ведь не любишь умирать без толку, верно? Во-вторых, как только ты попробуешь выйти из подчинения, я тут же узнаю. Не сомневайся, я сумею удержать тебя. А в третьих, — потяжелевший голос мага ударил новой волной боли, — я тебе запрещаю даже пытаться. Понял?

Игмарт впился зубами в ладонь. Пронизанная багровым тьма и соленый вкус крови. Дурак ты, Марти. Кого перехитрил?

— Упрямый, — издевательски вздохнул мэтр Гиннар. — Мальчишка, когда я задаю тебе вопрос, ты должен отвечать! Понял?

Боль ослабла ровно настолько, чтобы пленник смог выдохнуть.

— Да...

— Запомнил?

И не выпендривайся ты, всех богов ради! Не тот случай.

— За...пом...нил... — точно так же глотают воздух вытащенные на берег рыбы. Наверное, им тоже кажется, что уж следующий глоток — поможет.

— Отлично. Запоминай дальше. — Перед глазами прошептали туфли из дорогой

кожи, с посеребренными пряжками, остановились в опасной близости. Провоцирует? Нет уж, хватит. — Первое. Все, что здесь произошло и произойдет, все, что ты сейчас узнал и еще узнаешь, все наши приказы и запреты — тайна. Ты не расскажешь о ней, и не напишешь, и не намекнешь, и не станешь отвечать на вопросы, если твои ответы, правдивые или лживые, смогут выдать эту тайну или хотя бы намекнуть о ней. Понял?

— Да.

— Второе. Ты станешь выполнять то, что прикажу тебе я или барон Ренхавенский, в остальном же будешь вести себя как обычно. Ты не попытаешься вызвать какие-либо подозрения на твой счет, дабы тебя допросили, или заперли, или отослали. Ты не попытаешься сказаться больным или же взаправду заболеть, покалечиться или навредить себе еще каким-либо образом. Понял?

— Да.

— Третье. Ты не будешь добиваться нашей смерти или еще какого-либо вреда и ущерба для нас, ни самолично, ни чужими руками. Запомнил?

— Да.

— И последнее. Мне вовсе не обязательно быть рядом, чтобы следить за тобой. Малейшее ослушание, и... ясно?

— Да.

— Замечательно. И правда, не дурак. На колени.

Кажется, ты решил не выпендриваться? Ну давай, королевский пес... показывай покорность, ш-шавка.

В этот миг Игмарт ненавидел себя, как никого и никогда в жизни. Сделал шаг — сделаешь и второй, и третий; испугался позорной смерти — так получи позорную жизнь и не жалуйся, сам виноват! Стой на коленях перед врагами своего короля, жди, чего прикажут!

— Повторяй за мной. Кровью своей, отданной добровольно, клянусь, что не нарушу своего соглашения с бароном Ульфаром Ренхавенским и буду ему верным соратником.

— Кровью своей... — если это называется «добровольно», то я бургомистрова дочка! — клянусь... — клятву верности — на коленях, ну спасибо, мэтр Гиннар, удружил! Впрочем, толку в этих лазейках, если?...

— Клянусь честно выполнять поставленные мне условия.

Вот именно — толку?..

— Клянусь...

— Подтверждаю, что кровь моя — залог нерушимости клятвы, а Гиннар, принявший слово мое, властен следить за его исполнением и требовать ответа.

— Подтверждаю... — чтоб ты сдох!

— И да будет клятва сия неразрывна, пока связывают нас узы крови, пролитой во славу Хозяйки тьмы!

Затрещала, почти угаснув, лампа, окатило ледяным холодом. Вот так-то, Игмарт. Доигрался. Попробуй, нарушь клятву, богиней услышанную и одобренную!

— Поднимайся.

Игмарт попытался встать, упал. Зло выругался, помянув достоинства и происхождение всех присутствующих и богини заодно. Себя, впрочем, тоже не обошел.

— Ну зачем же так, — Ульфар протянул руку, но Марти все же поднялся сам. Качнулся, ухватился за край стола. — Понимаю, некрасиво вышло — все же ты воин, не шваль какая. Но уж больно дело серьезное. Досточтимый мэтр всего лишь принял нужные меры, чтобы ты

не смог нарушить наше соглашение. — Его милость барон Ренхавенский скептически усмехнулся: — Ты ведь не дурак, верно? Но клянусь тебе, Игмарт, всеми девятью богами: я не обману тебя с наградой. Любого спроси, барон Ульфар Ренхавенский умеет ценить верность и платит щедро.

— Да уж вижу, какова щедрость...

— Поверь, если бы ты попался Герейну, тебе пришлось бы хуже. Куда хуже.

— Что правда, то правда, — хмыкнул Марти. Казалось, он уже оправился — и, если б не держала клятва, пожалуй, барону стоило бы поберечься эдакого гостя. — А где он, кстати?

Барон расхохотался.

— Далеко, быстро не достанешь. Отложи счета на потом, Игмарт. Поужинай со мной, и я расскажу тебе твою задачу.

Наутро, едва встало солнце, барон Ренхавенский простился с новым соратником. Всадник на резвом гнедом меринке рысил к столице, а барон размышлял, как представить дело для Герейна, что сказать и о чем умолчать. В грядущей схватке двух врагов, буде она все же состоится, Ульфар желал победы Игмарту — хотя бы потому, что бывший наемник будет помнить, кому обязан возвышением. Верные союзники — союзники, чья верность *обеспечена*, поправил себя барон, — куда лучше строптивых друзей. Впрочем, навряд ли перекупленный королевский пес выживет. А жаль, право, жаль... хорошо бы, все же, сохранить его.

Но для начала следовало решить с *главным* делом. Мэтр Гиннар уверял, что наемник из "Королевских псов", повязанный чарами крови, — то самое последнее звено, с которым уж точно хватит сил и средств освободить трон; однако Ульфар, следуя нехитрой селянской мудрости, предпочитал складывать яйца по разным корзинам. Да и об отосланном Игмарт из Оверте доносе забывать не след — вот уж верно пес, и вынюхал, и пробрехал! Поэтому маленький отряд готовился возвращаться в замок, а вслед за Игмарт отправлялся гонец. В мешочке под дорожным камзолом, бережно свернутые и запечатанные, лежали два письма. Одно начиналось: "Шлю поклон и сотню поцелуев моей синеглазой богине". Второе заканчивалось: "С тем остаюсь верным слугой моего государя". Барон Ульфар, как и Игмарт из "Королевских псов", предпочитал побеждать. И в той опасной игре, что затеяла «принцесса-синеглазка», он при любом раскладе собирался быть на выигравшей стороне.

— Сьюз! Э-эй, Сью-уз!

Я выглянула из курятника, но с этой стороны дома гостей было не разглядеть. Вроде голос Гарника...

— Здесь я!

— Бросай все, — рявкнул Гарник, — беги сюда!

Ну, бросать я не стала — еще чего. Прошла через дом, оставила решето с яйцами на кухонном столе и вышла на крыльцо.

Рэнси уже стоял здесь, вздыбив загривок и утробно рыча. Не на Гарника, конечно: замкового капитана мой пес хорошо знал. Но с гостем знакомым приехал десяток чужих, и вида совсем не мирного. Кожаные безрукавки, густо ушитые медными бляхами, мечи у седел, самострелы за плечами, а уж рожи... Прогонять пса я не стала: с некоторых пор с ним мне было спокойней. Да и оставь этого проглота в кухне одного, есть нам с бабушкой будет сегодня нечего. Нажала ладонью на холку, приказывая сесть, спросила:

— Что стряслось-то?

— Магдалена где?

— В деревне. У Гвенды малыш приболел.

— Хорошо. — Гарник хмыкнул, поправился: — То есть ничего хорошего, конечно... В общем, закрывай дом, поехали.

— Да куда?!

— В деревню. Королевский указ слушать. Не видишь, герольд из Оверте пожаловал.

Капитан мотнул головой куда-то вбок. Шагнув с крыльца, я заметила между разбойного вида охраной человека в ярком плаще глашатая, и возражения увяли сами собой.

Я прикрыла окна ставнями — с утра хмарило, и бабушка обещала к вечеру дождь, — подперла двери.

— Пошли, Рэнси!

Гарник посадил меня к себе на седло и тронул коня.

Новости — если они не касаются кого-то из своих — доходят до нашей деревни так медленно, что верней называть их «старостями». По большей части мы узнаем слухи от замковой челяди или людей капитана Гарника; иногда его милость Анегард, навестив очередную подружку, поделится чем интересным, что она весь боговорот взахлеб пересказывает любому, кто готов слушать. Бывает, хоть и редко, забредет торговец-коробейник или бродячий маг, а то и менестрель ночлега попросит. Ну, эти-то наболтают — не знаешь, чему верить. Известно, в их деле ловко подвешенный язык — главное достояние, не просто орудие ремесла, но зачастую и средство выживания.

Но чтобы глашатай с королевским указом по деревням разъезжал, да с приказом весь народ до человека собирать, припомнить могли, наверное, разве что старики. Даже когда наш король, храни его боги, на трон воссел, и то без такого обошлось: объявили по городам и замкам, а дальше само разошлось. Что же стряслось?..

Спрашивать у Гарника я не стала: мог бы, сам бы рассказал. Капитан казался непривычно хмурым, не подшучивал, как обычно, да и чужая охрана совсем не успокаивала. Пока доехали, я вся извелась от тревоги.

Взбудораженный небывалой честью деревенский люд собрался на удивление быстро. Герольд из Оверте и замковый капитан оглядывали толпу с крыльца дома старосты — один пытливо, другой — с некоторой брезгливостью. Наверное, подумала я, городской глашатай считает ниже своего достоинства — а может, ниже достоинства короля? — объявлять высокую волю рядом с валяющимися в лужах свиньями, перекрикивая визг поросят и гогот гусей.

Герольд отточенно-красивым жестом развернул грамоту, кашлянул, и зычный его голос легко перекрыл деревенский шум.

— Мы, Гаутзельм Гассонский, волею богов король и властелин, — тут белобрысая Лиз пихнула меня в бок, ойкнула, извиняясь, и часть вступления я досадно прослушала, — сим объявляем! Народу моему, верным подданным, будь они рода благородного или простого, сословия высокого или низкого, любого звания и занятия! Ибо есть деяния, знать о коих должен каждый, и как известны всем имена героев, так должны быть известны и имена подлецов.

— Э, — буркнул кто-то сзади, — ща ихними столичными склоками будут головы морочить, вот уж делать нечего...

— Цыть, окаянный! — а вот голосок бабки Греты легко узнать в любой толпе. — Слушай!

— ...злонамеренно покусившись на священную королевскую особу и тем пойдя против установлений божеских и человеческих! Волею богов...

— Ого!

— Да замолчишь ли ты!

— ...схвачены и сознались в злом умысле против священной королевской особы, и назвали соучастников своих, и тех, кто сподвиг их на злодейство подкупом и посулами. Ради чистосердечности признаний и раскаяния оные злоумышленники будут казнены милосердно, но не ранее, чем будут схвачены и допрошены названные ими мятежниками, во избежание ошибки и оговора. Посему, — глашатай еще возвысил голос, хотя было уж, казалось, и некуда, — имена тех, кто обвиняется в заговоре против особы короля, должно объявить пред всеми жителями государства, и любой, кто посодействует в поимке кого-либо из названных, получит достойную награду! Если же есть в сем списке кто, безвинно оклеветанный, пусть узнает о том, и явится пред королевские очи с чистым сердцем, и оправдается!

Дальше шел список имен — пока что со всеми титулами. Длинный. Такой длинный, что даже мне ясно стало: в столице вскрылся не какой-нибудь хиленький заговор, а полновесный мятеж, из тех, на которые богато было прошлое царствование. С осадами то мятежных, то королевских замков и городов, с самыми настоящими битвами, перемириями по храмовым дням и грабежом вражеских земель. И после первого же названного заговорщика я подумала, что мрачность Гарника объясняется просто: барон Ульфар Ренхавенский приходится нам соседом, его земли начинаются сразу за озером, и само озеро вот уж три или четыре поколения считается спорным владением. Когда сосед, с которым и так жили не в дружбе, становится врагом, хорошего в том мало. Кто-то сзади охнул и сипло выругался, кто-то поддержал: урожай бы успеть убрать!

Но имя барона Ульфара оказалось в королевском списке не единственным знакомым. Сюрприз похуже ждал под конец. Последним, перед тем, как сложить грамоту и бережно спрятать в футляр, герольд выкрикнул:

— Баронесса Иозельма Лотарская!

У Гарника заметно дернулся кадык; за спиной у меня пронесся по собравшимся общий, один на всех вздох. Наверное, каждый подумал то же, что и я: за какими бесами понесло в мятеж Анегардову матушку?

Гарник повез глашатая дальше, но люди не торопились расходиться. А уж гомон поднялся — почти как в Оверте на большой осенней ярмарке! Слушать королевский указ созвали всех, так что бабушка должна быть где-то здесь. Я проталкивалась меж людей, временами приподнимаясь на цыпочки и оглядываясь: звать в таком шуме без толку. Рэнси, получив строгий приказ никого не трогать, жался к ногам и временами взрыкивал.

— И нечего тут думать, обмолотить да в замок! Оно и самим бы пересидеть, мало ли...

— У тебя одно на уме, чуть что, «пересидеть». А дома пожгут?!

— А то их так не пожгут! Сейчас, вилами да топорами отмашешься! Грозилась овца волка схарчить!

— Тьфу на тебя...

— Ой, бабоньки, чо деется-то!

— Ну, завыла!..

— А детвору бы и правда в замок отправить. Девчонок хотя бы.

— И верно! За стенами-то оно надежней...

— Не пойду я в замок!

— Цыц, дура мелкая! Батя сказал — пойдешь, значит, пойдешь!

— Не пойдуууу!!!

— Ото Ульфару больше заняться нечем, как наши халупы грабить! Сам подумай, башка твоя дубовая, он против короля пошел! До нас ли?!

— Еще вопрос, наши господа на какой стороне! Баронесса-то...

— Змеюка она, твоя баронесса! И всегда змеюкой была!

— Эй-эй, полегче! С каких это пор она моя стала?

— Вот и умолкни!

— Сам умолкни!

— А ты на меня не лезь!

— Сьюз, вот ты где!

Я схватила бабушку за руку:

— Пойдем отсюда! Эти дурни передерутся сейчас...

Рэнси согласно залаял, взъерошенные мужики умолкли оба и дружно шарахнулись в сторону.

— Куда прете, ослепли, что ли?!

С ума люди посходили! Жаль, я только скотину умею успокаивать...

Мы с бабулей выбрались из толпы, отделившись отдавленными ногами. Выбрались удачно: как раз к старостиному крыльцу. Староста сидел на ступеньке, подперев кулаком подбородок, и смотрел на сельчан пустыми глазами, будто не видел, что люди завелись почти уж до драки. Губы его шевелились беззвучно — молится, что ль, подумала я, так не время молиться!

Тут к нам пропихнулся Колин. Сплюнул, отер кровь с разбитых губ, рявкнул:

— Чего сидишь? Ты староста или тля огородная? Устроили, бесы их язвы, сходку!

— Сижу, — невпопад ответил староста.

— Народ-то успокой, — посоветовала бабушка. — Я носы расквашенные лечить не стану, без того дел выше крыши.

— И не лечи, — голос старосты был непривычно тих, зато в глаза вернулась, кажется, жизнь. — Пусть выбродятся. А ты, Колин, сядь.

Старостова ладонь приглашающе хлопнула по ступеньке. Колин хмыкнул, сел. Спросил:

— Что делать-то будем?

— Не знаю.

Бабуля, не спросясь, села рядом с трактирщиком. Обронила себе под нос:

— Вот и верно говорят, что долгий мир не к добру. В прежние-то времена при таких вестях долго не раздумывали. Детвору и девиц — за стены, скот к замку ближе перегнать, мужикам за урожай взяться...

— За стены? — в тихом голосе старосты мне почудилось отчаяние. — За какие стены, Магдалена? Тут неровен час, те стены королевские войска брать придут, и всех, кто внутри — в мятежники! Куда ни кинь...

— С какой это радости? — Колин снова сплюнул: приложили его, похоже, крепко. — Разве барона Лотарского среди мятежников назвали? Он королю всегда верен был. А баронесса уж сколько тут не появлялась. Не-е, нам не короля опасаться, нам Ульфаровых наймитов ждать. Где мятеж, там война, а где война, там солдат кормить. Грабить придут, так что Магдалена дело советует. Если, конечно, не хотим зимой кору жевать, а к лету байстрюков наемничьих богам показывать. Только, думаю я, для начала одному кому-то надо в замок сходить. Разузнать, что там, с управляющим поговорить...

— Верно, — кивнул староста. — Так, может, ты и сходишь?

— Могу и я...

— А мы? — спросила я бабушку. Самая пора травки собирать, сейчас день потеряешь — зимой аукнется; но если война, наше место в замке, ведь так?

Бабуля задумчиво почесала кончик носа.

— Подождем, пожалуй. Нам сейчас не до переездов. А вот снадобий каких в замок передать — это, наверное, надо.

А если и не надо, подумала я, как предлог туда наведаться — очень даже сгодится. И, пока Колин будет с управляющим говорить, я смогу по-свойски поболтать с тетужкой Лизетт, Аниткой или толстухой Бертой, послушать на кухне сплетни, Динушу расспросить... еще и лучше все разузнаю, во всех подробностях!

Старосте, видно, пришла та же мысль. Он повеселел, хлопнул трактирщика по плечу:

— Вот и решили! Когда пойдете, завтра?

— Завтра, — согласился Колин.

Бабушка привстала, выдернула из толпы растрепанную ревушую Гвенью, подружку мелкого Ронни. Посадила к себе на колени, зашептала на ухо что-то успокаивающее. Староста вздохнул, встал. Рывкнул:

— А ну тихо! Уймись!

Умный он все-таки мужик, в который раз подумала я. Сейчас-то они все уже и сами рады уняться да послушать кого-нибудь, кто лучше их знает, что делать. Выбродились...

— Завтра Колин сходит в замок, узнает, что обо всем об этом господин барон говорит. У кого что ценное в доме есть, прячьте, закапывайте — коли придется в замке отсиживаться, туда всего не увезешь, сами понимаете. С урожаем поднажать надо. Кто сам управится, соседу помогайте. Если семенное зерно спрятать не успеем...

Многозначительная пауза подействовала куда лучше долгих увещаний. "Сохрани Жница", в один голос выдохнула толпа. Призрак голода подстегнул, вот уж кто-то из мужиков заворчал:

— Чего ждем-то, пошли, куда дождя не нанесло...

И народ потянулся в поле.

— Так-то лучше, — буркнул трактирщик.

Староста покачал головой:

— Лучше, хуже... Не о том ты, Колин, думаешь. Деревня теперь словно меж двух жерновов, не заметим, как в пыль перемелет. Тут Ульфар, там мятеж... Знать бы точно...

Я поежилась. Уж если староста наш боится...

Бабушка повернулась к Колину:

— Ты к нам ночевать приходи. С рассветом выйдете, все лишний час.

На том и порешили, и мы пошли домой — отбирать среди готовых снадобий те, что могут пригодиться воинам.

— Кроветворка, жильник, бессонник, — бормотала себе под нос бабуля. — От жара, от надсады, от слабости. Боевую настойку смешать успеем...

А я думала о том, что лечебные-то зелья точно надо отдать тетушке Лизетт, а вот боевые — не то капитану, не то его милости...

Ни старого барона, ни молодого в замке не оказалось.

— Господин Анегард отца провожает, — шепнула мне Анитка. — До Оверте. Его милость Эстегард, говорят, к самому королю поехал.

— За жену просить?

— Ой, Сьюз, ты скажешь! — Анитка поставила передо мной миску с похлебкой, отрезала ломоть хлеба. Кинула Рэнси мосол. Села со мной рядом. — Станет его милость за нее просить, жди! Уж он ее честил, так честил... я б тебе рассказала, да повторить неловко, я все-таки девушка приличная! — Анитка, покраснев, прыснула в ладошку, а я запоздало вспомнила, что баронессу Иозельму замковая челядь терпеть не может.

— Значит, — спросила я между двумя ложками похлебки, — его милость Эстегард за короля стоит?

Анитка фыркнула:

— А кто сомневался?!

— Да наши дурни деревенские. Не знают, кого ждать теперь, то ли королевские войска, то ли Ульфаровых грабителей.

Вошла тетушка Лизетт, и Анитка шмыгнула к не почищенным горшкам.

— Колин говорит, паникуют ваши? — спросила управителя женка.

Я кивнула.

Тетушка Лизетт присела за стол напротив меня.

— А сама-то?

Я неловко пожала плечами:

— Нам проще. Лекарку-то какой дурак трогать станет? Другое дело, если правда война, так мы с бабушкой здесь нужнее. Чего ждать-то, тетушка Лизетт?

— Не знаю, Сьюз, чего ждать, — вздохнула та. — Господа, вон, и то не знают. Его милость уезжал, как навсегда прощался, Анегарда за себя хозяином объявил. Ланушка плачет — слышала, как мать мятежницей оглашали, уже не маленькая ведь, понимает. Гарник с

Зигмондом своих гоняют, посмотришь, аж оторопь берет. Вояки! Был бы толк...

Посмотреть, что ль, подумала я. Вскребла из миски гушу, обтерла кусочком хлеба. Выставила на стол корзину.

— Вот, тетушка Лизетт, это вам в запас. Дай боги, чтоб не пригодилось, но все-таки... Бабушка сказала, разберетесь. А та, — кивнула на другую, что так и стояла у дверей, — для Гарника.

Любопытная Анитка посунулась ближе. Втроем мы разобрали корзину: отдельно, что на ледник, отдельно, что на чердак и в кладовку. Тетушка Лизетт и правда разбиралась в снадобьях, объяснять мне почти ничего не пришлось. Закончив, велела Анитке:

— Ступай, Гарника позови.

— Не пойду я туда, хоть что хотите со мной делайте! — пискнула девчонка. — И так шагу лишнего по двору ступить боюсь. К колодцу бегала, так этот, с волчьими глазами, снова тут как тут! Караулит он меня, не иначе! Приволок молодой господин нелюдей, а нам того и жди, что съедят!

— Тьфу, дура! Нужна ты им, есть тебя! Подавятся! Съюз, сходила б ты сама до Гарника, что ли? Они на заднем дворе должны быть либо у старой казармы.

Анитка аж подпрыгнула:

— Не ходи! Съедят, как есть съедят! Вон, темнеет уже, и луна полная, нелюдь в самую силу входит!

Я поднялась:

— Уж если на Ореховом не съели... Рэнси, идем Гарника искать!

Пес поглядел укоризненно, ухватил недогрызенный мосол и поволок в Динушину каморку — прятать. Ишь ты, запомнил, где спим!

— Пойдем, — рассмеялась я, — никто твою кость не тронет.

Рэнси вынырнул из-за занавески, ткнулся носом мне в ладонь и выбежал на двор. Я поймала всплывший в его сознании образ Гарника — запах кожи, металла и коней, и еще что-то неуловимо-особенное, свойственное лишь капитану. Вот и хорошо: блуждать по замковым дворам наугад не придется.

— Съюз, стой, — окликнула меня Лизетт. Кивнула на корзину. — Возьми, там и отдашь. А то ж он сюда и Зига своего разлюбезного притащит, переполошит мне девчонок. Зла на них не хватает! Эти, дуры, шарахаются, а те словно и рады подразнить!

Я подхватила тяжелую корзину, сказала:

— А что ж, может, и правда рады.

— И верно, — вздохнула тетушка Лизетт. — Парни, они и есть парни, хоть с человеческими глазами, хоть с волчьими.

Я понимала Аниткины страхи. Хотя с тех пор, как Анегард поселил Зигмондову стаю в замке, ночные кошмары перестали меня мучить, от близкого и открытого соседства с нелюдью было не по себе. Мне пришлось за это время бывать в замке, и каждый раз, встречаясь с Зигмондом, я терялась. Он приветствовал меня церемонно, как благородную, как равный равную, как гость — хозяйку, и это казалось странным, неправильным, тем более неправильным, что я не чувствовала ни насмешки, ни натяжки. А его парни глядели на меня так, как никогда не смотрели наши деревенские, привыкшие видеть во мне лекарку, а не подружку. Живи я здесь, тоже старалась бы держаться от них подальше! Хотя волчеглазого понять можно: Анитка мало кого из мужчин оставит равнодушным. В каком-то смысле, подумала вдруг я, им в замке хуже, чем на Ореховом. Не нужно заботиться о пропитании и

выживании, но тем обидней, наверное, видеть, как шарахаются красивые девчонки, а руки мужчин невольно ищут оружие. Слышать, как матери пугают непослушных детей: "Будешь баловать, Зигмонд в стаю возьмет!". Ловить шепоток челяди: "Совсем молодой господин спятил".

Может, и зря Анегард решил именно так... не место нелюди среди людей.

Но сейчас я хотела поговорить с Гарником, и если для этого придется раскланиваться с Зигмондом и терпеть жадные взгляды его парней — значит, так тому и быть.

Мне повезло. Гарник и Зигмонд уже, как видно, закончили учения и распустили бойцов отдыхать. Замковый капитан и заколдованный барон шли мне навстречу — вдвоем, увлеченно что-то обсуждая. Вот уж кому плевать на чужие страхи, подумала я. Что один, что второй — явно довольны обществом друг друга и Анегардово решение вполне одобряют. Хотя, если б Зигмонд не одобрял, его стая так бы и осталась на Ореховом... да и Гарник, будь он против нелюди в замке, наверняка убедил бы хозяев...

Рэнси залаял, Гарник с Зигмондом остановились. Заметили меня. Вожак стал церемонно раскланился:

— Приветствую молодую госпожу.

Как всегда, я растерялась. Поклонилась в ответ, чувствуя, как предательски загорелись щеки. Гарник пихнул нелюдя в бок:

— Зиг, прекрати смущать девчонку! Сююз, милая, не обращай внимания, Зигмонд просто хочет доказать, что не совсем еще одичал.

— Мне совсем не надо этого доказывать, — неловко пробормотала я.

— Себе, — невесело усмехнулся заколдунец. На миг показались песьи клыки, уколос острым предчувствием опасности. Дрогнул плащ, будто укрытые им крылья дернулись вместе с тонкими губами. — Прежде всего — себе...

Мне вдруг стало его жаль — до боли, до опаляющего жжения в сердце. И вместе с тем — остро захотелось оказаться от него подальше. Заворчал Рэнси. Я положила ладонь псу на голову, и ощущение мягкой шерсти под пальцами странно успокоило. *Этот* зверь был настоящим, правильным и таким же понятным, как люди.

— Господин капитан, а я вас искала.

Гарник пригладил усы, глянул вопросительно: ну?

— Бабушка для вас передала кой-чего.

Брови Гарника поползли вверх.

— Магдалена? Мне?

— Ну, не то чтобы лично вам, — боги упаси от такого, про себя добавила я. — Просто... Вчерашние вести, господин капитан, уж больно тревожные.

— Тревожные, — кивнул Гарник, — верно.

— Ну и вот, — я сунула ему корзину и оглянулась в сторону кухни, мечтая сбежать от Зигмонда. Нелюдь молчал, но уже то, что он стоит рядом со мной, совсем близко, наполняло необъяснимой паникой. Хотя нет — вполне, наверное, объяснимой. — Мы снадобий всяких приготовили. На случай боя, чтоб запас был... Те, что для раненых, я тетушке Лизетт отдала, а...

— Понял! Ай да Магдалена, ай порадовала, — Гарник, сияя, зарылся в бабулины снадобья, и мне стало совсем страшно. Как будто сама его радость подтвердила худшие наши опасения. — Спасибо ей от меня передашь. — Гарник откупорил бутылку с боевой настойкой, понюхал, крикнул: — Ай, молодец! Ну, Сююз, порадовали...

— Все так плохо? — не выдержала я.

Капитан понял не сразу. Лишь через несколько мгновений кивнул, помрачнев:

— Плохо, Сьюз. Дела серьезные намечаются, и мимо нас навряд ли пролетит. Анегард возмущался, что отец его дом хранить оставил, да только неизвестно, кому больше сражаться придется. Ульфар-то еще когда войско набирать начал...

— Когда? — спросила я.

— А вот помнишь того парня, что вы с Рольфом привели? Он первые вести принес, как раз оттуда и шел.

Моя рука невольно нашарила висящую на шее неровную бусину, подарок Марти. Значит, правильно я подумала, что парень не так прост.

— Я думала, он просто бродяга...

— Бродяга... — Гарник аккуратно уложил бутылку с настойкой обратно в корзину, потрепал по загривку Рэнси. Сказал, с заметной тщательностью подбирая слова: — Твое дело, конечно, девичье, но ты все-таки запомни, Сьюз. «Просто» бродяг по дорогам мало ходит, и ждать от этой публики нужно всего. И оказаться такой бродяга может кем угодно. Наемником, шпионом, вором, убийцей...

— А тот кем был?

— Неважно, — отмахнулся Гарник. — Нам с ним детей богам не показывать, и ладно. Пойдем, Зиг. И ты, Сьюз, иди, отдыхай. Домой-то завтра поутру пойдете?

Я растерянно кивнула.

— Хорошо... — Гарник помялся, будто раздумывал, стоит ли говорить то, что просится на язык. — Слышал я, о чем Колин с управляющим совещається. Так вот, Сьюз. Чего там они нарешают, тебя с бабушкой не касается, поняла? Ваше место всяко здесь. Собирайтесь, вернется Анегард, приеду за вами.

Спала я тревожно. Во сне Зигмонд и Марти спорили, кому из них больше подходит слово «бродяга», Анегард никак не возвращался в замок, а над нашей деревней летело войско барона Ульфара, отбрасывая на землю черную, похожую на бездонную реку тень.

* * *

Колину разговор с управляющим, хотя для деревни и удачный, спокойствия не прибавил. Что в замок шли, трактирщик одно беды и разорение пророчил, что обратно... В конце концов мне надоело слушать непрерывные сетования, и я спросила:

— А вот скажи, Колин... помнишь, когда мы Ронни искали и на бродягу напоролись, ты про нож его сказал? Вроде, нищий с таким ножом?..

— С чего вдруг ты вспомнила? — удивился Колин.

— Да Гарник сказал вчера, именно тот парень про Ульфара первые вести принес. Вроде не простой он бродяга, а то и не бродяга вовсе. Только я не поняла толком, а Гарник объяснить не захотел... нам, мол, с ним детей богам не показывать, а раз так, лучше не знать лишнего.

— Любопытство девичье, — усмехнулся трактирщик. — Прав капитан: меньше знаешь — крепче спишь. Оно конечно: ему самому, или, к примеру, мне, или вон старосте нашему

такая правота без надобности. Но тебе...

И замолчал, не договорив.

— Ну вот, — я проводила глазами выскочившего на тропинку и снова умчавшегося в папоротники Рэнси, — и ты загадками говоришь. Ну, любопытство, ну, девичье... но интересно же! Он такой... странный, что ли? Ведь не только в ноже дело...

Колин остановился вдруг, взял меня за руку.

— Сьюз, ты знаешь, я тебя как родную люблю. Ты красивая, добрая, умная девушка, и держишь себя в строгости, не то что некоторые...

— Ты к чему это, Колин? — я, пожалуй, даже немного испугалась.

— К тому, — строго заявил трактирщик. — Не для тебя всякие проходимцы! Не знаю, кто он такой, и знать не хочу, но в одном уверен: этот хмырь и мизинчика твоего не стоит!

Я рассмеялась:

— Ох, Колин! Ты решил, я в него влюбилась?!

— Девичий интерес на пустом месте не возникает, — смущенно проворчал трактирщик.

— А любопытство?

— Любопытство тоже.

— Нет, — я покачала головой. — Честно, нет. Какая любовь, ты что! Но как мы с Рольфом его вели, век не забуду! Знаешь, сколько страху натерпелась?

Я отняла у Колина свою руку, и мы пошли дальше. Вот ведь придумал — влюбилась!

— Просто дурочкой себя чувствую, — призналась я. — Ты вон сразу понял: что-то с ним не так. А мне для этого Гарник понадобился. Вот вспоминаю: вроде мелькали тогда мысли... не подозрения, но... а, — я махнула рукой, — сам понимаешь, что за мысли дурацкие, раз даже толком их словами объяснить не могу! Вот уж точно, курица слепая!

— Да зачем оно тебе, Сьюз? Твое дело девичье...

— Колин, — тихо сказала я, — ты меня совсем за клушу-то не держи. Я все-таки лекарка, мало ли кому помогать придется. Мне стыдно настолько в людях не разбираться.

А сама подумала вдруг: хорошо, ни Колин, ни кто другой в деревне не знает про амулет. То-то было б разговоров: от бродяги перехожего подарок приняла! Да не простой, а с невесть какими чарами! Бабушке рассказала, как иначе, но больше — никому. Еще, конечно, Эннис знает, но городскому магу об меня язык чесать незачем.

Колин, помолчав, кивнул:

— Может, ты и права. Нож, говоришь? За его нож, Сьюз, всю нашу деревню купить можно, с землей, скотом и всем хозяйством.

— Уж будто? — хмыкнула я.

— А то! Линнская сталь, азельдорская работа. У его милости Анегарда оружие похуже будет.

— Выходит, он из благородных?

— Навряд ли, — покачал головой Колин. — Как ты это себе представляешь, благородному господину нищего бродягу изображать? Обноски напялить ради королевской службы, чтоб, допустим, мятежника изобличить или планы врага разведать, — то еще полбеды. Но перед деревенскими лебезить? Руки себе вязать позволить?

Я представила, как выглядел бы обрядившийся в тряпье Анегард — и особенно, как бы он ответил на попытку парня вроде Рольфа допросить его, связать и отволочь на суд к барону! — и согласилась с Колином.

— Нет, Сьюз, он, видать, из наемников, да не последнего разбору — тех, что за службу

золотом берут. Или шпион чей-то. Хотя, одно другому не мешает.

— Дерется здорово, — припомнила я. — Даже со связанными руками. Рэнси в нос дал...

— Рэнси? — оторопел Колин. — В нос?!

— Ногой, — я вздрогнула, вспомнив. — И в лес как сиганет... Если б не моим пояском связали... у него ведь еще и в сапогах ножи были.

— В сапогах?! Точно, наемник, — совсем уж уверенно кивнул трактирщик. — А я лопух, не догадался! Не-ет, Сьюз, у эдакого волка на дороге я бы стать не хотел.

— Вот и его милость Анегард сказал, повезло. Не про вас, мол, добыча...

Какое-то время мы шли молча.

— А нож с виду простой такой, — вздохнула я. — Вот пытаюсь вспомнить, и... ну обычный же!

— На то и расчет, — хмыкнул Колин.

— А как же ты узнал?

Колин подмигнул:

— Трактир держать — занятие хитрое, глаза на гостей требует верного. Да и не всегда я трактирщиком был...

— Бабушка, — спросила я вечером, покончив с рассказом о походе в замок, — а кем Колин раньше был? Ну, не всегда ж он трактир держал?

— Воевал вроде... Сьюз, как думаешь, одеяла брать?

— Да зачем тебе там свои одеяла? Нет, конечно, если Гарник на подводе приедет, так можно хоть одеяла, хоть матрасы, но... Ой, ба, ну что нас там, спать по-людски не уложат?! А где воевал? С бароном вместе или в наемниках?

— В наемниках, в охранниках... не знаю! Может, и с бароном. Дался он тебе, какая разница! Ой, а Злыдню-то, Злыдню?!

— Гвенде завтра отведу.

— Ох ты ж лапушка моя, Злыднюшка... Гвенда с нею как еще поладит...

Голос бабушки предательски задрожал. Я вздохнула: отдавать Злыдню в чужие руки и правда жаль.

— Договорюсь я с ней, ба... поладят.

— А может, с собой, а? Молочко-то, оно...

Я села рядом с бабушкой, обняла трясущиеся плечи:

— Не плачь. Хочешь ее с собой, значит, возьмем с собой. Все равно своими ногами побежит, она тебе не одеяла, места не запросит. А в замке авось не заругаются, найдут местечко для еще одной козы.

— Как уходить-то, — всхлипывала бабушка. — Прижились мы с тобой здесь, хозяйством обросли, все равно что с корнями выдираться. Ох, горюшко...

— Так вернемся же.

— Ты, девонька, войны не видела. Вернемся, а тут — пепелище. А нет, так разграблено все, а что не взято, то испохаблено. Весь-то дом с собой не унести...

Дом... мне вдруг и впрямь стало страшно, что вернемся — а его нет. Вот этого стола, за которым чаевничаем, принимаем гостей, разбираем травы. Жбана с квасом в углу, медного рукомойника, полки с расписными мисками. Накрытой лоскутным одеялом кровати, на которой я спала почти всю жизнь — уж сколько себя помню, точно. Сундука с нарядными

рубашками, праздничной полосатой юбкой и зимним полушубком — невелико богатство, а все жаль. В таких сундуках, подумалось вдруг, деревенские девчонки собирают приданое. Только мне приданое без надобности, и вечера я провожу не за вышивкой и прочим рукоделием, а бабулину науку перенимая. Пришлую лекарку если кто и захочет за себя взять, так уж точно не ради сундука с добром или доли в отцовом наделе. Такая жена, как я, деревенскому мужику только в убыток: ни в поле помочь, ни на огороде, разве скотину обиходить... А лекарское дело хлопотное, времени берет изрядно. Какому мужу понравится, что жена одно в лес за травками бегает, да не всегда днем, бывает, и ночами? Вот и нет здесь для меня женихов...

В этот вечер мы так ничего и не собрали. Носами прохлюпали...

— Ладно, — сказала я, когда совсем уж стемнело, — завтра Гарник точно не появится, он сказал, приедет, когда Анегард вернется. Успеем. А может, еще и не будет никакой войны?

Бабушка только вздохнула в ответ.

Я долго сидела на кровати, завернувшись в одеяло и глядя в окно. Все думала, правда ли война может дойти до нас, и что будет тогда с нашим домом, и с деревней, и с теми людьми, кого я привыкла называть соседями. Ничего хорошего у меня не выходило, и заснула я в слезах.

А проснулась — в самый глухой час ночи — оттого, что показалось, будто кто-то меня зовет.

Я села, прислушалась. Нет, все тихо. Приснилось? Слишком уж ярко для сна...

Вспомнилось пробуждение в начале лета — той ночью, когда прилетела в наши края Зигмондова стая. По коже пробежал холодок. Я встала, подошла к окну.

Под окном стояла лошадь. Черный конь, теряющийся в ночной тьме.

Огрызок луны едва виднелся из-за туч, но все же я разглядела какой-то бесформенный груз на конской спине.

И этот зов... беззвучное отчаянное «помоги», не ко мне на самом деле, в никуда — или напрямик Звериной матери.

Я выбежала, даже не одевшись. Не знаю, что за дикое предчувствие стукнуло меня, но я совсем не удивилась, увидев в седле, бессильно упавшим на шею вороного, — Анегарда.

Разжать его смерзшиеся на гриве пальцы удалось не сразу.

— Слезайте, господин...

Обхватила, потянула на себя. Стащить с седла здорового парня, и при этом не уронить его и не упасть самой — не думала, что я на такое способна! Анегард был не вполне без чувств, но все же больше мешал мне, чем помогал. Спасибо, его вороной стоял как влитой, лишь раз или два переступил копытами, — хотя страх и беспокойство благородного скакуна обдавали меня ледяным ознобом, здорово мешая соображать.

Мы ввалились на кухню, и у меня отлегло от сердца: бабушка уже затеплила огонь и поставила греться воду.

— Как хорошо, — выдохнула я, — что ты проснулась.

— Что с ним?

— Не знаю...

Вдвоем мы кое-как усадили молодого барона на лавку. Он пробормотал что-то неразборчивое и окончательно провалился в обморок, навалившись грудью на стол, и

бабушка вздохнула:

— Вот и хорошо, нам легче будет. Гляди, в него стреляли. — Из спины Анегарда торчали два глубоко ушедших толстых древка, и я ахнула, представив, что могла задеть их в темноте. — Иди-ка, девонька, перестели свою кровать. Его надо будет уложить и закутать хорошо. А здесь я без тебя управлюсь.

У нас хватало места для гостей — все-таки не халупа деревенская, а баронский охотничий домик! — но я ни на миг не удивилась бабушкиному выбору. В моей комнате даже при открытом окне тепло — ее греет задняя стенка печки; да и не дотащить нам Анегарда до гостевых комнат. И вообще, чем удобней мы его устроим, тем лучше. Я никогда еще не видела серьезных ран, но бабушка рассказывала, и сейчас мне было страшно. Если я правильно понимаю, поставить Анегарда на ноги будет ой как непросто...

Вернувшись на кухню, я поняла, что бабушка не зря меня отослала. При виде окровавленной одежды и на глазах промокающих алым повязок у меня подогнулись колени. Надо же, вроде никогда крови не боялась...

— Приготовила? — отрывисто спросила бабушка. — Берись, поведем.

Кухню наполнял аромат заваренных трав — кроветворка и что-то еще, чего я не смогла определить. Я глубоко вдохнула, успокаиваясь. Все будет хорошо. Сама бы я не справилась, но бабушка... бабушка его вылечит, и сомневаться нечего!

Подхватив с двух сторон, мы кое-как дотащили молодого господина до кровати.

— Еще подушку, — скомандовала бабушка. — Повыше надо устроить, ему дышать тяжело будет.

Анегард очнулся на миг, напрягся. Безумный взгляд метнулся по нашим лицам, молодой барон хотел, кажется, что-то сказать, но снова потерял сознание.

— Травка настоится, поить будешь, — говорила бабушка, укутывая раненого моим одеялом. — Оденься пока, коня его глянь. Дела неважные, Сьюз, с такими ранами всяко повернуться может. Придется тебе завтра в деревню сбегать, пусть Рольф в замок скачет...

Как во сне, я стянула ночную рубашку. Белая ткань измазалась кровью, и я с трудом подавила рыдания. Оделась, вышла к вороному. Чудо, он оказался цел. Только дрожал крупной дрожью, и весь был в мыле, словно на галопе от самого Оверте сюда летел. Я завела его в сарай к Злыдне, расседлала, путаясь дрожащими пальцами в пряжках и ремешках. И все-таки расплакалась, уткнувшись лицом в гриву. Вороной переступал ногами, фыркал беспокойно, Злыдня возмущенно орала, взбудораженные Серый и Рэнси крутились у моих ног, а я могла думать только об одном: война все-таки пришла к нам. И первым поразила того, кто должен был нас всех защитить.

Я умылась у колодца: не хотела зареванной показываться. Могла бы не волноваться: кухня была пуста. Ну да, бабушка сидит, наверное, с Анегардом...

На столе валялись две коротких стрелы, измазанных кровью, на лавке — пояс, камзол и рубаха молодого барона. Кровавые пятна расцвели пол и лавку, и я подумала: отмыть бы, пока не засохли. Но сил на уборку совсем не осталось.

Рэнси ткнулся мордой мне в колени, заскулил жалобно.

— Да, — я погладила черную лобастую голову, — ты понимаешь... с хозяином беда... что-то будет, Рэнси...

Снова подступили слезы, и я злобно прикусила пальцы. Хватит уже реветь! Слезами Анегарда не вылечить, и нам всем не помочь, и даже Гарника не дозваться.

Гарника...

Имя капитана отозвалось эхом недавнего воспоминания, моим собственным, но словно чужим голосом: "Рэнси, идем Гарника искать!"

А следом — давним, почти позабытым Анегардовым: "Он дорогу найдет"...

— Рэнси, — прошептала я.

Анегардова пояса как раз хватило обернуть два раза вокруг могучей шеи пса. Я затянула пряжку, провела ладонью под ремнем, проверяя, не туго ли. Рэнси недовольно дергал головой, пришлось его успокаивать, а это не так-то легко, когда у самой поджилки трясутся...

В кармане камзола обнаружился платок. Тонкий, с вышитым в уголке алым медведем Лотаров... как бы не тот самый, которым Анегард мне слезы вытирал...

Намочила в не успевшей высохнуть крови, привязала к получившемуся ошейнику.

— Рэнси, хороший мой... *Ищи Гарника... приведи нам помощь, Рэнси!*

Я вызвала в памяти понятный псу образ Гарника — запах кожи, металла, коней и чего-то еще, неопределимого для человека, но явственного для собаки. Не отвлекайся, Сьюз... Не трясись, успокойся, иначе пес тебя не поймет!

Найди Гарника, Рэнси... беги в замок и найди Гарника!..

Я повторяла и повторяла, и *вслушивалась* изо всех сил, ловя ответ. Смутные образы: лес, тропа, замок, двор казармы, ладонь капитана, пахнувшая сталью и конским потом... Готовность: бежать, найти, позвать. Умница мой...

Давай, Рэнси, беги!

Гарник поймет, не может не понять.

Бабушка встретила меня тревожным взглядом.

— Все хорошо, — сказала я. — Рэнси в замок отправила.

— Садись, — бабуля встала, уступая мне место. — Пойду питье заварю.

— Как он?

— Скоро очнется. Шевелиться не давай, говорить... ясно, рот ему не заткнешь, но тоже не давай. Скажешь: если жить хочет, пусть молчит и лежит смирно.

Усаживаясь на низкую табуретку рядом с кроватью, я думала, что прекрасно обошлась бы без наглядного урока по лечению боевых ран. Особенно если учиться предстоит на нашем Анегарде.

Пока я устраивала вороного, разливала слезы и налаживала Рэнси в дорогу, бабуля похозяйничала в моей комнате. Передвинула сундук ближе к кровати, на его широкую крышку поставила свечу. Закрыла окно ставнем: это я люблю спать под шорохи и лунный свет, а раненому ни к чему ночная стынь. Вроде мелочи, но комната сразу стала... нет, не чужой, — но и *не моей*. И потому его милость Анегард в моей кровати ничуть не казался... неподобающим, всплыло в памяти господское словечко. Я лишь мельком удивилась, как мысли о *таком* могли забрести мне в голову, и тут же забыла о них.

Ровный огонек свечи притягивал взгляд. Он был такой теплый, и свет его — тоже. Намного теплее лунного. Жаль, думала я, что свечи так дороги. Что держать их в доме лекарка может только ради таких вот случаев — когда среди ночи вдруг что серьезное.

Анегард шевельнулся, напрягся.

— Лежи, господин, — я осторожно коснулась его плеча. — Тихо лежи, не шевелись.

— Как я... здесь?..

— Молчи, нельзя тебе говорить! Конь принес, вот как!

— Очнулся? — вошла бабушка, и комнату наполнил запах лечебного отвара. — На-ка, господин, выпей.

Я глядела, как уверенно бабушкина ладонь придерживает голову молодого барона, как ловко бабуля держит кружку — Анегарду только глотать остается, и ни капли мимо. Я бы не смогла, у меня до сих пор руки дрожат. Негодящая из меня лекарька...

— Значит, так, — бабушка поставила наполовину опустевшую кружку на сундук, отерла чистым лоскутом выступивший на лбу Анегарда пот. — В замок Сьюз весточку послала, дадут боги — получают. Это я первым делом говорю, чтобы ты, господин, лишним беспокойством себе не навредил. А теперь вот что запомни: раны твои не из тех, что в единый боговорот лечатся. Знаю, война на носу, тебя в бой тянет; так вот, один у тебя нынче бой — выжить. Я за свою жизнь многих на ноги подняла и за слова свои отвечаю: чтобы тебя Старухе не отдать, потрудиться нам всем придется.

И подсунула ему еще кружку — с сонным отваром. И когда заварить успела?..

Я вдохнула успокаивающий парок. Когда за дело бралась бабушка, сразу верилось — все будет хорошо. Вот и Анегард послушно закрыл глаза в ответ на ее "Постарайся теперь заснуть, господин".

— Будет просыпаться, давай первым делом вот это, — бабушка переставила одну кружку ближе к кровати, — потом это, — кивнула на ту, что дальше. — Сколько выпьет. Чем больше, тем лучше.

— Он не умрет?

— На все воля богов, — тяжело вздохнула бабушка.

Остаток ночи я так и просидела — глядя то на ровный огонек свечи, то в лицо Анегарду. Отирала пот с его лба. Когда стонал или открывал глаза, поила. Молча молила богов о помощи: Звериную мать, свою покровительницу, и Воина, покровителя Анегарда, и Жницу, в чьей власти обрезать спряденную Старухой нить, и саму Старуху, хоть и говорят, что она глуха к мольбам. Думала о Рэнси: добрался ли до замка? Потом вдруг сообразила, что перевезти Анегарда домой все равно не получится, раз ему даже в кровати лучше пока не шевелиться. А значит, молодой барон так и будет лежать здесь, беспомощный, и хорошо бы у Гарника хватило людей охранять и его и замок!

Мне было страшно. Очень страшно.

Под утро вошла бабушка, долила в кружки отвар, сказала тихо:

— Сьюз, девонька, иди поспи, я посижу.

Я хотела отказаться, но вдруг зевнула — и поняла, что и правда почти засыпаю. Бабушкина кровать показалась мне самым желанным в мире прибежищем.

Кажется, я заснула даже раньше, чем донесла голову до подушки.

Конское ржание, голоса под окном... Я вскинулась с одной мыслью — помощь пришла! — и, только выбежав на крыльцо и увидав гостей, сообразила: Гарник всяко еще не успел бы.

Десятка полтора всадников оглядывали наш дом. Неказистые вислобрюхие лошадки, явно больше привычные тянуть плуг или телегу, чем ходить под седлом, и цепи с топорами вместо мечей выдавали в них вчерашних селян. Не иначе Ульфарово ополчение, то-то и рожи смутно знакомы — небось на ярмарку в Оверте мимо нас ездили, у Колина ночевать останавливались. А теперь, значит, грабить пришли, по натопанной дорожке? Ишь,

стеганки понатягивали, железками увешались, уже и войско... известно, в курятнике любой петух за сокола сойдет!

А вот главарь их явно не деревенского выводка птица. И жеребец под ним почти так же хорош, как Анегардов вороной, и доспех — кожаный, железными бляшками ушитый, и меч у седла. Наемник, пес войны. Чем-то он мне Зигмонда напомнил, разве что в полностью человеческом облике. Та же властность в осанке и взгляде, а косой шрам через всю морду стоит, пожалуй, звериных глаз и клыков.

— Ну и что у нас туточки? — с нарочитой ленцой выщедил наемник. — А туточки у нас дева сладкая, краса-мечта, — и причмокнул обветренными губами. — Что молчишь, гостей в дом не зовешь? Нехорошо, красавица.

— Это... — подал голос рыхлый и белый, как квашня, парень на мышастой кобыле. — Ты б, командир, того... лекарка она.

— Лекарка? — недоверчиво протянул главарь. — Вот эта цыпонька — лекарка?

— Точно-точно, — поддакнул кто-то из-за широкой наемничьей спины. — Все в округе знают, здесь баронова лекарка живет и внучка ее, тоже не последнего разбора знахарка. К ним даже молодой маг из Оверте за зельями приезжает!

Губы главаря искривила похабная ухмылка:

— Да уж ясно, за какими бесами тот маг так далеко мотается. Я и сам бы какую болячку себе придумал, ради нежных ручек, что лечить станут!

Приложить бы тебя, хмыря болотного, нежной ручкой да по темечку!

Скрипнула дверь сарая: оттуда вышла бабушка. Злыдню доила, с ужасом поняла я... Анегард, значит, один... боги великие, хоть бы в себя не пришел! Не улежит ведь...

— Та-ак, а это не та ли самая баронова лекарка? — обернулся главарь. — А кто у тебя туточки ржал, бабка, уж не корова ли?

Сердце мое сжалось и замерло.

— Коза, — сердито ответила бабуля, показывая подойник с молоком. — Ехали бы вы, добры молодцы, по своим мужским делам, здесь по вашим силам врагов нету.

— А это мы сейчас проверим, — главарь соскочил с коня и шагнул к сараю.

Бабушка стояла у него на пути, и он, взяв ее за плечо, с силой толкнул в сторону. Бабуля ударилась о стенку сарая, сползла на землю и осталась лежать. Покатился в сторону подойник, растеклась по траве белая лужица. Отлетел прочь, скуля, с маху поддетый сапогом Серый. Наемник рванул из ножен меч и хорьком-переростком скользнул в сарай.

Словно со стороны я услышала свой крик; и поняла, что кинулась туда, к ним, лишь когда кто-то сжал мою руку — чуть плечо не вывернул! — и пробормотал виновато:

— Погоди пока...

Погодить?! Там бабушка моя лежит без движения — уж не насмерть ли эта мразь ее зашибла?

— Отпусти, — прошипела я, — хуже будет. Или забыл — кто на лекарку руку поднимет, того...

— И чей же у вас туточки конь боевой? — вынырнул из полумрака сарая наемник. Не найдя там врага, он вовсе не казался обескураженным; скорее довольным, словно того и ждал. Сощурил глаза, вперил в меня колючий взгляд. — Уж не ты ли, лапушка, на эдаком красавце катаешься? Хватает силенок в узде держать?

И тут я озверела.

— Ты! — заорала я. — Забыл, что на тебя боги смотрят?! На лекарку руку поднял, быть

тебе прокляту вовек, в жизни и в смерти, мразь!

— Умолкни, — главарь шагнул ко мне, и за напускной насмешкой в лице его проступила непритворная злоба. — Много болтаешь, цыпонька. Еще слово, и...

Да нужен ты мне больно, с тобой препираться! Сказала уже все, что хотела сказать. Пришел черед *делать*.

Никогда еще я не причиняла зла ни людям, ни зверью. Ну что ж, рано ли, поздно, всему приходится учиться. А кто умеет успокоить, сможет и напугать.

Страх и злость — мне не пришлось долго искать их в себе. Того и другого было с избытком. Оставалось лишь выплеснуть наружу — беззвучным криком, понятным любой бессловесной твари. Всполошились куры, с шумом рванули прочь, подальше, лесные птицы. Шарахнулась мышастая кобылка державшего меня парня, испуганно взвизгнул каурый меринок, вскинулся, сбросив неумеху-ополченца, гнедой низкорослый жеребчик. Ну же! Страх и злость. Еще. Больше. Заплакала в сарае Злыднюшка, разнеслось над поляной злое ржание Анегардова вороного, наемничий жеребец ответил на вызов, вскинулся и замолотил копытами в заманчивой близости от хозяйской башки. Главарь повис на поводьях, умирняя коня. Ржание, визги, ругань и вопли ввинтились в уши, добавляя суматохи. Отлично. Дальше само пойдет. Оказывается, паника — это как стронуть со склона неустойчивый валун: достаточно одного крохотного усилия.

— Прекрати! — главарь, бросив поводья, подскочил ко мне, схватил за плечи, потрянул так, что зубы клацнули. — Прекрати, или ты труп! Ну!

Я испугалась, правда испугалась. Этот человек — самый обычный мужчина с косым шрамом от виска до подбородка, сильный, злой, пахнущий потом, кожей и железом, — оказался намного страшней звероглазых клыкастых нелюдей, пьющих кровь. Не удержавшись, я тоненько всхлипнула. И — ответом на мой ужас — смирные крестьянские кони его отряда словно взбесились. Я закрыла глаза, но... ох, даже если бы удалось еще и уши заткнуть, все равно, наверное, я знала бы, что происходит сейчас перед нашим домом. Хорошо, если просто в лес поубегают, а то ведь и перетопчут хозяев насмерть...

Стой, Сюз, ты что, жалеешь их?! Не надо.

Наемник сжал мои руки, стиснул — оба запястья уместились в одном его кулаке. Шею кольнуло холодом.

— Прекрати это, девчонка. Успокой их, или я, Воином клянусь, успокою тебя. Навек.

Безумие захватывало, захлестывало с головой. Я и не заметила, как ушел страх.

— Звериную мать проси, — выдавила я. — Мне их уже не успокоить.

— Ты выбрала, — прорычал он, и холод лезвия на шее сменился горячей струйкой крови — пока тонкой, но... — Сначала я убью тебя, а после гляну, кого вы с бабкой прятали. Думаю, мне хорошо за него заплатят. Или, может, — голос его упал до вкрадчивого шепота, — все же будешь благоразумна? Кто он тебе, чтоб за него гибнуть? Лекарка и ворожейка, да еще такая лапушка, везде устроится.

Наверное, он бы и вправду меня убил. Силы вытекли из меня, выплеснулись, как вода из разбитого кувшина — все одним махом. Мне как-то сразу, резко и вдруг стало все равно. Наверное, я и смерти бы не заметила... Но в тот миг, когда остатки чутья взвыли — спасайся! — похожая на ураган сила оторвала от меня чужие руки. Ударил по лицу тугой ветер, швырнуло наземь, надвинулся спасительный сумрак забытья, — но я еще успела открыть глаза и увидеть, как плещет на траву кровь из разорванного горла наемника.

— Что ж мне с вами со всеми делать-то? — вздохнул Зигмонд. — Замок на ушах стоит, Гарник с ума сходит, мне б туда скорей мчаться, а тут трое лежачих без защиты. Да ведь если всерьез заварится, с меня одного толку мало... И в целебных чарах я смыслю не больше, чем ваш знаменитый мэтр Курж в защитных.

Сверкнули в невеселой ухмылке песьи клыки нелюдя, и я попыталась улыбнуться в ответ. Значит, это он был, Зиг...

Я с трудом подняла руку, ощупала повязку на горле — тугую, мешающую дышать, и почему-то неприятно мокрую. Поднесла ладонь к глазам, долго рассматривала измазанные кровью пальцы. Способность думать возвращалась в звенящую пустотой голову медленно и неохотно. Зиг. Трое лежачих. Бабушка?

— С бабушкой... что? — прошептала я.

— Головой ударилась, — ответил Зигмонд. — Сильно. Спинай тоже, но там не так страшно, все цело, поболит и перестанет. Я ее уложил, примочку холодную сделал, — а больше ничем и не помогу, не умею.

Я неловко отерла пальцы об одеяло. Что-то важное нужно было сообразить, и поскорее, но что? Я тоже, что ли, головой ударилась?

— Как Анегард у вас оказался?

Анегард, вот что!

— Зиг... там две кружки, напои... пить ему надо. Обе. — Как же трудно говорить! — И на кухне... на печке... как закончится...

— Понял, — кивнул нелюдь. — Сейчас гляну.

Я закрыла глаза. Плохо, ох, как все плохо! Надо встать. Надо разобраться, что с бабушкой и чем ее лечить, надо сделать свежие отвары для Анегарда, надо сообразить подходящий для них обед. Анегарду повязки, наверное, пора сменить, смогу ли сама? Надо выйти, проверить, что со Злыдней, Серым и Анегардовым вороным, как перенесли панику куры — небось, половина передохла от эдакой жути! А если там так и валяется этот... с разорванным горлом? А остальные?..

Столько дел, а у меня сил — еле шевелюсь!

Шаги Зигмонда, твердые, по-хозяйски уверенные, отдавались болью в голове. Но при этом — успокаивали. Я держалась за них, как тонущий — за протянутую с берега дружескую руку. Идет на кухню, возвращается... возится у постели Анегарда... бормочет что-то себе под нос, снова выходит...

И — тишина...

Не знаю, скоро ли я забеспокоилась — время как будто перестало существовать, замерло и затаилось, отодвинутое в сторонку. Но, когда совсем уж неумоготу стало вслушиваться в тишину, я села, опираясь на руки, и разлепила глаза.

Оказалось, Зигмонд притащил в мою комнату один из гостевых тюфяков. Бросил под стенку, где раньше сундук стоял — вот и еще одна кровать. На ней меня и устроил. Я поерзала, прислонилась к стене. Посижу немного... вот перестанет голова кружиться, и...

Анегард заворочался, застонал глухо. Меня как пинком подбросило — сама не заметила, как у его кровати оказалась. Нашарила кружку — отвара в ней осталось на самом доньшке, — поднесла молодому барону к губам. Он выпил жадно, облизнул губы. Попросил хрипло:

— Еще...

Вторая кружка оказалась пуста.

— Сейчас, — пробормотала я. Бесов заколдунец, сказала же ему — на печке!

Пока я дошла до кухни — осторожно, по стеночке, — в голове прояснилось, слабость отступила, зато заныли уже начавшие наливаться багровым синяки на руках. Ничего, усмехнулась я, живая, значит. Вспомнилась хватка наемника, запоздалый ужас сдавил сердце: ведь убил бы, точно убил! Кабы не Зиг... вот только куда бесы понесли этого Зига, чтоб ему?! Не верилось, что нелюдь помчался в замок, слова мне не сказав, не убедившись, что смогу в случае чего встать и помочь — пусть не бабушке, что ему до незнакомой лекарки, но Анегарду...

На кухонном столе остывал в ковшике процеженный отвар. Я осторожно наполнила кружку. Добрела — раз уж вышла — до бадьи с водой, плеснула в лицо, напилась из ладошки. Сразу стало легче: надо же, я и подумать не могла, что можно хотеть пить и самой этого не понимать, пока вода не освежит горло. Вздохнула: воды осталось на самом доньшке, надо к колодцу идти, а сил нет. Ладно, попозже... Не удержалась, шагнула к окну. Зиг, растопырив для равновесия крылья, волок за ноги к лесу чей-то труп. Нашел занятие!

Анегард выпил полкружки — жадно, захлебываясь. Устало откинулся на подушку, закрыл глаза. Спросил сиплым шепотом:

— Как я здесь оказался?

— Не знаю, — медленно ответила я. — Я проснулась ночью — под окном конь...

Говорить было больно, и я замолчала. Подумала: может, Зигмонда позвать? Что-то он говорил про панику в замке, про Гарника...

— А с тобой что?

— Что? — не поняла я.

— Шея, — не открывая глаз, пояснил его милость. Надо же, заметил!

— Да ерунда... пройдет...

— Сьюз, — напрягся молодой барон, — что — с тобой — случилось? Кто?..

— А бесы их знают, кто! — от злости у меня вдруг прорезался голос. — Может, Ульфаровы наемники. Они не сказали.

На мое счастье, тут вошел Зиг.

— Что, — спросил, — очнулся? Как ты здесь оказался, а?

Я всхлипнула и села на пол. Ну хоть плачь, хоть смейся!

Сейчас ведь точно скажет: "У Сьюз спроси"!

— У Сьюз спроси, — просипел Анегард. — Я не знаю.

Вздохнув, я наконец-то изложила более-менее связно все события этой ночи. Заодно вспомнила и про Рэнси, спросила Зигмонда:

— Он что, не дошел?

— Вот тут уж я не знаю, — ответил Зиг. — Если дошел, Гарник скоро здесь будет. Ты сам-то что помнишь? — спросил Анегарда.

— Ехали, — молодой барон неопределенно повел здоровым плечом. — Все тихо было. На развилке у Орехового кони взбесились. Как... прости, Зигмонд, как от твоих чар. Похоже очень. Я успокоить хотел... — Анегард дышал все тяжелее, на губах лопались кровавые пузырьки. А ведь бабушка молчать ему велела, вспомнила я.

— Молчите, господин, нельзя вам говорить, — я встала, отерла Анегарду губы, вытерла пот со лба. — Дальше ясно. Подстрелили его, а конь понес, куда придется.

Анегард чуть приметно кивнул, прикрыл глаза. Похоже, короткий рассказ утомил его безмерно.

— Стрелы где? — спросил Зиг.

Я пожала плечами, поморщилась: засохшая повязка давила шею, царапину — вряд ли там что больше, раз я уже и хожу, и говорю! — начало печь. Стрелы... Кажется, они лежали на столе... на столе, да. А рядом на лавке — окровавленные камзол и рубашка...

— На кухне были.

— Не было, — уверенно возразил Зигмонд.

Может, бабушка утром убрала?

— Пойду поищу.

Я остановилась у дверей, обернулась.

— Зиг, пожалуйста... можешь бабушку сюда перенести? Я на две комнаты не услежу, а ты...

— Да, — кивнул нелюдь, — в лечении я тебе не помощник. Сделаю, Сьюз.

В кухне у нас — сплошные двери. Из моей комнаты и из бабулиной, в кладовку, на крыльцо и на задний двор. И еще окно — из него виден только лес и клочок неба, но это та сторона, откуда чаще всего натягивает дождь, так что я вглядываюсь туда уже по привычке. Сейчас там летала, нарезая над лесом широкие круги, черная точка, и веяло от нее тревогой и опасностью.

— Зиг, — окликнула я, — погляди, не твой?

Нелюдь оказался рядом мгновенно. Всмотрелся, кивнул:

— Мой. Углядел что-то или провожает кого-то. Странно... ты стрелу нашла?

— Ой, нет, — спохватилась я. — Сейчас.

— Ищи, — приказал Зигмонд, и в голосе его мне впервые после Орехового почудилась смерть. Аж холод по спине разлился. Зиг положил руку мне на плечо, сжал легонько: — Сьюз, что за дурость? Ты меня бояться вздумала?

— Нет, — я дернула плечом, сбрасывая его ладонь. — Просто ты меня напугал.

— Ну извини, — рассеянно пробормотал заколдунец. Раскаяния в его голосе не было и на медяк. И не надо. Что я, томная барышня какая? Как бы ни пугал меня Зиг, счастье наше, что он здесь.

Я отвернулась от окна, обвела взглядом кухню. Если стрелы убрала бабушка... ну, скорей всего... ага, точно!

— Вот! — Я откинула крышку пустовавшего пока ларя, в который мы складывали к зиме готовые снадобья. Зигмонд оттолкнул меня, повел носом над заскорузлыми тряпками, что еще вчера были одеждой молодого барона. Осторожно, двумя пальцами, достал стрелу. Долго вертел перед глазами, обнюхал, чуть ли на зуб не попробовал. Я тем временем рылась на полках и все больше впадала в панику: неужели мы с бабушкой умудрились отдать в замок всю кроветворку, совсем не оставив себе?!

Зиг тронул меня за плечо, сунул под нос стрелу:

— Я возьму ее.

— Это не ко мне, — отмахнулась я. — Вон его милость Анегард лежит, с ним решайте. Зиг, — под руку мне попалась заживляющая мазь, что повернуло мои мысли немного в другом направлении, — поможешь повязки ему сменить?

— Да, конечно, — Зигмонд развернулся и ушел в комнату. Собирая чистые тряпки, я слышала, как он спрашивает Анегарда про стрелу. И что в ней такого важного?..

Вернувшись в комнату, я первым делом подошла к бабушке. Зигмонд устроил ее на моем тюфяке, а для меня притащил еще один — и когда успел?

— Девонька моя, — прошептала бабушка, беря меня за руку. — С тобой всё... они тебя не... не тронули?..

— Все хорошо, ба, — я сморгнула непрошенные слезы. — Зигмонд вовремя подоспел. Что у тебя болит?

— Страшного ничего, — помолчав, уже тверже ответила бабушка. — Спину потом разотрешь и от головы отвар сделаешь, я нашепчу. Плохо, что мне головой лучше пока не двигать. Лежать, не вставать...

— Верно, — кивнул подошедший незаметно Зиг. — Видел я такое, лежать надо. Не боговорот, но дня три-четыре точно.

— С шеей что? — бабуля тоже заметила мою повязку. Я поморщилась. Ответил Зиг:

— Царапина, за пару дней заживет. Обработать только надо, а то я наспех завязал...

— Оно и не болит даже, — сказала я. — Рукам и то хуже.

— Синяки борцом смажь. — Бабушка, похоже, собралась с мыслями и решила, что без ее руководства мы никак не справимся. — Царапину обработай сейчас же. Промой и...

— Да знаю я! Ну ба, ну что я, царапин не лечила?! Ты лучше скажи, чем Анегарда поить?

Бабушка задумчиво почесала кончик носа.

— Повязки не меняли?

— Вот, — кивнула я на охапку чистых тряпок, — собираемся.

— Ты, — бабуля ухватила за руку присевшего рядом Зигмонда, — сможешь разобраться, как рана? Сьюз такого не видела.

— Разберемся, — успокоил бабулю Зиг. — Да все там хорошо должно быть, лихорадки нет, не бредит...

Я вспомнила кровавые пузыри на губах молодого барона. И это — хорошо?!

— Не трусись, справимся, — подбодрил меня Зиг. — Пошли.

Справлялся в основном Зигмонд. Нелюдь бестрепетно сорвал старые повязки, и ухом не поведя на придушенный стон его милости, помял пальцами края раны, хмыкнул, подхватил обмякшего Анегарда подмышки, усадив его ко мне спиной:

— Мажь давай!

А у меня руки дрожали, как овечий хвост. Намазать-то намазала, даже завязать смогла, послушно кивая на приказы Зига: "Туже! Кому говорю, туже!", — но, едва заколдунец опустил молодого барона обратно на подушки, села на пол и разревелась. Никудышная из меня лекарка.

— Ну вот, — пробормотал Зиг. — Слышь, бабка, для успокоения что-нибудь есть?

— Нету, — сквозь рев буркнула я. — Варить надо.

— Тогда этого глотни, — клыкасто ухмыльнувшись, нелюдь отцепил с пояса флягу.

— Бражка, небось? — я сердито вытерла нос. — Нет уж, спасибо!

— Глотни-глотни, — Зиг выдернул пробку и чуть ли не силой сунул горлышко мне в зубы. — А то ж тебя сейчас перевязывать, больно будет. Да и вообще после такой встряски не вредно.

А что ж, может, он и прав. Я крепко зажмурилась и глотнула. И уплыла во тьму, едва успев подумать сердито: чего этот хмырь клыкастый туда намешал?!

Похоже, Зигмонд сильно покривил душой в своем "в лечении я тебе не помощник". Когда я проснулась, шея совсем не болела, а вместо неудобной повязки пальцы нащупали

лишь засохшую кровяную корочку. И синяки заметно спали — хотя тут уж навряд ли обошлось без бабулиных советов и указаний. Комнату наполняли предвечерние сумерки, Анегард, похоже, спал, а сам Зиг сидел рядом с бабулей и что-то ей рассказывал — я, как ни вслушивалась, разбирала лишь отдельные слова. Я потянулась, зевнула. Шершавый язык радостно прошелся по лицу.

— Рэнси!

— А, проснулась, — обернулся Зигмонд. — Как ты, получше?

— Хорошая у тебя бражка, — буркнула я. — Чтоб я еще когда-нибудь... Гарник здесь?

Решили, что делать будем?

Я села, обняла Рэнси, почесала за ухом. *Добрался, мой хороший!* Пес бухнул голову мне на плечо и блаженно замер.

— В деревню поехали, — ответил Зиг. — Часа два тому...

Два часа?!

Значит, и там непорядок — иначе уже б десять раз вернулись.

— Снова ты трясешься, — прищурился нелюдь. — Сьюз, хорош уже себя пугать. Все живы, все нашлись — могло быть хуже. Справимся.

— Иди-ка, девонька, отварами займись, — прошелестела бабушка. — Я Зигмонду все объяснила, он тебе расскажет.

— А ты? — я подошла к бабушкиному тюфяку, села рядом. Бабулины глаза, обведенные темными кругами, казались чужими на знакомом до самой махонькой морщинки лице. — Как голова?

— Пока не шевелю, терпимо. Злыднюшку не забудь...

И правда, охнула я, дело к вечеру! Что ж я так?..

— Вам же хоть поесть надо!

— Покормил я их, — сообщил Зигмонд. — Их покормил, сам поел, скотину глянул. Что ж ты, девочка, суматошная такая!

— Напугалась, — бабушка погладила мою ладонь. — Все хорошо теперь будет, девонька. Пока Зигмонд поможет, а денька через три и я встану, и молодой господин от края отшагнет. Самый страшный ему нонешний день был... да ночь бы еще пережил, — закончила бабушка чуть слышно.

Я оставила пса с бабушкой и Анегардом, строго-настрого велев караулить и, если что, звать меня. Правда, что такое это "если что", я и сама представляла слабо — но все ж так спокойнее. Зигмонд, пока я спала, похозяйничал на совесть: на столе ждал заботливо накрытый полотенцем куриный суп, на печке грелась вода сразу в трех горшках, и бадью наполнил доверху. Вот вам и бывший барон! Не всякий деревенский мужик так бы управился.

— Ну, чего стала? — поторопил меня Зиг. — Пошли, с отварами разберемся, потом поешь.

Зигмонд называл нужные травы, я складывала пучки в фартук. Память у нелюдя была отменная, или он и впрямь разбирался в лекарской науке, но не запнулся ни разу и ни разу не переврал заковыристого названия. В полутьме чердака его глаза светились желтым, но страх мой куда-то делся — и, я чуяла, навсегда. Зиг оказался из тех, с кем рядом — как за стеной крепости, надежно и спокойно. Даже странно, почему мне так много времени потребовалось, чтобы это понять?

Два отвара для его милости, один для бабушки. Мазь для спины, по счастью, нашлась на

полке. Но все же, пока я управилась с лечением и хозяйством — с ног валилась. Зиг, убедившись, что вокруг все спокойно, сказал:

— Слетаю в деревню, что-то долго Гарника нет.

Я не успела возразить — а ведь наверняка ему и капитан велел Анегарда охранять, а не порхать по окрестностям! Пожаловалась бабушке, пока мазь ей в спину втирала, но бабушка меня осадила:

— Все правильно он делает, Сьюз. Не учи мужчину воевать.

И добавила, помолчав:

— Тем более благородного, не один бой повидавшего. Он знает, как лучше.

Я только вздохнула в ответ. Сама ведь знаю, просто страшно. Лекарку трогать боги запрещают, и то вон чуть живы остались... но то лекарку, а раненого врага добить — пусть не ахти какой подвиг, но и позора в том нет, враг есть враг. Вот как нагрянет сюда сам Ульффар...

А ведь не пущу, поняла я. К Анегарду разве что через мой труп перешагнув подойдут.

Я тряхнула головой, отгоняя мрачные мысли. Спросила:

— Как, лучше?

— Лучше, лучше, — проворчала бабушка. — Ты вот что, девонька, тащи ведро воды сюда и тряпок чистых побольше. И все снадобья, что для его милости приготовила, здесь под рукой поставь. — Заметила мое недоумение, объяснила, вздохнув: — Нынче ночью, девонька, решится, жить ли ему. Отшагнет от края — или за край шагнет. Что с лихорадкой да жаром делать, ты знаешь. Только помни — метаться нельзя ему, рана разойдется...

Вот почему, поняла я, Зигмонд все повторял "туже"!

— Не бойся, — бабушка сжала мою ладонь. — Все у тебя получится, справишься. Да и я рядом. Навряд ли засну нынче, а засну, так буди, ежели чего.

Я лишь растерянно кивнула в ответ.

Ночь показалась мне самой долгой в моей жизни. Казалось, время застыло и утро не настанет никогда. Так и будет до скончания века — хриплые стоны Анегарда, руки Зигмонда, стискивающие его плечи ("Лежи, парень, лежи... тихо, тихо..."), капли пота, росой сверкающие в отблесках свечи, торопливое бормотание бабушки над отварами — снадобья с наговорами куда целительней обычных. Зиг вернулся из деревни один: оказалось, Ульффаровы ребята успели нагнать там страху, и Гарник остался — успокоить деревенских, напомнить им, что такое «ополчение» и как должно встречать врагов.

— Трусоватые ваши мужички, — скалился нелюдь. — Этот-то, Ульффаров, им объявил: мол, меняете хозяина, теперь ваша земля под защитой его милости барона Ренхавенского, ему и подати платить станете. По амбарам да хлевам пошли, так хоть бы кто слово против сказал. Только кузнец чего-то там отдавать не хотел, и то притих, как жену за косы ухватили. Думаю, пока Гарник там, они драться станут, а как уйдет...

— А ты бы стал драться, когда жену за косы или ребенку нож к горлу?

— Стал бы, — вызверился Зигмонд. — Еще как стал бы. Пойми, Сьюз, "милости победителя" — это только слова. Захочет — смилуется, нет — у тебя же на глазах и с женой и с ребенком что хочет сделает. Лучше уж сразу.

Я представила себя в роли схваченной врагами Зигмондовой жены... и согласилась. И верно, лучше сразу. Вот оно как, значит, когда муж из тех, с какими — как за стеной крепости, надежно...

— Ничего, — Зиг, хвала богам, был слишком зол, чтобы заметить мое внезапное смущение. — Гарник им пообещал завтра поутру детей в замок отправить, уже спокойней. К тому же, поверь моему опыту, Сьюз, торчащая на шесте посреди деревни голова заметно прибавляет селянам бодрости. Особенно, если обладатель оной головы совсем недавно нагнал на них страху. А что деревню, пока урожай не соберут, охранять придется, — так оно и к лучшему. Понятно и вопросов никаких. Кто подумает, что на самом деле они там Анегарда прикрывают?

Было бы еще наутро, кого прикрывать, думала я. Спыхватывалась, гнала такие мысли прочь, шептала: живи, только живи! Перетерпи эту ночь, ты же сильный, ты сумеешь! Обтирала кровавую пену с темных губ, вливала в рот наговоренные отвары, уговаривала:

— Глотай! Ну, еще немного!

В редкие минуты затишья отбегала к бабушке, просила:

— Скажи, что он выживет! Пожалуйста!

— Вы молодцы, — шептала в ответ бабушка. — Вы справитесь. Верь, девонька... ты только верь...

И я верила. Изю всех сил старалась верить.

Затрещала свеча, уронив огонек до едва тлеющей искры. Заскулил за окном Серый — и умолк. Тьма затопила комнату, тьма — и промозглый, стылый холод. Анегард захрипел, я чувствовала, как напряглось, выгибаясь дугой, его тело.

— Держи его, Сьюз, — хлестнул свистящим шепотом Зиг.

Навалиться на плечи, обнять, прижаться... ну же, не дергайся, нельзя, рана разойдется, и... дыши, лучше дыши! Зиг бормотал что-то неразборчивое, быстро, торопливо, и его голос отдавался смутным эхом там, где я привыкла слышать лишь бессловесное зверье. Наговор, заклятье, молитва? Да какая разница, лишь бы помогло! А силы в словах нелюдя немеряно, раз даже я чувю... что ж ты раньше не попробовал, а?

Зигмонд умолк; тьма сгустилась, хоть ложкой черпай. Миг неустойчивого равновесия длился и длился — тот миг, когда высшие силы решают, в какую сторону качнуть людские судьбы, и от тебя уже ничего не зависит, ведь ты лишь букашка на ладони богов...

Анегард расслабился и задышал — хрипло, часто, захлебываясь воздухом, как неумелый пловец — водой. Взвился вверх огонек свечи, бросил теплые отсветы на мокрое от пота лицо. Живой... Я вздохнула с ним вместе — и тут только поняла, что какое-то время не дышала вовсе.

Зиг тяжело опустился на пол, откинул голову на край кровати. Я заметила вдруг, что он блей Анегарда. Спросила, с трудом продавив слова сквозь сжатое внезапным страхом горло:

— Что с тобой?

— Все хорошо. — Нелюдь хрипло рассмеялся. — Все хорошо, Сьюз. Замечательно все. Обошлось, хвала богам, судьбе и азельдорскому архивариусу.

— Кому?! — переспросила я. — При чем тут, всех богов ради, азельдорский архивариус?!

— Когда-то, — Зиг отвечал неторопливо и с явным удовольствием, — давно, очень давно, Сьюз, старый азельдорский архивариус научил меня очень древним и очень полезным чарам. Они, правда, еще и очень страшные, но тогда мне было все равно...

— Так это ты?..

Ты все это устроил, хотела спросить я, всю эту жуть? Но осеклась: вспомнила, когда оно

началось, нелюдь как раз попить решил. Ну да, вон и кружка на полу валяется, вода недопитая лужицей растеклась...

— Что это было, Зиг?

— Утром расскажу. — Зигмонд поднял к моим глазам ладонь, и я увидела сочащийся темной кровью длинный порез. Я поняла несказанное: чары, что творятся на крови, посвящены Прядильнице, и не стоит поминать ночью Хозяйку тьмы. Рука сама поднялась охранный знак очертить, но Зиг перехватил, прошептал: — Не надо, Сьюз.

— Извини, — так же тихо ответила я. Взяла чистый лоскут, потянулась за мазью: — Давай перевяжу.

Рысьи глаза насмешливо прищурились:

— Зачем? Само затянется.

И верно, сообразила я, у него — затянется. Страх понемногу отпускал, дыхание Анегарда становилось все ровнее, глубже, а когда я дотронулась до его лба, оказалось, что жар начал спадать.

— Ты умница, — сказал вдруг Зигмонд. — Я боялся, завизжишь и собьешь мне все. Или заплачешь.

— Некогда было плакать... И вообще, у меня просто горло страхом пережало.

— Какая разница. Знаешь, Сьюз, ведь на самом деле неважно, что человек чувствует, боится он или нет, готов драться или мечтает удрать. Все это остается внутри, а видны — дела. Ты все правильно делала.

— Ну, спасибо, — смущенно хмыкнула я. Похвала от Зигмонда оказалась неожиданно приятной. Нелюдь или нет, а — бабушка права! — в таких вещах он толк знает.

Спохватившись, я подбежала к бабушке.

— Спит? — почти утвердительно спросил Зиг.

— Да...

— Она с наговорами сильно выложились, — объяснил нелюдь. — Из последних сил держалась, я уж чувствовал, нехорошо дело. Ну и подставил ей «зеркальце», когда она Анегардовы травки на хороший сон нашептывала.

Про «зеркальце» я слыхала — Эннис рассказывал. Не обязательно самому знать заклятия и уметь наводить чары — если ты как маг сильнее того, кто ворожит против тебя, запросто можешь его ворожбу на него же и отразить. Вот только применяют его по большей части в драках — не зря к боевой магии относится.

— Хитро придумал, — я вернулась к Анегардовой кровати, убедилась, что молодой барон тоже заснул, и села на пол рядом с Зигмондом.

— Главное, вовремя, — кивнул он. — Ее счастье, что спала, когда...

Он не стал продолжать, но я поняла. Благодарно сжала его ладонь, сказала:

— Спасибо, Зиг. Что б мы без тебя делали?

Победно заорал позабывший вчерашний ужас петух. И, словно его крик открыл ворота утренним звукам, я услышала вдруг и сонное взлаивание Серого, и томное фырканье Анегардова жеребца, и недовольное меканье Злыдни: что, мол, спишь, хозяйка, выпускать пора!

Мы пережили эту ночь. Хвала богам, судьбе, азельдорскому архивариусу и нелюдю с рысьими глазами.

Утро завертело хлопотами, но мысли снова и снова возвращались к ночной жути.

Зигмонд молчал, хотя наверняка замечал мои вопросительные взгляды. Анегарду не становилось ни хуже, ни лучше, и я невольно спрашивала себя, не окажется ли следующая ночь для него роковой. И посоветоваться не с кем: бабушка постанывала то ли во сне, то ли в забытии, я с трудом заставила ее выпить немного отвара, но в себя она так и не пришла.

Только за полдень, когда, вконец умаявшись, я без сил рухнула на лавку в кухне и дрожащими руками налила себе молока, Зигмонд заговорил.

Он сел напротив меня, спиной к окну, сцепив в замок широкие ладони, и солнечные лучи путались в его темных волосах, рождая обманчивые рыжеватые отблески.

— Ты знаешь, — спросил он, — каково быть избранником?

Я молча покачала головой. Дар бога-покровителя, как у меня, — уже редкость, которой можно гордиться, а избранники — это и вовсе из легенд и менестрельских баек. Обычно ребенку называют покровителя, сообразуясь с невнятными, а то и случайными знаками, и чаще всего человек проживает жизнь, ни разу не ощутив на себе внимания своего бога.

Гвендин малыш был единственным избранником, кого я видела вживую, и мне думалось, пока он подрастет, любопытство наших деревенских поумерится и не будет ему мешать. Но даже если нет — одно дело любопытство людей, и совсем другое — то, что происходит между избранником и его покровителем. Если происходит, конечно. Баян о таком травят изрядно, а правда — кто ж ее знает, правду-то? Разве сами отмеченные, но они молчат.

— Между тобой и твоим богом словно ниточка протянута, — медленно начал Зигмонд. — Она не видна другим и не мешает тебе, но она есть, ее не разорвать, и эта связь рождает уверенность. Ты знаешь, что твой бог тебе поможет, когда будет нужно. А если вдруг не поможет — значит, такова его цель, а твое предназначение. Ты знаешь, что ты особенный. Что твоя жизнь или твоя смерть нужна богу. И что рано или поздно, в этой жизни или за порогом смерти, тебя ждет награда за службу.

Что-то было в голосе Зигмонда такое, отчего у меня задрожали руки и ледяной озноб пробежал по хребту. Я отодвинула кружку с недопитым молоком.

— Но это все, — жестко сказал Зиг, — подходит для избранника Звездной девы, или Воина, или Жницы... любого из богов, кроме... ты поняла, да, Сюз?

Я кивнула. Анегард говорил, да. Барон Зигмонд был избранником Старухи-Прядильщицы.

— Так вот, — продолжил нелюдь, — избранник Хозяйки тьмы — ровно пес на сворке. Связь есть, да. Крепкая такая связь, куда прочней, чем у прочих. А воли нет и выбора нет. Будешь послушен, получишь подачку. Вкусную, — Зиг презрительно скривился. — Заартачишься — отстегают, как непослушного пса.

Он замолчал; молчала и я. Вспомнилось, что рассказывал о заколдунах Анегард, и невольно пришло в голову сравнение куда хуже: Зигмонд стал бешеным псом, из тех, что несут смерть любому, кто не успеет убраться с дороги. Вот только бешеных псов убивают, а его — отпустили. Специально отпустили. Не из глупой жалости, а по жестокому расчету.

Не знаю, понял он, о чем я думаю, или так совпало...

— У меня не спрашивали согласия, Сюз. Я тебе и рассказывать бы не стал все это, если бы не азельдорский архивариус, дай ему боги доброе посмертие. Ученый был дедок, бывший маг, и мало что просто ученый, — думать он умел. Ах, Сюз, как он умел думать! Если бы не он...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты с ним встретился... уже таким?

— Нет, — вздохнул Зиг. — К счастью или на беду, не знаю, но он умер раньше, чем со мной приключилась вся эта дрянь. Нет, я встретился с ним, когда был еще обычным человеком и об избранности своей задумывался не больше, чем какой-нибудь забитый смерд — о королевском венце... жил себе, как все живут, и дурного не ждал. А тогда у меня с сыном... беда случилась.

Зигмонд запнулся, умолк. А я подумала: у него был сын... жена, дети, дом...

— Долго рассказывать, да и вспоминать не хочу, — глухо сказал нелюдь. — Не так уж важны подробности. Мне к нему пойти азельдорский городской маг посоветовал. Сказал — он силу потерял, а знания остались. И верно... он меня и научил. У тебя, сказал, получится, тебя богиня услышит...

— Магия на крови? — спросила я.

— Не просто магия, — после недолгого, но тяжелого молчания ответил Зигмонд. — Не ворожба — жертва. Кровавая жертва, — повторил медленно, словно на вкус пробуя страшные слова.

— Но... — Когда-то, я знала, Старухе жертвовали жизнями. Своими или чужими, уж как придется. За горячую живую кровь Хозяйка тьмы платила щедро. Но другим богам это не нравилось, а когда против одного объединяются восемь, он проиграет, как бы ни был силен. Много сотен лет кровавые жертвы запрещены, и уличенного в подобном ритуале ждет позорная смерть, кем бы он ни был.

— Знаю, — оскалился Зиг. — Видишь ли, Сьюз, запретить легче, чем уничтожить знание. Азельдорский архивариус... в общем, он помнил. Он объяснил мне, чем это грозит и чем может обернуться, но я хотел спасти сына, и никакая цена не показалась бы мне чрезмерной. И... видишь ли, Сьюз, когда говорят, что приносящий кровавую жертву губит душу, лишается доброго посмертия, впускает в мир зло, это все правильно, конечно. Только не относится к тому случаю, когда Хозяйке тьмы предлагают свою кровь, свою собственную, — ради чьей-то жизни. А уж когда ради жизни родича, человека одной с тобой крови — это самые простые и самые безопасные из всех чар на крови. — Он снова оскалился: будто улыбнуться хотел, да не вышло. — Знаю, «безопасные» здесь странно звучит. Ладно — единственные, не угрожающие твоей жизни. Почти не угрожающие: моя богиня не любит излишней самоуверенности, так что риск остается всегда.

Я поежилась: словно могильной стынью пахло. Наконец-то я поняла, что сделал Зигмонд этой ночью. Но спросила о другом:

— Тогда почему запрет не говорит об исключениях?

— Потому что люди слишком любят нарушать запреты. Потому что если есть одно исключение, почему не быть другому и третьему? Нет, запрещать так запрещать, тут я согласен.

Нелюдь криво ухмыльнулся, развернул ладонь: на месте ночного пореза осталась лишь тонкая линия, не зная, и не заметишь.

— Я сделал это, да. Я ее избранник, конечно, она слышала меня. Тогда я уверен был, что это единственная кровавая жертва, которую я принесу. За то и поплатился. Быть избранником, Сьюз, — палка о двух концах.

— И никто не узнал? — спросила я. Мне снова хотелось спросить другое: были ли еще жертвы, потом. Чего потребовала Старуха в уплату: крови? Но спрашивать такое я боялась.

— Никто, — качнул головой нелюдь. — Ты первая. Между прочим, Сьюз, не держи

меня за дурака. Чурбан безмозглый и тот догадался бы, о чем ты на самом деле подумала.

Я пожала плечами:

— Но ты же не ответишь на такое.

— Да почему, отвечу. Вот это, — он сунул мне под нос все еще развернутую ладонь, — второй раз. Тебе не стану врать, крови на моей совести изрядно накопилось. Но только тогда, когда я над собой не волен был. Только зверем. Добровольного подношения она от меня не дождалась. И не дождется.

Меж нами повисло молчание — трудное, неудобное.

— Почему ты мне рассказал?

— Почему? Сьюз, я немного узнал тебя за это время... и хорошо узнал за эту ночь. Ты храбрая девочка, и у тебя благородное сердце. То, что я сделал этой ночью... Только выслушай меня до конца, ладно? Я предлагаю тебе... то же самое.

Наверное, на моем лице отразился слишком явный ужас: Зиг покачал головой и повторил:

— Выслушай сначала, потом решай. Магия крови — страшная штука, да. С Хозяйкой тьмы правильно бояться связываться. Но просить за родную кровь — можно. Причем, ты сама видишь, — Зиг кивнул на затянувшийся порез, — даже за родню только по крови, но не по роду, за названных родичей, как мне Анегард. Плохо другое: я мог просить за него только один раз. Оглянуться не успеешь, как снова ночь, и ты сама видишь, что он все еще на грани.

— И ты хочешь, чтобы я... — Я затрясла головой. — Постой, Зиг, я что-то совсем не понимаю. Ты ведь учился магии, так? И остался магом, сильным, сильнее многих?

— Так. Даже больше скажу, я сильнее стал, когда перестал быть человеком. Научился ощущать силу Хозяйки тьмы — думаю, мало кто из людей на такое способен, разве самые сильные маги. — Зигмонд помолчал, добавил тихо: — Если б не это, я бы не успел... ведь она Анегарда уже забрать хотела...

— Но ты мог попросить Хозяйку тьмы только один раз?

— Да.

— Но почему, Зигмонд?!

— Не знаю, Сьюз. Честно, не знаю. Может, потому, что Старуха не любит отпускать добычу. А может, только из-за того, что это я просил — ослушник, отступник. Но я понял четко, следующая моя просьба к ней должна быть просьбой о смерти. Такова воля богини, Сьюз.

— И ты хочешь, чтобы теперь попросила я? Зиг, ты правда думаешь, что богиню так легко и просто... скажем уж прямо — обмануть?

Нелюдь пожал плечами, сказал наставительно:

— Не обмануть, а обойти запрет. Это ведь будет твоя просьба. И жертва — твоя.

Он замолчал; молчала и я. Тут надо было крепко подумать, вот только мысли не шли в голову. Лишь вспоминался бьющийся под моими руками Анегард, треск свечи, Зигмондово бормотание, затопившая комнату могильная стынь...

Снова этот ужас?!

Да, снова. Так или иначе, все равно его не избежать. Потому что молодой барон, наш господин и защитник, по-прежнему на краю, и моего скудного лекарского умения не хватает, чтобы удержать в нем жизнь. Зигмонд помог ему продержаться одну ночь, но следующая... а если бабушка встанет, уж она-то Анегарда Старухе не отдаст! Надо, Сьюз. Да, жутко, но другого выхода у тебя нет. Разве что примириться со смертью того, за чью жизнь

ты в ответе.

Едва я начала думать, как остатки здравого смысла, а может быть, просто трусость, нашли еще одно возражение.

— Но я-то не маг! Разве я смогу?!

— Нужны только твоя кровь и твои слова, Сьюз, — уверенно ответил нелюдь. — И, главное, желание. Остальное я сделаю сам. Так можно.

Я встала. Пошла в комнату. Долго смотрела на Анегарда, на бабушку... потом вернулась к Зигмонду и сказала:

— Ладно, давай.

* * *

— Жертвую тебе кровь свою ради крови своей, лью тебе крови своей, испей, ради того, кто кровь от крови моей, — я повторяла за Зигмондом, твердила, едва слыша свой голос сквозь все нарастающий звон в ушах, а вокруг сгущалась могильная стынь, такая пронзительная, как будто и солнце перестало греть. Главное, предупредил меня Зиг, не испугаться и не отступить. Помнить, ради кого ты делаешь это, и держать в голове, постоянно держать. Я и держала. Сложно ли, когда оба они здесь, бабушка и Анегард, и за обоих я теперь отвечаю? Никчемная лекарка, нахватавшаяся по верхам, умеющая подлечить, но не способная отогнать смерть? Раз только этим могу я помочь — так тому и быть.

Лью тебе крови своей, испей, ради того, кто кровь от крови моей... жертвую тебе кровь свою ради крови своей... сколько захочешь, столько и возьми, только помоги...

Потемнело в глазах, но сквозь прошитую алыми искрами мглу я почему-то прекрасно все видела. Широко открытые глаза бабушки, ужас на ее лице. Приподнявшегося на локте Анегарда. Себя, стоящую посреди комнаты, и Зигмонда, его ладони на своих плечах, свою голову, откинутую на его грудь, свою протянутую вперед руку со сложенной лодочкой ладонью... белое-белое лицо и налитый краснотой рубец подживающей царапины на шее... темную струйку крови, текущую по запястью в ладонь... текущую — и исчезающую. Словно пьет кто-то.

А потом я увидела, как я сползаю по груди Зигмонда вниз, и вокруг осталось только небо. Синее-синее.

— Ты соображаешь, что натворил?!

— Еще бы.

— Ты убить ее мог!

— Ну, так скажем, не я, а богиня...

— Какая к бесам разница!

— ...но не убила ведь?

Голос молодого барона звенел яростью, нелюдь отвечал устало. Я слушала, не особо вникая в слова, просто впуская в себя понимание: обошлось. Я жива. Анегард, судя по голосу, здоров как боевой жеребец, разве что копытом не бьет. Бабушка... бабушка, похоже, в кухне, возится у печки — значит, и с ней все хорошо.

— Ты хоть понимаешь, что я вас обоих теперь страже сдать обязан?! Или забыл, по лесам отсиживаясь, что у людей за чары на крови смерть положена?

— Я уж почти три сотни лет на крови живу — на сколько смертей набрал, считаешь? И все-таки до сих пор ты меня не сдал, господин Анегард, младший барон Лотар.

— То другое, — уже тише буркнул Анегард.

— Верно, другое. Доведись мне судить, как думаешь, за что я бы казнил, а за что награждал? — Зигмонд помолчал, но Анегард ничего не ответил, и нелюдь продолжил: — Я понимаю, мальчик, почему вас такому не учат: слишком опасно. Ну так послушай того, кто знает, и поверь: за такое даже боги простят. Тут все дело... в направленности, так скажем. Чужая кровь ради себя — или своя ради другого. Есть разница, знаешь ли.

На несколько мгновений меж Анегардом и Зигом повисло тяжелое молчание. Я приоткрыла глаза, глянула сквозь ресницы. Но вместо обоих спорщиков увидела только закрытое ставнем окно. Какая-то добрая душа слегка сдвинула тяжелый деревянный щит, и в щелку били золотые лучи. Сколько хоть времени прошло?

— Я бы гордился такой сестрой, — тихо сказал Зигмонд. — Смелая девочка. Нет, Анегард Лотарский, ты нас не сдашь. Законы законами, но...

— Наглый ты, — Анегард тяжело вздохнул. — Кровосос болотный, и откуда взялся на мою голову? Девчонку зачем-то втянул... Ладно, ты прав, сдать я вас не сдам, боги простят, а люди не узнают, но она ведь и правда умереть могла. А еще барон. Разбойник ты, а не барон.

— В прежние времена, — наставительно сообщил Зиг, — одно не слишком отличалось от другого. Удачливые разбойники понастроили себе замков, повыбили невезучих соперников и стали защищать теперь уже свои земли. А самого сильного и удачливого называли королем. Во всяком случае, именно так рисуют нашу историю некоторые древние архивы.

— Трепло... комар архивный...

— Успокоился? Теперь можем поговорить о деле?

— Давай. Начни с того, что тут произошло, пока я полудохлым валялся.

Я закрыла глаза. Так приятно лежать, ни о чем не думать, знать, что от тебя больше ничего не зависит, что тебе *можно поболеть*. Нет, я не чувствовала себя больной, просто усталой. Поваляюсь еще немного и встану...

И приятно слышать уверенные мужские голоса, залог охраны и безопасности. Все, что рассказывал его милости Зиг, я знала и так, и еще вчера это казалось страшным до озноба, но сегодня я знала: все будет хорошо.

Я уже почти заснула, когда слух зацепился за какое-то слово, или фразу, или, может, резкую тишину следом. Попыталась сообразить, что именно меня задело. И услышала:

— Повтори, пожалуйста, что ты сказал.

Анегард, с таким недоумением, будто... ну, я не знаю даже!..

— Ты стал плохо слышать?

Зигмонд. Не столько удивленно, сколько... презрительно?

— Я сказал, что на твоём месте не стал бы оставлять сестру без охраны, когда по округе рыщут банды наемников.

— Зигмонд, я тебя не понимаю. *Ты о ком?*

Нелюдь хмыкнул:

— Вот только не говори, что не знаешь! Нет, я понимаю, всякие могут быть резоны,

но...

— Зиг, тьма тебя поберет, хватит валять дурака!

— Правда не знаешь?! Да, чую, не врешь... однако я был лучшего мнения о... да отцепись ты от меня! О ком, о ком, — о Сьюз, о ком еще! Тупица, дубина стоеросовая! Хоть бы сообразил, что чары на родню были!

Я села. Анегард, оказывается, вцепился Зигу в ворот, и сейчас нелюдь занят был тем, что отдирает от себя чужие пальцы. Интересно, что он скажет, если я попрошу повторить?

— Опомнись, как она может быть моей сестрой?! Да они вообще здесь пришлые!

— У батюшки своего спроси, как, но что она тебе по отцу сестра, я и раньше знал. И мать ее, похоже, из благородных. У вас кровь одного вкуса. То есть настолько одного, как это бывает у близких родственников.

— И когда ты ее кровь пробовал?!

— Да вчера же... нет, уже позавчера. Да отцепись ты, придурок! Когда ее тот хмырь порезал, что сейчас без головы валяется в лесу за поляной, зверью на радость! — Зиг наконец-то отодрал Анегардовы пальцы от своей рубахи, сказал уже спокойнее: — Кстати, по запаху ваше родство тоже ощущается, хотя не так уверенно.

Ничего себе новости!

Я-то думала, это бабушка Анегарда на ноги подняла, пока я валялась... и кто здесь, спрашивается, тупица?

Ничего себе Зиг... знал, значит... так это, выходит, он сразу на то и рассчитывал? Умный, зараза...

Тем временем спорщики расцепились — и заметили, что я не сплю. Уж не знаю, какое у меня было лицо, но Анегард заметно смутился, а Зиг спросил невпопад:

— Очнулась?

Нет, без памяти лежу! И брежу...

— Бабушка где?

Зигмонд подошел к окну, отодвинул ставень, высунулся, огляделся. Крикнул:

— Магдалена! Сьюз очнулась, тебя зовет!

— А ведь мог бы сообразить, — сказал вдруг Анегард. — Знал ведь про твои сны.

— А что — сны? — невольно спросила я.

Ответить Анегард не успел: вошла бабушка. Я вскочила навстречу.

— Лежи, девонька, ты что! — ахнула бабуля. — Куда тебе вставать, рано!

— А мне хорошо, — сказала я. — Честно, хорошо. Ты-то как?

— Сказала б я тебе, — бабушка укоризненно вздохнула, — да поздно уже, после драки-то... На краю ведь постояла, дитё ты неразумное!

Не знаю, подумала я, и знать не хочу, сестра я Анегарду или нет... ну, то есть ясно, что сестра, раз так вышло, да и к лучшему оно, наверное... Зиг, хмырь болотный, знал, что делал...

— Ба...

Я вытерла слезы, и бабушка, усадив меня обратно на кровать, прижала мою голову к груди:

— Ну что ты, девонька, что ты... все хорошо, и хвала богам...

Я обняла ее крепко, изо всех сил. Шепнула:

— Ба, я так тебя люблю... я так боялась...

Не хочу ни о чем думать. Если Анегарду интересно, как я его сестрой оказалась, пусть

отца допрашивает, а мне плевать. У меня есть бабушка.

Мне показалось, Анегард рад был отправиться в деревню. Коротко велел собираться: "На обратном пути вас прихвачу в замок", — он ускакал. Рэнси метнулся следом, но тут же вернулся. Ткнулся носом в ладонь, словно извиняясь.

— Ничего, — вслух сказала я. — Закончится война эта дурацкая, уйду в Оверте. Или еще куда подальше...

— С чего бы? — Зиг подошел неслышно, заставив меня вздрогнуть. — Или ты хотела бы не сестрой ему быть?

— Знаешь что, — вспылила я, — держал бы ты свои открытия при себе, лучше было бы! Язык чесался разболтать? Или, думаешь, мне приятно будет, когда за спиной шушукаться начнут?

— Как начнут, так и перестанут, — Зиг оскалился, показав клыки.

— Ой, поглядите на него, грозный какой! Глотки драть начнешь за каждое слово?

— Зачем драть, — ухмыльнулся Зигмонд. — Разок пугнуть, и хватит.

— Пугнуть... Размечтался! Всем рты не позатыкаешь, а думать так и вовсе не запретишь. Знаешь, мне прекрасно жилось лекаркиной внучкой. Боги великие, ну откуда ты взялся на мою голову?!

Я сморгнула предательские слезы и зло шмыгнула носом.

— Брось, — попытался утешить Зиг, — все хорошо будет, вот увидишь. — Добавил виновато: — Между прочим, мне и в голову не пришло, что ни ты, ни Анегард о родстве не знаете!

Я отмахнулась и пошла собирать вещи.

Зигмонт говорил о чем-то с бабушкой, я невольно вслушивалась, но слов разобрать не могла, только невнятные голоса. Расспросить бабушку, думала я, или не стоит? Я никогда не сомневалась в том, что уйти из родных мест ее заставила убившая маму и едва не убившая меня лихорадка; и не задумывалась, почему пришли мы именно сюда. И почему бабушка так не любит рассказывать о маме... и так настойчиво мне вдалбливала, что Анегард не про меня... нет, одернула я себя, это уж слишком: младший барон Лотар всяко не тот, о ком смеет мечтать лекаркина внучка.

— Сьюз, — окликнула бабушка, — иди помоги.

Едва выйдя в кухню, я поняла — расспросам в любом случае не время. Бабушка то и дело терла глаза, а указания нам с Зигом раздавала таким нарочито бодрым голосом, что ясно было — еще немного, и расплечется. Поэтому я молча заворачивала в мягкие тряпки бутылки с настойками, складывала в сумки мешочки с травами и коробочки с мазями, а в сундук — все то добро, которое не имело смысла тащить с собой в замок. Зиг обещал припрятать сундук так, что никакие мародеры не найдут.

Когда со сборами было покончено, нелюдь, кровожадно сверкнув глазами, отправился в курятник.

— Пусть, — вздохнула бабушка, — правильно. С собой не взять, а оставлять...

Я оглядела кухню. Опустевшие полки, узлы у входа, горшок с остатками каши на печке, кринка с молоком на столе...

— Давай поедим, ба. Правда, я такая голодная... ничего не понимаю, вроде и обедала, а как в прорву...

— Ешь, девонька, я не хочу.

Я наложила себе каши, налила молока. Сглотнула слюну, вспомнив некстати о Колиновых колбасках. Хмыкнула: да ты, Сьюз, никак, от Зига заразилась? Мясца хочешь? Может, прогуляешься до курятника?

Смешно, но при мысли о мясе в животе аж запищало. Я торопливо хлебнула молока, зачерпнула каши. Подумала: доберемся до замка, первое, что сделаю, попрошу у тетушки Лизетт чего-нибудь... такого. Колбасок тех же или хоть мясного супа. Впрочем, каша с молоком тоже неплохо пошла. Я даже повеселела немного. И на вошедшего в кухню Зигмонда посмотрела уже почти без обиды.

Зиг аккуратно положил у входа облепленный куриными перьями и соломой мешок. Спросил со странной неуверенностью в голосе:

— Сьюз, а еще каша есть?

— Вон, — мотнула я головой, указывая на горшок. — А что? Собак, я думаю, перед дорогой лучше не кормить.

— Да нет.... Сьюз, ты не поверишь... — Зиг подошел к почке, взял горшок. Поднес к лицу, понюхал. — Ты не поверишь, *я это хочу!*

Вот так-так! А мы и тарелки уже убрали... Я выскребла последнюю ложку, ополоснула за собой миску.

— Так бери ешь, раз хочешь. Молока налить?

Вот честное слово, не стала бы предлагать, но оставшиеся полкринки все равно сама не выпью!

— Налей, — Зиг медленно, неловко накладывал в миску кашу. На лице его отчетливо читалось недоумение, словно нелюдь спрашивал мысленно: "И как это меня угораздило?!"

Я допивала молоко, поглядывая на Зигмонда. Нелюдь жевал кашу со странным напряжением на лице. Он отвык, поняла вдруг я, за три сотни лет своей нелюдской жизни отвык от обычной человеческой еды, от того, что можно жевать, а не рвать... отвык, но не забыл, иначе почему у него слезы в глазах?

Мне вдруг стало неловко. Будто за сокровенным подглядываю. Я тихо вышла, села на ступеньку крыльца. Притрусил Рэнси, бухнулся рядом, положил голову мне на колени. Я рассеянно почесала пса за ухом. Как много всего произошло! Известие о мятеже, раненый Анегард, налетчики, Зигмонд, кровавая жертва, новость о моем родстве... голова кругом! Жаль, что это не сон и нельзя проснуться. Жаль, что нельзя вернуться назад, в спокойную и понятную жизнь. А как жить дальше, поди разберись.

Вышел Зигмонд, сел рядом. Я не спросила ничего. Он долго молчал, потом сказал:

— Люди бывают удивительно глупы, Сьюз. Даже прожив три сотни лет и две жизни — человека и нелюдя. Хотел бы я знать, кого из богов благодарить за встречу с Анегардом.

Я взглянула ему в лицо. Глаза — желтые глаза хищника — словно приобрели другой оттенок. Теплый, зеленовато-карий. Губы слегка подрагивали, и я поняла совершенно ясно: песьих клыков там больше нет.

— Ты еще немножко расколдовался, да?

— Выходит, так.

— Я рада, Зиг. Правда, рада. — Я помолчала, добавила: — Если для этого нужно было все, что случилось за последние дни, то хорошо, что оно случилось.

— Хотел бы я знать... — начал Зигмонд. И умолк, не договорив. Чужая тоска резанула по сердцу. Когда никакой надежды — это, наверное, легче, подумала я, чем смутная надежда неизвестно на что. В Зигмонде как будто надломилось что-то: безжалостная уверенность

нелюдя истончилась, из-под нее виден стал человек. Но тут, словно уловив непрошеную жалость, Зиг тряхнул головой, хлопнул меня легонько по плечу: — Спасибо, Сьюз. Ты права: что ни случается, все, так или иначе, к лучшему.

Вскочил — от короткой слабости не осталось и следа, — бросил быстрый взгляд на солнце.

— Надо поторапливаться. Если у тебя что еще не доделано... — И, снова не договорив, исчез, как и не было. Только ветром опахнуло. Одно слово — нелюдь!

А что у меня недоделано? Я вернулась в кухню, обвела взглядом разоренные стены, потухший очаг. И позорно сбежала.

Дело нашлось само. Мелькнула в траве у курятника золотисто-бурая спинка, я *позвала...*
Здесь теперь будет голодно. Пойдешь со мной?

В замке совсем не помешает охотник на крыс.

Снова — в который уж раз! — Анегард взял меня к себе на седло; но почему-то теперь я чувствовала себя до странности неловко. Самозванкой я себя чувствовала, что уж говорить! И кто Зига за язык тянул?! Небось нужна его милости Эстегарду Лотарскому дочка незаконная, как собаке пятая нога! Какому мужчине приятно, когда вот так ни с того ни с сего свалится на голову плод юношеского приключения, давно позабытого? Может, попросить Анегарда, чтоб молчал? И Зигу пусть молчать велит? Пусть все остается, как было... а вот интересно, сам-то барон знает или все-таки нет? В редкие наши встречи он глядел на меня точно так же, как на любую деревенскую девицу; но бабушка обмолвилась как-то, что я мало похожа на маму.

Цепочка всадников и телег растянулась на узкой тропе. Позади брело стадо, и там же держалась большая часть охраны. Придет Ульфар — найдет пустую деревню и голову своего наймита на шесте. Озлится, верно...

Анегард прервал молчание.

— Сьюз, когда отец вернется, я скажу ему, чтобы он тебя признал. Не дело так. Ты мне дважды жизнь спасла, он не откажет.

— Трижды, — ввернул невесть как оказавшийся рядом Зиг.

Я вспыхнула:

— Шел бы ты, а?! То есть, летел бы? Если бы я господину барону нужна была, уж наверное, он бы меня и сам признал. Раньше. А так мне не надо. Можно подумать, я за награду... придумали еще!

— Я спросил, — Анегард запнулся чуть приметно, — у твоей бабушки. Она говорит, отец не знает.

— Вот пусть и дальше не знает! — отрезала я. — Незачем.

— Зря ты так. Поверь, Сьюз, я отца знаю!

То ты, могла бы сказать я. Любимый сын, законный наследник. А еще у вас Ланушка есть. И вот вам здрасьте, явится какая-то приبلуда своей доли требовать! В лесу выросшая, по хлевам работающая! Хороша баронесса! Нет уж.

Но сказала другое.

— Если спасение жизни и правда стоит награды, то пусть моей наградой будет ваше с Зигмондом молчание.

— Зря, — повторил Анегард. — Но раз ты просишь, ладно.

Зиг молча дернул вперед. Впрочем, я знала откуда-то: без согласия Анегарда он меня не

выдаст.

Я поискала глазами бабушку. Не нашла: ее усадила на свою телегу Гвенда, они ехали почти в хвосте. Нашарила мыслями Серого и Злыдню. Кажется, все там спокойно... Бабушка не станет плакать при чужих, она и при мне-то старается сдерживаться. Ей бы отлежаться, отдохнуть... да и Анегарду, кстати, тоже.

Шло к вечеру; дети на телегах, кто поменьше, начали хныкать. Я подумала вдруг: как-то там мой хоре́к? Дикарь не дался в руки, ушел в лес. Тревожиться глупо, не пропадет; но я привыкла к нему и просто так выбросить из мыслей уже не могла. Хорошо бы вернулся, когда все закончится.

Анегард молчал. Мне казалось, он тяготится неспешностью поездки, необходимостью подстраиваться под еле ползущие телеги селян, под неспешно бредущее стадо. Небось думает: что случись, ни его, ни Гарника на месте нет. Исподволь, как духота перед грозой или холодная мгла перед осенней бурей, его тревога переползала на меня; и я ничуть не удивилась, когда навстречу выметнулся Зиг, обвел наш караван бешеным взглядом и сказал, наклонясь к уху Анегарда, так, что только я, наверное, и услышала, кроме него:

— Вчера в замок изволили явиться баронесса Йозельма. В отсутствие хозяев и капитана стражи управляющий не решился отказать ее милости в убежище. Сегодня рано утром баронесса отправила гонца к Ульфару. Я велел своим поискать, но боюсь, уже не перехватят.

Анегард выругался и пришпорил коня. Махнул десятнику на скаку: мол, веди сам, и поживей! Я взвизгнула: ссадил бы, что ли!

— Держись, — буркнул Анегард.

Я закрыла глаза и что было сил вцепилась в шершавую ткань камзола. Счастье, ехать осталось всего ничего...

Сказать, что замок на ушах стоял, было бы сильным преуменьшением. Ремесленная слободка и ближние деревни уже перебрались под защиту стен, огромный, обычно пустой двор напоминал бродяжий табор: костры, наспех сооруженные палатки, шум и гвалт, люди и скот вперемешку. И без того мрачный Анегард едва окинул взглядом устремившихся к нему людей, прыгнул наземь, рявкнул:

— Управляющего сюда, живо! Старост всех! Остальным разойтись!

Расходиться, конечно, никто не поспешил. Отступили немного, вытолкнув вперед трех старост и заметно осунувшегося, бледного и словно пришибленного управляющего. На него и напустился молодой барон — как по мне, вполне за дело.

— Что у тебя здесь творится? — управляющий аж позеленел под яростным взглядом. — Ты что здесь развел? Что за свинарник? Почему люди не устроены по-человечески? Во дворе не пропихнуться, страже шагу не ступить! А если тревога, штурм? Ты воображаешь, что здесь начнется?

Управляющий заикался, разводил руками, но толком ответить не мог. Да Анегард его и не слушал.

— Еще люди подойдут, куда денешь, они ж в воротах застрянут! Нам, может, всю зиму так сидеть, об этом ты подумал? Сам под крышей спишь! Чем ты вообще тут занимался, пока меня не было?

Спасла управляющего от расправы Ланушка. Девочка вихрем сбежала по высоким ступеням парадного входа, протолкалась сквозь толпу и с криком:

— Братик, ты живой! — повисла у Анегарда на шее.

— Конечно, живой, — растерянно моргнул Анегард. — Что со мной сделается, ну выдумала...

— Я так боялась! — девочка всхлипнула и неудержимо разрыдалась, бормоча что-то невнятное: я разобрала только «матушка» и "страшно".

— Погоди, — шепнул сестренке Анегард. — Погоди, я тут быстренько закончу... ну, не плачь...

Иоланта затихла, прижавшись к брату и вздрагивая.

— Так, — Анегард обнял ее за плечи, обвел взглядом двор. — Мужчин по казармам. Женщин и детей разместить в замке. Все имущество переписать, где чье, и в подвалы, там места много. Скот и урожай... перепишешь, у кого что было, и в общую кучу, на прокорм пойдет. Кто чего своего после не досчитается, возместим. Да смотри мне, без приписок! Проверю. Сейчас еще народ подъедет, с ними то же самое. Старосты, отрядите баб Лизетт в помощь, еду пусть на всех сразу готовят. За порядок головами отвечаете. Всё. Пошли, маленькая.

Он взял сестренку на руки и понес к замку. А я, хмыкнув про себя, отправилась искать тетушку Лизетт. Время позднее, кутерьмы с размещением надолго хватит, так что о постели для нас с бабушкой лучше позаботиться самой. И, кстати, о еде для Рэнси. Сама я хотела только спать, но прежде надо накормить пса. Хорошо, что Анегард о нас забыл за суетой: он точно велел бы отвести Рэнси на псарню. И, может, был бы прав — вот только мне спокойнее, когда верный пес рядом.

Кухня — как раз то место, куда мотыльками на огонек слетаются все новости, слухи и сплетни. Поэтому, когда наутро я словила несколько подряд любопытных взглядов, первая мысль была — либо Анегард, либо Зигмонд все-таки проболтались. По счастью, глупостей я натворить не успела: проснулась бабушка, позвала меня растереть спину, затем напомнила о лекарстве для нас с Анегардом — чудеса чудесами, а кровопотерю все равно надо восполнять, что мне, что ему. А пока я рылась в привезенных с собой снадобьях, отмеряла кипяток и перетирала травки (грушанка, очиток, тонколистник, молодые листочки земляники, рябина — последняя горсточка осталась, до новых ягод не хватит), успела поймать краем уха, о чем шепчутся служанки, кидая на меня косые взгляды. Всего-то и вопрос, что в седле у господина зачастила ездить, тьфу на них, дуры!

Вошла Лизетт, и в кухне установилась звенящая напряжением тишина. Я перелила готовый отвар в кувшин, подхватила под донышко, спросила:

— Тетушка Лизетт, господину Анегарду отнесете?

— Сама отнеси, — отмахнулась та.

Я пробормотала, чувствуя, как наливаются жаром уши:

— Так куда? Я не помню... да и...

— Хорош краснеть! — прикрикнула Лизетт. — Лекарка ты или клуша селянская? Пойдем уж, ладно.

Уже выходя, я услышала, как она бросила кухонным девчонкам:

— А вы запомните: одна лекарка десятка полюбовниц стоит! Хвала богам, наш молодой господин это понимает.

— Спасибо, — сказала я, когда первый пролет широкой лестницы остался позади, и никто не мог нас услышать.

Тетушка Лизетт отмахнулась:

— Горе с вами, с девчонками, где бы помолчать — рта не закрываете, а как по делу что сказать... Вот чего тебе стоило самой объяснить?

— Боялась, не поверят. Оно ведь как — чем больше споришь, тем больше и с тобой спорят, а сделаешь вид, что так и надо...

Я запнулась, не умея объяснить толком. Но Лизетт поняла. Кивнула:

— Верно, так оно обычно и есть. А все же иногда нужно как следует рывкнуть, чтоб языки длинные не распускали. Цену себе знать нужно.

Мы поднялись на третий этаж и свернули в коридор, и я сощурилась от бьющего в окно света. Захотелось подойти, высунуться, глянуть на замковый двор с высоты...

— А ты что-то совсем бледненькая, Сьюз. Не заболела?

— Да снилась всю ночь ерунда какая-то, — призналась я. — Наверное, переволновалась вчера, вот и...

Я и в самом деле спала отвратительно. Даже хуже, чем в первые ночи появления Зигмондовой стаи. Словно тонула в липкой, противной бездне. То и дело просыпалась в холодном поту, снова проваливалась в вязкую, засасывающую муть. А там, внизу, кто-то ждал, кто-то страшный, беспощадный и сильный — неизмеримо сильнее меня. Ждал, звал, говорил что-то. Правда, что именно, я так и не смогла вспомнить, но от этого было только хуже. Казалось — если бы помнила, смогла бы и бороться. А так — только страх, тревога, которую не объяснишь словами, и острое чувство собственной беспомощности.

— И то, — вздохнула тетушка Лизетт, — разве с таких дел выспишься. Ну, вот и пришли. Запомнила? Каждый раз провожать не буду.

Развернулась и ушла.

А я ткнулась испуганным щенком в тяжелую дубовую дверь.

Та отворилась беззвучно. В памятной мне комнате было пусто. На столе — неубранные остатки ужина. Четыре кубка — интересно, с кем Анегард пил? Наверняка Зигмонд — а еще? Впрочем, не мое дело. Окно закрыто, дверь в спальню — тоже. Я поставила кувшин — пришлось кое-как сдвинуть блюда, тарелки, бутылки и кубки, — и жалобно позвала:

— Анегард... господин барон!

— Еще раз обзовешь господином, — проворчал из спальни братец, — при всем народе сестрой объявлю, и обижайся, сколько влезет. Сейчас встану, погоди.

— Лучше бы подумал, что люди решат, если лекарка начнет барона звать на «ты» и по имени, — пробурчала я. Тихо, но Анегард услышал.

— Потому я и не хотел таить, — сказал, выходя из спальни. Он снова, как и в утро перед походом на Ореховый, был растрепан и толком не одет, но сегодня это почему-то совсем меня не смутило. Верно бабушка говорила: лекарка смотрит иначе на мужчину, который хоть раз лежал перед нею беспомощным и за которого ей пришлось биться со смертью... — Это ведь ты огласки побоялась. И все равно, уж извини, отцу я скажу. Когда вернется, — в голосе Анегарда мне почудились горечь и сомнение.

Внезапный страх пробежался холодом по хребту.

— С господи... с отцом... что-то случилось?

Анегард ответил хмуро и зло.

— Мать говорит, он под арестом. Змея лживая, сама ведь и подставила! Ни чести, ни совести... еще и Ланушку запугала, еле успокоил!

— Зачем ей?..

— Пока меня не было, едва замок к рукам не прибрала, — Анегардов кулак грянул о

стол, звякнули, подпрыгнув, кубки и тарелки, а я подумала: братец моего вопроса и не услышал. Но Анегард объяснил. — Малышку все здесь любят, Сьюз. Ради нее слушались бы хоть баронессу, хоть саму Прядильщицу. Хотел бы я знать, что делается теперь в столице! Одно дело, если мятежу конец, и совсем другое...

Стук в дверь помешал Анегарду договорить. Вошел Гарник. Кивнул мне, молча сел за стол. Я сразу почувствовала себя лишней. Тронула принесенный кувшин, сказала:

— За день выпейте, господин. Завтра еще сделаю.

И быстро, чтоб не успел остановить, вышла.

В кухне меня ждал Зигмонд. Спросил, как спалось, и я сразу поняла — это большее, чем пустая вежливость.

— Плохо, — честно ответила я.

Он ждал, что скажу еще, а я — о чем еще спросит. Уж не знаю, кто победил бы в глупой этой игре, но тут Зига позвали к казармам. Нелюдь сжал мне пальцы, сказал тихо:

— Ты держись, Сьюз. Все хорошо будет, только держись.

И ушел, цапнув из-под носа Анитки свежую булочку.

— Ой! — Анитка чуть мимо лавки не села. — Сьюз, чего это он, а?

Не лезь, куда не просят, едва не ляпнула я. Но заметила, хвала богам, что девчонка не на меня смотрит, а Зигмонду вслед, и на лице ее не любопытство, а полная оторопь. Булка, догадалась я, он ведь раньше не ел людское! Ну, Зиг...

— Поесть человек захотел, что тут удивительного? — пожала я плечами. А сама подумала: надо бы спросить, как Зигова стая приняла новость. Вкусы остальных, кажется, ничуть не изменились...

Управляющий суетился, как ошпаренный, но шума, суматохи и неразберихи все равно хватало. Чего стоила хотя бы стая чужих друг другу деревенских собак! Несколько дней они выясняли, кто сильнее, с рычанием, визгом, свалками и ритуальными боями, — пока Анегард, озлившись, не велел запереть всех на псарню, служанки боялись выйти лишний раз во двор.

В кухне было не тише. Помощниц тетушке Лизетт хватало, но кормить собравшуюся в замке прорву народа оказалось куда сложнее, чем я по наивности думала. Лизетт велела поставить ряд столов во дворе — там и готовили, и ели, а мы с бабушкой заняли один под свои травки и снадобья. Подвинуть нас попытались лишь однажды — наглая белобрысая девица из ремесленной слободки раскричалась, что ей брюкву чистить негде, но бабуля так на нее рявкнула, что с тех пор белобрысая устраивалась на самом дальнем от нас краю. Бабушка еще долго ворчала: мол, видали вы такую, корешки для похлебки ей важнее целебных снадобий! Небось, как немочь припечет, не брюквой лечиться станет!

Я молча кивала. Многим кажется, что лекарские зелья — сродни магии; доля правды в этом есть, но в основе — долгая и кропотливая работа, и не всяким рукам ее доверишь. Мы с бабушкой трудились от зари до зари, и для меня это оказалось великим благом: лекарское дело требует сноровки и сосредоточенности, устаешь под вечер не меньше, чем от любой другой работы, и на всякую ерунду вроде глупых страхов попросту не остается сил. Кошмары мучили меня каждую ночь, и каждое утро я тщетно пыталась понять, чей зов слышу и как от него спастись. Мятный настой не помогал, а просить бабушку нашептывать его от дурных снов я не стала: она, бедная, и так ходила сама не своя, слишком много свалилось на ее плечи.

Тревожить еще больше — нет уж! Справлюсь, ничего такого уж страшного не происходит — подумаешь, дурные сны! Ладно бы еще и днем плохо было... но стоило поутру плеснуть в лицо холодной водичкой и начать думать о том, сколько всего нужно успеть за день, как вязкая ночная беспомощность отступала, таяла, словно туман под солнцем. И единственное, что донимало меня, — непривычное многолюдство.

Временами женский галдеж становился совсем уж невыносимым, и я шла во внутренний двор, к казармам. Там Гарник с Зигмондом гоняли мужчин. Не учили даже — натаскивали, как натаскивают охотничью свору.

— Воевать учатся всю жизнь, — снова и снова повторял Гарник, — но со стен замка потягаться с воином на равных может и ребенок. А вы все давно уж не дети, так что...

Дальше обычно шла ругань — не то чтобы по делу, а так, для бодрости. Уж не знаю, приободрялись ли от Гарникова сквернословия деревенские мужики, но мне оно странным образом помогало. Сразу верилось: все закончится хорошо, и нынешние суматошные дни вместе с мутными ночами сотрутся из памяти, как пустой сон.

С Анегардом я больше не говорила — да оно, пожалуй, и к лучшему. Братец ясно дал понять, что молчать о нашем родстве для него вовсе не значит «забыть», и как себя вести с ним теперь, я не знала. Смешно: раньше себя одергивала, чтоб в мыслях его по имени не звать, а теперь страдаю из-за того, что запретил к имени «господин» и "его милость" прибавлять... Если бы не война! Сбежала бы в Оверте, и делу конец. Или еще куда подальше...

Меньше чем за боговорот в замке установился маломальский порядок. Тревожная, непривычная, — но все же колея. Когда каждый знает свое место и свой долг, и дни ожидания боя заполнены не страхом, а работой. Я тоже, как и все, втянулась в это смутное подобие обычной жизни, и даже находила в нем странное удовольствие — по крайней мере, думать о чем-то постороннем не оставалось ни сил, ни времени. Анегард, баронесса, отец, повторяющиеся из ночи в ночь кошмары — все казалось далеким, зыбким и незначительным, а важно было — перебрать за день очередной мешок с травами, проверить, все ли ладно с настоями и мазями, прикинуть, чего может не хватить, когда придет нужда...

Я и не заметила за хлопотами, как подошел храмовый день.

Замковый храм располагался вне стен, за ближним выпасом, в луговине между старым ельником и березняком. Учитывая, что благословение богов нам ой как нужно, стоило бы пойти туда всем — как, вообще-то, и принято в дни бедствий. Но оставлять замок без охраны, полагаясь лишь на традицию соблюдения в храмовый день мира, Анегард не рискнул. Гарник вызвал добровольцев, не испугавшихся пренебречь покровительством и защитой свыше и положиться лишь на себя. Таких набрался неполный десяток. Остальные отправились к храму — длинной, не по-праздничному молчаливой вереницей, и Анегард шагал впереди, как подобает господину и защитнику, а следом шли его сестра и мать.

Бабушка, увидев баронессу, прошипела:

— Ишь, змеюка, вырядилась, чтоб ее разорвало!

Тетушка Лизетт согласно поджала губы, а кто-то позади нас тихо пожелал ее милости издохнуть в корчах.

Украдкой, из-за спин замковой челяди я разглядывала баронессу. Ее милость Йозельма держалась так надменно, так гордо несла увенчанную короной светлых кос голову, таким выверенным движением приподымала, переступая вылезшие на тропу древесные корни, подол алого, расшитого золотом платья, будто сама королева, а то и одна из богинь,

снизошла до ничтожных людишек, явив им незаслуженную милость. Служанки на кухне даже голоса не понижали, рассказывая: мол, молодой барон велел матери сидеть у себя в комнатах тише мыши и не пытаться командовать, а баронесса в ответ обвинила Анегарда в сыновней непочтительности и обещала проклясть перед богами. Глядя, как цепко Иозельма держит за руку дочь, как спотыкается Ланушка, вопреки обыкновению глядя не по сторонам, а только на брата, я верила и в ссору, и в угрозы.

Столетние ели расступились, давая место алтарному кругу, и тревожный холодок прополз по спине: здесь было по особенному тихо и сумрачно, и казалось, боги совсем рядом, смотрят и видят, слушают и слышат, и, быть может, уже заранее решили, кому отдадут предпочтение. Страшно это — ощущать себя букашкой на ладони высших сил, тех, кому человеческие чувства ведомы и важны не больше, чем человеку — чувства коровы, ведомой на убой, или травинки под сапогом. Холодная тень упала на мир, и я невольно всхлипнула; никогда еще не случалось со мной такого, никогда не понимала я настолько остро и явственно свою беспомощность и ничтожность.

Зигмонд сжал мою ладонь, я вздрогнула: как внезапно нелюдь оказывается рядом, когда его не ждешь!

— Сьюз, посмотри на меня.

Я подняла взгляд. Глаза Зига потеплели за этот боговорот, звериная желтизна почти ушла из них, но взгляд остался по-прежнему острым. Взгляд мужчины, полагающего истинной заботой о жене и детях убить их самому, но не отдать в руки врага. Взгляд нелюдя, спасшего меня от человека, но без сомнений и колебаний отдавшего мою кровь Старухе. Боги великие, ну почему мне так спокойно с ним рядом?!

— Сьюз, ты не должна бояться, слышишь?

Я пожалала плечами. Если честно, от его слов только страшнее стало. Что мы против богов?

— Сьюз, я с тобой. Верь мне, все хорошо.

— Почему ты говоришь так, Зиг? Что, по-твоему, может быть плохо? Чего я должна бояться... то есть *не бояться*?

На ум сами пришли жуткие сны и Зигмондово «держись» в первое утро, и я запоздало поняла... поняла то, о чем могла бы догадаться и раньше, если бы дала себе труд подумать. Кровавая жертва, связавшая меня с Хозяйкой тьмы... чего потребует богиня взамен?! Похоже, нелюдь уловил мое внезапное понимание — неудивительно, ведь даже обычные люди иногда способны почувствовать и разделить внезапный ужас, охвативший того, с кем рядом они находятся.

— Ты не должна бояться, — с нажимом повторил заколдунец. — Ничего — и никого. Страх делает нас уязвимыми, понимаешь ты, девочка? Только страх. — Зигмонд заговорил очень тихо, наклонясь к моему уху и приобняв за плечи, но голос его остался тем же — спокойным, уверенным, заставляющим слушать и верить. — Ты отдала ровно столько, сколько Она у тебя взяла, и ничего не обещала сверх того. Ты свободна от Нее, твоя жизнь и твоя душа не в Ее власти. Поверь, я знаю. Кому и знать, как не мне.

Я не ответила: людская вереница втянулась наконец-то на храмовую луговину, обвинила живой змеей алтарный круг — и затихла. И Анегард, по праву и обязанности господина, первым подошел к алтарям.

Я смотрела на него, и сердце тревожно сжималось. Анегард осунулся за эти дни, черные тени под глазами не только не сошли, но стали еще отчетливей, и почему-то мне казалось,

что не гордость, а боль от толком не заживших ран заставляет его держаться особенно прямо. Для любого лечения, для самых лучших снадобий требуется время, но времени молодой барон себе не дал — и я его понимала. Что творилось бы сейчас в замке, предпочти его хозяин отлежаться?

Анегард пренебрег парадным костюмом. На зеленом сукне камзола угадывались так полностью и не отстиравшиеся кровавые пятна. Рядом с расфуфыренной баронессой он выглядел... нет, не тусклым — сильным! Мужчина и воин. Он не принес богам дары: вместо подношений клал на алтарь ладонь, безмолвно предлагал: возьмите, сколько надо и чего захотите, хоть всего меня. Вам предаюсь и на вас полагаюсь. Древний, почти позабытый ныне жест — мало кто решится на такое. Я бы точно не решилась!

О чем просил он богов? Когда твоя ладонь ложится на алтарный камень, говорить вслух незачем — богам слышен ты весь, до последней мысли, чаяния и желания. Рассмотрят тебя всего, пошуршат в глубинах души невидимыми пальцами, взвесят силу и слабость — и решат. А что решат — мы лишь тогда узнаем, когда все свершится, и поздно будет что-то менять. Кто, молча вопрошала я, больше достоин помощи, чем наш господин? Но боги не всегда справедливы.

От Анегарда трудно было оторвать взгляд, но я все-таки заметила, как глядит на сына Иозельма. Заметила — и словно под дых ударили! Змея? Нет, хуже! Упырица болотная, хищная злобная тварь! Ох, Анегард, братец мой нечаянный, да лучше вовсе без матери, чем с такой! Боги, безмолвно взмолилась я, услышьте его, дайте ему удачу! Он наш защитник, наша надежда...

Анегард обошел круг полностью и вернулся в кольцо людей. И в тот же миг от толпы отделилась баронесса Иозельма. Придерживая кончиками пальцев широкие юбки, гордо прошествовала к алтарю Матери человеческой. Сняла ожерелье из красных камней, подняла над головой, всем напоказ, — камни вспыхнули алым кровавым сиянием, — опустила на алтарь. Отчетливый, слишком низкий и властный для женщины голос разнесся над луговиной:

— Мать человеческая, госпожа над богами и людьми, великая и милосердная! Прими дар мой, склони слух к мольбе матери, помоги образумить чадо мое, кровь от крови моей и плоть от плоти, сына, почтительность забывшего и послушание отринувшего! Ибо в гордыне своей не желает слушать мать, и даже до того дошло, что готов предать меня в руки врагов моих, жаждущих смерти моей! В руки тех самых врагов, что заточили в узилище супруга моего, приписав ему чужие преступления!

Ай да баронесса! "Чужие преступления"! А что преступления эти не чьи-то там «чужие», а твои, что барон Лотар за твою же подлость добрым именем платит, — не считается?! Что сын тебя, мятежницу, вопреки королевскому указу в замке укрывает — мелочь, благодарности не стоящая?! Зигмонд со всей дури сжал мой локоть, я пискнула от боли и опаматовалась. Еще бы мгновение, и...

Ожерелье исчезло в сгустившемся над алтарем нестерпимо ярком свете: богиня приняла дар. Кажется, охнула не только я. Но Анегард и глазом не моргнул. Стоял и смотрел спокойно, как возвращается Иозельма, гордо задрав подбородок... как шарахаются от нее люди... только Ланушку приобнял, и та прижалась к брату, испуганно отшатнувшись от протянутой матерью руки.

Люди уходили с храмовой луговины. Торопливо уходили, тревожно. Здесь вдруг стало

неуютно — то ли близкой войной повеяло, то ли недовольством богов. Мне тоже хотелось быстрее вернуться в замок, но Зигмонд попросил нас с бабушкой задержаться. Я глядела в лица идущих мимо и думала: о чем просили они? Если бы баронесса Иозельма была мужчиной, божий суд свершился бы ныне — по традиции, через поединок. Но мать и сын?

Сын не может идти против матери, вассал не должен идти против короля. А может ли женщина требовать послушания от сына, если по ее вине грозит смерть мужу? Вправе ли мать приказать сыну стать мятежником? Сложно это все.

— Зиг, — спросила я, — кто из них прав перед богами?

Нелюдь ответил, почти не раздумывая:

— Оба.

— Но... как же это?..

— Да вот так, — пожал плечами заколдунец. — Баронесса права, обвиняя сына в непочтительности — заметь, Сьюз, она не желает объяснять причины. Хотя сама наверняка понимает. Анегард прав, считая мать виновницей несчастья с отцом. И потом, королевский указ помнишь?

Я поежилась. Если Анегард еще и перед королем виноватым окажется...

— И что теперь будет?

Зигмонд посмотрел мне в глаза — остро, аж мурашки по спине побежали.

— Боишься за него?

— Ну... да, — призналась я. — Боюсь. Почему бы мне за него не бояться? А баронесса мне не нравится.

Нелюдь фыркнул:

— Еще б она тебе нравилась! Так, все ушли, пора.

— Что пора? — не поняла я.

— Разбираться, — мрачно ответил Зиг. — Пойдем.

Как это "все ушли", чуть не спросила я, если на поляне еще толпа целая? Но — осеклась. Люди и правда ушли. Кроме бабушки, Анегарда и меня, на луговине остались только заколдунцы. Зигова стая.

Они изменились с той ночи на болоте. Все. И не в том даже дело, что отъелись и приоделись, просто людского стало больше в них, а звериного — меньше. Рыжий мальчишка, что глядел тогда затравленным волчонком, весело мне улыбнулся. Женщина, похожая на Гвенду, обнимала его за плечи, и в лице ее был покой. И даже те, в чьем облике осталось совсем мало человеческого, ощущались — людьми. Безумие кровавых чар отпустило их. Всем нам повезло с Анегардом, подумала я, что людям, что нелюдям.

— Слушайте меня все! — Зигмонд обвел собравшихся тяжелым взглядом. — Люди поговорили с богами, и скоро станет ясно, кто из них получит ответ. Но у меня, — Зиг медленно, нарочито показал клыки, — тоже есть вопрос *к моей богине*. Все мы, кто здесь есть, связаны узами крови, и я задам его так, чтобы вы слышали.

Зиг подошел к черному алтарю, и я невольно затаила дыхание.

— Приветствую тебя, Великая! Прими мой дар, услышь слова мои! — Зиг выхватил кинжал, на черный камень упало несколько капель крови, и я, хоть и далеко стояла, услышала тихое шипение, с которым впитались они в алтарь Прядильщицы.

Промозглый холод сгустился над луговиной.

Она пришла.

Как малый ребенок, я вцепилась в бабушкину руку. Меня затрясло, горло стиснуло

удушьем. Словно провалилась наяву в тот самый сон, что мучил все эти ночи!

Чего хочет Зиг, в панике думала я, зачем он позвал Ее?! Я не хочу!..

— Сюз, — рука Анегарда стиснула плечо, — успокойся, не трясись. Зигмонд все делает правильно.

Стало чуть легче. Нет, ужас никуда не делся, но я хотя бы смогла дышать. Холод немного отступил, или же я попросту притерпелась; около сердца вдруг почудилось что-то теплое, я пошарила рукой по груди и нащупала дареный амулет. Он казался трепещущим птенцом под ладонью: не просто теплым, но живым и пушистым. Я перевела дух и стала глядеть на Зига.

А Зиг тем временем достал короткую стрелу, поднял над головой и заявил:

— На этой стреле кровь Анегарда. Стреляли в спину, перед тем напугав коней. Хорошо напугав, — нелюдь обвел поляну внимательным взглядом. — Так напугав, как, я думал, только мы и умеем. Поэтому, прежде чем искать врага в другом месте, я хочу убедиться, что его нет среди своих.

Стрела беззвучно легла на черный камень.

— Помоги, Великая! Проведи по следу, и пусть тот, на ком след оборвется, станет твоей наградой!

Стрела взмыла над алтарем, повертелась туда-сюда, словно принюхиваясь... и щенком ткнулась мне в ладонь.

— Что это?! — не выдержала я. — Почему?..

— Ты дала ее мне. — Зигмонд, как всегда, оказался рядом незаметно. — Все верно, первый след взят.

Как будто эти слова послужили командой, стрела отпрянула от меня — и очутилась на бабушкиной ладони.

— Магдалена вытащила стрелу из раны, — кивнул Зиг. — Дальше!

Анегард крутнулся на месте, воскликнув:

— Эй, только не надо снова в спину!

Но стрела, точно и впрямь шла по следу, извернулась вместе с ним и все-таки тюкнула в точности туда, где виднелся на камзоле заштопанный след. Легонько тюкнула, но Анегард все же поморщился.

— Следующим будет убийца, — негромко сказал Зигмонд. — Он твой, Великая, кто бы он ни был!

Хищный свист пронзил воздух, холод сгустился на миг — и отступил. На траве лежал парень, один из тех, что выглядели почти зверьми. Широкое лицо поросло бурой шерстью, рот скалился острыми клыками... я не могла его вспомнить, хотя казалось — должна.

Направленная Хозяйкой тьмы стрела вошла глубоко в его сердце: из груди торчал самый кончик оперения. Крови не было.

— Айк, — выдохнул кто-то позади меня.

— Айк, — эхом откликнулся Зигмонд. — Не ожидал. Жаль.

Вернулся к алтарю. Сказал, глядя на черный камень:

— Благодарю тебя, Великая.

И рывкнул, обернувшись:

— Оттащите падаль в лес. Нечего ему святое место поганить!

— Разве не похороним? — спросила испуганно какая-то из женщин.

— Предателей, — отрезал Зиг, — не хоронят.

В ту ночь привычный уже кошмар был настолько отчетливым, словно я и не спала вовсе. Как наяву — и только тенью на самом краю сознания смутная память: это сон, сон, сон...

Я стояла у черного алтаря, но казалось — не на камень смотрю, а заглядываю то ли в хищную пасть, то ли в бездонный колодец. Далеко внизу угадывались кровавые отблески, завивались в спираль, расходились клочьями. Как пенка на мясной ухе, подумала я, и тут же, следом: чья кровь кипит там, в Старухином вареве?

Всякая, пришел ответ. Всякая, и твоя тоже, девчонка. Ты сама отдала ее мне. Ты моя, моя, глупая девчонка, чем дольше не придешь, тем хуже будет! Я жду, я помню, я — вечна, а терпение мое — нет!

Я отпрянула... вернее, хотела отпрянуть. Однако ноги мои словно приросли к земле у алтаря, и руки, лежащие на его краю, не смогли шевельнуться, и взгляд словно прикипел ко тьме внизу. Мошка в смоле, головастик в пересохшей тине!

Приди сама, не жди, пока возьму...

Вот они, кровавые жертвы... Зиг, тварь ты болотная, во что ты меня втянул?!

Зигмонд появился рядом, словно ждал моего зова. Приобнял за плечи — я злобно дернулась. Сказал, бросив короткий взгляд вниз:

— Твоя, моя, и много кого еще, ну так что ж теперь? Ты отдала ровно столько, сколько Она у тебя взяла, и ничего не обещала сверх того. Ты свободна. — Перегнулся через край провала, крикнул: — Она свободна, слышишь? Она дала тебе свою кровь, но не обещала службы!

Посмотрим еще, зашипела тьма.

— Пошли отсюда. — Зиг развернул меня, я чуть не упала, ухватилась за его рубаху... а в следующий миг мы стояли в березняке, и круга алтарей не было видно за серебром стволов. — Запомни, Сюз: боги имеют над нами ровно столько власти, сколько мы готовы им отдать. Не меньше и не больше. Она может сколько угодно твердить, что ты ее, но пока ты сама не согласишься...

— То-то я на тебя смотрю и вижу, какой весь из себя свободный, — фыркнула я. — Сам для себя клыки с крыльями захотел? Или все-таки Старуха дала?

— А ты на меня не гляди, — ответил Зигмонд. — Я дураком был, вот и попался.

И исчез. А я проснулась.

Рядом сопел Рэнси, постанывала во сне бабушка, из кухни слышались сонные голоса. Надо Зига найти, подумала я. Спрошу, что ему снилось...

Но в тот день нам поговорить не удалось, а потом стало и вовсе не до этого.

Отряд барона Ульфара подошел к замку часа в три пополудни. Даже мне было ясно: их слишком мало, чтобы нас штурмовать. Но замки берут не только штурмами...

Сначала нам предложили сдаться. Усиленный чарами протяжный голос перелетел стены, разнесся по дворам, заглушил кухонную болтовню; наверное, даже в самом дальнем уголке подвалов был он прекрасно слышен.

— Его милость барон Ульфар Ренхавенский объявляет и клянется, что бароны Лотары владеют сими землями не по праву! Его милость барон Ульфар Ренхавенский берет вас, люди Лотаров, под свою милостивую руку, и дарует вольности и послабления, и обещает заступничество и покровительство! Его милость барон Ульфар Ренхавенский клянется

также, что дарует прощение и награду сложившим оружие, тех же, кто окажет сопротивление, повесит на стене замка, кем бы они ни были! Его милость барон Ульфар Ренхавенский ждет ответа завтра в полдень!

Брякнул об пол уроненный Аниткой нож.

— Ой, что буде-ет?

Старуха Инора забормотала молитву. Всхлипнула Динуша.

— Ничего не будет, — оборвала панику тетушка Лизетт. — Чего ждали, то и будет. Тоже новость нашли!

Но одно дело ждать, а другое — дожждаться. Разговоры поутихли: сразу неинтересны стали и змеиный норов баронессы, и Аниткин давно уехавший, но не позабытый менестрель, и даже волчеглазый парень из Зиговых, что, в отличие от менестреля, был рядом и все караулил Анитку то у колодца, то возле хлебной печи. Если кто и раскрывал рот, то вспоминая старого барона и гадая, справится ли Анегард с первым в жизни серьезным боем. Что боя не миновать, понимали все.

Остаток дня я проболталась сама не своя. Все перепуталось в голове, перемешалось: Анегард, Ульфар, мятеж, баронесса, Зигмонд, богиня, отец... Хотелось поговорить с кем-нибудь, но с кем? Бабушке и так забот хватает, Анегарду и Зигмонду не до меня, а остальные не знают всего — и хвала богам, что не знают.

Ближе к ночи кто-то из служанок принес на хвосте новость: молодой господин как заперся у себя с Гарником и Зигмондом, так и не выходил. Девчонок это напугало, но меня — успокоило. Уж втроем придумают, как отбиться! Бабушка согласилась со мной и предложила всем не маяться дурью, а ложиться и отсыпаться впрок, пока тихо. Тетушка Лизетт во весь голос заявила, что это первые разумные слова за весь день, и, впрямь, разогнала всех спать.

Я дождалась, пока уснет бабушка, и вышла во двор. Замок был непривычно тих, зато за стенами угадывался суетливый шум. Завтра в полдень... в полдень...

Ульфар не станет штурмовать нас. Даже я вижу: у него мало сил для штурма. Но на что-то же он надеется, приведя под стены замка Лотаров кучку своих наемников? Не на то ведь, в самом деле, что Анегард сам откроет ему ворота?

— Не спишь? — Зигмонд, как всегда, появился рядом внезапно, словно из ниоткуда.

— Страшно, — призналась я.

Зиг молча сжал мою руку. Я вздохнула.

— Что будет, Зиг? Их ведь мало для честного боя, так? На что они надеются?

У Анегарда не решилась бы спрашивать, Гарник не ответил бы. Зигмонд скрывать не стал.

— С ними маг, Сьюз. Очень сильный.

— Сильней тебя?

Нелюдь фыркнул.

— Я вообще не маг. Так, умею кой-чего.

— Не маг... — я покачала головой. — Энниса ты размазал, как делать нечего.

— Эннис твой всего лишь неумелый подмастерье, — сердито припечатал Зиг. — В мое время настоящий мастер такому недоразумению разве что полы мести доверил бы. А у этого и мастер — недоразумение, тьфу! Измельчали люди.

Заколдунец взглянул на стену, сказал с откровенно лживой небрежностью:

— Иди спи. Все хорошо будет.

— Постою еще, — ответила я. — Не хочу я спать. А ты иди, я ж понимаю, не до меня...

Кивнув, Зиг побежал к стене. Через пять или шесть шагов колеблющиеся тени смазали его, и я уже не понимала, точно ли вижу, как черный силуэт, оттолкнувшись от камней двора, наискось взмывает на стену, или мне это только чудится. Напрягая глаза до слез, я пыталась разглядеть, что творится на стене, но видела лишь черные зубцы и редкие звезды над ними.

Ровно в полдень Ульфаров герольд заговорил вновь:

— Его милость барон Ульфар Ренхавенский требует ответа! Согласен ли барон Лотар отказаться от несправедливых притязаний и тем сохранить жизни своих людей?

Анегард ждал уже на стене, и ответил сразу. Коротко: «Нет». Кто бы сомневался?

Герольд возвысил голос — хотя, казалось, уж и некуда было:

— Его милость барон Ульфар Ренхавенский знает, что ныне в замке пребывает благородная Иозельма Лотарская! Так почему же наследник Лотаров распоряжается родительским достоянием помимо материнской воли? Пускай благородная баронесса выйдет и подтвердит решение сына!

Уж не знаю, как по ту сторону стены, а в замке ждали ответа Анегарда, затаив дыхание. Ведь по всем обычаям в отсутствие хозяина управлять делами должна его супруга, а не сын. Конечно, барон оставил вместо себя Анегарда, а слово господина — закон; но ведь хозяйки не было тогда в замке? Выбери Анегард волю отца или власть традиций, он в равной степени оказался бы и прав, и не прав.

Не знаю, что думал Анегард, отвечая, но голос его не дрогнул.

— Моя мать пошла против воли своего супруга и господина, а потому не смеет более распоряжаться его достоянием. Ее судьбу решит мой отец, пока же он не вернулся, барон Ренхавенский будет говорить со мной как с полноправным бароном Лотарским. И я, барон Лотарский, предлагаю ему убраться вон от моего замка и из моих земель! Иначе угрозы барона Ренхавенского обернутся против него самого, и смерть его будет достойной вора и разбойника, а не благородного человека!

— Угрозы на угрозы, — пробормотала бабушка. — Пойдем, Сьюз, разотрешь мне спину. Поверь, толку с этих разговоров не больше, чем от лая деревенских пустобрешек.

Конечно, бабуля оказалась права. Обменявшись «любезностями», каждый остался на своем месте: Анегард за стенами, Ульфар снаружи. Замок затаился в ожидании. Давно уж я не слыхала такой тишины; даже болтушка Анитка и певунья Динуша работали молча, кусая губы и едва не плача. Всем нам было страшно.

Вскоре рыжий мальчишка из Зиговой стаи принес новости: Ульфаровы молодчики рубили лес.

— Господин сказал, осадные башни строить станут, — говорил рыжий, изо всех сил стараясь казаться мужчиной, защитником перед стайкой трясущихся в ужасе клуш. — На таран они тут подходящего дерева не найдут, да и ворота здешние вышибать себе дороже станет. — Мальчишка понизил голос: — До ночи не построят, дело долгое, а ночью мы их подожжем. Так что спите пока что спокойно, до драки не скоро дойдет.

Девушки оживились, и даже тетушка Лизетт, кажется, облегченно перевела дух. Я вышла из кухни вслед за рыжим. Спросила:

— Тебя звать как?

— Рихар, — ответил мальчишка. — Мой отец был у господина капитаном. А ты Сьюз, я

знаю. — Он, кажется, не против был поболтать. И я подумала: небось, со стены согнали, чтоб под шальную стрелу не попал. — Я тебя еще с леса запомнил. Ты смелая.

— Правда? — Моя улыбка наверняка вышла кривой и жалкой. — А мне кажется, трусиха. Знаешь, как боюсь?

— Это ничего, — ободрил меня Рихар. — Перед боем все боятся.

Я хотела спросить, где Зигмонд, но из кухни вывалилась толстуха Берта с двумя ведрами помоев, а мальчишку позвал кто-то из стражников. Оставалось утешаться тем, что хотя бы до завтрашнего утра мы в безопасности. Если можно, конечно, говорить о безопасности на войне.

Эту ночь никто в замке не спал. Гарник предупредил, чтобы во двор без нужды не высывались, но именно поэтому то одна, то другая из кухонных девчонок выглядывала за дверь — и вновь с тихим вздохом садилась к столу. Молчать было страшно, разговоры не клеились. Тетушка Лизетт ругалась, грозила поутру завалить всех работой по уши, чтобы впредь ночами спали, а не дурью маялись... мы соглашались, обещали скоро разойтись — и не двигались с места. Старуха Инора все бормотала и бормотала молитвы, ее тихой дребезжащий голос ввинчивался в уши, в иное время кто-нибудь непременно попросил бы ее замолчать, но теперь назойливый речитатив странным образом успокаивал. Сохрани нас боги! Мне то чудилось, вот-вот засну, уронив отяжелевшую голову прямо на стол, то накатывала тревога, почти паника: казалось, вот сейчас, в эту самую минуту, наши мужчины сражаются, а мы тут сидим и не знаем, и ничем не поможем...

На голоса за дверью все мы аж подпрыгнули.

Я выскочила во двор первой. У колодца плескались Зиговы ребята, окатывались водой, смеялись. Вытирались рубахами, кидали их наземь — все равно стирать. В нос ударил запах дыма, мокрой псины, паленой шерсти — и крови. Кровавые пятна расплзались по мокрой ткани, но раненых видно не было.

— Что?.. — я осеклась, не зная, как спросить.

Ответил смутно знакомый голос — кажется, того, волчеглазого...

— Ты-то чего не спишь? О-ой, парни, гляньте, да они все тут... Девчонки, это вы нас встречаете, да?!

Грянул хохот.

— Смешно им! — Анитка всхлипнула и вдруг разревелась, уткнувшись в плечо толстухе Берте. — Мы тут... за них...

— Не реви, глупая, — прогудела Берта. — Видишь, все живы, все целы, радоваться надо.

— А я и ра-адуюсь...

— Видишь, Терес, — кто-то хлопнул волчеглазого по плечу, — радуется она!

— Че стоишь, пень дубовый, — зашипела вдруг старая Инора. — Иди утешай!

Парень растерянно моргнул, но свои быстренько его подтолкнули, а мы словно ненароком расступились, и Анитка сама не заметила, как вместо мягкого плеча Берты уткнулась в грудь нелюдя. Широкая ладонь осторожно погладила пушистую косу.

Мой взгляд перебежал от лица к лицу. Вот давешний рыжий, Рихар, плещет и плещет водой в лицо. Похожий на Брое мужичок осторожно щупает голову, морщится. Широкоплечий, смутно похожий на медведя парень пристально разглядывает собственные ладони: правда под его взглядом исчезают острые загнутые когти, или снова мне лишь кажется? Что за наваждение, сколько в соседях ходим, а все не привыкну, не запомню! Как будто и вправду они, что ни день, хоть немного, да меняются... одно слово, заколдунцы!

— А где Зигмонд? — спросила я, отчаявшись найти среди толкотни вожака стаи.

Мохнатая когтистая лапа махнула в сторону стены. Я взгляделась. За стеной танцевало мерцающее зарево, клубы черного дыма поднимались к небу, закрывая звезды. Между зубцами угадывались фигурки стрелков.

— Те, внизу, как на ладони сейчас, — объяснил волчеглазый Терес. — С нас паника, с Гарниковых отстрел. Дураки они будут, если поутру не уйдут.

Я почти поверила, что на том война и закончится.

Не закончилась. Ульфаровы вояки всего лишь перенесли лагерь в лес и — это Зиг нам сказал, заглянув на кухню, — накрыли охранными чарами. Вздумай мы послать гонца за помощью, кто-нибудь из Зиговых, наверное, смог бы пробраться, но обычный человек — точно нет. И уж конечно, можно было позабыть о недообкошенных опушках, недособранных орехах и высокой сочной траве на выпасах. Впрочем, и припасов и фуража в замке хватало. Мы могли выдержать осаду. Достало бы терпения.

Ульфар не задержится надолго, объявил Анегард. Он мятежник — помните королевский указ? Не похоже, чтобы он собирался вымаливать у короля прощение, а значит, самым умным для него будет бежать из страны. Вот и решил, видно, пограбить на дорожку, чтоб не с пустыми руками на новом месте обжиться. Но у него каждый день на счету. Уверится, что замок Лотаров ему не по зубам, и уйдет.

Слова Анегарда казались верными, но...

Я смотрела брату в лицо и не верила этим словам. Он и сам не верил, он успокаивал нас — и только.

Трех дней хватило, чтобы понять — ничего нет страшнее ожидания. Находить себе дело, зная, что единственным по-настоящему важным делом заняты часовые на стенах и у ворот. Подбадривать других, не показывая собственного страха. Играть с детьми, когда хочется забиться в уголок и плакать. Улыбаться мужчинам, не спрашивая, что же будет с нами.

Те, снаружи, навряд ли привезли с собой достаточно провианта, а возможности награть мы их лишили; так что их положение было в каком-то смысле ничем не лучше нашего. Правда, в лесу полно дичи, и сейчас самое время охотиться. Зато у нас есть крыша над головой: как только зарядят холодные осенние дожди, это станет очень даже ощутимым преимуществом. Так утешались мы, убеждая себя терпеть и не роптать, но повседневные заботы не помогали унять тревогу. Руки делали привычное дело, а в голове крутились враги под стенами, и страшные истории, в которых осады заканчивались поголовным истреблением осажденных, и бесконечное "что же будет с нами?" — вопрос, на который даже боги вряд ли могли пока что ответить.

Одно радовало: я спала урывками, тревожно, вполглаза, — и кошмары не мучили меня.

* * *

Когда толстуха Берта на полуслове вдруг ткнулась носом в стол и сладко засопела, я не встревожилась. Все-таки ночь уже перевалила за середину, сколько можно сидеть? Берту с вечера грызли недобрые предчувствия, а мне опять не спалось, вот мы и решили занять руки

несложной работой и дожидаться утра за болтовней...

Я отставила в сторонку ступку с наполовину истолченными ягодами шиповника. Встала, потянулась. Тоже, что ли, лечь пойти?

Дверь распахнулась с громким стуком, ударившись о стену. В кухню ввалился волчеглазый Терес; на руках его обмякшей тряпичной куклой лежала Анитка. Голова бессильно откинута, длинная коса метет пол...

— Сьюз, — взвыл нелюдь, сгружая ношу на стол передо мной, — ты здесь! Глянь, что с ней?

Я дотронулась до девчонки — сначала осторожно, испуганно, потом — неверяще.

— Я ничего ей не делал, честно, — Терес, мне показалось, был на грани паники. — Мы просто сидели, болтали... и вдруг... ни с того ни с сего...

— Она спит. — Я схватила девчонку за плечи, затрясла. — Анитка, проснись! — Влепила пощечину. — Просыпайся, ну!

Без толку.

Я оглянулась на Берту. Что же это, а?

Схватила ступку и запустила в висящий над печкой медный таз.

Грохот был такой, что показалось — оглохну.

Берта вхрапнула и зачмокала пухлыми губами. Анитка продолжала тихо посапывать. Из каморок за кухней, где спали остальные, не донеслось ни звука.

— Они все спят, — прошептала я. — Все, Терес...

Парень коротко выругался.

— Сьюз, проверь казармы, я на стену!

Уже на бегу я сообразила: чары. Если вот так, вдруг, заснули все... то часовые на стенах тоже спят?!

Но ведь не заснул же Терес. Не сплю я. Может, не все?..

Дверь в казарму оказалась распахнута. Караульный сидел на земле, привалясь к стене плечом, из открытого рта вырывался могучий храп. Я перешагнула порог, огляделась: света от прилепленной над внутренними дверями плошки хватило. Навряд ли раньше здесь было так тесно, но теперь спальные места начинались сразу от входа. Набитые соломой тюфяки, пестрые одеяла, бадья с водой в углу... Я знала: с тех пор, как замок приютил окрестных селян, Гарник жил здесь же, в казарме. Не дело девице ходить меж раздетых мужчин, но сейчас разве до приличий?

— Гарник! — крикнула я. Больше для очистки совести: я почти не сомневалась, что капитан спит так же крепко, как остальные.

Слева от меня послышался стон. Я развернулась так резко, что чуть не упала. Гарник?

Да, он спал. Но мне показалось — или это отчаянная надежда сыграла злую шутку? — что капитан слышал меня и силится проснуться.

— Гарник, вставай! Тревога!

Пробормотал что-то вроде "угу, щас", перевернулся на другой бок.

Всхлипнув, я метнулась в угол. По счастью, бадья оказалась наполовину пуста — а отчаяние придало сил. Я схватила бадью в охапку, дотащила до капитановой лежки — и опрокинула над Гарником.

Холодные брызги волной окатили ноги. Капитан подскочил, деревянный ковшик стукнул его по темечку, добавил по холке и тюкнулся в подушку. Бадья отяжелела в моих руках, я медленно поставила ее на пол и позвала:

— Гарник?

— Сьюз?

Казалось, язык едва ворочается в его рту. С волос текло, но он и не подумал утереться. Зевнул, нашарил одеяло...

— Гарник, да проснись же ты! Тревога!

— Руку дай.

В поднятых на меня глазах плескалась сонная муть. Я протянула руку, капитан вздернул себя на ноги. Спросил:

— Что такое?

— Ты проснулся? — жалобно, чуть не плача, спросила я.

— Нет! — рывкнул Гарник. — Что стряслось, ну?

Тут и я заорала в ответ.

— Протри глаза и оглянись вокруг! Все спят, видишь? Все! Терес на стену побежал, а меня к тебе отправил, а ты...

— Понял, — оборвал меня капитан. — Понял, не ори. Так. — Он шагнул, споткнулся о пустую бадью. Выругался. — Так, Сьюз. Чары, ясно. У меня амулет на такие дела, но ты видишь, — Гарник зевнул, — сплю на ходу.

— Боевой настойки хлебни, — буркнула я.

— И верно, — снова зевнув, согласился Гарник. — Так, Сьюз. Кажется, я достаточно соображаю, чтобы не свалиться. Беги к Анегарду. Он на чары крепкий, глядишь, тоже проснется.

Я бежала по двору, а со стены неслись крики, вой, лязг оружия. Сколько там наших, а сколько Ульфаровых? Боги великие, что будет со всеми нами?.. Не помня себя, глотая слезы, я взбежала по широкой парадной лестнице и заколотила кулаками в дверь Анегарда.

— Проснись! Пожалуйста, проснись! Анегард! Проснись же, ну...

Дверь распахнулась, и я чуть не упала прямо на полуголового, мятого спросонок, злого братца.

— Что такое, Сьюз?

Я обессилено прислонилась к косяку.

— Ты не спишь?..

— Спал. Пока ты не начала долбить...

— Анегард, они напали! Весь замок спит, все, все! Я Гарника еле добудилась!

Никогда бы не подумала, что можно настолько быстро одеться и вооружиться.

— С ранеными справишься? — бросил Анегард.

Я всхлипнула:

— А куда деваться?

— Ну так беги, готовься. Из кухни не высовывайся, слышишь?

И умчался, не дождавись ответа.

Я выглянула из окна. Да разве что разглядишь в такой темени?! Худо-бедно освещенный двор пуст, ни души, а на стене, где дерутся, факела погашены. И хоть бы ночь лунная, так нет...

Спустилась в кухню, поставила воду греться, достала из кладовки все наши снадобья, тряпки чистые... что там, как, кто верх берет? Дверь во двор манила, притягивала. Анегард сказал "не высовывайся", вот и сиди. Ясно ведь, что не просто так сказал. Подстрелят невзначай — не только со мной возиться будет некому, но и с теми, кому я помочь должна.

Если будут такие. Боги великие, на чьей вы стороне этой ночью?!

Попробовала добудиться бабушку — без толку. Подошла к двери, приоткрыла. В уши ударили крики, лязг, вой. Узенькой щелки хватило разглядеть полоску двора — булыжник, край колодца. Пусто. Бой все еще на стене. На стене... значит, держимся еще? Помоги, Звериная мать!

Я вспоминала, как Зиговы ребята дрались на болоте. Как смеялись они у колодца, перепачканные чужой кровью — а может, и своей, кто знает? На них заживает быстро, вот уж кому лекарка даром не нужна. Как спас меня Зигмонд — меня, и бабушку, и Анегарда. Думала: счастливы мы, что они за нас. Таким бойцам ровню найти — нет, можно, наверное, но навряд ли у Ульфара в наемниках.

Я вздрогнула, когда звуки боя стихли — очень уж резко. Тишина не опустилась — упала, оглушила не хуже воя и лязга. Замерло сердце: неужели и правда все закончилось? Или это лишь малая передышка? А если все... я вдруг поняла, что такая тишина, тишина неизвестности — во сто крат страшней самого жуткого боя. Потому что бой окончен, и все решилось, что должно было решиться, и они — там, наверху — знают, а я... Кто войдет сейчас в эту дверь — свои, враги?

Вошел Зиг.

Я попятилась, так страшен он был: оскаленный, окровавленный, одно крыло топорщится, другое волочится по земле...

— Воды, быстро, — приказал нелюдь. Я кинулась к бочке, зачерпнула ковшик. А он сказал внезапно севшим голосом: — Плесни чего-нибудь туда, что ли. Для поднятия сил...

Благо, я успела расставить все наши снадобья по порядку, искать не пришлось. Зиг сел на пол — мимо лавки, что ли, промахнулся? Взял ковшик, выпил, не отрываясь. Сказал:

— Вроде что надо. Сейчас по одному к тебе своих отпускать буду, напои тем же.

— Что там? — спросила я.

— Да ничего. Дрались, дрались, и вдруг на тебе, враг свалил обратно. Ждать будем, вдруг снова полезут. Сейчас... посижу немного и пойду. Анегарда найти надо.

Искать не пришлось. Будто специально дождавшись этих слов, братец ввалился в кухню — такой же страшный, как Зиг, на одном плече повис Гарник, на другом — рыжий Рихар. Зигмонд вскочил, перехватил мальчишку. Анегард сгрузил капитана на лавку, рухнул рядом. Я метнулась за водой и тряпками. Мелькнуло трусливое: справлюсь ли? Оба изранены, а бабушки рядом нет.

— Его первого, — Анегард дернулся, отстраняясь.

— Но...

— Я сказал!

Ладно. Раз у него есть силы так грозно рвать, значит, и верно, лучше начать с Гарника.

Я не стала стаскивать с капитана доспехи — начала с открытых мест. Смыть кровь, обработать раны... много, но, по счастью, неглубокие. Гарник был в сознании, но какой-то смурной, словно ему здорово приложили по башке. Краем глаза видела, как Зиг осмотрел мальчишку, напоил его — ишь, глазастый, запомнил, из какой именно склянки я ему наливала! Кажется, с рыжим ничего особо страшного. Или было, да само затянулось? Хорошо им, нелюдям. А вот Гарник... нет, жить-то будет, но... с каждой новой раной у меня все сильнее тряслись руки. Лекарка! "Никогда не бойся сделать больно", — говорила бабушка. Но я боялась — и ничего не могла с этим поделать.

Остановить кровь. Мазь. Повязки. Напоить... да пей же, глотай! Вот так.

— Зиг, помоги его раздеть.

Нелюдь взял капитана за плечи, взгляделся в глаза. Качнул головой:

— Не стоит, Сьюз. Стеганку стащить, и хватит. — Одним ловким движением Зигмонд вытряхнул Гарника из ватного доспеха. — Ты все обработала, не теряй времени. Он обессилел, ничего больше. Не страшно. Давай его уложим.

Я оглядела кухню. О месте, куда укладывать раненых, я не подумала. Лекарка... тетеря! Зиг поднял капитана на ноги.

— Сюда, — скомандовала я, отодвигая полосатую занавеску. Мой-то тюфяк свободен. Анегард на ногах стоит, значит, к себе подняться сможет. Если еще на стену не уйдет.

Ничего, скоро утро. Почему-то казалось, что с рассветом сразу станет легче. Как будто ночь выпила силы, оставив взамен липкий, противный страх.

Кровь, покрывавшая Анегарда, была по большей части чужой. Несколько неглубоких порезов на левой руке да ссаженная на щеке кожа — мелочи, заверил меня братец, не о чем беспокоиться. Свое мнение я предпочла оставить при себе. И Анегард, и Зигмонд казались мне сейчас почти незнакомцами, жутковатыми и тревожащими.

Зиг вручил ожившему Рихару склянку с бодрящим зельем и отослал к остальным: мол, кто в порядке, пусть глотнут, а кому помощь нужна — живо сюда. Рыжий, кивнув, убежал, а Зиг обвел нас мрачным взглядом и спросил:

— А теперь напомните: кажется, кто-то не так давно мне рассказывал, что за чары на крови смерть положена? Тут не просто чарами пахнет, а жертвой, и как бы не великой!

— Ты о чем? — Анегард с заметным усилием встряхнулся, и я подумала: похоже, не только из меня ночь вытягивает силы. Обычно от бодрящей настойки больше проку.

Нелюдь оскалился:

— Я о тех чарах, из-за которых ты едва не проспал свой замок. Кто не поддался, соображаешь?

— И кто? Ко мне чары не липнут, у Сьюз и Гарника амулеты, вы — не настолько люди, чтобы поддаться колдовству, направленному против людей. Ты же сам говорил, что с Ульффаром сильный маг, вот и...

— Не так все просто. Вот скажи, у Гарника амулет сильный?

Анегард пожал плечами:

— До этой ночи я думал, что да.

— Зря сомневаешься. Хороший у него амулет, много выше среднего. Я смотрел. И я тебе точно скажу, с таким амулетом даже очень сильные чары его бы настолько крепко не усыпили. Ну да, ходил бы как вареный...

— Так и ходил, — хмыкнул Анегард. — Муха сонная, как еще жив остался.

Зиг треснул кулаком по столу:

— Да он вообще не проснулся! Его Сьюз подняла, а то бы так и проспал себе! А у Сьюз амулет, чтоб вы оба знали, не людьми заряженный! На нем благословение богини.

Ого! Ничего себе Зиг загибает... Я нашарила дареный амулет. Невзрачный, взгляду зацепиться не за что: простой шнурок и неровная каменная бусина.

— Зиг, ты серьезно?

— Неужели ты думаешь, девочка, что теперь время для шуток? Я чувствую чары, чувствую и силу богов.

— И... чье же?

— Вот этого не скажу. Спроси у того парня, что тебе его подарил.

Я вздохнула: где теперь его искать, того парня! Подарил и ушел, и след простыл.

— Зря вздыхаешь, — хмыкнул Зиг. — Такие подарочки, уж поверь, связывают крепко. — Усмехнулся вдруг: — Хотел бы я знать, он сам-то понимал, что за штуку тебе дарит?

— Он сказал "на удачу", — припомнила я.

— Так и вышло, — кивнул Зиг. — Этой ночью твоя удача нам всем помогла.

— Ты не отвлекайся, — попросил Анегард. — Насчет амулетов я понял, а вот с чего ты про жертвы взяла?

— С того, — медленно и весомо объяснил Зигмонд, — что ни у меня, ни у моих, хм, людей, амулетов нет. На нас — сила Прядильщицы, сила чар крови. И любые другие чары на крови, если их кинуть в нас, лишь прибавят сил. Сила к силе, понимаешь? В тех чарах, что наслали на твой замок, была сила Хозяйки тьмы, и она не только не усыпила нас, но еще и влилась в нашу силу. А то бы, пожалуй, даже мы не устояли. Ты знаешь, сколько нас, и видел, сколько было тех.

— Да-а, — протянул Анегард, — просчитался Ульфар, нечего сказать.

— Верно, просчитался. Но я тебе не о том толкую.

— А о чем?

— Хозяйка тьмы не помогает бесплатно, вот о чем. За чары такой силы Ульфар — или его маг, без разницы — должен был принести жертву.

Кровавую жертву, продолжила я. И тут вспомнила еще одно Зигово слово.

— Зиг, — мой голос дрожал, я уверена была, что знаю ответ. — Ты еще сказал "не просто жертва, а великая", это как?

— Примерно так, — ответил нелюдь, — как было в храме с Айком. Вся кровь, до капли.

Чары Хозяйки тьмы развеялись с первыми лучами солнца, и замок встретил новый день, как ни в чем не бывало. Правду сказать, хорошенький сюрприз ждал поутру тех, кто спокойно проспал весь бой!

Когда растаяли ночные страхи, мне пришел в голову еще один вопрос. Я нашла Зигмонда — нелюдь сидел под стеной казармы и задумчиво жевал травинку, — села рядом и спросила:

— Ты уверен, что я не заснула именно из-за амулета?

Зиг молчал долго, я даже сердиться начала. Совсем за дурочку меня держит? Если сейчас наплетет какой-нибудь успокоительной чепухи...

Измочаленная травинка полетела на землю, Зигмонд с хрустом потянулся и наконец-то соизволил обратить на меня внимание.

— Видишь ли, Сьюз, — лениво сказал он, — твой амулет и правда очень сильный. Настолько сильный, что любые другие объяснения смело можно не брать в расчет. Поэтому я не стал приплетать еще одну причину. Но не стану врать, она есть. Да ты, вижу, и сама догадалась?

Я пожала плечами:

— После таких-то снов...

— Да, — кивнул Зигмонд, — вот именно. Старуха, похоже, имеет на тебя виды. Ты давала ей кровь, глядела в глубину ее алтаря. Она сама еще могла бы навредить тебе, но когда силой великой богини швыряется какой-то недоучка... — презрительное Зигово

хмыканье яснее слов сказало все, что думает заколдунец об Ульфаровом маге.

Недоучка? Если это недоучка, то...

Незаданный вопрос замерз на губах: я поняла вдруг, *что еще* сказал Зигмонд.

Алтарь, глядела в глубину алтаря!

Как наяву, встала перед глазами пронизанная кровавыми разводами вязкая мгла — зовущая, жадная...

— Зиг, — сжавший горло ком едва давал говорить, — откуда ты знаешь? Про алтарь? Мне же это *снилось!*

Нелюдь ответил не сразу.

— Есть сны и сны, девочка. Просто сны, и... и вот такие. Только не спрашивай, как и почему, я все равно не смогу объяснить.

— Так оно было, на самом деле было? Тот сон?..

А ведь хотела поговорить с Зигом! Сразу не вышло, потом забылось...

— Видишь ли, Сьюз, я всегда считал, что если два человека видят одно и то же, — значит, оно, как выражаются маги, в достаточной мере реально. То есть, так или иначе, но существует. Но утверждать не возьмусь. Тут не всякий маг разберется, а я кто? — вояка. По верхушкам нахватанный, вроде Ульфарова недоучки. Только и разницы, что верхушки в мое время другими были.

— Ты спас меня тогда, — всхлипнула я. Запоздалый ужас окатил льдистым холодом.

— Брось, — Зиг смущенно хмыкнул, — нам ли считаться?

Приобнял за плечи, я благодарно прижалась к теплому боку. В который раз подумала: как с Зигом спокойно, а ведь опасней человека я не встречала... удивительное дело!

Страх отступил, и я вспомнила, о чем хотела спросить.

— Зиг, а почему ты считаешь, что у Ульфара маг-недоучка? Сам же говорил — сильный?

— Сильный, — кивнул заколдунец. — Так ведь одной силы мало, еще знать надо, что делаешь, да и думать при этом не мешает. В мое время, знаешь ли, любую ворожбу именем богов начинали с проверки тех, против кого она направлена. Как раз на случай вроде нашего. Но, кажется, Ульфаров маг решил, что раз Хозяйка тьмы помогла ему, до других ей дела нет.

— И напоролся на избранника, — я нервно хмыкнула.

— Да.

Нелюдь снова умолк.

— Что мне делать? — спросила я.

— Выспись, — пожал плечами Зиг. — Вдруг ночью снова полезут, сдуру-то.

Ну вот! Зиг, хмырь болотный, ты правда не понял или просто устал дуру-девку успокаивать?

— Я не о том! Что мне делать со всем... со всей этой жутью? «Выспись»! Да я же теперь глаза закрывать побоюсь!

— Ты о богине?

Нет, о прошлогоднем снеге! Я чуть не расплакалась — уже не от страха, с досады.

— Зиг, уж кто-то, а ты должен понимать... Кто я против нее? Если она захочет...

— Я ведь говорил тебе. Не бойся, не поддавайся, живи как жила. Служба богам — дело добровольное, заставить тебя она не сможет. Давить, пугать, просить — да... а ты не слушай, вот и все. Ваши дела кончены, вы в расчете.

— Тебя послушать, — вздохнула я, — так и беды никакой, сплошные девичьи бредни...

Зиг застонал.

— Боги великие, ну вот как тебе растолковать.... девочка, бед в нашей жизни хватает что с богами, что без богов, толку ими заморачиваться? Сама на себя не накликай, вот и все! Остальное не в твоей власти, а значит, и думать не о чем.

Успокоил, нечего сказать!

— Извини, Сьюз, ночка выдалась тяжелая. — Зиг поднялся, зевнул. — Ты как хочешь, а я посплю.

— Постой! Послушай, Зиг... а почему ночью ты не сказал... ну, об этом?

Прежде чем ответить, заколдунец обвел взглядом двор.

— Я подумал, ты вряд ли обрадуешься, если напомнить Анегарду, какой ценой его спасли. Да и сны твои — он ведь не знает, верно?

— Верно, — прошептала я. — Спасибо, Зиг...

— Все будет хорошо, Сьюз, — он улыбнулся и ушел, а я осталась сидеть. Мне хотелось поразмыслить без помех.

Гарник поднялся уже через три дня, хотя бабушка такой прыти не одобрила. Анегард и вовсе лечился на бегу; он исхитрился за день побывать в каждом уголке замка, и временами казался вездесущим. Я знала, он боится новой каверзы со стороны Ульфара и его мага. Но даже свои страхи братец умудрился обратить к пользе: я видела, хозяйская дотошность молодого барона ободряет запертых в стенах замка селян. Думаю, он знал, что делал.

Что касается Зиговых заколдунов, все остались живы-здоровы, но удивляло другое: после той ночи они изменились. Пропала пугавшая людей текучесть облика, исчезли звериные черты. Зигмонд говорил, что сила осталась при них, и уверял, что при необходимости запросто выпустит и клыки, и крылья. Но пока что крыльев не было. Ни сам Зиг, ни его ребята внешне теперь ничем не отличались от обычных людей. И стоит ли удивляться, что они были счастливы?

— Как же так? — спрашивала я. — Вы вроде и заколдованными остались, а вроде и нет?

— Колдовство осталось, — объяснял Зиг, — а проклятие ушло. А почему... есть у меня мысли, почему, но какие-то они слишком уж простые. Даже, понимаешь ли, стыдно: триста лет нелюдями мыкаться, когда решение вот оно!

— Да какое же, скажи?!

— Ты помнишь, Сьюз, что со мной было после той ночи, когда...

Он не договорил, но я поняла. И то поняла, что напомнить хотел, и то, что думал о проклятии. Боги великие, как просто! Чужую кровь за себя... или свою — ради другого! Он же сам говорил!

— Зиг... ох, Зиг! Ты же сам говорил! Сам же говорил, что есть жертва и жертва, и...

— Дурак я был, верно, Сьюз? Столько лет, а ведь знал... просто подумать не мог, к себе приложить. Привык считать себя проклятым.

Он рассмеялся вдруг. Подтолкнул меня, кивнул на стог сена за конюшней:

— Гляди, пока мы с тобой в вопросы и ответы играем, умные люди времени на ерунду не теряют!

В сене валялись Анитка и Терес, и по их счастливому виду всякий бы понял, что похитивший Аниткино сердце менестрель наконец-то забыт и отринут.

Ульфар больше не решался нас штурмовать. Но и не уходил. Ждал чего-то. Ждали и мы.

Зиговы ребята дважды выбирались за стену — они называли это «поохотиться». Оба раза притаскивали пленных, но те знали о планах Ульфара не больше нашего. Одно только прояснилось — с ним и правда был сильный маг, из столичных, и в войске барона Ренхавенского его боялись до судорог. Все, даже сам барон.

Похоже, прав был Зигмонд: маг тот и впрямь не брезговал жертвовать Хозяйке тьмы чужие жизни.

Перед храмовым днем Анегард объявил, что не выпустит из замка ни души — традиции там или нет, а так рисковать он не намерен. Кто-то из селян начал было возмущаться, но ему быстренько шепнули про Ульфарова мага и кровавые жертвы — Зигмонд позаботился пустить по замку жуткие слухи, хотя Анегард считал, что лучше б люди такого не знали. Баронесса Иозельма — это рассказала на кухне старуха Инора — закатила сыну скандал с битьем тарелок, словно какая-нибудь трактирщица. Сначала требовала сопровождать ее в храм с должным почетом, затем — просто отпустить ("Раз уж ни у кого здесь нет смелости пройти к богам мимо вражеского лагеря, это сделаю я!"), а под конец — хотя бы разрешить помолиться не в четырех стенах, а под открытым небом. "Сидите под замком, любезная матушка, — отвечал Анегард, — искренние молитвы боги слышат отовсюду". Представляю, с какой искренностью после этих слов ее милость проклинала сына! Боги должны были не просто услышать — уши заткнуть!

Вволю посудачив, мы сошлись на том, что выпускать змеюку-баронессу вышло бы себе дороже, так что Анегард решил правильно, хоть это и против сыновней почтительности. Да и Ульфару верить тоже чревато — станет вам блюсти обычаи храмового перемирия человек, приносящий кровавые жертвы, ждите, как же! Как ни крути, Анегард знал, что делал.

Поэтому в храмовый день каждый молился, как умел. Хотя, конечно, бодрости духа это людям не прибавило.

А следующим вечером осада закончилась, как мы не ждали. К замку Лотаров подошли войска короля.

* * *

Наверное, зрелище было красивое — флаги, всадники... королевское войско все-таки, не какой-нибудь там наемный сброд! Наверное... Я хотела посмотреть, но кто б меня пустил на стену? Там только караульные, да Анегард с Гарником на площадке над воротами... Так что я стояла в толпе на дворе, стиснутая между бабушкой и толстухой Бертой, и слушала звонкий голос герольда:

— Именем короля, открыть ворота! Его величество Гаутзельм Гассонский самолично разберется в споре баронов Лотарского и Ренхавенского! Славьте королевское правосудие!

Анегард кивнул Гарнику, тот скомандовал, и ворота замка натужно, словно нехотя, начали отворяться. Женщины радовались: конец нудному сидению взаперти, уж король-то разберется, кто прав, кто виноват! А меня грызла странная, мне самой непонятная тревога. Осаде-то конец, но кто окажется в победителях?

Напрасно мы думали, что в распахнутые ворота торжественно въедет король во главе пышной свиты. Первыми вошли солдаты. Их командир сказал что-то спустившемуся вниз

Анегарду, тот кивнул, махнул Гарнику.

— Я знаю, они караулы менять будут, — шепнул невесть как оказавшийся рядом рыжий Рихар. — С наших на королевские.

— Зачем? — не поняла я.

— Известно зачем, — буркнул рыжий. — Ты что думала, король свою драгоценную жизнь чужой охране доверит?

Вряд ли Анегарда обрадует такой поворот, подумала я. Как будто в его замке королю грозит опасность! Еще бы к мятежникам приравняли!..

— Ра-азойди-ись! Не-е толпи-ись! — к нам подошел королевский солдат, окинул оценивающим взглядом, подкрутил усы, подмигнул Анитке. Скомандовал развязно: — Так, бабоньки-девоньки, кто хочет свести знакомство, милости просим ночью, а сейчас — расходимся, расходимся! Обозу проезд нужен!

Анитка фыркнула, развернулась, мотнув косой, и ушла в кухню. Рихар презрительно сплюнул:

— Красавчики столичные! Много о себе воображают. Да, Сьюз! Чуть не забыл, господин Анегард велели твоего Рэнси на псарню забрать.

— Зачем?!

— Чтоб не покусал кого. А то вчинят безвинной собаке покушение на королевское войско, — мальчишка фыркнул.

— Он не покусает! Я не хочу!..

— Слушай, мое дело маленькое, мне сказали, я передал. Хочешь, иди сама с его милостью разбирайся.

— Уж будто ему до меня сейчас!

— Ну вот и не спорь.

Ладно, подумала я, не буду спорить. Просто не послушаюсь.

Рихар как будто мысли мои прочитал. Сказал проникновенно и настойчиво, как говорят заикающимся ребенку:

— Сьюз, он прав. Я знаю, мой отец был капитаном у господина Зигмонда, я помню. Так правда надо. Король в замке, не хухры-мухры.

Я подумала вдруг — зря я привыкла считать Рихара мальчишкой. Выглядит-то он на двенадцать, но Зигу тоже больше тридцати пяти не дашь, а ему триста с гаком. Нелюдская жизнь остается жизнью, просто так ее не перечеркнешь...

— Пойдем, — рыжий оглянулся на чужих солдат, — я провожу. И знаешь что, не ходи одна, пока эти здесь...

Я кивнула:

— Да, понимаю.

Рэнси скулил, когда я уходила, оставив его в вольере. Я и сама чуть не плакала.

Въезд короля я так и не увидела. Мало того, не успела в кухню вернуться, Лизетт тут же пристроила меня к делу. Ясно: высоких гостей и угощать нужно не абы как, и... в общем, работа для всех нашлась, за кутерьмой не заметили, как ночь настала. Да и толку в той ночи, ежели господа пировать изволят?

Хотя, даже если все дела невесть как вдруг оказались бы сделаны, никто и не подумал бы уйти спать. Правильно Рихар сказал: король в замке, не хухры-мухры! Хотя и посмеиваются мужчины над бабским да девичьим любопытством, нынче даже управителю оно казалось вполне простительным. А уж свободные стражники почти все к нам набились,

тем закончилось, что тетушка Лизетт лишних полотенцем выгоняла, как мух назойливых. Сквозь стук ножей, громыхание посуды и шкворчание мяса мы ловили рассказы Динуши и Анитки, помогавших подавать на стол. Король весь из себя важный, суровый, а кабы не знать, что король, так и глянуть не на что: сморчок сморчком! Ульфар от гордости аж надулся: от короля за два человека сидит, считай, вовсе рядом! И баронессу за стол позвали, вот и разбери, кто там мятежник, а кто в милости! То-то Анегард смурной весь, небось не такого ожидал... Отца-то, выходит, его величество в темницу бросил, а матушка и Ульфар, в указе мятежниками объявленные, за королевским столом! Оно конечно, не нашего ума дело, но все же...

Да уж, поражалась я, вот так новости! Не знаешь, что и думать. Бабушка качала головой, Лизетт неодобрительно поджимала губы. Но обе молчали, и я тоже не стала трепать языком. Девчонкам простительно, соплячки еще...

Под утро заглянул Терес, глянул на Анитку, спросил:

— Ну и как вам гости?

— Шел бы ты, парень, — устало ответила Лизетт. — Без тебя голова кругом. А хочешь, и красавицу свою забирай. Совсем она, бедная, уработалась, а здесь и не отдохнет.

— Ой, можно?! — Анитка подскочила к Тересу.

— Иди, — отмахнулась Лизетт. — Обратно можешь не торопиться.

— Правильно услала, — кивнула бабушка, когда Терес с Аниткой отошли достаточно далеко. — Попомни мои слова, гости проспят, ее первую спросят. А у них с Тересом-то серьезно, того гляди, к свадьбе дело повернет.

— Да уж ясно, — вздохнула тетушка Лизетт. — Еще не хватало нам здесь свары за девчонок.

Я тайком вздохнула. Не то чтобы мне так уж сильно хотелось замуж, но...

Выкинь из головы, Сюз! Будто тебе других забот мало...

Бабуля, как всегда, оказалась права. И часа не прошло, как в кухню заглянул давешний обозник. Ввалился, как к себе домой, подкрутил усы, подмигнул:

— Утро доброе, бабоньки-девоньки! Пожалейте усталого солдата, налейте хлебнуть! Всю ноченьку в карауле простоял...

Толстуха Берта сначала налила, а уж затем оглянулась на Лизетт. Та поджала губы, молча кивнула. Ох, выскажет! Потом, не при чужих...

Выпил, крикнул, обтер широкой ладонью рот. Спросил:

— А что ж вы, бабоньки-девоньки, гостям не рады?

— Почему не рады? Еще как рады, вона вы какие все из себя видные да статные, не чета нашим-то увальням, — Берта хихикнула. — Еще налить?

Солдат протянул толстухе опустевшую кружку:

— Налей, душа моя, окажи такую любезность. — Дождался, выпил, снова крикнул. Шумно вздохнул. — А только самых красавиц вы, бабоньки, попрятали! Вот вчера девчушка с вами стояла, с косой досюдова, — солдат чиркнул себя ладонью по заду и мечтательно закатил глаза. — Небось решили, такая краса не про нашу честь, а?

— Не про вашу и есть, — звонко выкрикнула Динуша.

— Цыть! — Лизетт отвесила дуре подзатыльник, повернулась к солдату. — И верно, не про вашу: жених у нее.

— И у тебя жених? — солдат нашел глазами Динушу.

— И у меня! — Динуша презрительно фыркнула. — Лучше ваших!

— Кому сказано, цыть! — Лизетт замахнулась полотенцем, Динуша, ойкнув, спряталась за бабушкину спину. — А ты, мил-человек, сам запомни и друзьям передай — женихам здесь всяким рады, да только чужих невест сманивать у нас не принято.

— Кругом облом! — усатый смешно всплеснул руками. — А ведь мы, бабоньки-девоньки, тоже не все при женах, кабы кто себе здесь невесту нашел, так не обидели бы. Это с "королевскими псами" лучше не связываться, они беспутные, кроме службы ничего и не знают, что из таких за мужья? А мы, обозная охрана, народ хозяйственный, степенный... — солдат вздохнул, поставил кружку на стол и вдруг чмокнул толстуху Берту прямо в губы. — Это тебе, душа моя, за ласку, одна ты меня тут пожалела-приголубила! Если еще и ты невеста — ей-же-боги, напыюся с горя!

— Я не невеста, — на этот раз хихиканью Берты вторило полкухни. А толстуха дождалась, пока солдат подкрутит усы и приосанится, и закончила: — Я уж год как жена!

Хохотали мы громко, и солдат с нами хохотал. Но когда ушел, Лизетт покачала головой и сказала:

— Ой, девчонки, глядите! С огнем играете!

— Ниче, теть-Лиз, — фыркнула сквозь смех Динуша. — Пусть не думают, что им тут все можно!

Ох, лучше бы Динушке не высовываться! Тетушка Лизетт проворно цапнула девчонку за ухо:

— А ну отвечай, негодница, ты с каких таких пор невеста? Ишь чего удумала, молоко на губенках не обсохло, а туда же, невеститься!

— Ай! Теть-Лиз, ну вы че! Ну я ж не всерьез!

— Не всерьез?! А ты знаешь, что таким шутить — Деву гневить? Знала я, что у тебя язык без костей, но не думала, что и в голове вместо мозгов труха соломенная!

Динуша вывернулась, отскочила за Берту. И выдала, высунув нос из-за ее широкой спины:

— И ничуть я не шучу! Вот вырасту, мы с Рихаром поженимся!

Так, подумала я. Зиговы ребятки нарасхват — интересно, сам-то он об этом знает?

— Рихар, — спросила я, — ты все про всех знаешь, правда, что у нас здесь "королевские псы"?

Рыжий так на меня посмотрел, словно это не он, а я триста лет по чашам и болотам сидела.

— Конечно! Это ж личный королевский отряд.

— А покажи!

— Да смотри себе, вон стоят, двери караулят.

Я оглянулась.

— Что, вот эти?!

— А ты думала, они вроде нас? — рыжий фыркнул. — Люди как люди, стража как стража.

И верно, ничего особенного не было в охраняющих вход в парадный холл солдатах. Разве что перевязь королевских цветов, синяя с серебром, и такая же отделка на камзолах. А сами... Правый вон вообще с таким пузом, небось трех шагов не пробежит, упыхается. А левый... левый... люди добрые, Зверина мать! Мне захотелось протереть глаза: слева стоял тот самый бродяга, Марти.

Он поймал мой взгляд, сказал что-то товарищу, подошел.

— Узнала? Ну, здравствуй.

Да уж, невпопад подумала я, узнать его мудрено.

— Я задолжала тебе "спасибо".

— Знаю.

— Ты... — моя рука нащарила амулет. — Я все думаю, может, тебе нужнее? Вернуть? У нас теперь, наверное, все спокойно будет.

Марти качнул головой:

— Оставь. Разве я чем-то тебя обидел, чтобы возвращать подарки?

Оглянулся на товарища. Бросил:

— Извини, служба.

И пошел обратно на свой пост.

— Спасибо, — сказала я вслед.

На следующий день король объявил, что намерен рассудить спор Лотаров и Ренхавенов, а заодно решить судьбу тех, кто уличен в мятеже. Ульфар ходил по замку свободно, улыбался довольной улыбкой победителя, как будто был уже оправдан. Даже — Динуша рассказала — спрашивал словно ненароком, кто такой ловкий учинил переполох в его лагере в первую ночь осады.

Неужели, думала я, королю так сложно разобраться, кто ему верен? Ладно, может, Ульфар и по ошибке в те списки попал, что с указом зачитывали, но уж наш-то барон точно ни в какие мятежи не вмешан!

— Хочешь поглядеть суд? — спросил Зиг.

Конечно, я хотела! Но ведь королевская стража и в дверях, и на лестницах, а в парадный холл не то что челядь — даже Гарника не пропустили! Не по чину, мол...

— Меня не приглашали, — оскалился заколдунец, — но я не гордый, обойдусь без приглашения. Хороших мест не обещаю, но важного не упустим.

— А почему ты Гарника не позвал? — спросила я.

— Гарник слишком на виду. Пусть он сейчас охраной и не командует, но отсутствие капитана заметят. — Добавил, помолчав: — А ты Анегарду сестра, имеешь право знать.

Мы прошли по коридору второго этажа, мимо баронских комнат — у дверей стояли двое в синем с серебром, я еще подумала: от кого охраняют? — и вышли на лестницу для слуг.

— Мило, — пробормотал Зигмонд.

— Ты о чем?

— О страже, — не вполне понятно ответил Зиг. — Ладно, попробуем по-другому. Пошли.

И побежал по лестнице наверх. Я заторопилась следом.

Мы поднялись на третий этаж, и заколдунец постучал в комнату Анегарда. Молодой барон открыл сразу же. Сказал, увидев Зига:

— Я думал, они...

— И они уже идут, — быстро ответил Зиг, — я слышу шаги. Впусти.

Анегард молча посторонился, Зиг втолкнул меня в комнату, буркнул:

— Понаставили псов... Сьюз, сюда, живо!

Втолкнул меня в спальню, бросил тихо:

— Удачи, Анегард. Если что, я буду рядом.

— Не надо никаких "если что", — Анегард чуть заметно качнул головой. — Лучше о Сьюз позаботься. А вообще, я не прощаюсь.

— Вот это правильно, — хмыкнул Зиг. Скользнул в спальню, прикрыл дверь — неплотно, оставив щель. Мы слышали, как стучали в покои Анегарда люди короля, как один из них отчеканил ледяным голосом:

— Анегард, младший барон Лотарский! Тебя ждет король.

И спокойный ответ Анегарда:

— Иду.

А еще я слышала, как бешено колотится мое сердце. И Зиг, наверное, тоже слышал: едва утихли шаги, взял меня за руку, сказал:

— Сьюз, вдохни и успокойся.

"Успокойся", легко сказать!

— Ну же, Сьюз, времени нет! Ты готова?

— Да, — прошептала я. Подумала: наверное, есть какой-нибудь тайный ход, и мы... Но Зиг, крепко взяв меня за руку, подошел к окну.

— Сьюз, ты храбрая девочка, другой я бы не предложил такого. — От слов Зига заledenело в животе, и по хребту пробежали ледяные мурашки. Что он надумал на этот раз?! — Обними меня крепко, закрой глаза и ничего не бойся.

Я оторопело уставилась на заколдунца.

— Ну же! — подстегнул он. Обхватил меня, прижал к себе. Ой, мамочка!

Я сцепила руки на его спине, уткнулась лицом в грудь. Вспомнилось вдруг, как нес он меня на болоте... теперь уж псиной не пахнет...

— Крепче держись.

Ощущение падения было коротким, но жутким. Я придушенно пискнула, но Зиг уже разжал руки, шепнул на ухо:

— Умница девочка... тихо, не шуми, тут стража за дверью... а может, и в комнатах кто есть...

Я почувствовала твердый пол под ногами и открыла глаза.

Мы стояли в незнакомой мне просторной комнате, у распахнутого окна. Второй этаж, отметила я. Булыжник двора внизу. Это что же, мы... Наверное, на лице у меня отразился весь ужас, который захлестнул меня, едва я представила, как Зигмوند, хмырь болотный, порхал над этим булыжником со мной в охапке.

— Кое-что еще умею, — чуть слышно рассмеялся Зиг. — Глупо было бы не воспользоваться.

— Где мы? — я огляделась, стараясь не обращать внимания на дрожащие коленки. Стол, жесткое кресло, два табурета, на одной стене — щит с гербом Лотаров, другая сплошь увешана оружием...

— Апартаменты его милости барона Эстегарда Лотарского, — сообщил Зигмوند. — Как лучшие покои замка, отведены его величеству. — Показал на дверь: — Там королевские псы стоят, уж не знаю, за какими бесами. Да ты видела. Хотел бы я знать, — нелюдь презрительно оскалился, — его величество и по нужде с охраной ходит?

За дверью протопали, я вздрогнула.

— Не бойся, это мимо. Так, а нам с тобой, кажется, туда, — Зигмوند кивнул на висящий напротив окна гобелен — старинный, выцветший, с почти уже неразличимым рисунком. —

Давай-ка глянем...

Стена за gobеленом легко отъехала вбок, Зиг подтолкнул меня легонько:

— Вперед, Сьюз.

Я скользнула в темную щель. Зигмонд дышал в затылок. После залитой светом комнаты здесь казалось темно; однако тьма не была непроглядной, скорее напоминая ранние сумерки. За спиной послышался шорох, я обернулась: мой проводник закрыл потайную дверь и с явным облегчением на лице повернулся ко мне.

— Не бойся, обратно через королевские комнаты идти не придется. Тут еще выходы есть, но сейчас возле них стражи полно.

— Это потайной ход? Куда теперь?

— Никуда, пришли уже. Сейчас... где-то тут... а, нашел!

В глаза мне ударил свет. В сплошной стене возникли вдруг щели, дыры, сквозные завитушки...

— Резьба, — объяснил Зигмонд. — Под нами галерея для стрелков.

— А это, — я провела ладонью по дереву, выглянула в щелку, — зачем?

Зиг ухмыльнулся, сказал со странной мечтательностью в голосе:

— Стрелки, девочка, могут быть и чужими. Вот как сейчас, например. Предки нашего Анегарда знали толк в обороне.

На галерее и впрямь стояли королевские солдаты. Растянулись редкой цепочкой, шагов за пять друг от друга.

— Они не знают? — спросила я.

— Откуда бы! Это места для своих.

Ну что же, пусть видно плохо, зато услышим все. Пока что снизу доносился неразборчивый гул ожидающей зрелища толпы. Неужели мы добрались сюда быстрее, чем Анегард?..

Я приподнялась на цыпочки, оглядела холл. Ох, ну и людей! Наверное, королевская свита — такие все важные, разнаряженные... Я поискала глазами дам, не нашла. Ну да, все-таки король на войну ехал... мятеж подавлять... наверное, здесь не просто свита, а бароны, командиры отрядов. Те, чьи войска сейчас рубят на костры наш березняк, пьют сваренную в замке Лотаров брагу и тянут в сено селянских девушек. Вот интересно, они ж королю верные, свои — а их все равно под прицелом держат. Я бы, наверное, обиделась.

— А король где?

— Под нами.

Значит, не увидеть. Жаль...

— Анегард, младший барон Лотарский, явился по слову короля!

Всего несколько минут назад я слышала этот голос, полный ледяной презрительной вежливости. Теперь я могла разглядеть и его обладателя. Мальчишка, даже младше Анегарда! Однако в плаще королевского герольда, с золотой цепью на шее. То-то о себе и воображает!

В зале настала тишина.

— Пусть его введут.

А это кто сказал, король? Вялый, тусклый, словно пылью припорошенный голос...

— Ваше величество... — Анегард поклонился, выпрямился. Мне показалось, я чувствую его — нет, не тревогу и тем более не страх! — напряжение. Готовность к почти безнадежному бою. Как тогда, на болоте...

Зигмонд приник к щели рядом со мной.

— Младший барон Лотар, клянитесь отвечать на наши вопросы честно и откровенно, без умолчания, лжи и клеветы.

— Клянусь.

— Хорошо. Вы знали, что ваш отец примкнул к заговору против нашей священной особы?

— Ваше величество, мой отец не участвовал в заговоре! Клянусь, он всегда был верен...

— У меня другие сведения. Впрочем, я готов предположить, что старший барон Лотар скрыл от вас свою измену. Однако как вы объясните присутствие здесь баронессы Йозельмы Лотарской, объявленной в розыск нашим высочайшим указом?

Анегард, похоже, ждал этого вопроса и ответил, не задумавшись и на миг.

— Матушка попросила убежища, и в отсутствие отца я не считал себя вправе ей отказывать. Однако я послал в столицу гонца с известием о местонахождении баронессы Лотарской, и объявил матушке, что судьбу ее решат либо ее супруг, либо ваше величество.

— Мы не встречали вашего гонца. Очевидно, он заблудился. Теперь припомните, получал ли ваш отец какие-либо письма перед своим отъездом?

— Нет, никаких.

— У меня другие сведения.

— Ваше величество! Вы можете допросить капитана замковой охраны, привратников: в замке не появлялось чужих с начала лета!

— Младший барон Лотар, вы не можете ручаться за каждого из своих людей. Есть множество путей для тайной переписки, и вряд ли вы столь наивны, что не можете придумать хотя бы одного, которым сумел бы воспользоваться ваш отец.

— Я не знаю о каких-либо письмах, — твердо сказал Анегард.

— Хорошо. В таком случае, как вы объясните отъезд вашего отца? Вас не удивила его поспешность?

— До нас дошел указ вашего величества, и отец считал, что его долг, как верного вассала, находится рядом с королем и защищать ваше величество. Медлить было бы преступлением.

— Что ж, старший барон Лотар и не медлил. — Мне показалось, или сухой голос короля и впрямь окрасился ядом? — С кем дружен ваш отец в столице?

Анегард задумался.

— Отвечайте же!

— Ваше величество, на моей памяти к нам не приезжали гости из столицы, исключая боевого товарища отца, барона Нимского, ныне покойного. Я пытался вспомнить, не упоминал ли отец каких-либо имен в разговорах...

— Вспомнили?

— Нет.

— Вот образчик редкой осведомленности! О взглядах отца вы не знаете, о сношениях его с мятежниками не знаете... Быть может, ваша матушка сможет ответить? Эй, кто там! Пригласите баронессу Лотарскую.

— Но...

— К вам, младший барон Лотар, у нас более вопросов нет, — оборвал Анегарда король. И добавил многозначительно: — Пока нет.

Анегард стоял перед королем бледный, и я не знаю, чего стоило ему не опустить голову под откровенно враждебными, презрительными взглядами. Все здесь, все, начиная с короля,

уже считали его виновным! Но...

— Ведь ему даже не дали оправдаться! Зиг, что же это, а? Его даже не выслушали!

От Зигмонда полыхало яростью.

— Зачем слушать, если нужно осудить? — прошипел он. — Или ты думала, короля волнует правда?

— Но это несправедливо!

— Справедливость, Сьюз, — не более чем сказочка для простого люда. Нет никакой справедливости.

— А что же есть?

Наверное, Зиг пожал плечами: я угадала слабое движение рядом.

— Право сильного. Королевская воля. Оммаж, присяга, договор вассалитета. Долг, дружба, любовь. Деньги, земли, власть. Много чего, Сьюз. Но, боги великие, только не справедливость!

И все же я еще надеялась. Надеялась, что наш король мудр и справедлив, что Зиг ошибается, пытаясь судить его по меркам своего времени — может, тогда и впрямь все было иначе? Наверное, это Ульфар оговорил Анегарда, но правда выяснится, не может не выясниться!

Вот только пора бы мне уже уяснить, что Зиг, хмырь болотный, всегда оказывается прав!

Баронесса явилась на королевский суд нарядная, в памятном мне с храмового дня алом платье, однако надменности в ней поубавилось. Склонилась перед королем:

— Умоляю ваше величество о снисхождении...

— Взгляните на меня, баронесса.

— Я не смею...

Тихий голос, умоляющий взгляд, — разве поверишь, что эта кроткая овечка способна строить козни? У, змеюка, дрянь лицемерная!

— Баронесса, мне доложили о вашем желании облегчить душу, это правда?

— Да, ваше величество. Увы, я всего лишь слабая женщина. Меня втянули... — жалобный всхлип прерывает речь, кружевной платочек промокает глаза. Ой, вот только не говорите мне, что она и правда плачет! — Простите, ваше величество! Я не должна была...

И баронесса картинно рухнула на колени.

— Встаньте.

— Ваше величество, я...

— Если вы раскаиваетесь, баронесса, если сожалеете о своем участии в заговоре против нашей особы, просто расскажите нам все без утайки. Право же, это куда действеннее, чем лить слезы. Мы обещаем учесть ваше раскаяние, баронесса.

— Да, — баронесса поднялась, незаметно оправила платье. — Да, ваше величество, я раскаиваюсь, глубоко раскаиваюсь! Мой муж... я всего лишь слабая женщина, а жена должна слушать мужа... мне надо было прийти к вам сразу, ваше величество, и...

— Баронесса Лотарская, вы говорили о вашем муже.

Даже я уловила в голосе короля нетерпение. А уж баронесса... поняв, что переиграла в своем раскаянии, Иозельма заторопилась. Вздохнула прерывисто, комкая кружевной платочек.

— Вот уже почти двенадцать лет, как я служу при дворе вашего величества. Разумеется,

за эти годы я не раз бывала в замке своего супруга, но я не считала возможным надолго отлучаться из столицы, и поэтому чаще муж навещал меня, чем я его. В последний свой приезд...

— Когда это было?

— Весной, — в голосе баронессы мне почудилась неуверенность. — Я помню, как раз черемуха цвела... Да, вскоре после празднования весеннего Хранителя.

— Хорошо, продолжайте.

— Так вот, в последний свой приезд мой супруг сказал, что желает серьезно со мной поговорить. Он отправил из дома слуг... запер двери... скажу честно, ваше величество, его приготовления меня испугали. Мой муж — суровый человек, временами даже жестокий. Ему опасно перечить...

— Продолжайте, баронесса.

— Он сказал... простите, ваше величество... он сказал, что трон занимает недостойный и ради сохранения исконных вольностей нужно... простите, ваше величество... нужно либо вынудить правящего короля считаться с привилегиями, дарованными нам его достойными предками, либо получить то же самое от другого. Он сказал, что пора уже прекратить смиряться с засильем выскочек, и...

— Это ее мысли, — прошептал мне на ухо Зиг. — Ее собственные, выстраданные. То, ради чего она и влезла в мятеж. Слышишь, как говорит? От всей души...

— Довольно, — оборвал пламенную речь король. — Мы поняли. И как барон Лотар предполагал, хм, вынудить?..

— Я должна была, в свое дежурство, провести неких его друзей через комнаты фрейлин на половину вашего величества. В большее меня не посвятили. Простите, ваше величество. Я глубоко счастлива, что мне не пришлось....

— Хорошо. Ваш сын, баронесса, знает что-либо о заговоре?

Я замерла.

— Полагаю, да. Анни всегда был дружен с отцом. Но, ваше величество, мой сын еще почти ребенок... умоляю, не судите его строго...

Ах ты, дрянь!

— Младший барон Лотар, что вы можете сказать в свое оправдание?

— Это ложь! — яростно выдохнул Анегард. — Ложь от первого до последнего слова!

— У меня другие сведения. Признания вашей матушки вполне соответствуют тому, что открыли нам прочие заговорщики.

— Сын мой, — взвыла баронесса, — покайся!

— В чем?! — кажется, Анегард просто не мог уже сдерживаться. Или не хотел? — В чем я должен каяться, матушка, в том, что мне повезло быть сыном лживой гадины?

— Младший барон Лотар, вы забываетесь.

— Ваше величество, будь моя мать мужчиной, я потребовал бы сейчас божьего суда. Но, быть может, баронесса выставит себе защитника? Я не вижу иного способа доказать...

— Младший барон Лотар, вам не нужно ничего доказывать. Нам все ясно.

— Но...

— Извольте молчать, когда говорит ваш король! Видят боги, мы сыты по горло оправданиями, доказательствами, уверениями и прочими словесами. Для своих лет, юноша, вы чересчур самонадеянны. Вам следовало бы брать пример с матери, а не с отца.

Анегард покраснел... побелел... вдохнул...

— Молчи, — яростно прошипел Зиг. — Молчи, придурок!

Мне показалось, взгляд брата на миг метнулся к нам. Как будто услышал... впрочем, кто знает... по крайней мере, Анегард промолчал. Зиг пошатнулся, отер лоб. Пробормотал:

— Боги великие, храните молодых дураков, ибо сами они себя охранить не в силах...

— Баронесса, — голос короля вновь потускнел, как будто вспышка негодования выпила его силы, — мы прощаем вас.

— Благодарю, ваше величество!

— Более того, мы не лишаем вас великой чести служить нашей особе.

— О... — Иозельма выдохнула нечто нечленораздельное, но, несомненно, верноподданническое, и изобразила поклон настолько глубокий, словно хотела бы растянуться ковриком у ног короля.

— Однако мы полагаем неуместным вовсе забывать о вашем участии в заговоре. Имейте в виду, баронесса, если вас *еще раз* ... как вы там изволили сказать? «втянули»? Так вот, если вас еще раз *втянут* во что-либо...

И этот голос показался мне пыльным, вялым и бесцветным?! Столько яда в интонациях я не слыхала ни разу в жизни. Даже баронессе далеко...

— Жизнью клянусь, ваше величество!

— Да, баронесса, именно жизнью. Следующий раз кончится для вас эшафотом.

Король умолк.

Какой-то страшный миг мне казалось, что я знаю следующие его слова, и будут они: "Как этот — для ваших мужа и сына". Думаю, и не только мне...

— Что же касается обоих баронов Лотарских...

Наверное, король специально медлил. Изображал задумчивость, а сам глядел в лица тех, кто стоит перед ним... не знаю, почему, но я уверена была: в эти мгновения он упивается своей властью. И, клянусь, я ненавидела его!

— Лотары, — теперь в пыльном голосе явственно звучала укоризна. — Старинный, прославленный род... столько заслуг перед троном...

Боги, молила я, спасите их, спасите Анегарда! Пусть хоть иногда, хотя бы в этот раз, справедливость все-таки будет!

— Барон, барон... если бы вы не упорствовали так в бессмысленном уже запирательстве... упрямство хорошо до определенных пределов, жаль, что ни вы, ни ваш отец этого не понимаете...

— Сейчас на колени и каяться, — прошептал Зиг. — Простит.

— Но он же не виноват!

— Вот именно... и тоже верит в справедливость. Кретин. Сам себя гробит.

— Что ж, младший барон Лотар, раз признавать свою вину вы не желаете...

Король снова умолк.

— Ну же, — шипел Зиг. — Последняя возможность!..

Наверное, Анегард тоже понял, что еще миг — и любые слова окажутся опоздавшими.

— Ваше величество, я прошу возможности делом доказать свою невиновность.

— А также заслужить прощение для вашего отца, не так ли?

Анегард сглотнул: прощение — это для виновных, согласиться, значит, признать... а нет...

Зиг выругался чуть ли не в голос.

— Да... ваше величество.

И снова — молчание, нарочито долгое. Да чтоб ты сдох!

— Хорошо. Пусть так и будет.

У меня вдруг ослабли ноги. Настолько, что пришлось сесть на пол. Затрясло, сами собой потекли слезы, и я закусила руку, чтобы не разреветься в голос.

— Что же касается тяжбы Лотаров и Ренхавенов...

Ох, неужели это еще не конец?! Представляю, каково Анегарду!

— Лотары виновны перед нашей особой, Ренхавен же доказал свою преданность. Тем не менее, тот путь, коим барон Ренхавенский пытался разрешить давний спор, мы считаем путем порочным и неуместным. Дразги между соседями множат смуту в королевстве, и поощрять их мы не намерены. Посему все останется как есть, дабы иные сделали надлежащие выводы и не пытались более решать имущественные разногласия силой оружия.

Хмыкнул что-то неразборчивое Зигмонд. Тишина внизу сменилась негромким гулом разговоров.

— Расходятся, — сказал Зиг. — Значит, король ушел.

Да уж, подумала я, вот так суд! Всем судам суд.

— Сюз... эй, Сюз, что с тобой? — Зиг наклонился, его пальцы коснулись моей щеки. Зашипел зло: — Нашла время рыдать! Вставай, уходить надо!

Вздернул меня на ноги, прислонил к стене.

— Чтоб через полминуты успокоилась, ясно тебе?

Я закивала. Вытерла слезы и сопли подолом юбки — благо, нелюдь как раз отвернулся, закрывая обратно тайные щели. Вздохнула как можно глубже. Теперь, без проникающего из холла света, сумрак показался мне почти непроглядным. Твердые пальцы Зигмонда капканом сомкнулись на моей ладони:

— Пошли. И ни звука, поняла?

Я шла за Зигом почти вслепую, и, тишина и сумерки тому виной, а может, просто усталость, но волнение, страх, напряжение с каждым шагом сменялись странной пустотой. Как будто вычерпали из меня все мысли, все чувства, до самого доньшка.

— Здесь, — прошептал заколдунец, останавливаясь. Приник ухом к стене. — Ждем. Садись пока, отдыхай.

Я прислонилась к стене. Потом села, положила голову на колени. Вздохнула.

— Имей в виду, начнешь реветь — убью, — свистящим шепотом предупредил Зиг. — За стенкой королевской швали до бесов, еще не хватало, чтоб...

Все хорошо, хотела ответить я, уже не зареву. Но горло будто сжало что-то, и я лишь кивнула, вовремя вспомнив, что Зиг-то меня прекрасно видит.

В пустую голову прокралась первая мысль: ставшее привычным в последние дни "что же теперь будет?". Ничего не будет, зло ответила я сама себе. Прекращай, а то ведь правда разреветься. Анегард пока еще жив, старый барон... отец... тоже. Пусть не оправдали и даже не помиловали, но могло быть хуже, верно?

Зигмонд сел рядом. Прошептал на ухо:

— Подождем еще немного. Вроде все прошли, но мало ли...

Я снова кивнула. Зиг положил ладонь мне на плечо, сжал легонько. Все будет хорошо. Ведь правда, все теперь будет хорошо?

Тишина и сумерки съедали время, я уже не могла понять, долго ли мы тут сидим, время к ужину или скоро утро... хотя нет, утро — это навряд ли, ведь выбираться отсюда, наверное, лучше всего ночью? Зиг шевельнулся, зашептал:

— Мы выйдем в коридор возле лестничной площадки. Вряд ли там до сих пор стража, но если вдруг... в общем, твое дело — молчать и не мешать мне.

Я поежилась. Лучше бы стража и правда уже ушла! Мне ничуть не улыбалось видеть, как заколдунец будет рвать горло королевским солдатам. Да и Анегарду такое на пользу не пойдет. Интересно, королю уже доложили, что у барона Лотара в замке нелюди живут?

Зигмонд встал, завозился у стены. Что-то противно скрежетнуло, Зиг ругнулся, прошипел:

— Сто лет не смазывали, что ли?! Или все триста? Ох, скажу я Анегарду!

Открылась узкая щель хода. Зиг выглянул, выдернул меня наружу; в следующий миг стена за нашими спинами вновь казалась цельной.

— Сюда! — не выпуская моей ладони, нелюдь сиганул через лестничную площадку. Я услышала шаги внизу, голоса:

— А я говорю, шумело!

— В ушах у тебя шумит, парень! Сменимся, выспись.

Не помню, как мы пробежали коридор до черной лестницы! Сердце бухало, а казалось — топчет сзади стража. Отдышалась лишь в закутке между первым и вторым этажом, когда Зиг остановился. Снизу слышались голоса — похоже, там гуляли чужие солдаты.

Ладонь Зига прошла по моим волосам.

— Все хорошо, — выдохнула я. — Правда.

— Знаю, — кивнул нелюдь. — Ты умничка. Только у тебя паутина в волосах была. Сейчас провожу тебя до кухни, а потом слетаю до Анегарда, узнаю, как он.

— Расскажешь потом. Я тебя подожду, все равно не смогу заснуть.

— Договорились.

— И передай... — я запнулась. Какие слова верно скажут обо всем, что я сегодня перечувствовала?!

— Что, Сьюз?

— Да нет... ничего не надо.

Зигмонд понимающе кивнул. Приобнял меня за плечи. Мы тихо сошли вниз, прокрались мимо двери, — по счастью, закрытой, — за которой чужие голоса горланили пьяные песни. Мимо кладовых, моечных и прачечных. И уже у самой кухни столкнулись со стражником.

— Кто здесь? — окликнул он, и я узнала голос: Марти.

— Ты чего, парень? — удивленно спросил Зиг. — Разве здесь теперь запрещено ходить?

— Смотря кому.

— Мы здесь живем вообще-то, — сказала я. Голос дрожал. Зиг сжал мою ладонь, проворчал:

— Да ладно, нельзя так нельзя, что мы, не понимаем, что ли? Раз король... Пошли отсюда, Сьюз.

Рука Зигмонда по-хозяйски легла на мои плечи. Мы прошли мимо королевского пса, и мне показалось — его взгляд прожег насквозь. Что-то он почуял, как пить дать, почуял! Но смолчал. Хотела бы я знать, почему?

До самого поворота к кухне я чувствовала между лопатками чужой взгляд. Боги великие, а если б нас наверху застали?!

— Ты спрашивала, почему я Гарника не позвал, — шепнул Зиг, остановившись перед кухонной дверью. — Еще и поэтому. Кого удивят мужчина и девушка в укромном уголке? А хорошо, Сьюз, что ты велела нам с Анегардом молчать! Баронской дочери и сестре не

вполне прилично разгуливать ночами в обнимку с непонятно кем, даже если этот непонятно кто и сам вполне благородного происхождения! Впрочем, моей вины перед тобой это, пожалуй, не умаляет.

Я аж икнула с перепугу.

— Хочешь сказать, теперь ты, как благородный человек, обязан будешь на мне жениться?

— Ну что ты, — оскалился Зигмунд. — Какой я, к бесам, благородный? Да и не человек к тому же.

Аскол, капитан "Королевских псов", не отличался быстротой мышления, зато славился поистине сутяжнической вьедливостью и дотошностью. Любой из его отряда предпочел бы самый опасный бой или даже десяток предрассветных караулов единственному взгляду капитана, ежели тот пребывал в настроении "а наведу-ка я порядок". С врагом проще: враг бьет, и ты бей, и тут уж — на чьей стороне сила и удача. А капитану в ответ на всегдашнее его нудилово по башке не заедешь: стой молча, гляди прямо, выслушивай неторопливые рассуждения о собственной неряшливости, безалаберности, несоответствии высокой чести служить в столь прославленном отряде... тьфу!

Тем чудней выглядело, что один из прославленного отряда, причем боец далеко не худший, с некоторых пор откровенно нарывался на выволочки. То перевязь наперекосяк, то на штанах пятно — будто не знает, что с таких-то вот мелочей Аскол пуще всего ярится! И ладно б новичок какой: щенков, как известно, учат! — так ведь нет, парень в отряде чуть ли не полтора десятка лет. С натурально щенячьего возраста, всю школу давно уж прошел, молодняку сопливому всегда в пример ставили, и сам король его по имени знает!

— Игмарт, бесы тебя язви, опять?! — морщился Аскол, когда бывшая краса и гордость королевских псов заявлялась на утреннее построение в виде настолько мятом, будто его корова пожевала и выплюнула. — Ты вообще соображаешь, что мы — личный отряд короля? Или забыл? Или решил, что твой вид в самый раз для королевских покоев?

Игмарт стоял молча, глядел прямо, не каялся, не оправдывался, и назначение на хозработы вместо почетного караула принимал как должное. Следующие несколько дней поводов к упрекам не давал. Но, бесы его язви, едва капитан вздыхал с облегчением и продвигал поганца в очереди на престижные посты у королевского кабинета или в тронном зале, как поганец снова являлся в виде совершенно непотребном! И отправлялся в очередную ночную стражу во дворе, а то и вовсе в позорный наряд по конюшне, дровяному складу или прачечной.

Подменили мне парня, бурчал Аскол. Вот как в разведку по мятежным замкам мотался, так и подменили: уходил аккуратист, а вернулся охламон какой-то непутевый. Может, влюбился где, да не в ту, в кого бы стоило? Вон и круги под глазами, и с лица осунулся, будто ни одной ночи с возвращения не спал толком.

Игмарта капитан любил как родного сына — а поди не полюби, когда тот мальчишкой к отряду притулился, у тебя на глазах вырос, науку твою перенимал истово? Не скрывал, зачем: сопляк-то из благородных, семью перебил у него на глазах родной дядя, отцов младший брат, и на чудом спасшемся малолетке теперь висела месть. Но чтобы мстить, нужно вырасти и научиться драться, а чтобы не просто отомстить, а доказать право на утраченное наследие, нужно служить королю. Так что королевские псы были для Марти самым подходящим местом, и дорожил парень своей службой почище любого другого.

И чтоб вот так рисковать королевской милостью из-за криво напяленной перевязи или не стираных штанов?!

До того уж дошло, что Аскол мага на помощь позвал. Пусть, мол, знающий человек глянет, может, в чары какие парень вляпался, пока с королевским поручением по стране мотался? Ворожбу приворотную подцепил, с менестрелями случается, а то и чего похлеще?

Маг, мэтр Гиннар, похвалил, что позвали именно его, а затем капитана и прочих

сочувствующих выгнал: ежели и впрямь чары снимать придется, чем меньше вокруг народу ошивается, тем проще. Убирайтесь, сказал, подальше — вон, хоть в таверне подождите. А казарма чтоб пустая стояла.

Ну, подождали. В "Бездонной кружке" чего ж не подождать? Посмеялись над бедолагой Марти: парень так не хотел один на один с магом оставаться, едва за руки уходящих товарищей не хватал. Кто бы мог подумать, что отчаянно бесшабашный Игмарт безобидных целебных чар боится! Пива с бочонок выдули, потрындели о магах, чарах, несчастливых влюбленностях и прочей ерундистике. Гиннар пришел, и ему налили.

— Спит ваш парень, — сообщил капитану достойный мэтр. — Вы его покуда не трогайте. Повозиться пришлось...

Оно конечно, любой маг эдак бы сказал: когда за работу денежка светит, самый распоследний дурень ту работу преувеличит, а среди магов дурней не водится. Однако Гиннар и впрямь, похоже, ворожил, и сильно: кружку ко рту подносил, руки тряслись, едва пиво свое не расплескал.

Выпил, крикнул. Кивнул благодарно.

— Так что с парнем-то? — спросил Аскол.

— На то похоже, — степенно отвечивал маг, — что сильно он кому-то хвост прищемил. Чары на нем были, правильно ты, капитан, меня позвал. И не любовные чары, не приворот, — порча самая что ни на есть настоящая. Вот скажи, кстати говоря, на кошмары твой парень не жаловался?

— Нет, — Аскол вздохнул. — Вообще ни на что не жаловался, молчал больше. Я ж говорю, как подменили... Снял ты чары-то, почтенный мэтр?

— Снять снял... налей еще, Аскол... спасибо. Снять, говорю, снял, однако как дальше дела пойдут, сказать не рискну. Сильный кто-то работал. Враг у твоего парня, видать, завелся, да такой, что крепко на него обижен и сил на месть не жалеет.

— Да у него такой враг... — фыркнул Аскол.

— Давно? — мэтр понимающе улыбнулся. — Значит, и вопроса тут нет.

— Так ведь раньше все ладно было...

— Значит, раньше не было способа поворожить, а тут вдруг появился. Ты расспроси, когда он с тем врагом последний раз сталкивался?

— И верно, — Аскол почесал в затылке, — мог...

— Ну вот видишь. Ты, Аскол, ежели еще какие странности за парнем заметишь, сразу меня зови. Мало ли, как оно повернется...

— Спасибо, почтенный мэтр! — Аскол выложил на стол перед магом кошель с оговоренной суммой и налил еще пива.

Когда Аскол, ободряюще кивнув, плотно закрыл за собой дверь казармы, Игмарту показалось, что захлопнулась крышка его гроба.

— Наглец, мальчишка, — маг шагнул к королевскому псу, и тот отшатнулся: показалось вдруг, что за плечами мэтра Гиннара маячит источающая могильный холод зыбкая тень. — Ты кого обмануть хотел? Меня обмануть хотел? Забыл?..

Марти ожидал боли, но крика сдержать все равно не сумел. Гиннар хмыкнул довольно, когда королевский пес рухнул перед ним на колени; а Игмарту, сквозь боль, стыд и ненависть, обожгла вдруг надежда. Ведь здесь столица, не лес глухой, и свои — вот они, рядом, всего-то за стенкой! Аскол навряд ли успел далеко уйти, он может услышать!

Услышать и вернуться... Аскол, вернись, пожалуйста...

Но капитан не возвращался, и по виду Гиннара ясно было, что клятый маг обезопасил себя от лишних свидетелей. Наплел, небось: ворожба серьезная, орать будет — не берите в голову, так и надо...

— Ты слишком быстро забыл, щенок, какова власть богини, — прошипел Гиннар.

В следующий миг боль стала настолько острой, что мысли вышибло из головы. Внешний мир исчез, сжался в расплавленный комок, захлебнулся огнем и могильной стынью... но багровая тьма небытия, вожденная, манящая, дразнила издали, не даваясь в руки, и сквозь собственные хриплые вопли Марти отчетливо слышал полный удовлетворения голос проклятущего мага:

— И не надейся сдохнуть. Не выйдет. Будешь жить и служить, и делать, что прикажу.

Пытка длилась ровно до того мгновения, пока Марти мог хоть как-то осознавать происходящее. Едва тьма приблизилась вплотную, как все кончилось. Остались только гладкие доски пола под щекой, терпкий запах пыли да смутные цветные пятна, плавающие под закрытыми веками. И ненавистный голос:

— Неужто ты впрямь надеялся так просто ускользнуть от нашего договора? Не-ет, Игмарт. Уж поверь, когда придет нужный нам день, я сумею обеспечить твое присутствие рядом с королем. И уж тем более — исполнение приказа. А будешь фордыбачить — только себе хуже сделаешь. Кстати говоря, тебе ведь Ульфар обещал кой-чего? Не за бесплатно ведь рискуешь, королевский пес... так вот, на первый раз я ему не скажу, что ты с поводка сорваться пробовал. Ренхавен прав, за страх и за сладкую косточку служится веселей, чем просто за страх. Так что думай почаще о своей косточке, будущий барон Герейн.

Маг не отказал себе в удовольствии пнуть лежащего под ребра. Уронил брезгливо:

— Сейчас ты встанешь, умоешься, разденешься и ляжешь спать. Проспишь до завтрашнего вечера. Когда проснешься, скажешь, что тебе было худо, но теперь лучше. Скажешь... Герейна встретил, скажешь, едва удрал — так ведь и было, верно? А вскоре после того и начались с тобой все эти странности. — Гиннар обронил смешок. — Что, кстати говоря, тоже чистая правда. Видишь, и врать не придется. Всего лишь сказать ту часть правды, которая годится к случаю... И начнешь следить за собой, как у вас положено, чтоб никаких нареканий! Ясно?

— Да, — выдохнул Марти. Он еще помнил, слишком хорошо помнил, что на вопросы Гиннара — по крайней мере, на *этот* вопрос, — лучше отвечать.

— То-то же.

Мэтр неторопливо прошелся туда-сюда, остановился перед самым лицом Марти, покачиваясь с пятки на носок; туфли из дорогой кожи чуть слышно поскрипывали, посеребренные пряжки мерцали ласковым матовым блеском.

— Ты больше не станешь уклоняться от караулов во дворце. Понял?

— Да.

— Вставай. Сеанс лечения, — Гиннар ухмыльнулся, — окончен. Надеюсь, обойдется без рецидивов. Ради твоей же пользы.

Развернулся на каблуках и вышел.

На сей раз хлопок двери показался Игмарту самым прекрасным звуком на свете. От счастья расплакаться впору, съехидничал в собственный адрес королевский пес и, пошатываясь, поплелся к умывальнику. В полном соответствии с приказом Гиннара, бесы б его драли через три колена.

"Все, что здесь произошло и произойдет, все, что ты сейчас узнал и еще узнаешь, все наши приказы и запреты — тайна. Ты не расскажешь о ней, и не напишешь, и не намекнешь, и не станешь отвечать на вопросы, если твои ответы, правдивые или лживые, смогут выдать эту тайну или хотя бы намекнуть о ней.

Ты не попытаешься вызвать какие-либо подозрения на твой счет, дабы тебя допросили, или заперли, или отослали. Ты не попытаешься сказаться больным или же взаправду заболеть, покалечиться или навредить себе еще каким-либо образом.

Ты не будешь добиваться нашей смерти или еще какого-либо вреда и ущерба для нас, ни самолично, ни чужими руками".

Игмарт помнил поставленные Гиннаром условия. Слишком хорошо помнил. Будто не маг, а сама богиня в память впечатала. Казалось, нашел лазейку: вынуждать Аскола из раза в раз отправлять его вместо дворцовых караулов навоз грести или воду таскать почтенный мэтр запретить не догадался, а беспорядок в одежде никак нельзя было отнести к "заболеть, покалечиться или навредить". Но... эх, угораздило же капитана из всех столичных магов позвать именно этого!

Ничего, упрямо пообещал себе королевский пес. Если сейчас мне кажется, что больше лазеек нет, это вовсе не значит, что их и в самом деле не осталось. Надо думать. Надо искать.

Он очень смутно помнил, как добрался до своей койки. Рухнул поверх одеяла, закрыл глаза. В багровой тьме плавали цветные пятна. Начало знобить. Пришлось вытягивать из-под себя одеяло, укутываться — до самых ушей. Укрывшись, Марти по-детски свернулся клубочком и наконец-то заснул.

* * *

Известие о провале подготовленного Вильгельмой покушения и о разгроме мятежа барон Ренхавенский получил, что называется, из первых рук. Золотоволосая принцесса прискакала в замок Ульфара глухой ночью, обложила в три колена стражу за сон на посту, привратников за нерасторопность, конюхов за непочтительность, и рухнула в обморок на руки выбежавшего на шум хозяина. Что ж, зло подумал барон, этого следовало ожидать. Гаутзельм, его хитромудрое величество, сработал четко. Сам Ульфар в отправленном королю письме обошелся почти без подробностей: мол, у мятежников не слишком-то в доверии, что мог, то разузнал, а вместо остального — уверения в преданности. Но ведь было еще донесение Игмарта...

Мысль о королевском псе, как ни странно, барона взбодрила. План Вильгельмы провален? — что ж, тем лучше, потому что план Ульфара Ренхавена непременно принесет победу! Вильгельма будет обязана короной лишь ему, ему одному, а не своре наглых прихлебал! И не только короной, — еще и спасением. Видят боги, все складывается как нельзя лучше.

Благородный барон Ренхавенский с некоторым усилием отогнал видение блестящих перспектив и кликнул служанок. О внезапной гостье следовало позаботиться.

Разговор состоялся ближе к полудню, когда беглянка в достаточной мере пришла в себя. Едва приставленные к высокой гостье служанки доложили хозяину, что ее высочество изволило принять ванну, подкрепить силы вином пополам с бодрящим зельем и потребовать обед, Ульфар поспешил к принцессе.

— Ты уже слышал? — Вильгельма подняла взгляд навстречу любовнику. — И твои люди тоже?

— Я догадываюсь, — ответил барон. — Новости до нашей глуши ползут долго... к счастью. Нет, госпожа моя, ни я, ни мои люди ничего не слышали. Расскажешь?

— Что рассказывать! — в голосе Вильгельмы слышались злые слезы. — Ты был прав, королю донесли! А что не донесли, до того он сам додумался, хитрый бесов сын! Он подстроил нам ловушку, и мы в нее вляпались, как... как... боги, да что говорить, как самые что ни на есть наивные простачки! Все кончено, все...

Вильгельма подавила рыдание, резким взмахом ножа оттяпала кусок печеного окорока и впилась в него зубами.

— Ешь пока, — сочувственно предложил барон Ренхавенский. — Ешь и слушай, я же знаю, о чем ты первым делом спросишь.

Принцесса кивнула, не прекращая жадно жевать.

— Твой конь совсем плох. Гнала, не жалела? О нем, конечно, позаботятся, но если ты хочешь бежать, придется брать другого.

— Дашь? — сглотнув, спросила Вильгельма. За коротким вопросом легко угадывался второй: "Или купишь королевскую милость, выдав главную заговорщицу палачам?"

— Двух дам, — спокойно ответил Ульфар. — А про твоего, если что, скажу, приблудился. Или, если боишься такой след оставлять, бери и его с собой. Налегке, пожалуй, выдержит... хотя я бы не советовал.

Вильгельма отрезала еще кусок мяса, потянулась к вину. Ульфар, опередив, наполнил бокал. Помедлив мгновение, налил и себе.

— Куда ты теперь? К Орзельму?

Принцесса замялась.

— Не хочешь, не говори, — пожал плечами Ульфар. — Если тебе теперь в каждом будет предатель мерещиться...

— Я...

— Но, извини, не обижайся, если я не смогу быстро тебе сообщить о *переменах*.

— О чем?..

— Видишь ли, Вильгельма, — барон разлил еще вина, расчетливо выдерживая паузу, — у меня остался один не разыгранный козырь. Очень может быть... да, очень... что нам все-таки потребуется новый король. Видишь, я тебе доверяю. Но если ты не желаешь, чтобы твои друзья могли тебя найти... что ж, дело твое.

Думай, принцесса. Жизнь или корона? — один раз ты уже поставила все на кон, тебе ли трусить, когда боги дают еще один шанс? Кем ты будешь у Орзельма — приживалкой у ступеней чужого трона? Да и не сказано, что вчерашний союзник завтра не выдаст тебя победителю. Тебя поддерживал, пока надеялся на снижение пошлин, но теперь — захочет ли терять ту малость, что имеет при Гаутзельме? В конце концов, он обоим вам дядя.

— К Орзельму, да, — выдохнула принцесса. — Я знаю, Ульфар, ты мне друг... быть может, единственный друг. Я буду молить всех богов за тебя и твой козырь. И если... тогда — проси, чего хочешь!

— Кроме короны, — улыбнулся барон. — Твою любовь, госпожа моя. Ну и, быть может, еще кое-что...

— Мою любовь ты можешь получить хоть сейчас. Она твоя, ты ведь знаешь. — Вильгельма встала, потянулась соблазнительно, бросила взгляд на двери спальни. — Только сначала отдай распоряжение насчет коней и припасов в дорогу.

— Конечно, госпожа моя.

Лишь за дверью Ульфар позволил себе улыбнуться. Пусть любовь синеглазой принцессы так же лжива, как его собственная, — трезвый расчет куда вернее чувств. Все складывается замечательно. Просто превосходно.

* * *

Взгляд Аскола obeжал строй, чуть задержавшись на Игмарте. Парень выглядел безупречно. Вот только...

Тоска в глазах никуда не делась.

— Ты как, Марти?

— Хорошо.

И голос — никакущий. Нет, непорядок с парнем... чего-то Гиннар недоделал, недотянул.

— Может, отдохнешь день?

— Как скажете, капитан.

Тьфу, бесы тебя язви! Со всеми твоими врагами и всеми магами заодно! Или ты страдать вздумал, задним-то умом? В виноватого играть?

— Ступай в казарму. Освобожусь, поговорим.

— Слушаюсь, капитан.

И пошел-то, как на параде. Образцово-показательный манекен. Чучело. Ну, ты ж меня только дождись!..

С утра капитану личного королевского отряда не так просто освободиться. Караулы развести — полдела, и приказ на день получить — невелика морока, его величество только с интриганами придворными в задумчивость играет; но есть же еще повара, прачки, конюхи и прочая обслуга! Интендант, три сотни бесов ему в печенку!! Казначей!!! Щенки сопливые мечтают до капитана дослужиться, думают — слава, королевское благоволение, бои, победы и прочая тому подобная дребедень. Как же! А счета проверять не хотите ли? Ругаться о недостатке, выбивать задержанное жалованье, первым успевать на конские и оружейные ярмарки, да еще, будто всего этого мало, вправлять мозги остолопам вроде Марти? Иногда Аскол очень хотел перенестись каким-нибудь чудом лет на пятнадцать назад. Заснуть, скажем, и проснуться молодым, глупым, беззаботным и, главное, снова в рядовых... счастье!

Но подобного счастья капитану королевских псов не светило, а потому ближе к полудню он шел в казарму, намереваясь встряхнуть из Марти дурь. Порчу маг снял, за все безобразия, что парень себе позволял, винить следует не его, а чары; так чего ж теперь-то страдать? Плюнул, забыл и пошел служить! Нет, он повиноватиться решил, бестолочь! "Слушаюсь, капитан", "Как скажете, капитан"... ну так я ж тебе скажу! Много чего скажу...

Марти сидел на кровати, уставясь не то в стену, не то вовсе в никуда. Такой взгляд, отсутствующий и напряженный сразу, капитану случалось видеть у своих людей перед штурмами, дуэлями, опасными вылазками, — но не вот так, ни с того ни с сего. Что-то тут нечисто, подумал Аскол. Но высказывать мысли не стал. Пинком придвинул табурет, сел напротив, велел:

— Рассказывай.

— Что рассказывать? — тускло спросил Марти. — Я же все рассказал уже... когда Гиннар ушел...

Аскол поморщился.

— Гиннар сказал, порчу с тебя снял. А ты снова сам не свой. Что, соврал чароплет?

Игмарт неопределенно повел плечом: не мне, мол, судить. А капитан подумал снова: нечисто дело. Парень-то глаз не поднимает. Что-то знает он, знает, да сказать не хочет!

— Вот что, Марти. Я тебя, засранца, больше десятка лет знаю, и невинной рожей ты от меня не отделаешься. Или ты сейчас же расскажешь, что с тобой еще, кроме той порчи, творится, или...

— Или, — чужим равнодушным голосом подхватил Игмарт, — останусь жив.

Будь у беседы свидетели, или пребывай Марти в обычном состоянии духа, эта сцена наверняка вошла бы в историю славного отряда. Так эффектно, тремя словами, заткнуть настроенного на разбирательства капитана не удавалось еще никогда и никому. Аскол, осекшись, молча глядел на Марти, а тот медленно, сквозь зубы, выдыхал, — и капитан понял вдруг, что парень и после этих-то невинных слов ждал для себя чего-то весьма неприятного.

Ты полагал, капитан, что дело тут нечисто? Так вот, ты ошибался. Все еще хуже.

Аскол, конечно, не отличался быстротой мышления, но завистники, за глаза честившие его тупым служакой, псом, за которого король думает, сильно ошибались. Думать капитан умел, и весьма основательно.

— Та-ак, — протянул, наконец, капитан. — Выходит, ничем тебе Гиннар не помог. И объяснить ты ничего не можешь.

Игмарт молча прикрыл глаза.

— Хотел бы я знать... — Когда Аскол говорит таким голосом, невольно отметил Марти, жди трупов. Верная примета. — Очень я хотел бы знать, почтенный мэтр просто на деньги нас развел, или...

— А он вам не говорил, прежде чем меня... лечить... — Если Гиннар правда следит, подумал Марти, и мой вопрос сойдет за намек, будет весело. И все сразу станет ясно. И, бесы меня дери, почему бы нет? Тоже выход. — Не говорил, скажем, на крики внимания не обращать? Отойти подальше, под дверью не слушать, в окна не заглядывать?

Капитан глядел на Игмарта, и на лице его медленно, но верно проступали понимание и ужас. Марти вцепился пальцами в край кровати — аж костяшки побелели. Пойми же! Догадайся! Кто угодно пусть тебя тупым считает, но я-то знаю!..

— Так он...

Марти вздрогнул, напрягся.

— Чего ты?

Королевский пес едва заметно мотнул головой: ничего. В голове билась единственная мысль: получилось? Сумел? Боги великие, неужто сумел?!

— Та-ак... Да не трясись ты, язви твою душу, понял я уже, что кое о чем лучше помалкивать! Главное понял, а чего нет... жаль, что рассказать не можешь, ну да не так уж

это и важно. Прорвемся. Погоди, дай подумать.

Аскол вскочил, заметался по казарме. Игмарт глядел, как тот хмурится на ходу, то убыстряя, то замедляя шаги, как знакомым жестом трет подбородок — те, кто знал капитана достаточно хорошо, именно по этому жесту определяли, что мысли его заняты какой-нибудь сложной задачей. Глядел, и ощущал явственно, как разжимает тиски ставшее уже привычным отчаяние. Он сумел. Он теперь не один. Капитан наконец-то понял, наконец-то затеял этот разговор... И уж кто-кто, а капитан точно что-нибудь придумает!

Наверное, именно от облегчения у Марти начали дрожать руки. Он сжал кулаки. Потом обхватил себя руками. Прикрикнул мысленно: да что ты, как маленький! Мало тебе позора, еще тут в лужицу сейчас расползись!

Капитан остановился перед ним — как видно, что-то надумал. Ну же?..

Две взгляда встретились: один напряженный до боли, другой отрешенно-рассеянный.

— А ты ведь парень изворотливый... была бы лазейка, так нашел бы... Ну ладно, поглядим еще! — Аскол тряхнул головой — и замер, столкнувшись со взглядом Марти.

Боги великие, сколько отчаяния в глазах! А ведь он что и делал, все это время! Именно что лазейку искал! Чуть ли не в голос тебе кричал: помоги, капитан! А ты...

Аскол едва не застонал от досады. Чем раньше думал-то?! Мог бы сообразить — ведь парень не то чтобы совсем на службу плевать стал, а только от дворцовых караулов увиливает! И как увиливает — из взысканий не вылезая! Это ж он, как мог, сигнал давал — нечисто дело!

Ну да. Ты и сам так решил — нечисто дело. И позвал мага. И, по всему виду, как раз того самого мага, которого звать ни в коем случае не следовало. Угораздило... что, капитан, псам своим отец родной, стыдно? Мало тебе, дубине. Ты перед парнем ой как виноват.

— Что ж мне с тобой делать-то...

— Что, что... — Игмарт сглотнул. Продолжил, обмирая от собственной наглости: — Мне тебя учить короля охранять, капитан? Сам понять должен... теперь-то...

Улыбнулся криво: Гиннар-то, похоже...

Додумать не успел.

Бог весть, то ли Гиннар и впрямь только теперь понял, что Игмарт чуть ли не в открытую его выдает, то ли не так пристально следил, как грозился? Или чем другим занят был, поважнее? Или предпочел сначала подумать, а потом уж нанести удар? Но оказалось, что власть мага велика и на расстоянии — и, хуже того, что властью своей почтенный мэтр умеет пользоваться.

А самое плохое — что оказался мэтр Гиннар отнюдь не таким дураком, как надеялся Марти. На сей раз маг обошелся без показательных жестов. Просто застыла кровь в жилах, скованная могильным холодом. Поплыли перед глазами, завихряясь, багровые пятна. Шепнул в уши ненавистный вкрадчивый голос: "Не думай, щенок, что я отпущу тебя так просто".

Аскол и не заметил ничего. Слишком занят был капитан королевских псов, укладывая в голове очевидный факт: не по безалаберности, не по дури молодой Марти на взыскания нарывался. Рядом с королем оставаться не хотел. Значит, за себя ручаться не мог. Ох, мальчик мой... да ведь за одно такое подозрение я тебя убить должен! Молча и сразу. Потому что ты прав, безопасность его величества прежде всего, и каждый из нас без раздумий и колебаний за короля жизнь положить обязан. Свою ли, чужую...

И ты, мальчик мой, прекрасно это знаешь. Не потому ли белей первого снега вдруг

стал?

"Сейчас ты не можешь двинуться. Даже вдохнуть не можешь глубже, чем я позволю. И как ты думаешь, щенок, разве я не могу сам двинуть твоей рукой? Сам направить удар? Сделать тебя, от нынешнего дня и до нужного мига, послушной куклой? Да, это сложно. Да, мне придется забросить все другие дела. Но я могу. И тогда, точно так же исполнив нашу волю, вместо награды ты получишь то, от чего хотел уйти. Смерть от руки Герейна. Так что не пытайся нас предать, глупый щенок из королевской псарни. Ты ничего на этом не выиграешь".

Ну, убивать я тебя, предположим, не стану. И объяснений больше требовать не стану. Гиннара на выстрел к тебе не подпущу, и тебя ко дворцу — тоже. Оно бы, конечно, другого мага позвать, но... нет, ну их, магов этих, как еще чары на чары лягут. Сам за тобой пригляжу. Один раз уже вышел дурак дураком, дальше поумней буду.

"Запомни, это был последний раз, когда ты так легко отделался. Еще одна попытка — и сдохнешь Герейну на радость. После того, как принесешь нам победу... ту победу, плодами которой и у тебя пока что есть надежда воспользоваться".

— Ладно, парень. Хорошо тут сидеть с убитым видом. Могу пообещать, если хочешь... хотя о чем я, просто учти. Если ты мне вдруг на какое поручение скажешь: "Спасибо, капитан, я только об этом и мечтал", — я пойму, что крупно ошибся и тебя от этого поручения лучше держать подальше. Доволен?

Марти не ответил. Не кивнул даже. Только вздохнул — глубоко, как будто какое-то время не дышал вовсе.

— Да, вот еще — оружие сдай мне.

Марти потянул через голову перевязь.

— И за что ты меня, капитан, так любишь? Кого бы другого...

Аскол понял недосказанное. Буркнул, собирая в охапку Игмартов арсенал:

— За то и люблю. Остолоп, бесы тебя язви...

* * *

Проводив опасную гостью, его милость барон Ренхавенский тут же сел за письмо другой женщине. Эта другая слыла столь же красивой, как принцесса, и столь же — если не более — опасной, вот только бежать ей, по представлениям Ульфара, было некуда. До сей поры она пребывала в весьма натянутых отношениях с Ренхавеном — что ж, самое время сделать шаг навстречу.

"Любезная баронесса, я полагаю вас ныне в немалом затруднении. Уверен, вы, при вашем уме, здравом смысле и поистине мужской воле к победе, прилагаете все усилия к спасению. Однако смею думать, что ничья помощь в столь запутанном деле не будет для вас лишней. И, хотя род вашего мужа не относится к тем, кого я могу назвать своими друзьями, оставить в беде женщину ваших достоинств я полагаю недостойным благородного человека.

Позволю себе, любезная баронесса, дать вам совет. Навестите ваших детей, им не помешает сейчас материнское руководство. К сожалению, их отец слишком опрометчив, горячность и резкость суждений легко доведут его до беды. Вести из столицы непременно

сорвут его с места, и достояние ваших детей останется без должного надзора. Разумеется, ваш сын достаточно взрослый, однако вам ли не знать, сколь сильно его характер повторяет отцовский и сколь велика вероятность, что юноша вслед за отцом ввяжется в неподобающие его возрасту и положению авантюры. Вы, как женщина высоких достоинств, наверняка согласитесь, что юношеская горячность нуждается в направляющей руке. В некотором роде мы с вами, любезная баронесса, решаем сейчас одну и ту же задачу и ищем победы в одном и том же бою: кому понять мать повзрослевшего сына, как не отцу почти взрослой дочери!

Вы можете счесть, любезная баронесса, что я перехожу границы приличий, но поверьте, виной тому одно — искреннее желание видеть вас благополучной. Непременно заезжайте в гости, ведь мы с вами соседи, а соседи должны помогать друг другу".

Ульфар задумался. Он достаточно знал баронессу, чтобы не сомневаться: между строк она прочтет все недосказанное и многое из того, что у самого Ульфара пока что даже в мыслях не оформилось окончательно. Но предсказать ее решение не взялись бы, пожалуй, даже боги.

Что ж, так даже интереснее. Ренхавен и сам не из тех, что ходят лишь прямыми тропами, ему ли бояться иметь дело с равными по уму и хитрости! А пока баронесса будет искать все смыслы и все слои в его письме... Барон ухмыльнулся, запечатывая послание. Дела не ждут! Сейчас, пока внимание и помыслы всех мало-мальски значимых людей прикованы к событиям в столице, самое время...

Размышления прервал слуга:

— Ваша милость, там... говорит, ваша милость его ждете...

Тьфу, пропасть! Стоило брать сопляка из дальней деревни, чтобы слушать эдакое меканье? Стоило, скривился Ульфар, пацан благодарен господину истово, до одури, и служить будет... ладно, щенков учат!

— Кто, дубина?

— Говорит, Риг Меченый... ваша милость, говорит, его на службу...

— Понял, сейчас выйду, — отмахнулся Ренхавен. Сопляк, неловко поклонившись, попятился к дверям. — Стой.

— Да, ваша милость?

— Запомни, — ледяным голосом отчеканил Ульфар, — трусы мне без надобности, а косноязычные полудурки — тем более. Кто бы ко мне ни явился, хоть бес на помеле, хоть король, хоть сам Великий отец, ты обязан доложить четко, внятно и по существу. Понял?

— Д-да...

— Ты служишь барону Ренхавену! Понял? Ты. Служишь. Барону Ренхавену. Мне.

— Понял, господин!

— То-то же. Проваливай и скажи Меченому, что сейчас буду.

Когда сонная одурь далеких от столицы земель взрывается новостями, люди склонны либо преуменьшать истинное их значение, либо преувеличивать. Оверте и окрестности явно пошли по второму пути. Впрочем, чего ждать, если сразу двое из окрестных баронов объявлены заговорщиками? Когда старый Лотар дернул в столицу, прихватив почти всех своих людей, Ульфар лишь кивнул довольным: все идет, как и предполагалось. Теперь, ежели баронесса впрямь так умна, следует ждать от нее вестей. В том, что благородная Иозельма сумеет отвертеться от назойливого внимания королевских палачей, вряд ли стоило сомневаться.

А пока что самое время проверить на прочность лотарова щенка. Пожалуй, Меченый достаточно выдрессировал отданный под его руку десяток, чтобы наконец заняться делом.

Ждать в бездействии барон Ренхавен не привык. Пока нельзя влиять на столичные расклады, можно уделить внимание обустройству и приращению собственных земель. Право же, дразга Ренхавенов с Лотарами длится достаточно долго, чтобы наконец-то ее решить.

Решить в пользу сильного.

Гонец застал Ульфара во дворе замка, вернувшимся с объезда ближних деревень: изменившиеся планы требовали набора ополчения, а мужика, известно, с места стронешь не раньше, чем он сено скосит да поле уберет. Вот и приходится подгонять, манить грядущими выгодами, стращать хозяйским гневом. И надеяться, что десяток Рига Меченого сделает тем временем свое дело...

Не слезая с коня, барон Ренхавенский развернул письмо.

"Любезный сосед, я весьма благодарна вам за добрый совет. Не скрою, он пришелся весьма ко времени. Супруг мой, к великому моему сожалению, и в самом деле ввязался в неподходящую для его характера авантюру, и ныне, я полагаю, отдыхает в гостях у доброго нашего короля. А так как всем известно, сколь сильное влияние оказывает барон на сына и наследника, я весьма опасаюсь за жизнь и свободу Анни.

Любезный сосед, я всего лишь слабая женщина, а вы искушены в делах и умеете предвидеть. Я была бы весьма благодарна вам за еще один совет — не скрою, весьма щекотливого свойства. Я была бы счастлива принять ваше столь любезное приглашение, однако имение супруга моего находится ныне без должного присмотра, и я не решаюсь его оставить. Возможно, вы не откажетесь посетить меня, по-соседски?"

Барон Ренхавенский улыбался, складывая письмо: воистину, иметь дело со сходно мыслящей женщиной — одно удовольствие! Даже если их интересы и не во всем совпадают...

— Так значит, благородная Иозельма покинула столицу? Решила переждать тревожные времена в замке своего супруга? Весьма разумно, весьма...

Гонец поклонился, ответил:

— Ее милость приехали вчера вечером.

Вот женщина, которая умеет решать быстро, одобрительно подумал Ульфар. Бросил гонцу:

— Отдохни. Ступай на кухню, тебя накормят. Я напишу ответ.

На когда же назначить встречу? Пожалуй, следующим храмовым днем будет в самый раз. Раньше он не будет готов, а позже... позже будет поздно.

Появление Гиннара стало для Ульфара неприятным сюрпризом. Что ж, сюрпризы часто ходят парами — хороший с плохим, вот и письмо баронессы не стало исключением. Маг появился ночью, наделав шуму не меньше, чем Вильгельма, и в столь же плачевном виде. Хвала богам, хоть с гонцом Иозельмы не столкнулся.

— Что стряслось? — барон едва дождался, пока они остались без лишних ушей вокруг. — Ты же должен был приглядывать за...

— За кем должен, — оборвал сообщника почтенный мэтр, — за всеми приглядываю. Щенка поучить пришлось — ну, ты ведь не думал, что он способен сдать без боя?

— Вот как... И что же?..

— Не в нем дело, — отмахнулся маг. — Лотар арестован!

— Кто-о?! — удивление барона прозвучало чуть более наигранным, чем следовало бы, но выжатый нелегкой дорогой Гиннар вряд ли способен был это заметить.

— Эстегард, старший барон Лотарский, — четко ответил он. — Арестован. По доносу ее милости баронессы Иозельмы Лотарской, фрейлины при дворе его величества. Должен признать, что я недооценивал... деловые качества ее милости.

Барон довольно хмыкнул.

— Теперь, — продолжал мэтр, — его величество выступил в земли Лотаров, дабы подавить очаг мятежа, наказать виновных... в общем, все ясно, да? Я опередил королевское войско на несколько дней... быть может, на боговорот, но вряд ли больше.

— Что ж, — медленно и весомо сказал барон Ренхавенский, — придется поторопиться. В конце концов, замки берут не только числом... верно, почтенный Гиннар? На рассвете выступаем.

Гиннар почтительно кивнул, скрыв торжествующую улыбку. Я возьму тебе замок Лотаров, Ульфар, благородный барон Ренхавенский. Возьму, раз уж ты так страстно желаешь посрамить давних своих врагов. Но ты поймешь и запомнишь, сколь сильно мне обязан и сколь многое я могу. Чтобы, когда в наших руках окажется корона Гассонов, тебе и в мысли не пришло приблизить к трону другого мага.

А что до подхода королевских войск времени всего ничего — тем лучше. Тем яснее ты осознаешь, что без моей помощи у тебя не было бы ни единого шанса.

— Кажется, нам тут не рады.

Ульфар брезгливо оглядел насаженную на шест голову — изрядно протухшую, исклеванную птицами. Неужто Меченый?! То-то давненько от него донесений не было...

Обернулся к десятнику:

— Дома проверил?

— Пусто, мой господин. Все вывезли, подчистую.

Ульфар привстал на стременах, гаркнул:

— Идем на замок Лотаров!

Ухмыльнулся криво, через силу: вы звали в гости, баронесса? Вот и свидимся.

Окинул оценивающим взглядом не слишком большой отряд. Для осады хватит. Вылазок можно не опасаться: Эстегард, верный королю наивный придурок, увел почти всех. У его щенка мало сил. Только обороняться.

Ульфар невольно оглянулся на то, что осталось от самого умелого его наемника. Тряхнул головой, отгоняя назойливые крики воронья. Пришпорил коня. Успех штурма обеспечит Гиннар. Должна же быть какая-то польза от запретных увлечений почтенного мэтра?

Пустая деревня осталась позади.

* * *

События неслись вскачь: раскрытие заговора, побег Вильгельмы, аресты, доносы, снова аресты... Старая аристократия затаилась, опасаясь привлечь лишнее внимание. Новая —

вознесенные королем выскочки — напротив, с каждым днем все больше чуяла силу. А простолюдинов куда больше интересовали цены на осенних ярмарках и традиционные после сбора урожая свадьбы. Как всегда.

И где-то посередине болтался капитан королевских псов. Вчера — поездка на конский рынок, сегодня — принять очередных новобранцев, выделить людей для ареста очередных подозреваемых, напиться до зеленых бесов на свадьбе старшего конюха и привратниковой дочки, а назавтра изволь быть как стеклышко и готовиться в поход: его величество, разобравшись с мятежниками столичными, изволили взяться за провинцию.

А поход — это для королевской охраны всегда лишняя головная боль. Даже во времена сугубо мирные. И уж тем более, когда мятеж недодавлен, одна половина королевской свиты на другую голодными волками зыркает, и где-то гуляет маг, околдовавший твоего лучшего парня так, что ему теперь не то, что ночной караул, — дрова таскать для костра доверить страшно.

— Я бы тебя в отпуск отправил, — вздохнул Аскол. — Да только какой нынче отпуск...

Игмарт пожал плечами:

— Все равно бы не вышло.

Был бы кто другой, засадил бы под замок, тоскливо подумал Аскол.

— Железки свои возьмешь, куда в походе безоружному.

— Последишь?

— Да уж не брошу.

Странные у них последнее время выходили разговоры. Сплошные умолчания. Осторожно, на ощупь, как по весеннему талому льду. Никогда они не понимали друг друга так хорошо.

Марти был почти спокоен.

Капитан хрупкое спокойствие лучшего бойца оберегал, свою тревогу от него прятал, и умудрялся приглядывать за Игмартom плотно, однако не вызывая у остальных ни вопросов, ни подозрений. Помнил — в этот бой нельзя вмешивать посторонних. Он и Марти с одной стороны, Гиннар — с другой. И хвала всем богам, что так. Что мальчик сумел сказать ему, а он сумел понять. Один бы не выдержал. В таком бою кто-то должен прикрывать спину.

Счастье еще, что поход обошелся без стычек. От столицы и до самого замка Лотаров королевские войска прошли красиво и спокойно, как на параде. Радую бравым видом его величество, а также всех встречных дам, девиц и мечтающих о военной службе мальчишек. Полное, бесы его язвы, благолепие. Заговорщики, те, кого не успели схватить, забились по норам, выкуривать придется. Трусы. Шваль бесчестная.

Странно только, что Лотар с ними. Вот уж от кого не ждали! Какие бесы старика попутали? Однако сын, похоже, верен. Короля встретил, как подобает. Хотя... может, не верен, а просто умен не по годам? У него в замке жалких полсотни бойцов, да быдло деревенское. Против Ренхавена держались, но от королевских войск не отбились бы.

Аскол обеспечивал охрану короля, пытался уследить за Ренхавеном, Игмартom, молодым Лотаром и его людьми, и не то чтобы отдыхать — дух перевести было капитану некогда. А уж когда углядел рядом с Ренхавеном Гиннара...

Чего таить, первое, самое острое побуждение было — свернуть паскудному магу шею. Удержался. Даже на то сил достало, чтоб раскланяться при встрече и за «вылеченного» парня поблагодарить! А вскорости заметил — люди Ульфара боятся мага до судорог. Да и сам Ульфар... опасается. Непрост, видать, почтенный мэтр, ох как непрост.

Что ж, поживем на военном положении. Гиннар вроде на Марти и не глядит, но... но ведь оно и подозрительно, разве нет? Уж к самолично тобой исцеленному парню подойти, спросить, как жизнь, как дела, — что может быть невинней?

Капитан королевских псов нюхом чуял — что-то надвигается.

Марти, конечно, Гиннара заметил сразу. В первый же вечер в замке Лотаров. Да что Гиннар, ему и Ульфара хватило, еще там, у ворот. Ульфара, который кланяется королю как самый верный из верноподданных, а после сверлит его спину жадным взглядом...

Ульфара, который тоже углядел Игмarta. Выщепил взглядом из строя королевских псов, и уголки губ дрогнули в чуть приметной ухмылке.

По счастью, Аскол от себя почти не отпускал. Он понял, он приглядит. И Марти, к полному удовольствию Ульфара и его мага, делал вид, что вовсе с ними не знаком, а при случайных встречах приветствовал ровнешенько так, как и подобает королевскому псу приветствовать достойного барона, что у короля в милости, и почтенного ученого мужа.

К тому же неожиданно-негаданно у Марти появилась еще одна причина для беспокойства.

Сьюз, девчонка, которой он отдал амулет. С ней явно что-то было неладно. На то похоже, будто амулет защищал ее беспрерывно... будто ей постоянно, каждый миг что-то угрожало!

Сама она, по всему видать, об опасности и не подозревала — иначе вряд ли попыталась бы подарок вернуть.

И вроде никто вокруг не вертится... Правда, несколько раз Марти видел Сьюз рядом с типом явно опасным — однажды так и вовсе в обнимку! — но как раз в это время амулет молчал. Кем бы ни был этот невесть откуда взявшийся рядом с Анегардом хмырь, девчонку он, похоже, защищает.

Оставалось надеяться, что угрожает ей не Гиннар — навряд ли кто сможет потягаться с магом, получившим доступ к силе богини. Конечно, для Гиннара деревенская лекарка — мелкая птичка, они с Ульфаром слишком высоко метят...

А самое печальное, что их планы явно сбываются удачно.

— Вот уж не думал, что Лотары предать способны, — вздыхал Аскол. — Кому тогда верить?

Марти молчал. Он-то сразу понял, что к чему, едва услышал, как Анегарда в измене обвинили, — но поди скажи! Гиннар слишком близко. И, судя по довольному виду мага, Игмарту бы сейчас не за других заступаться, а самому куда подальше спрятаться. Забиться в какую-нибудь щель и не высовываться. Жаль, не получится. Гадостное ощущение — всей шкурой чуют близкую опасность и не смеют защищаться. Если обойдется, говорил себе Игмарт, если я сумею выпутаться, никогда больше, никогда...

Что именно «никогда», он не сумел бы объяснить.

* * *

— Пора, — Гиннар скользнул наигранно безразличным взглядом по страже у дверей замка, суесящимся ополченцам, лотаровым кухонным девкам, лакающему из лужи у колодца

псу... — Нынче вечером самое время. Богиня будет сильна этой ночью, я принесу жертву...

Довольно сощурился, угадав затаенный страх в глазах его милости Ренхавена. Разве не приятно? Благородный барон Ульфар, играющий судьбой королевства, на крючке у рядового, по сути, мага. Гиннар не обольщался насчет своей силы. Кем был он без покровительства богини? Умелым ремесленником, неустанным трудом добывающим хлеб свой. В отличие от многих поднявшихся из грязи выскочек, Гиннар не забывал дни нужды и не хотел забывать. Тем больше поводов гордиться нынешним положением. И, тем паче, завтрашним.

— Пожалуй, я предложу баронессе сказать себя нездоровой, — Ульфар задумчиво вертел в руках кинжал. — Если повезет, ее сынок наделает глупостей...

— Разумеется, — кивнул маг. — Таких, как он, нетрудно подтолкнуть.

Его милость Ульфар Ренхавенский привычно отогнал тревожный озноб, предвестник любого важного дела. Окликнул случившегося неподалеку ополченца из деревенских:

— Пойдешь с господином магом.

Парень, даром что туп как дуб, посерел от страха. Гиннар утверждал со всей определенностью, что никто о жертвах не знает, и Ульфар магу верил: навряд ли тот оставил бы без внимания столь важный для собственной безопасности вопрос. И все же — удивительное дело! — почтенного мэтра в ополчении Ренхавена боялись даже больше, чем самого барона. Впрочем, это было полезно.

— Не трясись, — выцедил маг, окинув деревенщину оценивающим взглядом — словно бычка на рынке. — Поможешь мне донести кой-чего из нашего старого лагеря. Пойдем.

Ульфар с силой вогнал кинжал в ножны и отправился искать баронессу. Пожалуй, стоит ей намекнуть, что наследник Лотаров чересчур самостоятелен, чтобы допустить мать к управлению хозяйством. Нет, поправился Ульфар, не намекнуть — а то она сама не знает. Посочувствовать.

А Гиннара с его жертвами, чарами и намеченным на нынешний вечер делом лучше пока выкинуть из головы. Так безопасней.

Самым трудным оказалось — не пялиться на Марти. Королевский пес, один из многих. Все равно что мебель. Если взгляд благородного барона Ренхавенского будет искать какого-то ничтожного стражника, если это заметят... если вспомнят *после* ... сопоставят...

Ульфар глядел на короля. Верный. Верноподданный. Доказавший верность делом. Если взгляд скользнет по сидящим рядом баронам, не страшно. Выхватить уголок глаза, искоса, синее с серебром у боковых дверей. Кивнуть:

— Ваше величество совершенно правы. Заразу мятежа необходимо извести под корень.

Жаль, не выйдет сохранить щенка. Слишком много свидетелей. И следствия допустить нельзя, придется убирать его сразу, тут же. Жаль, да. Но другого удобного случая может и не представиться. Король убит в замке Лотаров! Что может быть лучше...

Смотреть на короля. Не отводить глаза, вообще забыть об охране! Кто на охрану эту внимание обращает, кроме заговорщиков?! Гиннар все сделает сам. Отдаст приказ, надавит, если щенок заартачится. После жертвы он сильный. Сильный, холодный и смертельно опасный, как сама богиня. Вот кого бы убрать! Слишком сильный для союзника.

— Пьем здоровье его величества!

— Да здравствует король!

Сейчас?

Ну же! Самое время! В горло, и кубок покатится по столу, и кровь смешается с вином...

— Не-е-ет!!!

Стук — тело об пол? Кровавая клякса на скатерти. Нет, вино... всего лишь вино! Игмарт, щенок паршивый, катается по полу, вопит. Ну, Гиннар! С молокососом не справился!

Ничего. Выдать не сможет. Покушение в замке Лотаров... не бог весть что, но лучше, чем... а это еще кто?!

Кажется, из Анегардовой стражи... но... бесы его дери, это же «зеркальце»! Как понял?! Что делать? Щенок не выдаст, но маг-то, маг!.. Сдаст с потрохами, к гадалке не ходи!

Не сдаст. Уже не сдаст. Однако... кто бы мог подумать, что вот так, от собственной... эх, Гиннар...

Глупо.

Его милость Ульфар, благородный барон Ренхавенский, стоял в толпе взволнованных внезапным происшествием королевских приближенных и глядел на труп почтенного мэтра Гиннара, столичного мага, всем известного умельца в поисковых чарах и тайного служителя Хозяйки тьмы. Рот мэтра был разzyвлен в беззвучном крике боли, скрюченные пальцы впились в грудь. Подох от собственных чар, отраженных «зеркальцем». Банальным «зеркальцем», сотворить которое любой недоучка может — но сработает оно лишь в том случае, если тот, кто его ставит, сильнее наводящего чары. В данном случае — сильнее... богини?

Страшно.

Глупо и страшно. А щенок-то, кажется, жив. Если еще и запреты Гиннаровы с него спадут... не пора ли тебе, Ульфар, выбираться незаметно во двор, выводить коня и мчаться вслед за синеглазкой? Слишком уж ясный след. Добрый наш король хоть и любит простачком прикинуться, но на самом-то деле далеко не дурак. Особенно в делах защиты собственной короны.

Приоритеты капитана не зависят от его личных пристрастий. Сначала король. Потом — благородные прихлебатели и всякая прочая шушера. Безопасность его величества. А уж после — те, кто оную безопасность обеспечивает. Аскол смог подойти к Марти, лишь убедившись, что никто не подступится к королю, не затеет бестолковой свары, под прикрытием которой так удобно направить удар не в ту цель, не попытается довести до конца очередное покушение. Боги великие, что ж им так нейдет-то?! Уж, кажется, ясно, что и на этот раз мятеж не удался!

И надо еще разобраться, откуда свалился этот... который перенаправил чары с Марти обратно Гиннару. Свалился-то, спору нет, удачно, и огромное ему за то человеческое спасибо, но, ежели в зал, где король пирует, вот так чуть не с потолка незнакомые маги валяются, королевской охране прямая дорога... Куда именно следует отправить проشياпившую все на свете охрану с ним самим во главе, Аскол не додумал. Ничего, его величество додумает. Тоже понимает. Пока что надо разобраться с тем, что имеем.

Гиннар. Мертв. Туда и дорога, и даже не жаль, что живым не взяли — не сказано, что смогли бы удержать.

Марти. Жив. Дышит хрипло, со всхлипами. Дрожит. Ничего, парень, оклемаешься.

Свалившийся с потолка маг. Так и стоит над Игмартом, припав на одно колено и сцепив руки в «зеркальце». Будто охраняет.

Кто ж ты такой, спаситель наш?

На мага никак не похож, не видел бы сам, как Гиннаровы чары отразил — решил бы, стражник из Лотаровых. Хотя нет, слишком хорош для стражника. Такого Эстегард с собой бы взял. Да и не было у Лотаров никого *такого*. Наемник? Не щенок вроде Марти, но и не старый, лет тридцать — тридцать пять. И одного короткого взгляда хватит, чтоб понять — держись подальше. Поставь такого рядом с Анегардом — гадать не придется, кто тут волк, а кто так, погулять вышел. Не к месту он здесь.

И каких богов благодарить за то, что он все-таки здесь?

Расцепил наконец-то пальцы, поморщился, встряхнул кистями. Склонил голову — не более чем с вежливой почтительностью. Аскол скосил взгляд — король.

— Капитан Аскол, займитесь делом. Жду вас через полчаса.

— Слушаюсь, мой король.

Полчаса. Значит, в бешенстве. Неудачно получилось.

Высочайший взгляд буравит неизвестного мага.

— Ты кто?

— Зигмонд. — Короткая заминка, будто решает, что говорить, а чего не стоит. — Я тут в гостях.

— Зигмонд?..

Многозначительная пауза ясно показывает — король отнес его к благородным. Более того, определил старшего в роду. Странно. Ни за что бы не сказал. Но его величество в таком не ошибается, да и кому, как не королю, слышать голос крови? Дар старшего из богов, достойный лишь властителя...

Напряжение медленно спадает, сменяется привычным гулом взбудораженной новостью толпы. Гиннара уносят, Зигмонд, повинувшись мановению высочайшей руки, отходит с королем в сторонку. Марти, захлебываясь словами, наконец-то шепчет капитану правду. Ульфар успел исчезнуть — что, несомненно, лучшее подтверждение словам так и не ставшего убийцей короля парня. Не считая, конечно, трупа малопочтенного мэтра.

Еще одно покушение позади, еще один росток заговора выполот. Сколько осталось? Дело Аскола — охранять, а не догадки строить. Но спроси его — ответил бы: ровно столько, сколько высокородных болванов считают себя обойденными, глядя со стороны на занимающих доходные посты умных «выскочек». А после добавил бы — вот только не думайте, что его величество таких простых раскладов не понимает. Просто король Гаутзелм — охотник, и мало кто знает, сколько злого азарта таится за невзрачной внешностью и нарочито скучным голосом. А у каждого охотника свои излюбленные приемы...

Королевские войска истоптали окрестности замка так, что и коза навряд ли бы хоть стебелек немятый на прокорм нашла. Не травки на снадобья здесь теперь собирать, а Гарниковых ребят за Зиговыми гонять! Все наши с бабушкой места испоганили, вояки драные! Поэтому я уходила все дальше, заглядывая в глухие уголки между елками, порвала рукав рубахи, потеряла косынку, растрепалась как жатвенное чучело и злилась неимоверно. Девятижильник всего-то три дня в году собирать можно! Не найду — и останемся без заживляющей мази, без восполняющей силы настойки, без самого лучшего средства быстро остановить любое кровотечение...

Темнеет уж, а в корзине едва дно прикрыто! И то хвала богам, вчера вон и вовсе пусто. Ой как плохо...

Я выбралась на тропинку, задумалась: куда идти? Возвращаться в замок? Я так далеко ушла, что, кажется, ближе до нашего домика... может, там и заночевать? А назавтра проверить ельник за речкой, уж там точно никто чужой не ходил и тем более костров не палил?

Да, так и сделаю.

Я свистнула Рэнси и зашагала домой. Домой! Боги великие, как же я соскучилась! По своей кровати, по нашей кухоньке, по яблоне под окном, по тишине! Ничего, скоро вернемся... Селяне еще после суда начали по домам разъезжаться, сразу, как понятно стало, что король, хотя и зол на Лотаров, Ульфару их земли разорять не позволит. Это только нас с бабушкой Анегард попросил в замке задержаться. Почему-то мой новоявленный братец хотел, чтоб все время гостевания у него короля обе лекарки были под рукой.

Неясная тревога коснулась сознания. Я прислушалась. Кажется, или впрямь кто-то скачет? Отойду-ка на всякий случай...

Всадник промчался мимо, не разбирая дороги. Ломая склонившиеся на тропинку ветви, безжалостно нахлестывая коня. Он боялся, и страх человека передавался коню, заставляя хрипеть и зло прижимать уши. Волна удвоенной паники заставила подогнуться колени. Всадник уже исчез, пропал, как не было, а я все сидела на мягком мху, невидимая в густых папоротниках, и хватала ртом воздух. Люди добрые, Звериная мать, ведь не услышала б заранее, не отошла бы — точно бы сшиб! Да что ж это такое?!

Рэнси ткнулся мокрым носом в щеку, полез лизаться. Вымахала туша — с теленка, а все щенок! Я обняла пса за шею. Хороший мой...

До дома я добралась совсем потемну. Как ни странно, был он не только цел, но даже и не ограблен. Хотя видно — заходили. Грязные следы на кухне, черепки разбитой миски, стол сдвинут зачем-то... Я прошлась по комнатам, вышла на улицу, заглянула в сарай, в курятник. Да, уборки хватит... Но единственный убыток — запасенные на зиму дрова. Ясное дело, на костры их дурацкие пошли.

Однако ночевать здесь... пожалуй, это была не самая умная мысль. Ни дров, ни еды, ни одеяла... Может, в деревню пойти? Как раз и тучи разошлись, вон луна какая яркая... ой...

Тоненько, по-щенячьи заскулил Рэнси. Я попятилась, не отрывая взгляда от стремительно падающей с неба черной кляксы. Полнолуние, время нелюди... мамочка!

Не помня себя, я заскочила в дом, захлопнула дверь. Метнулась к окну. Рэнси жался к ногам, я споткнулась, молча выругалась, пес обиженно взвыл...

Перед окном, оперевшись локтями о подоконник, стоял Зиг. Ухмыльнулся:

— Что, и в дом непустишь?

Я без сил опустилась на пол.

— Ну ты меня напугал...

— Знаю, — он перемахнул через подоконник, сел рядом. — Извини.

— Зачем?.. Ты... — ну вот как ему сказать, насколько это жутко — снова ощутить позабытый, казалось бы, ужас? Я так привыкла не бояться ни самого Зигмонда, ни его... людей? Да, в том-то и дело: я начала смотреть на них как на людей и думать, как о людях!

Рэнси подполз, виновато метя хвостом пол, бухнул тяжелую голову мне на колени. Прости, мой хороший. Это я с перепугу на тебя гавкнула.

— Не в тебя метил, — коротко объяснил Зиг. — Вообще не знал, что ты тут. И, между прочим, какие бесы тебя сюда занесли? Одну, ночью, в полнолуние, да еще и...

Зигмонд осекся, как будто чуть не сказал лишнего. Ну и в кого он метил? Деревенских наших поугубить решил? И зачем оно ему?

— Вон, — я кивнула на корзину. — Девятижильник собирала.

— Нашла время.

— Не учи лекарку снадобья варить! Еще день — и все! А у замка... сам знаешь, что у замка. Скорей бы они уже убрались! Надоели.

— Уберутся, — пообещал нелюдь. — Скоро. Ты сама подумай, еще боговорот — и дожди, развезет дороги, а им до столицы успеть.

И верно, подумала я. А Зиг, помолчав, спросил:

— Скажи-ка, Сьюз, ты, как сюда шла, никого чужого не встретила?

Та-ак... вот, кажется, и ответ. И в кого ты метил, и какие бесы *тебя* сюда занесли.

— Вижу, встретила, — резко сказал Зиг. — Рассказывай.

Я пожалала плечами и рассказала. Было б что скрывать!

— Плохо, — пробормотал Зиг. — Если до утра не догоню, ищи-свищи... уж на своей земле он конями разживется...

— Кто это был?

— А ты не узнала? Хотя да, как бы... Ульфар, Сьюз. Ульфар, его милость барон Ренхавенский, невезучий заговорщик и неудавшийся убийца. Вот что, девочка, раз уж тебя понесло именно сегодня травки собирать, сиди ночь тут и не высывайся. И утром меня дождись, прежде чем в лес идти. Кто его знает, этого Ульфара, бежать он решил, или...

И Зиг, не договорив, выметнулся в окно.

Вздыхнув, я позакрывала окна ставнями, стащила с чердака вниз старый тюфяк и драное, побитое молью одеяло. Дом успел выстыть, ну да последние дни теплые стояли. Авось не замерзну. Я свернулась клубочком, натянув одеяло на голову. Рэнси, шумно выдохнув: мол, как не стыдно, хозяйка, сама не поела, меня не покормила, — бухнулся на пол прикроватным ковриком.

Как ни странно, выпалась я прекрасно. Снилось что-то легкое и приятное, ни следа привычных уже кошмаров. Может, помогли тишина и безлюдье, но мне казалось, сам дом убаюкивал меня. Тоже, наверное, соскучился. И утром, обманув желудок колодезной водой, я принялась отмывать наше с бабушкой жилище от следов незваных гостей. Раз уж все равно Зига ждать...

Ослушаться нелюдя я не посмела. Привыкла уже — он знает, что говорит. Всегда.

— Сьюз, ты правда здесь?

Рэнси радостно залаял, заколотил хвостом по бокам. Ишь ты, узнал!

— Заходи, Ронни, — крикнула я.

— Вот, — мальчишка поставил на стол корзину. — Мамка прислала.

Запах свежего хлеба заставил живот судорожно сжаться. Я отломила горбушку, откусила. Достала крынку с молоком, творог в полотняной тряпице, яйца.

— Спасибо, Рон! Скажешь маме... — я отпила молока, откусила еще хлеба. — Скажешь маме, что она спасла меня от голодной смерти! Я ж тут ночевать не собиралась, случайно вышло...

— Знаю, — важно кивнул Ронни. — К нам господин Зигмонд зашел, ночью. Сказал, что ты тут и чтоб утром тебе завтрак отнесли. Ну, я побёг, Сьюз. А то мамка настрого велела, чтоб туда и обратно!

Я кивнула. Ай да Зиг! Вот спасибо так спасибо!

Ронни убежал, а я, утолив первый голод, отставила еду в сторонку и вернулась к уборке. Мало ли, Зиг придет голодный... да и целый день впереди.

Зиг и правда пришел голодный. И очень злой. Бросил коротко:

— Удрал.

— Сядь, поешь, — я тоже присела за стол, порадовавшись, что кухню успела отмыть дочиста. — Спасибо за завтрак.

— Мне? — Зигмонд смешно поднял брови.

— Ронни сказал, это ты велел с утра еды для меня прислать. Так что, выходит, прежде всего тебе.

Нелюдь пожал плечами и, не ответив, принялся жевать.

Доев, спросил:

— Ты вроде за жильником собиралась? Куда пойдешь?

— В лес за речку.

— Провожу. Гляну, как там.

Мне отчего-то стало неуютно.

— Так война же закончилась? — я поежилась, поймав мрачный взгляд Зигмонда. — Разве нет?

— Вчера, — ответил Зиг, вставая из-за стола, — кое-что случилось.

— Что?

— Покушение.

— Анегард?!

— Нет, что ты. Короля чуть не грохнули, Сьюз.

Короля? В замке Лотаров?! Ничего себе новости!

— Покушение на короля? — медленно переспросила я.

— На кого ж еще. Вставай, пошли. По дороге расскажу.

Много времени рассказ не занял — и до речки дойти не успели. Мне показалось, о чем-то Зиг смолчал — а может, сам всего не знал. Но и того, что рассказал, хватило, чтоб перепугаться до смерти.

— Что ж теперь будет, Зиг?!

— Да ничего не будет, — презрительно хмыкнул нелюдь. — Ульфара в мятежники запишут, и станет у Лотаров одним влиятельным врагом меньше. Прямая выгода. А если там еще заговорщики есть, так они теперь затаятся. Потому что, во-первых, у Ульфара даже с

помощью мага не вышло, и во-вторых, король теперь настороже. Не говоря уж о его псах.

— А Анегард?

— А что Анегард? Лотары за королевских гостей не отвечают, а за королевскую охрану тем более.

Мне пришел вдруг в голову еще один вопрос, и по спине поползли ледяные мурашки внезапной паники.

— Зиг, скажи... ведь тот маг, он силой богини пользовался, разве нет?

— Да, — спокойно ответил нелюдь. — Иначе я б и не заметил ничего.

Ну да, верно. Это ж еще надо было сообразить, на кого зеркалить... наш заколдунец почуял знакомую силу...

— А силу богиня дает тем, кто жертвует ей кровь.

Зигмонд кивнул. Бросил:

— Не зря этого мага в Ульфаровом войске боялись. Знали, видать.

— А теперь, — прошептала я, — король ведь поймет, что ты...

Нелюдь рассмеялся. Не поняла?! Это что, повод для веселья?!

Или я что-то не то сказала?

— Чего смеешься?

— Да так, — Зиг еще раз фыркнул и соизволил объяснить. — Понять нетрудно, Сьюз, ты права. Меня король первым делом об этом спросил. Мол, как это ты, уважаемый незнакомец, сразу мага вычислил, и какой силой его одолел, и почему мне кажется, что ты, негодяй, королю лгать пытаешься?

Ой, мамочка...

— Так что вывалил я на его величество всю правду. Ну, не всю на самом деле, но ему хватило. Еще и клыки показал. Мол, вы, ваше величество, вольны стражу позвать, но я бы не советовал. Мне теперь с людьми жить, так что объявляю и клянусь, что своему королю верен. На что, сама понимаешь, ответ при таких обстоятельствах один — принять, наградить и всячески приблизить.

— Значит, наградил?

— Наградил, — хмыкнул Зигмонд. — И приблизил, а как же. Хитрая бестия, скажу я тебе, этот король.

Нелюдь замолчал. И снова мне показалось, что чего-то он недоговаривает, и это что-то — не слишком, похоже, приятное.

— Ну... это хорошо, Зиг, я за тебя рада, но смеяться-то чего было?!

— Да я не над тобой, не думай. Просто... видела б ты лицо его величества!

И Зиг снова расхохотался. Едва пополам не согнулся! Вот ведь, я и не думала, что его можно так развеселить...

— Зи-иг...

— Ох, Сьюз... понимаешь, он испугался... правда испугался, ты же знаешь, я это чувствую! А вокруг народу полно, и все на нас с ним пялятся, и все видели, что я его величеству только что жизнь спас. Ну или, по крайней мере, прикончил того, кто на эту самую жизнь покушался, причем не шваль какую завалящую, а мага. И надо наградить, и лицо не потерять, а он боится, и видит, что я это вижу, и его это бесит...

— И ты считаешь, что это смешно. Знаешь, я бы испугалась.

— Тебе простительно. — Зиг ухмыльнулся. — А я, сама понимаешь, весь такой из себя страшный, ужасный и кошмарный, что самому мне бояться как-то и не с руки. Даже

короля. — Он поморщился вдруг, поправил: — Тем более короля. Поглядим еще...

Он замолчал, и теперь я не нашлась, что еще спросить. Так и шли молча до самой опушки.

Я не чувствовала опасности. Обычная осенняя суета, не потревоженная человеком. Зиг, выслушав меня, согласно хмыкнул и все-таки сделал круг над лесом. После чего пообещал разыскать меня ближе к вечеру и умчался в замок. А я совсем скоро нашла заросли девятижильника и уже к полудню наполнила корзину почти доверху. Ну вот, теперь можно и возвращаться.

И поскорей, а то снова придется вместо замка в нашем домике ночевать! Оно бы и неплохо, да бабушка волноваться станет.

Я шла к замку, перебирая в памяти места, где мы с бабулей собирали жильник прошлой осенью. Выходило так, что почти все они наверняка затоптаны. Интересно, бабушка много насобираала? Ее Анегард попросил далеко не уходить, а окрестности замка... ох, всего вернее, что эта вот корзина — все, чем придется обходиться! И надо крепко подумать, на что ее потратить.

Хоть бы на будущий год ожили испоганенные чужаками поляны! Ведь лес живой, он и своих-то не всегда терпит, а такие нашествия...

— Твоя?

Зигмонд, как всегда, появился настолько внезапно, что только привычка помешала испугаться до смерти. Нелюдь протягивал косынку. Ту самую, что я вчера потеряла.

— Моя, — обрадовалась я. — Спасибо!

Зиг ухмыльнулся. Заглянул в мою корзину.

— Ну, хоть не зря так далеко забралась. Вот что, Сьюз, давай-ка я тебя до замка подброшу. А то ведь своим ходом и к полуночи не добредешь.

Подбросит? Это как — подбросит?!

— Э-э...

— Да не бойся! — Что-то часто он смеяться стал... — Обними меня, закрой глаза и держись крепче.

А, вот он о чем...

— Не рассыплет? — кивнула я на корзину, почти доверху полную драгоценными коробочками плодов.

— Нет.

Я шагнула к Зигмонду, обняла одной рукой, другой прижала к себе корзину с таким трудом добытого девятижильника. Зажмурилась, уткнувшись носом в Зигову грудь. Почувствовала на спине железную хватку, сердце ухнуло не то в живот, не то сразу в пятки, в голове стало пусто и легко, а к горлу подкатила тошнота. *Терпи, девочка*, слышала я прямо в голове Зигов голос, *уже скоро*. Подумала: интересно, это он со всеми так умеет, или мой дар помогает? Казалось, я должна знать ответ, но... Додумать не успела: мы ухнули вниз, я почувствовала под ногами землю, пискнула и попыталась сесть.

— Эй, Сьюз, не падай!

— Вовсе я не падаю... меня просто ноги не держат.

Я попыталась отцепиться от Зига, но намертво сжатые пальцы разгибаться не хотели. Да и сам Зиг не торопился меня отпускать, лишь немного ослабил хватку.

— Отдышись.

А что это так тихо вокруг, подумала я, как это на зрелище обнимающихся лекарки и заколдунца весь народ не сбежался? Особенно если мы, хм, с неба свалились? Я все-таки отшагнула от Зига — на совсем крохотный шагок! — и огляделась. Мы стояли на краю березняка, чуть в стороне от тропинки. Отсюда до замка — два шага, и Зигмонд правильно решил, что лучше нам пройти их, а не пролететь...

Я вздохнула — глубоко, полной грудью. Голова наконец-то перестала кружиться, сердце встало на место, и только легкое подташнивание напоминало о полете.

— Легче?

— Кажется, да.

Зиг развел руки, я тоже наконец-то смогла разжать пальцы. Попыталась улыбнуться — надеюсь, у меня получилось не слишком криво!

— На ногах держусь. Спасибо, Зиг!

— Не за что, — ухмыльнулся он. — Пойдем.

Замок встретил нас новостью: вернулся старый барон. Зиг сразу дернул вверх, а я рассыпала сушиться девятижильник и пошла на кухню — хоть поесть чего.

Учитывая обычную толкотню, было там на удивление тихо. Все слушали бабушку. Она, похоже, успела побывать у его милости Эстегарда. И то, что сразу по возвращении господину барону понадобилась лекарка... в общем, ничего хорошего в этом не было!

— Кашляет, — торопливо рассказывала бабуля, помешивая отвар. — Исхудал, в чем душа держится. Чай, темницы-то не красят. А тут змеюка подколотная у короля в милости, тьфу!

Я торопливо жевала кашу, запивала молоком и пыталась унять грызущую сердце тревогу. Главное, жив и дома! А уж бабушка быстро на ноги поставит, сейчас и травки все свежие, почти любое снадобье сильнее получится...

Влетел Зиг, окинул нас бешеным взглядом.

— Магдалена, скоро?

— Час, не меньше, — отрезала бабушка. — Настоять, процедить, нашептать...

— Но хоть что-то есть у тебя готовое?! Он горит весь, как еще доехал, в дороге не свалился!

— Сюз, — не оборачиваясь, скомандовала бабушка. Но я и без команд уже шуровала на отведенной нам полке в кладовке: зелье от лихорадки, снотворное, укрепляющее... где укрепляющее?!

— Ба, а где...

— Что у тебя тут, девочка?

— От лихорадки и снотворное.

— Давай.

— Знаешь, как?..

— Знаю, давай! — вырвал из моих рук и исчез.

— Ба, я укрепляющего не нашла, где...

— Дала уж, — вздохнула бабушка. — С него начали. Ты доела, девонька? Иди, поможешь...

Где-то через полчаса, когда я отцедила один отвар и отбирала травы для другого, заглянул Аскол, капитан королевской стражи. Спросил:

— У вас тут, говорят, лекарка есть? С парнем моим нехорошо...

Я замерла с пучком ромашки в руках. Вот не было заботы!

— Сходи, Сьюз, — в голосе бабушки мне почудилось неодобрение. Ясно, не больно-то охота возиться с людьми короля, когда по его милости наш господин...

Я встала, оборвав мысль на середине.

— Схожу, конечно.

Капитан Аскол поглядел с явственным сомнением. Спросил, когда вышли во двор:

— Ты и правда лекарка?

— Уж какая есть, — пожалала я плечами. — Что с парнем-то твоим?

— Заколдован он был, — мрачно ответил капитан. — А как расколдовали, все никак не очухается. То спит, то лежит. Встать хочет — голова кругом, ноги подкашиваются...

Только этого мне не хватало, от злых чар лечить! Ладно... гляну для начала, а там, может, бабушка чего подскажет. Хотя...

— Постой-ка, — я остановилась, глянула на капитана. Уж не тот ли это парень, что... — Кто его, знаешь?

Капитан сплюнул:

— Да Гиннар, чтоб его вечно бесы драли!

— Ульфаров маг?

Плохо. Это чары крови, сила Хозяйки тьмы. И хоть бы с Зигмондом посоветоваться, но ему сейчас не до меня и уж тем более не до королевских охранников!

Успокойся, Сьюз. Было бы хуже, намного хуже, если б ты вообще слыхом не слыхивала о чарах крови. Но, начиная с той ночи, как едва не умер Анегард, и заканчивая вчерашним покушением на короля, Зиг столько успел рассказать о кровавой силе Хозяйки тьмы...

Я стояла, прикусив губу, и торопливо вспоминала, что из снадобий есть у нас готовое, и какие из них могут пригодиться от на крови замешанных чар. Если Гиннар у парня кровь брал для жертвы...

— Что стоишь, лекарка? — глухо спросил капитан. — Боишься или связываться не хочешь?

Ну не дурак ли?

— Пойдем-ка, — я развернулась и пошла обратно на кухню. — Знаю я, что твоему парню точно понадобится.

То же самое, чем бабушка меня отпаивала. Только тебе, королевский пес, я этого не скажу. А скажу я тебе, пожалуй, совсем другое...

— Ты, капитан, зря думаешь, что я ради твоего парня десять раз туда-сюда бегать стану. Сразу надо все важное рассказывать. У тебя, может, ноги казенные, а...

— Извини, — буркнул Аскол. — Не думал, что лекарка у Лотаров такова, что не глядя лечить умеет.

Ну не зараза?!

Ничего, ты еще будешь от души прощения просить, а не так вот, через губу. А я подумаю, что ответить тебе на извинения.

Я пробралась в кладовку, сгребла несколько флаконов. Выйдя, спросила:

— Вино есть?

— Яблочное, — поморщился капитан.

— Да хоть какое! Зелья развести.

— А-а... На это найдем. Пошли уже, что ли?

Ну, пошли...

Парень лежал в новой казарме, в закутке для раненых, у окна. Мне показалось было, он спит; я отметила сероватую бледность, темные круги под глазами, запавшие щеки; еще успела подумать: неужто и я такая же страшная была? Но тут он открыл глаза.

И я его узнала.

— Ты?..

Вот уж точно, привязался! Зиг-то, похоже, знал что говорил... насчет подарков, которые связывают накрепко...

В глазах Марти мелькнуло узнавание, губы дрогнули:

— Ну, здравствуй.

Я присела на край тюфяка.

— Рассказывай. Что случилось, что не так с тобой... что про Гиннаровы чары знаешь...

Марти озверело вперился в своего капитана.

— Не буду я ей ничего говорить! Аскол, кого ты все время ко мне приводишь?!

Ишь как мы заговорили! Я вскочила.

— Не нравлюсь, могу уйти! Вот уж не было заботы!..

— Стой! — капитан схватил меня за руку, и я зло подумала: ответишь! — Что на тебя опять нашло, придурок?!

— Я не собираюсь рассказывать *ей* ...

Марти запнулся. Я вздохнула:

— Вот что, капитан, я выйду, а вы уж тут между собой решите, как мне лечить человека, который не хочет признаваться, что у него болит.

Вывернувшись из хватки капитана и выскочила за дверь.

Прислонилась к щелястой дощатой стене, стерла с глаз навернувшиеся слезы. Услышала голос капитана:

— Объясняй.

Выйти на улицу?

А вот не уйду! Я не обещала, что не стану слушать.

— Аскол, ты... скотина ты бесчувственная, хоть и капитан! Хочешь, чтоб *такая* девушка слушала, как... как...

"Такая девушка", ишь ты...

— Боишься?

— Да, боюсь! Нравится она мне, понимаешь? Я, может, только размечтался, как встану и выясню, насколько у нее с тем хмырем серьезно... теперь, когда расслабиться можно...

А говорить ему тяжело, задыхается. Крепко, видать, парня приложило.

— С каким еще хмырем?

— Да есть тут один... видел их как-то вместе, в обнимку шли.

Аскол явственно хмыкнул.

— Так если в обнимку, чего еще узнавать? Да и, все-таки, лекарка она. Выкинь дурь из башки, вот что я тебе скажу, Марти. Строит тут из себя...

— Ну, строю...

Нет, тоска в его голосе мне определенно нравится!

— Все равно ведь в жены не позовешь. Или у тебя планы уже поменялись?

Как интересно.

А хорошо, что не ушла.

— Нет, — вздох, — не поменялись.

Вот так, Сьюз, девонька. Запомни хорошенько.

И ступай все-таки на улицу. Некрасиво получится, если разревешься. Услышат.

И как же хорошо, что уже темно!

Я подставила лицо холодному ночному ветру. Пахло близким дождем. Скоро уберетесь, подумала я. Не станет же король до самой зимы тут сидеть. А то, глядишь, еще один мятеж проморгает.

Вышел капитан, остановился рядом, заглянул в лицо. Видать, углядел лишнего — сказал, вздохнув:

— Прости дурня. Стыдно ему, понимаешь ли, перед красивой девчонкой признаваться, как Гиннар его на колени поставил. Он бы тебе героем показаться хотел, а не...

— Маг у него кровь брал? Для богини?

Взгляд капитана стал вдруг жестким и колючим.

— Ты как догадалась?

— Этот маг с бароном Ренхавеном был. Когда они замок осаждали. — Сейчас, жди, так я тебе и выдаю во всех подробностях, откуда о чарах на крови знаю! — Можешь расспросить кого-нибудь из Ульфаровых вояк, что он там творил. Свои пуще смерти боялись. Парню твоему повезло, что жив остался.

— Повезло, — согласился капитан.

— Держи вот, — я протянула Асколу флаконы с зельями. — Запоминай: этого, темного, пять капель на полстакана вина, с едой. Или на четверть кружки. А этого — три капли в воду, на пару глотков, перед сном. Завтра еще отвар сделаю, зайдешь ближе к обеду, забереешь. Посоветуюсь еще с бабушкой, — и с Зигом, но тебе этого знать незачем, — но, думаю, и этого хватит. Встанет твой парень, никуда не денется.

Капитан взял флаконы, глянул странно:

— Сама-то не зайдешь?

— Зачем?

Ответа я ждать не стала. Отлепилась наконец-то от стены и пошла прочь. Ну их всех, таких стеснительных и с планами на будущее. Спать хочу. Устала. Да какой спать, девочка, сначала узнай, не надо ли для его милости чего делать! Если жар, питья много нужно.

— Спасибо, — крикнул вслед капитан. А не пошел бы ты...

— Пожалуйста, — буркнула я себе под нос. — Выздоровливайте и уматывайте.

И не поплачешь-то вволю, полный замок народу!

* * *

На этот раз нам с Зигом не пришлось пробираться на королевский суд тайными ходами. Зигмонд, "спаситель его величества", стоял не то чтобы совсем уж рядом с королем, но ближе хозяев замка. Снова, небось, смеяться будет, вспоминая, как король хотел и честь ему оказать, и лицо сохранить, и страха не выказать. А я смотрела и слушала, притаившись, словно мышь под метлой, за спинами караульных у боковой двери. Сюда меня привел Аскол, объяснив своим:

— Пусть лекарка под рукой будет.

Неплохо, пожалуй, иметь знакомства в королевской охране.

Видно было плохо, и я то тянула шею, то привставала на цыпочки, силясь разглядеть его милость и Анегарда. Старый барон впервые на моей памяти выглядел взаправду старым. Никогда раньше он не сутулился, бессильно опуская плечи, и я не думаю, что до нынешнего дня ему приходилось опираться на Анегарда — тем более на глазах у чужих. Темницы не красят, вспомнились мне вчерашние бабушкины слова. Жар у его милости спал, и даже кашель немного унялся, но все равно — ему бы отлежаться хоть с боговорот...

Появление короля я заметила лишь по внезапной тишине. Заколотилось сердце, я прикусила пальцы, отчаянно жалея, что нет рядом Зига. Напомнила себе: молчи, что бы там ни было, молчи! Не забывай, что любой твой вздох услышат королевские псы, а им нынче выслуживаться надо, покушение-то проворонили.

— Барон Эстегард Лотарский.

Вялый, тусклый, словно пылью запорошенный голос — я узнала его сразу, и по хребту просыпались ледяные мурашки, а живот скрутило от ненависти. Спокойно, Сьюз.

— Ваше величество...

Сипит его милость... плохо.

— Барон Эстегард Лотарский, в свете последних событий мы признаем, что у нас недостаточно оснований как для вашего осуждения, так и для оправдания. Однако, принимая во внимание заслуги вашего рода и ваши лично...

Я сглотнула. Ну же! Он нарочно такие паузы держит?

— А также...

Конечно, нарочно, а ты думала...

— Поскольку младший барон Лотар испросил у нас милости заслужить прощение верной службой...

Прощение? Кажется, тогда было сказано "верность"?

Ох, Анегард...

— В милости своей мы повелеваем!

Анегард напрягся, старый барон расправил плечи. Если "в милости" — это хорошо?

— Эстегарду, старшему барону Лотару, пребывать отныне и до особого нашего повеления в своем замке, заботясь должным образом о благосостоянии, процветании и спокойствии своих земель. Анегарду, младшему барону Лотару, мы поручаем дело, нужное и полезное для державы, дабы преумножил славу своего рода на службе короне. Младший барон Лотар, вам надлежит отправиться в Азельдор. В его окрестностях, особо же в землях барона Герейна, пропадают люди и хотят странные слухи о незнакомой нашим магам нежити. Между тем ни королевский маг, ни прошлогодняя экспедиция наших войск не обнаружили там ничего. Вам надлежит разобраться в происходящем. Советуем учитывать, что барон Герейн, хотя и не уличен прямо в пособничестве заговорщикам, вполне мог быть с ними в сговоре.

Интересный у нас король, едва не фыркнула я. Одного подозреваемого отправляет с другим разбираться? И чего он этим добиться хочет?

Надо будет спросить у Зига.

Кстати, если там и правда нежить, не лучше ли было бы Зига отправить разбираться? Уж он-то...

— В помощь младшему барону Лотару мы отправляем Игмарт из королевских псов, ибо нам известно, что оный Игмарт не чужой в тех местах.

Марти?

Правда в помощь, или?..

Выловить Зига сразу после... а то, может, имеет смысл этого королевского пса так полечить, чтоб ему не до поездок стало?

— Бude же оный Игмарт воспользуется пребыванием в родных местах для решения своих семейных дел, мы отнесемся к этому с пониманием.

Семейных дел? Планы на будущее, вспомнила я... тогда, наверное, нет ничего страшного в том, что он напросился с Анегардом... Что нежить, что заговорщики — даже королевскому псу не стоит одному... куда надежнее прилепиться к сильному отряду...

— Поскольку отвечает за успех поручения младший барон Лотар, командовать будет он. Однако мы считаем нужным довести до его сведения, что Игмарту поручено докладывать нам о ходе дел.

Ага. И почему я не удивлена?

Надо будет Анегарду в дорогу собрать... кой-чего. Нет, собрать так и так надо, но не забыть, что братцу может понадобиться «докладчика» на денек-другой в постель уложить. Или — я с трудом удержала смехок — в сортире запереть.

Так, а что там за суeta вдруг началась? Я привстала на цыпочки. Ничего не видно! Надеюсь, не очередное покушение? Нет, я не против, но лучше не здесь...

— Да, введите ее.

Кого это?

Я обернулась к парадным дверям. Там, меж двумя стражниками, стояла девушка. Почти девчонка. Наверное, чуть помладше нашей Анитки. Я успела разглядеть некрасивый большой рот, тощую блеклую косичку — едва до груди... если это вообще можно назвать грудью... в следующий миг до меня дошло, что на девчонке платье из дорогой тонкой шерсти того глубокого синего цвета, какой может себе позволить далеко не каждая купчиха. И кожаные башмачки с серебряными пряжками. И серебряный браслет на худом запястье. И идет она плавно, гордо выпрямившись, точь-в-точь наша баронесса.

— Благородная Ульрика, мы рады приветствовать вас.

Да уж, рады... ох и ядовитая же змеюка наш король! Жаль, не видно лица этой Ульрики... а кстати... Ульрика, Ульрика... Ульфарова дочка, что ли?! Неужто он ей за отца мстить станет?!

— Итак, господа, мы рады вам представить Зигмонда, нового барона Ренхавенского. Зиг?!

Я ущипнула себя за руку, моргнула. Вон она Зигова спина. Выглядит как обычно.

— Нам ведомо, что оный Зигмонд — старейший ныне представитель достойного и благородного рода. Мы даруем ему право разобраться с истинным своим наследием так и тогда, как и когда он сочтет нужным, ныне же награждаем за спасение нашей жизни, коему все вы были свидетелями. Дабы же утвердить его право на баронство Ренхавен, мы отдаем ему в жены единственную дочь и наследницу того, кто владел оним баронством, покуда не запятнал себя изменой. Подойдите, барон.

Зигова спина качнулась и пропала из вида. Значит, у нас теперь будет новый сосед...

Я вдруг поняла, что привыкла к постоянному присутствию Зига где-нибудь поблизости, к его неожиданным появлениям, резкому голосу. К его стае в замке. Девчата, пожалуй, заскучают.

— Своей королевской волей мы, Гаутзельм Гассонский, объявляем Зигмонда и Ульрику

мужем и женой. Повелеваем скрепить сей союз в ближайший храмовый день и, поскольку мы нынче же отбываем в столицу, повелеваем Эстегарду, старшему барону Лотару, от нашего лица проследить за должным исполнением церемонии. Барон Зигмонд Ренхавенский, мы ожидаем от вас верной службы.

— Благодарю, ваше величество.

— Благородная Ульрика, мы желаем вам счастья.

Молчание.

— Барон Лотар, мы благодарим вас за гостеприимство.

Ответа его милости я не слышала — заглушил гул голосов. Неужто и вправду все, отгостились?! Вот уж хвала богам!

Пестрая толпа зашевелилась, однако, к моему удивлению, высокородные господа не на выход стремились, а в самый центр. Что за радость, друг другу ноги оттаптывать?

— Кто он такой? — уловила я обрывок разговора.

— Не все ли равно, раз он получил баронство и жену из рук его величества?

Зигу косточки перемывают...

Ой, это ж они, верно, и толпятся, потому что поздравить должны!

— Девчонка редкостная уродина.

— Не все ли равно...

А мне, наверное, пора отсюда исчезать. Пока не заметили...

Аскол явно подумал о том же. Появился рядом, кивнул на дверь:

— Пойдем-ка, девушка.

Я думала, капитан всего лишь выведет меня и проследит, чтоб отошла подальше, не попавшись на глаза, кому не надо. Но Аскол не торопился расставаться. Молча шел рядом, я уж и нервничать начала — не очень-то приятно, словно под конвоем... Еще и молчит, и мрачный вон какой... Мне захотелось разбить тишину, и я сказала:

— Спасибо.

— За что? — буркнул капитан.

— Что пустили послушать.

— Да ладно, — капитан отмахнулся от благодарности, словно муху назойливую отгонял. — Ты, девушка, вот что... очень прошу, последи за моим парнем, а?

Я аж остановилась от удивления.

— Так он же уедет?

— В том и беда! Куда ему ехать, два шага сам пройти не может!

— Скоро встанет, — пообещала я. — Не так все страшно, из него просто силы выпили. Отлежится, откормится... До храмового дня всяко никуда не поедут, свадьба же, да и благословение в дорогу испросить...

К тому же Анегард вряд ли бросит отца в таком состоянии. Но это уже не для твоих ушей, капитан.

— А Азельдор — это сильно далеко?

Капитан задумался, шевеля губами.

— Боговорота два, пожалуй, от вас. Коли в дороге не задерживаться... а так и все три выйдет.

Три и выйдет, подумала я, скоро дожди зарядят, какой там "не задерживаться"!

— Капитан, — окликнул Аскола кто-то из псов, — там обозники...

— Иду, — отозвался Аскол. Сжал мою ладонь: — Так присмотришь? Чтоб поднялся до

отъезда?

— Присмотрю, — пообещала я. — Все хорошо будет, не беспокойтесь.

— Храни тебя боги, девушка.

Аскол развернулся и умчал. Наверное, с обозниками разбираться. А я пожала плечами и отправилась на кухню. Отвар для Марти уже должен был настояться.

Король еще пировал, а телеги обоза, одна за одной, уже ползли со двора прочь. Скатертью дорожка. Во дворе было тесно, суматошно, я пробиралась к казарме по стеночке, прижимая кувшин к груди — не уронить бы! Может, стоило подождать, но кто их знает, вдруг тут до вечера такая кутерьма будет.

Возле казармы Аскол отчитывал кого-то из своих — тихо и вроде бы спокойно, но парень то бледнел, то краснел и явно готов был провалиться сквозь землю прямо к бесам в преисподнюю, лишь бы от капитана подальше. Спасать парня от начальственного гнева я не стала. Молча прошла мимо. Аскол заметил, дернулся было навстречу, но покосился на провинившегося, скривился и продолжил пропесочку.

Марти спал, и я замерла, разглядывая нахмуренное лицо. Ишь ты, и во сне озабочен. Или кошмары снятся, как мне? Ой... я вдруг поняла, что мне-то как раз *ничего* не снится. Кажется... да, с той самой ночи, которую я провела дома. Я поставила на стол кувшин с отваром; донышко тихо стукнуло о доску столешницы. Марти вскинулся — даже, кажется, еще не проснувшись. Вояка!

— Ну, выглядишь ты получше, — ободряюще сказала я. — Вот, я принесла, выпьешь. Лучше понемногу, но чаще. Понял?

Марти вздрогнул. Уронил тяжело, как кирпич на ногу:

— Понял.

Так говорят... ну уж точно не с теми, кто хоть немного нравится. Не больно-то и хотелось, напомнила я себе. Ты, вообще, лекарка или кто? А раз лекарка, делай свое дело и уматывай, не мешай больному спать. Во сне выздороветь легче.

— Если сны плохие снятся... — я запнулась: уточнять, что именно ему снится, мне решительно не хотелось.

— Нет, — он мотнул головой. Сказал задумчиво: — Вообще ничего не снится. Хорошо так, знаешь...

— Знаю, — вырвалось у меня. Сьюз, опомнись, оно тебе надо, с ним откровенничать?! — В общем, к утру постарайся все допить.

Я развернулась к двери. Уши горели.

— погоди!

— Вечером загляну, — не оборачиваясь, пообещала я. Должен же кто-то будет принести ему ужин...

— Сьюз!

Я остановилась. А вот не стану оборачиваться! Еще чего не хватало...

— Спи, Марти. Попей лекарства и спи.

— Сьюз, я хотел... Извини, а? Вчера... я тебя обидеть не хотел...

Спокойно, девочка. Он всего лишь больной. А ты лекарка.

Я медленно, сквозь зубы, выдохнула:

— Марти, я лекарка. А лекарки на больных не обижаются. Спи.

И вовсе незачем выдавливать из себя извинения по слову, как... как... выскочив за

дверь, я фыркнула: сравнения в голову лезли исключительно неприличные. Пропесоченный Асколом бедолага грузил на телегу какие-то тюки, самого капитана видно не было, и я, все так же по стеночке, пробралась обратно в кухню. Выдохнула:

— Ну хоть здесь можно не бояться, что тебе или лошадь на ногу наступит, или бугай одоспешенный...

— А уж вечером как тихо будет, — толстуха Берта сдвинула чугунок с кашей на край печки и сладко потянулась. — Есть будешь, Сьюз?

— Спрашиваешь!

Кажется, думала я, отправляя в рот первую ложку щедро сдобренной топленным маслом каши, жизнь потихоньку налаживается.

Отъезд короля я не увидела. Готовила отвары для его милости. Бабушка забегала, брала то одно снадобье, то другое, говорила, что может понадобится еще. Я искала. Вздыхала: куда уж тут Анегарду ехать. Счастье баронессы, что король ее увез. Здесь нашлось бы немало желающих придушить эту подлюку без особых затей.

Но, как ни крути, а жизнь и впрямь налаживалась. Бабушка твердо обещала, что его милость поправится, и Ульфара можно больше не опасаться, и король со своей сворой наконец-то убрался восвояси... жаль только, что Анегард уедет. Знать бы еще, что за нежить в том Азельдоре... Хотя, скорей всего, никакой нет. Раз там мятежник засел, все страшные слухи вполне могут быть просто затем, чтоб отпугивать любопытных. Иначе, уж наверное, королевский маг разобрался бы...

В кухне было теперь пусто и тихо: девушки отмывали и вычищали замок после нашествия гостей. Оставив готовые отвары настаиваться, я собрала ужин для Марти. Подумала: хорошо, что им всем не до меня. Даже бабушке.

Я так соскучилась по тишине.

Марти сидел с ногами на постели и правил нож, и лицо у него было — будто в храме. А я от этого ножа сразу вспомнила наше с ним первое знакомство, и разговор с Гарником, а после — с Колином, и то, как оба они советовали мне держаться от опасного бродяги подальше. Интересно, Гарник тогда уже знал, что Марти и не бродяга вовсе, а королевский пес? Знал, наверное. Не зря ведь его милости так хорошо его приняли...

"С королевскими псами лучше не связываться, они беспутные, кроме службы ничего и не знают..."

Прав был, наверное, усатый обозник.

И Гарник, наверное, что-нибудь вроде этого в уме держал.

Марти провел ладонью по лезвию — нежно, как приласкал. Поднял глаза. Улыбнулся:

— Сьюз...

Оживает на глазах. Совершенно зря Аскол так за него трясся.

— Ужин.

Я сгрузила на стол миску с кашей и мясом, хлеб, творог, мед, огромную кружку с укрепляющим отваром. Марти заглянул в кружку, хмыкнул разочарованно.

— Это лекарство, — объяснила я. — Вижу, что тебе лучше, но пару деньков еще потерпи.

— Я рад, что ты пришла.

— Ну, кто-то должен был... не голодным же тебя держать.

— Посидишь со мной?

— Только если недолго, — я присела на край свободного тюфяка, разгладила ладонью юбку. — Ты ешь, а то остынет.

Он уметелил ужин в один присест. Будто голодом парня морили. С явным сожалением отодвинул пустую миску.

— Может, тебе еще принести?

Качнул головой:

— Хватит, пожалуй. Меру знать...

Я невольно фыркнула. Меру! Да миска была — на троих точно! Другое дело, что ему и надо сейчас — много.

— Слушай, — Марти заглянул мне в лицо, — можно тебя спросить?

— Попробуй.

— Помнишь, я тебя встретил как-то... как раз после суда над Анегардом, кажется... с тобой был...

Да уж, не думала, что храбрые королевские псы могут так мямлить! Ладно, парень, пожалею тебя на первый раз. Я кивнула:

— Помню. Зигмонд.

— А он... кто? То есть, ты... Вы с ним?..

Ничего себе вопросы!

— Вообще-то именно он тебя спас, если ты не заметил, — я знала, что он и не мог заметить, не в том был состоянии, но очень уж захотелось уколоть. Какое его дело, с кем... — И вообще, он женится.

— На ком?

А то ты кого тут знаешь!

— На Ульфаровой дочке. Король велел, — я поглядела в ошарашенную физиономию Марти и вывалила на парня все пропущенные им новости. Пусть развлечется, оно полезно.

Новости парня не развлекли.

— Она же соплячка еще совсем! Куда такой замуж!

Я пожала плечами. Ну, соплячка, так что ж теперь? В девичий возраст вошла, а остальное кого волнует? Повторила:

— Король велел.

— А этот твой... Зигмонд, — Марти брезгливо поморщился, — небось и рад?

Рад, не рад... много знать хочешь, королевский пес! Я встала:

— Знаешь, если тебе так уж это интересно, сам у него и спроси.

Куда-то не туда у нас разговор зашел.

— И вообще, пора мне. Тебе точно добавки не надо?

Мотнул головой. Взглянул жалобно, псом побитым:

— Обиделась?

— Не знаю, — честно ответила я. — Но мне правда пора. Для его милости еще отвары готовить, и тебе на утро...

— Я тебя ждать буду, — сказал вслед. Тихо, вроде как сам для себя. Но я услышала.

Нет, наверное, все-таки не обиделась.

Я медленно шла по двору. Было... странно. Тишина, от которой успела отвыкнуть, новости, к которым не успела привыкнуть. И это "обиделась?" — между прочим, первый раз в жизни! Кто когда спрашивал меня, не обидел ли? Хотя, если уж честно, и не обижал никто.

Во всяком случае, никто из тех, чьи слова имели для меня хоть какое-то значение. Сопливое детство не в счет.

Я остановилась, подняла лицо к темнеющему небу. Пахло скорым дождем, в прорехи облаков выглядывал круглый бок луны. Мелькнуло темное, и передо мной стал Зиг.

— От тебя пахнет счастьем.

— Правда? — я невольно улыбнулась.

— Если этот парень тебя обидит, только скажи. Вправлю мозги быстро и надежно.

— Да ладно, все равно он скоро уедет. Лучше скажи, ты-то как? Поздравлять с молодой женой или лучше только с баронством?

— Вообще лучше не поздравляй, — серьезно ответил Зиг. — Рано. Опасные это награды, что одна, что другая.

— Ты уже с ней... познакомился? Поговорил?

— Нет.

— Почему?

— Сюз, — хмыкнул Зиг, — я ведь не расспрашиваю тебя о ваших девических ухищрениях?

Наверное, у меня на лице слишком явственно нарисовалось удивление. Зиг рассмеялся негромко, невесело.

— Ладно, Сюз, только между нами, договорились? Перед королем девчонка держалась, нос задрав, но на самом деле она напугана до полусмерти. Я хочу... нет, *мне нужно!* Нужно посмотреть, как она дальше себя поведет. Так что ее поселили пока в комнаты баронессы и оставили в покое. Пусть отдышится. Первый ход за ней, понимаешь?

Да... кажется, да. Понимаю.

— Она тебе понравилась?

— Не знаю еще. Посмотрим.

— Не рассмотрел? — подначила я.

— Да уж нагляделся, — хмыкнул Зиг. — Лягушонка. Ты разве не поняла, Сюз? Красавиц пусть молодые дурни выбирают. Вон, вроде как Эстегард когда-то выбрал.

И верно, припомнила я старые сплетни, его милость Иозельму любил без памяти. Поначалу. Пока зубки ядовитые не показала.

Зигмонд продолжал, медленно, задумчиво, словно не мне, а самому себе объяснял:

— Не знаю, любил ли ее отец, любила ли она отца. Если да — мне тяжело с ней придется. Да боги с ней, не так уж важны все эти нежные чувства. Еще неизвестно, смогу ли я... Но змея вроде Иозельмы мне и с приплатой не нужна. Не будет любить — хотя бы уважать должна и верить.

Как я.

Зиг поймал несказанную мысль, кивнул:

— Да, как ты. Беда только в том, что ей до тебя...

Я хотела спросить... ох, много чего на самом деле хотела спросить! Но Зиг вдруг насторожился, буркнул:

— Меня ищут, — и исчез.

Что ж, надо и мне идти. А то, дождусь, тоже искать начнут.

И вовремя же я успела! Бабуля как раз отцедила все те отвары, что я оставляла остывать, и, увидев меня, скомандовала:

— Бери, поможешь донести.

— Как там? — спросила я, подхватывая в каждую руку по кувшину.

— Ночь посижу, — неопределенно ответила бабушка. Мне такой ответ совсем не понравился. Нет, раз уж бабушка обещала, что его милость поправится, значит — поправится. Но...

Я споткнулась, чуть не выронила кувшин и, обругав себя растяпой, выкинула из головы дурные мысли.

— Да ничего, девонька, — бабуля, верно, поняла мой испуг. — Просто побуду рядом с его милостью. Чтоб спокойней было. Опять же, на кого это все добро оставишь? Поперепутают, что как пить...

— Давай я посижу. Ты и без того устала.

Хмыкнув что-то неразборчивое, бабуля заторопилась вверх по лестнице.

— Ну правда, ба! Ты, вон, весь день крутилась, не присела...

— Прекрати, Сьюз. Твоя очередь завтра.

Когда бабуля говорит таким тоном, и впрямь лучше прекратить. Вот только...

Нет. Никаких «только». Если бабушка считает нужным не говорить, насколько тяжело состояние его милости, — значит, так надо. Ей лучше знать. Может, он скорей поднимется, если будет думать, что болезнь не так уж серьезна. Может, это чтоб Анегард не тревожился и не заражал отца своей тревогой. Или чтоб Ланушка не плакала. Мало ли.

А замок есть замок, тут не угадаешь, кто и из-за какого угла тебя услышать может. Так что лучше и не спрашивать лишнего.

— Ладно, — согласилась я, — завтра так завтра. Приготовить чего к утру?

Бабушка приостановилась, взглянула мне в лицо. Ответила почему-то сердито:

— Выпись. Давно на себя в зеркало любовалась? Покойники тебя краше!

Отвернулась и пошла себе. А я осталась стоять посреди коридора, пытаюсь унять внезапно задрожавшие губы. Ну, спасибо, бабушка! Я, конечно, не красавица, знаю, но хорошее же ты нашла время, чтобы мне об этом напомнить!

Впереди отворилась дверь, сказал что-то Анегард, что-то ответила бабушка. Я тряхнула головой, заторопилась вперед. Еще не хватало... из-за всякой ерунды...

— Сьюз?

Кто-то забрал у меня из рук кувшины, чьи-то горячие руки обняли за плечи, нос уткнулся в зеленое сукно. Анегард? Я трепыхнулась, пытаюсь высвободиться, но он в ответ крепче прижал к себе, широкая ладонь успокаивающе прошла по волосам... и я заплакала. Тихо-тихо, аж сама удивилась. Боги великие, ну и денек, выплакаться и то сил не осталось!

— Ну тише, тише, — шептал Анегард. — Все хорошо будет, вот увидишь.

А мне ведь легче, чем ему. Я могу поревесть, уткнувшись в крепкое мужское плечо. Меня утешат. Мне пообещают, что все будет хорошо, и я поверю. Конечно, будет. А как же.

А он меня младше, и его обвинили в измене, и у него отец болен, а ему уезжать, и только боги знают, вернется ли.

И я заревела того пуще — уже от жалости к брату, а не к себе.

— Ну что ты, Сьюз, милая... успокаивайся...

Я стараюсь, хотела я ответить. Честно, стараюсь. Но получился только еще один всхлип, долгий и какой-то особенно жалобный.

— Разверзлись хляби небесные, — проворчала над ухом бабуля. — На, выпей.

Под нос мне ткнулся остро пахнувший мятой и кошачьим корнем стакан. Руки дрожали.

Анегард так и не отпустил меня, придерживал за плечи, и от этого было хорошо, уютно и спокойно. Вот только зубы все равно стучали о край стакана, и хотелось свернуться клубком и повить.

Отвар щипал холодом на языке.

— К тому и шло, — сердито говорила бабушка. — Сам посуди, господин, сколько человек может держаться, когда все плохо? А сколько у нас ни дня спокойного не было, ни ночи?

Анегард молча гладил мои плечи.

— Пойду я спать, — буркнула я.

— Проводить?

— Не надо.

Хватит того, братец дорогой, что я перед тобой нюни распустила. Тьфу, позорище!

Я брела по коридору к лестнице для слуг: через парадный холл, конечно, ближе, но там сразу вспоминается... лишнее. Наверное, бабушка права: слишком долго пришлось сдерживаться. Слишком много всего навалилось. Скорей бы домой...

— Девушка...

Я обернулась на шепот. Из щелки приоткрытой двери на меня смотрела Ульрика.

— Девушка, милая, поди сюда!

Мне вдруг стало смешно. Ты хотел посмотреть, Зиг? Вот и посмотрим!

— Госпоже что-нибудь нужно?

— Да! Поди сюда, — я подошла, она втащила меня в комнату. Руки-то холодные какие, бррр... верно Зиг сказал, лягушонка! — Девушка, милая, отсюда выбраться можно? Мне домой надо, я не могу здесь... не должна!

Ой, мама! Люди добрые, видали вы такую дуру?! Домой ей надо! Ночью, одной, пешком, по незнакомому лесу!

— Помоги мне, добрая девушка! Я тебя награжу, — и браслет с руки тащит. Люди добрые, Звериная мать, Зиг, тебе подсунули не просто дуру, а дуру беспросветную!

Уж не знаю, я ли слишком громко думала или Зигмонд как раз сейчас был готов услышать, но нелюдь откликнулся. Не словами — картинкой. Мы с Ульрикой выходим во двор из кухни.

Ну, ладно.

Ульфарова дочурка все совала мне в руку браслет и лепетала, как надо ей домой, вот прям дозарезу надо, сей же час, не медля. Я пожалала плечами, надела браслет — он оказался неожиданно тяжелым, — и кивнула:

— Пойдем, госпожа. Я проведу тебя половиной для слуг.

— Храни тебя боги, милая девушка!

А голос-то дрожит...

Я представила себя на ее месте, и мне стало тошно и противно. Папаша в заговор влез и удрал, а дочке отвечать. И как отвечать... Конечно, баронских дочерей редко спрашивают, нравится ли жених, вон Ланушка наша чуть ли не с рождения сговорена. И все же вот так — это уж слишком. Выхватили из дому, в чем была, отдали невесть кому, даже и не человеку вовсе...и как отдали — довеском к собственному титулу! И не поспоришь: королевская воля! Вот ты, Сьюз, что бы на ее месте делала?

Уж точно не стала бы доверять первой встречной девице в чужом замке, да еще и совать ей единственную, похоже, ценную вещь! Не говоря уж о том, что в платье и нарядных

башмачках далеко не убежишь даже средь бела дня и по дороге, не то что ночью по лесу!

Глупая, доверчивая, беспомощная девчонка...

Мы крадучись прошли через кухню, открыли двери во двор...

— Доброй ночи, девушки, — насмешливо улыбнулся Зиг. — Перед осенними дождями звезды особенно яркие, верно? Стоит пожертвовать сном ради такого зрелища.

— Ты... — Ульрика повернулась ко мне, и я едва успела отпрыгнуть: кажется, девчонка всерьез вознамерилась по-простецки располосовать мне физиономию. — Ты обманула меня! Негодяйка! Подлая тварь!

Да уж, ни ругаться, ни тем более драться Ульфаровой дочке определенно не приходилось. Я увернулась от неловкого замаха крохотным кулачком и спросила:

— Ты правда думала, что здесь станут помогать дочери человека, который не так давно грозился всех нас перевешать?

— Мерзкая лгунья! — взвизгнула Ульрика. Зиг перехватил ее запястья, девчонка, всхлипнув, попыталась лягаться. Ну да, как же! Зига, пожалуй, лягнешь! И не укусишь. Даже не пробуй, девочка. А то допробуешься, что он сам тебя покусает.

Отступив в сторонку, я глядела, как Зиг умирят брыкучую невесту. Смешно. Вот только если я сейчас засмеюсь, то... то снова заплачу. Потому что справедливости нет, а наши желания слишком мало значат. Потому что мне жаль эту глупую лягушонку, жаль до слез, но совсем не это хочу я ей сказать. А то, что она дура, дура несусветная, и такого мужа еще заслужить надо... и я ее сейчас почти ненавижу. За то, что она ненавидит Зига.

Девчонка выдохлась наконец, обмякла. Только скулила тоненько, чуть слышно. Зигмонд притиснул ее к себе так, что ей, наверное, и дышать было тяжело. Да, не слишком хорошее начало... бояться, пожалуй, будет, но уважать и верить?

Нелюдь поймал мой взгляд. *С тобой, девочка, еще веселей знакомились. Или забыла?*

Я улыбнулась: и верно. Протянула Зигу браслет:

— Держи.

— Это что?

— Неужто не понял? Твоя невеста сочла это подходящей платой за то, чтобы ее вывели из замка.

— Однако, — пробормотал Зиг. Повертел браслет в руке, поморщился. Вернул на законное место. Ульрика возмущенно пискнула. — Слушай, милая моя, ты не слыхала разве, что здесь в лесах не то нежить, не то нелюдь какая водится? Придумала еще, ночью удирать. Кровососам на зубок захотела?

— Пусть! — в голос заревела Ульрика. — Пусть кровососам! Все равно сбегу! А не сбегу, так чего с собой сделаю... все равно насильно замуж не пойду! Уж лучше к нелюди в лапы!

— Зиг, — чужим голосом выдавила я, — мне сейчас плохо станет. Ты... — хрюкнула и, не выдержав, прыснула в ладонь.

— Ага, — ухмыльнулся Зигмонд. — Я самый. И Звездная дева слышала.

Я подняла глаза к небу. И правда, вон какие звезды яркие...

Ладонь Зига надавила Ульрике на затылок, прижимая лицо к ткани камзола. Нелюдь окутался мраком и взмыл вверх, к раскрытому окну бывших покоев баронессы. Тому самому, наверное, из которого Ульрика оглядывала двор, раздумывая, сможет ли выбраться незамеченной.

Так оно и бывает — не только, выходит, в песнях менестрельских, но и в жизни.

Ляпнешь, не подумавши, всей правды не зная, — и вот она, судьба твоя.

Я постояла немного, глядя на окна Ульрикиных комнат. Зиг не появился. Или по-человечески ушел, или...

— Удачи, Зиг, — прошептала я. — Она хорошая девочка, эта твоя лягушонка. Доживем, я еще буду у нее роды принимать.

* * *

Первое, о чем подумала я, проснувшись, — ну вчера и денек выдался! Столько всего, на полный боговорот хватило бы! Нет уж, мне больше нравится, когда тихо и спокойно. Вот как сейчас. Никакой тебе суеты, ни шума, ни гама, ни чужих голосов... да и своих-то никого не слышно. Все за вчера вымотались, так что сегодня сами боги велели отложить дела и отдыхать.

Я потянулась, зевнула. До чего ж неохота подниматься! Так бы и провалялась до самого вечера... мягко, тепло, тихо...

Ой, нет. Нельзя до вечера. И отдохнуть не получится. У меня больной на руках, какой отдых?!

Надо вставать.

Надо готовить отвар для Марти, надо спросить у бабушки, что нужно его милости, надо забрать с псарни Рэнси и Серого, сколько им взаперти сидеть! Собственный жалобный стон вдруг разбудил злость. Разлеглась тут, будто и впрямь дочка баронская! Понежиться ей! Вставай, непутёвая! Ты лекарка, а не фифа мармеладная вроде Ульрики. Работать пора.

Я добрела до колодца, плеснула в лицо холодной воды. И тут только заметила, что время-то уже не утреннее. Вон как солнце высоко! Ничего себе заспалась!

Что ж меня не разбудил-то никто?!

Я влетела на кухню, чуть не плача. У печки возилась Анитка. Оглянулась, спросила:

— Ты чего, Сьюз?

— Завтрак Марти... время-то...

— Не волнуйся, — хихикнула Анитка, — господин Зигмонд отнесли.

Что-о?!

Зиг?! Кормил Марти завтраком?!

Люди добрые, Звериная мать! Надеюсь, они друг друга не покусали?

— Велели тебя не будить, — объяснила Анитка. Добавила, хихикнув в ладошку: — Терес говорит, господин Зигмонд с утра что-то слишком добрый, ты не знаешь, почему?

Может, и знаю, но болтать не стану. Я пожала плечами, спросила:

— Он там Марти не покусал случайно? А то, может, сытый, потому и добрый?

— Терес говорит, — с таинственным видом прошептала Анитка, — господин Зигмонд решили с ним поближе познакомиться, потому что ему ты нравишься, вот!

— Кому-кому я нравлюсь? — я чуть мимо лавки не села.

— Да этому же, — Анитка мотнула головой на открытую дверь, имея, наверное, в виду казармы. — Марти!

Боги великие, спасите нас от друзей, а с врагами мы уж сами... это что ж получается,

уже весь замок вовсю об меня языки чешет?! Небось, и поженить успели? Нравлюсь, как же!

— С чего он вообще взял? — буркнула я.

— А ты покраснела, — прыснула Анитка. — Признавайся, тебе он тоже нравится? Я никому не скажу, честно-честно!

Присела со мной рядом.

— Ты не причесывалась еще? Хочешь, я тебе «колосок» заплету?

— Заплети, — вздохнула я.

А может, и правда нравлюсь. Вон как тогда с капитаном обо мне говорил... "такая девушка"... а толку-то? Много ли радости быть "такой девушкой", если парень через пару дней уедет и, скорей всего, навсегда?

— Тебе пойдет, у тебя шея красивая, — Анитка ловко расплетала мою спутанную косу. — Знаешь, Сьюз, а он бы тебе подошел. Он симпатичный, и вообще...

И вообще у него планы на будущее, в которых мне места нет. Я изо всех сил сцепила руки. Не расплакаться бы.

— Он уедет.

— Вернется, — гребень в руках Анитки скользил плавно, не дергая, а голос стал вдруг ласковым и понимающим. — Так, чтоб сразу сладилось, разве бывает? Пусть себе едет, может, так еще и лучше. Будет тебя вспоминать, тосковать станет...

— Ага, будет... с какого перепоя ему меня вспоминать?

— Знаешь, была б я мужчиной, я бы тебя не забыла.

Все, надоело! Сил моих больше нет слушать всякие глупые бредни.

— У тебя-то с Тересом что? Он же, наверное, с Зигмондом в Ренхавен уедет? С ним поедешь?

— Поеду, — счастливо шепнула Анитка. — Он звал, да. Ох, Сьюз, я такая счастливая такая... вот так бы и взлетела от счастья! И так хочется, чтобы все вокруг тоже...

— Да уж вижу... А помнишь, как ты его боялась?

— Ага, — прыснула Анитка. — Ох и дура была! Все, готово! Встань-ка... я же говорила что тебе пойдет!

— Спасибо, — я осторожно ощупывала непривычную прическу. Сбегать к зеркалу? После... сначала все-таки сделаю отвар для Марти. Какая разница, кто там чего себе навоображал... — А все-таки интересно, о чем они говорили?

— Хочешь, спрошу?

Я вздрогнула. Хороша клуша, что на уме, то и на языке! Отмахнулась небрежно:

— Да сама спрошу. Вот буду лекарство относить...

Заглянула Динуша:

— Анитка, бежим скорей, тетушка Лизетт велела в мастерскую живо!

Девчонки унеслись, а я нашла себе хлеба с молоком перекусить и занялась отваром. К обеду как раз, пожалуй, успею. Интересно, сам-то Марти знает, что здешние сплетницы нас с ним уже почти что поженить успели? Если знает...

Я почувствовала, как горят уши, приливает кровь к щекам. Да ну и пусть! Знает — что ж, посмеемся вместе. Лучший выход из неприятных ситуаций. А потом он уедет, и все забудется. Потихоньку...

Скрипнула дверь, стукнула о стол посуда. Кто там?

— Проснулась?

А, бабушка...

— Давно проснулась, — я отставила котелок с отваром на край печки, настаиваться. Обернулась. Бабуля смотрела виновато. Неужто из-за вчерашнего? Я подошла, обняла, уткнулась носом в седые волосы. — Доброе утро, ба. Сама-то не спала, небось? Как его милость?

— Хорошо, девонька, — бабушка вздохнула, повторила: — Хорошо.

— Отдохнешь?

— После. Пойдем-ка, Сьюз...

— К-куда?

— К его милости.

Голос у бабушки тоже был виноватый, и я вдруг поняла — и куда, и зачем...

— Я не хочу! Еще чего, я же просила, я...

— Сьюз, так надо.

— Ничего не надо, вот еще выдумали! Жили до сих пор!

— Сьюз, девонька, думаешь, мне это будет легко? — бабушка говорила так тихо, что я едва слышала. — Анегард уедет через два или три дня, дольше тянуть никак нельзя. Он оставляет больного отца. И его милость... ты представляешь, что для них обоих значат эти обвинения? Господин барон не знает, как сыну в глаза смотреть, что сказать напоследок... а ведь может и так сложиться, что вправду — напоследок. Плохо все, Сьюз. Очень плохо. Ты им нужна, поверь старой лекарке.

Всю жизнь не нужна была, и вдруг понадобилась!

— Пойдем, Сьюз. Я тебя прошу.

И я пошла.

Старый барон — я даже в мыслях не могла назвать его отцом, — сидел в кресле у окна. Анегард стоял рядом — ладонь на спинке кресла. Я поежилась: под их взглядами было неуютно, к тому же некстати вспомнилось, как в этой самой комнате в обнимку с Зигом прислушивалась к шагам за дверью. Тогда страху натерпелась, но сейчас...

— Рассказывай, Магдалена, — велел барон. Голос хриплый, невольно отметила я, и дышать явно тяжело. Ох, не время Анегарду уезжать...

Но тут бабушка заговорила, и все мысли вылетели у меня из головы.

Ту моровую лихорадку до сих пор помнят в окрестностях Энсибера. Она длилась целый год, несмотря на все усилия врачей и магов; а может, благодаря их усилиям — всего год? Некоторые деревни в тех краях до сих пор стоят пустыми, да и сам Энсибер обезлюдел больше чем вполовину.

Бабушка рассказывала мне, хотя для сказки на ночь такое не годится. Но тогда умерла моя мама, а я выжила чудом. То есть это бабушка всегда говорила, что чудом, — сама я знала, чудо зовут Магдалена, лекарка милостью богов. Мне такой никогда не стать.

Но теперь я слушала совсем другую историю. Другую, хотя происходило в ней то же самое. Просто... было, оказывается, кое-что еще.

Я слушала, как однажды в дом лекарки Магдалены постучалась юная женщина с годовалой девочкой на руках. Девочка горела в жару, женщина рыдала и умоляла спасти ее дочь. Вывернула на стол перед лекаркой кошелек, полный золота, обещала еще что-то — путано, бессвязно. Назвалась Эгрейной, баронессой Лотарской. Объясняла, что ехала навестить родителей, но сначала подхватила лихорадку няня, потом кучер, а потом остальные слуги разбежались, а у девочки начался жар. Благодарила богов, надоумивших

спросить о лекарке не хозяина постоянного двора — тот уже приводил к ним какого-то коновала, и толку? — а старуху, что принесла козье молоко для дочки.

Неумело, непривычными к работе тонкими пальчиками помогала растирать травы для нужного отвара. Ночью, пока лекарка нашептывала над зельями, меняла у дочки на лбу холодные компрессы и вливала ей в рот прохладное питье. А наутро слегла сама.

Выходить обеих бабушка не смогла.

Барон слушал и мрачнел все больше — хотя, казалось бы, куда еще-то?

— Мне сказали, они умерли обе.

— Кто сказал? — Анегард, надо же... хотя его можно понять: если этот человек до сих пор служит Лотарам...

— Ты вряд ли его помнишь, сын. Он сейчас начальником охраны у твоей матери, в ее столичном особняке.

— Надо бы...

— Оставь, — махнул рукой, закашлялся. — Месть — это не главное. Семнадцать лет ждала, подождет еще полгода. Сейчас другое важно. Дальше, Магдалена. Почему ты не вернула мне мою девочку?

Постойте, он... "мою девочку"? Вот так сразу? Не проверив никак, не...

А что проверять, оборвала я себя, уж будто его милость Эстегард не знает, у какой именно женщины могла родиться его дочка моего возраста. А что я Анегарду сестра, Зиг точно доказал. Аж два раза, если посчитать его тонкий нюх и нашу с ним ворожбу.

— Потому что, когда мы пришли в ваш замок, господин мой, — бабушка умолкла на несколько мгновений, словно давая барону самому вспомнить, — у вас как раз родился мальчик.

— И что?!

Старый барон и Анегард возразили в один голос, но отвечала бабушка только одному.

— Вспомните, господин мой, почему ваша жена так спешно решила навестить родителей? Перед самой зимой, с маленьким ребенком на руках?

— Она... — его милость снова закашлялся, умолк. Опустил голову. — Да, я помню. Помню...

— Почему? — не выдержала я. В конце концов, обо мне речь, я тоже имею право знать!

— Потому что нынешняя супруга его милости объявила, что ждет от него ребенка. Сына. Наследника Лотаров.

— Иозельма шла на скандал, — глухо, медленно выговорил его милость. — Она не боялась позора — или, быть может, блефовала, зная, как боюсь я. Твоя мать... она...

— Обиделась? — спросила я. Прозвучало... мелко. Обида — не повод для смерти.

— Испугалась, — поправила бабушка. — Иозельма ей угрожала. Ей — и тебе, Сюз.

— Угрожала?!

— Ваша милость не знали?

— Боги великие, нет! — Снова закашлялся, да что ж это! Я подошла к столу, налила отвара, подала его милости стакан. Он выпил, не отрываясь, мелкими глотками. Выдавил с ощутимым трудом: — Неужели Грейна думала, что я...

— Похоже, так, — кивнула бабушка, когда молчание стало совсем тягостным. — Она умоляла меня не отдавать ребенка ее сопернице. Заставила поклясться... поклясться, что я приведу девочку к отцу, но скрою правду, если он женится. А вы, ваша милость, не просто женились. У вас родился наследник, и его мать...

— Да, — прошептал барон. — Да, я понимаю. В этом вся Грейна... вся...

Он плачет?

— Сьюз...

Анегард?

Я поглядела на брата.

— Сьюз, я... — он запнулся, махнул рукой. Шагнул ко мне, обнял. Я уткнулась носом в его плечо и замерла, и он спросил, помолчав: — Ты как, Сьюз?

Странно, подумала я. Я — странно. Как во сне, как не со мной. Разве можно, ну разве так можно, — всю жизнь ни слова неправды не сказать, и при этом скрыть правду ото всех, кто должен был ее знать?! Ведь бабушка не лгала. Ни мне, ни... вообще никому. Просто всего не договаривала. Просто отвечала на вопросы так, чтобы ее ответы можно было... истолковать. Так, как ей надо.

Нет, как мама просила. Бабушке-то это зачем, ей бы, может, еще и лучше было сразу прийти к барону и рассказать все как есть. Наградил бы. И с чужой девчонкой не возиться. Что такое поднять ребенка в одиночку, пусть даже и знахарке, живущей под покровительством барона, я вполне представляла. Помнила. А она выполняла клятву, на грани смерти вытребованную у молодой лекарки еще более молодой баронессой. Глупую клятву, выросшую из глупой обиды и страха... но, быть может, и правда спасшую меня. Зная Иозельму...

— А что я? — чуть отстранившись, я заглянула Анегарду в лицо. — Я жива-здоровая, со мной все хорошо, и ты прекрасно знаешь, что я совсем не хотела...

— А я рад, что все выяснилось. И на твоём месте, отец...

— Ты пока что не на моем месте, — оборвал сына барон. — Подойди ближе, девочка.

Анегард подпихнул ободряюще. Я сделала крохотный шаг вперед. А куда еще ближе? На коленки к нему сесть прикажете? Нет уж, я для этого слишком взрослая.

Его милость кашлянул, спросил:

— У тебя и правда родовой дар?

Я только глазами захлопала. О чем это он вообще?

— Правда, — ответил за меня Анегард.

— Какой дар? — я обернулась к брату: не у его милости же объяснений требовать.

— Ты ведь слышала тогда нас с Зигмондом, верно? На Ореховом? — И вчера Зигмонда, подумала я... это что же, Анегард с ним постоянно вот так может? Что-то я и не соображу сразу, понравилось бы мне так или нет. — И те сны, и как ты с Рэнси поладила... Зиг верно меня тупицей тогда обозвал, я бы сразу должен был догадаться!

Я пожала плечами:

— Это дар богини. У каждого мог бы быть, разве нет?

— Боги не раздают одинаковых даров, — старый барон глядел на меня с новым, странным выражением. Оценивающе как-то... если, конечно, я верно понимала, все-таки раньше мне не приходилось сталкиваться с его милостью настолько близко. — Умение говорить мыслями со зверьем и нелюдью — дар Звериной матери нашему роду. Мой прадед был ее избранником, с него и пошло. У девочек, правда, это не проявляется почти никогда, но ты... когда тебя показывали богам, Сюзин, знаки покровительства были четкие на редкость. Я еще тогда подумал, что неспроста...

Новость медленно укладывалась в моей голове. Но... но, постойте...

— Но если это дар ваш семейный, откуда он у Гвендиного малыша? — Уж кто-то, а

Гвенда... да они с Чарри друг на дружку не надышатся!

— Это не я, — быстро отперся Анегард.

— Дурень, — барон вздохнул. — Гвенда... наша кровь в ней, вот и весь секрет. Не ты первый по деревенским девицам бегаешь, да и я не первым был. Может, дед твой наследил, а может, и прадед. Так бывает — спала кровь и проснулась.

Ой ли?..

— А у старшего ее, у Ронни, ничего такого нет.

— И у этого пропадет с годами, — уверил меня старый барон. — Если бы каждый бастард родовыми дарами владел...

— Я тебе, Сьюз, объясню потом как-нибудь, — пообещал Анегард. — Тебе-то оно ни к чему, но просто чтобы знала. Любой родовой дар должен закрепить глава рода.

— Сам объясню, — проворчал старый барон. — Зима долгая, времени хватит.

— А... — слова застряли у меня в горле.

— Разумеется, ты останешься здесь, — его милость прекрасно меня понял. — Ты моя дочь, Сюзин.

Ну вот... а я так мечтала вернуться домой!

Рэнси восторженно наматывал круги по двору. Насиделся взаперти, бедолага. Серый, равнодушный к щенячьим радостям, грыз утащенный с кухни мосол. Небо затягивали тучи, на стене перекликались часовые, толстуха Берта возилась у хлебной печи. Все так привычно, так обыкновенно... и никому нет дела до того, что вся моя прежняя жизнь обернулась вдруг обманкой, рассеялась туманом, и теперь придется начинать заново. Сюзин, баронская дочка! Вот уж не было печали...

Во двор выбежали Анитка с Динушей.

— Сьюз, ты здесь!

— Сьюз, а мы твоему Марти обед относили!

— А он про тебя спрашивал!

— Что спрашивал? — рассеянно отозвалась я. — Почему не пришла, да? — Спыхватившись, добавила: — И никакой он не мой!

— Не твой! — прыснула Динуша. — Только ему так интересно было, кто ты, чья ты, с кем в обнимку ходишь...

Замечательно! Представляю, чего они ему наговорили.

— И почему не пришла, тоже...

— Он решил, что ты от него прячешься, — Анитка говорила серьезно и глядела укоризненно. — Решил, что ты его видеть не хочешь. С утра господин Зигмонд, в обед мы... Он сказал, что ты, наверное, вчера на него обиделась.

— Да, — кивнула Динуша, — и что ему очень-очень жаль! Сьюз, ну что ты, в самом деле! Та-акой парень!

Только он уедет. А у меня теперь отец-барон. Еще, чего доброго, сам решит чудесно найденной дочке мужа подобрать. Глаза защипало, я прикусила уголок косынки.

— Сьюз, ты чего?! Да все у вас хорошо будет, вот увидишь! Ну не плачь...

Откуда-то появился Зиг, как всегда, неожиданно и, как всегда, вовремя.

— Идите, девушки, я с ней сам поговорю.

Обнял меня за плечи, повел куда-то. А я думала: не последний ли раз девчонки так со мной болтали? Небось с баронской дочкой не станут откровенничать...

— Так, здесь никто не увидит. Можешь выплакаться. Кажется, тебе в кои-то веки это на самом деле нужно.

Я ревела, уткнувшись Зигу в плечо, в ноги тыкался встревоженный Рэнси, с неба хлынуло, Зиг попятился, увлекая меня под козырек крыши...

— Я не хочу, — бессвязно жаловалась я, сама не зная толком, что имею в виду: оставаться жить с его милостью, или слышать неизбежные шепотки за спиной, или чтобы Марти уехал навсегда. — Зиг, почему все так, что за жизнь такая дурацкая, а?

Он не отвечал, только гладил легонько по голове. Как маленькую. И от этого становилось легче.

Дождь осенний, смой мои печали, унеси тоску...

— Что, — спросил Зигмонд, когда я наконец утихла, — взяли тебя в оборот?

— Ты знал?

— Не то чтобы меня ставили в известность, — нелюдь клыкасто ухмыльнулся. — Но — да, я слышал. Краем уха.

— Что теперь будет?

— Да ничего не будет, — пожал он плечами. — Стоило так расстраиваться. Сама посуди, во-первых, тебе так и так пришлось бы на зиму здесь остаться, его милости Эстегарду лекарка еще долго нужна будет.

— Ну и оставалась бы лекаркой, — буркнула я.

— А куда оно от тебя денется? — удивился Зиг. Искренне так, от всей души удивился. — Ты что, Сьюз! Кто лечит, тот лечит, от этого уже не уйдешь. И для баронской дочки ничего нет зазорного в том, чтобы лекаркой быть. Как и для баронской жены, кстати. В мое время вообще всех благородных девиц этому учили, это сейчас... — махнул рукой, я привычно угадала недосказанное "измельчали люди".

— А во-вторых?

— Во-вторых оставим, пожалуй, на потом. Расскажу, когда ко мне в гости приедешь.

— В гости?

— Да, в Ренхавен. Мы ведь соседи будем, забыла?

И верно, соседи...

Кто бы мог подумать, что так все кончится, когда Зигова стая впервые разбудила нас среди ночи... И полугода не прошло.

— А знаешь, — вспомнила я, — мне ведь кошмары больше не снятся.

— И не должны. Гиннар подох, богиня жертв не получает.

— Так просто?

Невнятно вышло, я и сама до конца не понимала, что сказать хотела. Но Зиг понял.

— Сколько я тебе объяснял, а ты все никак поверить не можешь. Боги лишь то могут от нас взять, что мы сами отдать готовы. Добровольно и искренне, и чем искренней, тем больше твой дар и тем сильнее ответное благословение. Это же так просто, Сьюз!

Наверное, и это было просто "в его время", а теперь забылось. Я привыкла думать по-другому, совсем по-другому. И даже то, что Зиг явно прав, не очень-то помогает уложить в голове такое странное знание.

Дождь утихал, над двором плыл запах свежего хлеба, от казарм слышался смех. Жизнь продолжалась.

Зиг, хмырь болотный, так и не признался, о чем говорил с Марти. И я, собирая ужин для

королевского пса, тряслась, как осиновый лист. Все думала, что он может сказать, о чем спросить...

Он не спросил ни о чем и ничего не сказал. И вообще сидел как пришибленный.

— Ты как себя чувствуешь? — спросила я. — Должен бы уже поправиться.

— Хорошо, — он повел плечом, словно отметая лишние вопросы. Придвинул к себе миску.

И я ушла.

Не больно-то и хотелось.

И вообще, меня Анегард ждет. Еще днем велел зайти, как освобожусь. Сама не знаю, чего тянула.

Брата — быстро же я привыкла так его называть! — у себя не оказалось, и я, вздохнув тайком, поплелась в покои его милости. Конечно, они были там. Все: его милость, Анегард, Зигмонд, Гарник и даже бабушка. Я так поняла, говорили о порученном Анегарду деле, и говорили шумно: за дверью слышно было, что спорят; но, стоило мне войти, все дружно замолчали. Ну что за день такой, везде я лишняя!

Анегард поднялся, мне показалось, с облегчением. Сказал:

— Пойдем, Сьюз.

С нами вместе вышла бабушка.

— Что случилось? — спросила я.

— Ничего, — удивленно ответил Анегард. — Покажу тебе твои комнаты.

Ну да, могла бы и сама догадаться.

Лишь бы не в баронессины.

Обошлось: мы свернули к лестнице. Значит, не только не в баронессины, но и от его милости подальше. Наверх. Третий этаж.

— Рядом с моими, — Анегард открыл передо мной дверь, посторонился, пропуская. — Правда, раньше весны я вряд ли вернусь.

Да уж, подумала я, зима будет невеселая.

Я осторожно переступила порог. Честно говоря, давно мне не было так... нет, не страшно — неуютно. И неловко. Кто бы там что ни говорил, но я вовсе не ощущала себя законной дочкой его милости. Потерянный ребенок, живущий себе почти что рядом с отцом... ха, ха и еще раз ха! Такие истории не для жизни. Не для обычной жизни. Бредни менестрельские.

Простой деревянный пол, стол, два табурета, сундук в углу. Дверь в спальню открыта, виден краешек кровати, застеленной меховым покрывалом. После нашего с бабушкой домика — слишком тесно. И не говорите мне, что весь замок теперь мой! Я чужая здесь. Ну ладно, пусть не чужая, но и не хозяйка.

Я схватила бабушку за руку:

— Но ты ведь останешься со мной? Не бросишь меня?

— Что ты, девонька, — бабушка обняла меня, хмыкнула: — Глупенькая...

— Я боюсь! Я так... так домой хотела... а теперь...

— Ты и есть дома, — сказал Анегард. — Привыкнешь, ничего. — Добавил, невесело усмехнувшись: — И не бойся ты отца! Он, по-моему, сам тебя боится.

Утешил!

Весь следующий день замок стоял на ушах, а уж в кухне и вовсе был дым коромыслом. Мы с бабушкой насилу отвоевали себе угол стола и краешек печки! Кому свадебный пир, а нам — снадобья Анегарду в дорогу. Конечно, по большей части набралось из готовых, но кое-что пришлось варить. Варить, сгущать, крепить вином или брагой, чтоб хранились, нашептывать...

В самый разгар работы кто-то тронул меня за плечо. Я обернулась — Колин.

— Ты-то что здесь делаешь?! — удивилась я. — Случилось что?

— Здравствуй, Сьюз, — трактирщик, похоже, рад был меня видеть. — Все хорошо, не волнуйся. Тебе Рольф привет передает.

— И ты ради этого сюда пришел?! — ни в жизнь не поверю!

— Нет, конечно. Попросить кой-чего. Ну и вам с Магдаленой сказать... где она, кстати?

— Да здесь, в кладовку отбежала. Что сказать-то, Колин? Ох, знал бы ты, как я соскучилась!

— Не только ты, — чуть смущенно признался Колин. — У нас в деревне свадьба завтра, приходите. Староста наш дочку замуж отдает.

— Хенну?! — вот так новости! Задавака Хенна женихами перебирала так, будто ждала невесть какого принца перехожего. — За кого, Колин?

— Да за Рольфа же, — трактирщик смутился еще сильнее, вздохнул, махнул рукой. Я знала, он считал, что Рольф — самая пара для меня. Да и не только он... — Слышала, Магдалена?

— Слышала, слышала, — проворчала бабушка. — Хлебнет с эдакой фифой.

— И то, — согласился Колин. — Я всегда говорил, жену не по красоте выбирать надо и даже не по приданому. Так придете?

Бабушка задумчиво почесала кончик носа.

— Нет, Колин. И рады бы, да тут нужны. Так что передавай от нас пожелания счастья и все прочее, что положено.

— И за привет спасибо, — я представила рядом Рольфа и Хенну, фыркнула. — Уж если Хенна согласна за кузнецом отстирывать, может, все еще у них и сложится!

— Сама-то не жалеешь? — напрямую спросил Колин.

Я помотала головой. Мы с Рольфом всегда дружили — но не больше. Кто бы там чего ни воображал на наш счет.

А что кольнула все-таки обида — так это понятно. Вон, аж три свадьбы завтра, а я...

Колин ушел, бабуля решила проводить его немного, расспросить о деревенских новостях. Спросила меня:

— Управишься?

— Конечно, — уверила я, — иди. Осталось всего ничего доделать. Ты и так весь день тут у печки, хоть отдышишься.

А сама подумала: очень кстати. Замешу вдобавок к остальному одну штучку лично от себя. Как раз, пожалуй, успею.

И — спать. А то от шума и духоты голова кругом идет, а завтра... Я потрянула головой. Думать о завтрашнем дне решительно не хотелось. А что думать? Как ни крути, от судьбы

своей не уйдешь, что напряла Прядильщица, то и встретишь. Бывает, конечно, когда лишь от тебя зависит, куда свернуть, но... в общем, завтра передо мной таких поворотов не ожидается, надо будет всего лишь прожить день так, как проживется.

А жаль все-таки, что Марти уже перебрался в казарму к Гарниковым ребятам и ел с ними. Хорошо, но все равно — жаль.

Вечером ко мне заглянул Анегард.

— Вот это кстати! — я втянула брата в комнату, закрыла дверь. — А то я уж думала, как бы тебя так поймать, чтоб никто не увидел.

— Зачем? — весело спросил братец. — Я всего лишь хотел узнать, как тебе спится на новом месте, а ты, оказывается, чуть ли не охотиться на меня собралась!

Эх, Анегард, и что ж мне так грустно от твоей веселости?

— Я тут для тебя приготовила кое-что, по секрету. Даже бабушка не знает! На, спрячь.

Маленькая тыковка-горлянка вид имела самый невинный. Куда невинней дорогих стеклянных флаконов и бутылочек. Анегард повертел ее в руках, спросил растерянно:

— Что это?

Я пригнула к себе его голову, зашептала на ухо. Братец захлопал глазами, потом рассмеялся — на сей раз от души, заразительно, так что я невольно разулыбалась в ответ.

— Ну, Сюз!.. Он же тебе нравится, разве нет?

— Нравится, — призналась я. — А ты мой брат.

— Ну, спасибо, сестренка! — Анегард все еще смеялся, и я решилась. Попросила:

— Ты пригляди там за ним, ладно? Я понимаю, теперь... ну, отец, и вообще... но все равно. Зря я, что ли, его лечила?

— Пригляжу, — кивнул Анегард. — А ты не грусти, ладно?

Да уж постараюсь...

Старый барон, оглядев меня, недовольно поджал губы. Спросил:

— Неужели, Сюзин, ты не могла одеться более подобающим образом?

Я пожала плечами:

— Это самое приличное, что у меня есть.

На самом деле моя праздничная одежда очень даже мне нравилась. Широкая юбка в желтые и рыжие полосы, вышитая рубашка из тонкого отбеленного полотна, рыжая, в тон юбке, безрукавка. Учтя по-осеннему пронизывающий ветер, я прибавила к этому белую пуховую шаль и чувствовала себя вполне нарядной.

— Сшить пристойное платье было нельзя?

— Когда бы?..

— Отец, — вступился за меня Анегард, — ты доведешь ее до слез. Она вчера весь день для меня снадобья варила. К тому же, — брат незаметно мне подмигнул, — наша Сюз и в таком наряде лучше всех.

— Это верно, — чопорно согласился его милость. — Но тем не менее я прошу тебя, Сюзин, в ближайшее же время озаботиться достойным благородной девицы гардеробом.

— Хорошо... отец.

Его милость Эстегард, барон Лотарский, кивнул и предложил мне руку. Я жалобно посмотрела на Анегарда. Братец виновато шевельнул бровью: мол, рад бы помочь, но...

Тут выбежала Иоланта, повисла у брата на шее. Анегард наклонился к сестренке, зашептал ей что-то на ухо. Ланушка оглянулась на меня, сказала во весь голос:

— Конечно, красивая!

— Ну, спасибо, — засмеялась я.

Губы старого барона тронула улыбка.

— Не замерзнешь? — спросил он.

— Не-е, — Ланушка крутанулась, показываясь; алое шерстяное платье, подбитая белым заячьим мехом длинная темно-красная безрукавка. Хитро взглянула на меня: — А я красивая?

— Очень! — от души ответила я.

— Пойдемте уже, — усмехнулся Анегард. — Красавицы вы наши.

И мы пошли.

Гул голосов, шутки, смех, вопросы и ответы — все это было сзади и до поры не мешало. Хотя люди там, за спиной, наверняка удивлялись, с чего бы это лекарка Сьюз идет первой, под руку с его милостью. Может, думали, что старый барон болен... хотя так оно и есть, вон как дышит тяжело, хрипло... а может, до них уже дошли похожие на правду слухи?

— Мне страшно, отец, — не выдержав торжественного молчания, шепотом призналась я. — Что они все скажут? Бредни менестрельские, да и только!

— Глупости, Сюзин, — негромко ответил его милость. — Тебя не должно волновать, кто что скажет.

Ну конечно! А чего ты ожидала, Сьюз? Сочувствия? Может, ты вообразила, что новообретенный отец тебя по головке погладит и сопельки утрет?

— Поверь, — добавил вдруг его милость, — куда больше это должно волновать меня. Твою мать любили, Сюзин. Да и тебя, как я успел заметить, любят.

Я удивленно покосилась на отца. Встретила внимательный, сочувственный взгляд. Пробормотала:

— Спасибо.

— Не за что, — спокойно ответил барон.

Люди добрые, Звериная мать! Кажется, я никогда его не пойму...

Мы вышли на храмовую луговину, и страх охватил меня с новой силой. Старый барон покосился недовольно, я плотней запахнула шаль. Пусть лучше думает, что от холода дрожу. Стыдно-то как...

Помоги, Звериная мать! Тут же две невесты, так почему мне кажется, что все только на меня и смотрят? Сьюз, девонька, ты вообще-то не пуп земли, не надо воображать о себе лишнего!

Его милость взял меня за руку, повел к алтарному кругу. Хватка у старого барона, даром что болеет, оказалась железная. Я чувствовала прожигающие спину любопытные взгляды, и было мне от них так нехорошо, что аж ноги подгибались.

Поэтому сначала я оперлась о кстатиподвернувшийся шершавый камень, и лишь потом сообразила, что именно себе позволила. Сьюз, девочка, это вообще-то алтарь!

Ничего, слышалась мне далекая усмешка, это правильный алтарь. И верно, поняла я. Алтарь Звериной матери, теплый, дарящий привычную безопасность. Моя покровительница, моя богиня. Ты всегда мне помогала, не оставь и теперь.

— Звериная мать, покровительница Лотаров, — голос моего отца, все еще хриплый, звучал сильно, и я не сомневалась, что все собравшиеся услышат его прекрасно. — Я благодарю тебя за найденную дочь и за твою к ней милость.

Он тоже коснулся камня, совсем рядом с моей ладонью. Кончики пальцев защекотало пушистое тепло, и далеко, на самой границе сознания, мне почудился слабый отзвук радостного смеха: богиня слышала, богиня осталась довольна. Старый барон взял меня за плечи и развернул к людям, и теперь я осмелилась поднять взгляд. Правда, на то, чтобы взглянуть в лица, храбрости не хватило. Как приняли новость те, кто знал деревенскую лекарку Сьюз? Прав был отец, когда говорил, что не мне, а ему надо бояться?

Можно, я узнаю об этом чуть позже? Когда сама хоть немного свыкнусь...

— Сюзин, — объявил его милость, — дочь моя и моей супруги Эгрейны. Семнадцать лет назад мне сообщили, что она умерла; перед алтарем покровительницы нашего рода я клянусь взыскать полной мерой с того, по чьей вине считал ее мертвой. Я благодарю богов за великую милость. Вы же, все, да будете свидетелями, что я признал свою дочь перед богами и людьми, и любой из вас вправе и обязан подтвердить это перед любым судом. — Отец умолк ненадолго; дыхание его было частым и хриплым. Мне показалось, он выскребает силы с самого дна души... лечь бы ему, укутаться... — Я не знаю, переживу ли эту зиму, а мой сын уезжает. Я прошу вас всех, запомните крепко мои слова. А теперь... — Он перевел дух и заговорил снова, и всплеснувшийся было гомон сменился тишиной. — Свою дочь Сюзин и своего сына Анегарда беру ныне в свидетели тому, что произойдет здесь, дабы могли подтвердить истинность свершившихся таинств перед богами и людьми.

Анегард подошел, стал рядом. Пожал тихонько мои пальцы, шепнул чуть насмешливо:

— Не трясись, хорошо выглядишь... сестренка.

— Да услышат боги, — говорил меж тем его милость, — да оделят нас благословением своим. Именем короля и по его повелению ныне я объявляю о свадьбе Зигмонда, барона Ренхавенского, и благородной Ульрики, дочери Ульфара.

Сейчас, когда все наконец-то глазели на жениха с невестой, я почувствовала себя в большей безопасности. Нашла взглядом бабушку — нарядная, она стояла в первом ряду, и Гарник держал ее за руку. Да она ведь на самом деле совсем не старая! Сколько ей было, когда оказалась вдруг со мной на руках? Надо спросить. Мне стало вдруг так стыдно, всю жизнь — "бабушка, бабушка", а сама даже не знаю, сколько ей лет. Хотя... она ведь сама не говорила никогда. Отшучивалась: "Много!" Теперь хоть ясно, почему.

Вон стоят Терес с Аниткой, ждут своей очереди. Улыбаются. А рядом шушукаются, хихикают Динуша с рыжим Рихаром. Вот тоже парочка!

Кажется мне, или впрямь Рихар с лета подрост?

Ой, и Марти здесь! Я почувствовала, как загорелись уши, прилила к щекам кровь. Что за взгляд у него...

Все равно уедет, напомнила я себе. Схватила за руку Анегарда, крепко, будто над обрывом стояла и сорваться могла. Он, видно, понял, сжал в ответ мои пальцы. Шепнул на ухо:

— На Зига с Улькой гляди, свидетель!

Я вздрогнула, торопливо перевела взгляд...

Ульрика была сегодня бледна и послушна. Зигмонд вел свою лягушонку за руку, а она и глаз не поднимала. Все в том же синем платье, без украшений, без подношения для богини в руках. Приневоленная. Ох, Зиг, Зиг, пусть у вас все сложится хорошо! Ты заслужил жену и получше, но раз уж эта... боги великие, пусть она любит Зига и уважает, и никогда не предаст, как Иозельма предала его милость... отца, поправила я себя, привыкай, Сьюз.

Отец вел молодых вокруг алтарей, просил для них, как водится, благословения Звездной

девы, и Жницы, и Матери человеческой, и Хранителя стад. Зигмонд — я заметила, — приостановился у черного камня Прядильщицы. Что ж, он избранник, он должен...

Я тайком коснулась алтаря Звериной матери. Благослови и ты их, моя богиня. Я прошу за них.

— Перед богами и людьми я, барон Эстегард Лотарский, объявляю Зигмонда и Ульрику мужем и женой.

Приветственные возгласы смолкли почти сразу: видно же, что молодые не очень-то рады. Впрочем, насчет Зига я не была бы так уверена... знаем мы эту кривую ухмылочку!

Его милость не стал длить молчание. Прокашлялся и перешел ко второй паре:

— Я, барон Эстегард Лотарский, господин этих земель, объявляю о свадьбе Тереса, воина барона Ренхавенского, и Аниты...

Еще не договорил, а над храмом словно и воздух изменился, наполнился радостью и счастьем. Я глядела на Тереса с Аниткой, и улыбка сама расплзалась по лицу. Совсем ведь другое дело! Оба сияют, у невесты букет в руках — не букет, охапка! "Осенние звезды", из баронских цветников нарезано, больше неоткуда. Белые — для Звездной девы, желтые — Жнице, алые — Матери... и уже по тому, как сияют оставленные на алтарях цветы, любой скажет — эту пару боги благословляют.

— Перед богами и людьми я, барон Эстегард Лотарский, объявляю Тереса и Аниту мужем и женой...

— Любовь да лад! — вместе со всеми закричала я. — На многие лета!

Анитка шепнула что-то Тересу, тот ответил, поцеловал жену в макушку. Молодайка прыснула, вывернувшись из объятий... подбежала ко мне...

— Это тебе, Сьюз! На счастье!

"Осенняя звезда". Белая.

Мы обнялись, Анитка шепнула:

— Я загадала, Сьюз, пусть у тебя все сложится!

— Спасибо...

Я тоже загадала. Хоть и знаю, у вас и без того все будет замечательно. Но ведь счастья много не бывает, верно?

Люди уходили, смеясь, предвкушая праздник. В замке ждал пир, и приехавшие из Оверте музыканты, наверное, готовы были играть плясовые. Но оба барона остались стоять, и я с ними: Анегард все еще держал меня за руку. С другой стороны к брату жалась Ланушка. Остался десяток баронской стражи, остались Марти, Рихар; Динуша не стала возвращаться без рыжего, остановилась на краю луговины...

Его милость обвел всех пристальным взглядом. Вздохнул, закашлялся, прижав ладонь ко рту. Подошел к алтарю Великого отца, молча прикоснулся к темному камню. Следом, вложив ладошку Иоланты в мою, шагнул Анегард. Прошептал:

— Покровитель странников, дай нам удачу в пути.

За Анегардом стали подходить остальные. Просили Великого отца о легкой дороге — и шли каждый к алтарю своего покровителя. Анегард и его милость вернулись к нам с Ланушкой — мы так и стояли у камня Звериной матери.

— Покровительница Лотаров, — хрипло сказал отец, — пошли удачу моему сыну.

— Благослови, моя богиня, — Анегард коснулся шершавого камня, замер на несколько мгновений.

— Помоги им, Великая, — прошептала я.

Ланушка заплакала. Анегард подхватил ее на руки:

— Что еще ты выдумала, реветь!

— Не уезжа-ай, — Ланушка обняла брата, уткнулась носом ему в шею. — Я боюсь, останься!

— Иоланта, — чужим, напряженным голосом выговорил старый барон, — прекрати немедленно. Мужчина не может всю жизнь просидеть дома.

Я отвернулась. Неужели он всегда такой... такой холодный, правильный и... подобающий?

Марти стоял у алтаря Звездной девы. Ладонь лежала на белом камне, губы беззвучно шевелились. Я прикрыла ладонью улыбку: забавным показалось, что у грозного королевского пса Дева в покровительницах. Но тут Марти отшагнул назад, развернулся к алтарю Воина. Я вздохнула тайком: этих вояк разве поймешь? Да у них, небось, традиций воз и тележка, по каждому случаю другому богу кланяться... вот деревенских тоже ведь не всякий посторонний поймет, почему вдруг то Жнице дары несут, то Кузнецу, то Хранителю стад.

Ланушка утихла, только сопела недовольно. Она так и сидела у Анегарда на руках, крепко обняв его за шею, а старый барон смотрел мимо них — на алтарь. Мне показалось, он все еще просит о чем-то богиню, неслышно для остальных, но так жарко, что Великая навряд ли откажет.

Столы накрыли во дворе, и расселись, не слишком разбираясь, кто есть кто. Наверное, это потому, подумала я, что его милость, вернувшись, сразу ушел к себе. При нем не очень-то забудешь, что не пристало посудомойке соседствовать с управителем, а ученику кузнеца из ремесленной слободки — заигрывать с дочкой начальника стражи. Это Анегард умеет сделать праздник общим и веселиться на равных с остальными — не зря по деревням так любят, когда он заезжает на грозовые аукалки или праздник последнего снопа.

Вот и сейчас — музыканты наявивают плясовую, Зигмонд кружит Анитку, только юбка взметывается, Терес едва отбивается от подначек, хохочет Ланушка, и даже Ульрика улыбается, слушая шуточки молодого Лотара. Встает, идет с ним танцевать... оглядывается на Зига, Анегард качает головой, обнимает за талию...

— Потанцуешь со мной?

Терес.

Смеюсь:

— Конечно!

Музыка кружит голову, кто бы мог подумать, что Терес так здорово танцует! Да и Зиг не хуже, ишь, сидельцы болотные! Анитка покраснелась, у меня тоже щеки горят... Наши кавалеры ведут танец хитро, едва не сталкиваясь, словно дразнят друг друга; в какой-то миг мы с Аниткой непонятно как меняемся — вернее, мужчины меняются нами. Я едва не останавливаюсь от удивления, но Зиг подхватывает, кружит, кружит... скалитя:

— Давай, Сьюз, уделаем их всех!

— Врешь, — отзывается из-за моей спины Анегард, — нас не уделаешь, верно, Улинька?

Боги великие, хорошо-то как!

А вон Динуша с Рихаром целуется...

Кстати...

— Зиг, а что, разве твой Рихар с Анегардом едет?

— Да, а почему ты спрашиваешь? — Легкий холодок в голосе намекает: на первый раз прощаю, но лучше не суйся, не девичье дело.

— Он же мальчишка еще!

Зиг, хмырь болотный, хохочет.

— Если уж ты, Сьюз, так сказала, другие уж точно ничего другого не подумают.

Я спохватываюсь: у «мальчишки» за плечами триста лет, да таких — не дай боги никому!

— Им пацан и нужен, — тихо говорит Зиг. — Мелкий проныра многое может, чего не под силу взрослому. А теперь, девочка, выкинь из головы серьезные вопросы и танцуй.

Смех. Чей-то короткий взвизг. Музыка все азартней, все быстрее. Терес подхватывает Анитку на руки...

— Ой, Зиг, ты меня так закружил, земли не чую!

— Зачем тебе земля, когда я рядом?

И верно!

Анегард с Ульрикой останавливаются, вдруг, резко... на щеках Ульрики багровые пятна, тонкие пальчики цепляются за плечи Анегарда. Мы с Зигмондом кидаемся к ней.

— Ничего, — шепчет Зигова лягушонка. — Упыхалась... никогда я так не танцевала...

— Веди ее к колодцу, — команду я. — Тихонечко, пусть отдышится. Умоется, легче станет. Давай, Зиг, не торопясь... а я ей туда попить принесу.

Анегард помогает мне пробраться к кухне: одну, пожалуй, закружили бы, завертели. Найти нужное снадобье, накапать в кружку с водой — дело недолгое.

— Слабенькая она, — виновато бормочет Анегард.

— Ничего, — осторожно, Сьюз, не урони кружку! Тут, конечно, народу меньше, но все же... ну вот, пей, девочка... все с тобой будет в порядке...

Ульрика вздыхает прерывисто. Зиг держит ее за плечи, вглядывается в лицо. Осторожно стирает с бледного лба бисеринки пота. Анегард забирает у меня пустую кружку, ставит на край колодца.

— Пойдем, сестренка, потанцуем? А то кажется мне, что его милость благородный барон Зигмонд испытывают желание побыть с женой наедине.

— Иди-иди, танцуй... язва. Сьюз, милая, уделай его, как он мою жену уделал!

Ох, навряд ли! Знаем мы, как молодой барон на праздниках гуляют! Перепляшешь такого... легче речку ситом вычерпать!

— Да уж постараюсь!

На то и праздник. Последний, я думаю, праздник в этом году...

Под вечер, когда длинные тени пересекли двор, а в еще светлом небе засеребрилась луна, я заметила, что Зиговы парни один за другим выбираются из праздничной круговерти. Кто попить отойдет, да так и не вернется, кто девицу под локоток ухватит, к столам отведет и невзначай исчезнет...

Я оглядела двор. А вон и сам его милость благородный барон Зигмонд, улыбка украденной маской на озабоченном лице. И, между прочим, без Ульрики.

Подойти словно ненароком к Зигу труда не составило: праздник затухал, многие уже разбрелись. Кто постарше — отдыхать, молодые да горячие — парочками...

— Как Ульрика, отдышалась?

— Да, спасибо. Мы с ней поговорили немного и решили, что сейчас ей лучше отдохнуть.

— Что, еще ночь не настала, — пьяно осклабился управитель, — а молодую жену уже укатал? Силе-ен...

— Я-то силен, а вот тебе пора в постельку. — Зиг нарочито оскалился. — Пока под стол не свалился.

— Мне?..

— Пора-пора, — рядом возникла непривычно румяная Лизетт, подхватила муженька под руку. — Пойдем-ка, милый мой.

Зиг огляделся, буркнул:

— Пойду и я.

Спросить? Не убьет же он меня, в самом деле?

Я выскользнула из поредевшей толпы вслед за Зигмондом, окликнула тихо:

— Куда это вы все собрались, а?

Нелюдь клыкасто ухмыльнулся:

— Я так и понял, что ты нас засекла. Что ж, спасибо, хватило ума при всех не спрашивать. За это отвечу, но, Сьюз, отучайся задавать мужчинам вопросы об их делах! Поверь, ни к чему хорошему девичье любопытство не приводит.

— Постараюсь, — вздохнула я. — Знаешь, пока была жизнь тихая и спокойная, меня любопытствовать и не тянуло. А тут... перемешалось все...

Я, не договорив, пожала плечами. Угар праздника схлынул, теперь мне было грустно, из головы не шел завтрашний отъезд Анегарда.

Зигмонд кивнул:

— Да, понимаю. На самом деле, Сьюз, это у тебя от страха. Тебе кажется, если ты будешь знать, что происходит, то сумеешь подготовиться к любой опасности. Или, на самый худой конец, тебя не застанут врасплох.

А ведь похоже... да, очень может быть, что он прав...

— Так вот, относительно того, куда мы собрались. Только учти, Анегард знает, а больше — никому! Хочу проверить, как дела в моем новом замке. — Я оторопело уставилась на Зига. Ну что такое, все время забываю, что он не человек, и парни его — не люди! Зиг явно понял, ухмыльнулся: — Да не гляди ты так, прекрасно за ночь успеем обернуться! Объясним там всем, кто теперь хозяин, и назад. Мне туда все-таки жену везти. Кстати, Сьюз, ты загляни к ней, ладно? Вроде уложил, но мало ли...

— Загляну обязательно. Удачи, Зиг.

Густая тень пронеслась по двору, и облачко мглы затерялось в ночном небе. Уже ночном... ну что, Сьюз, праздник кончился? Я укуталась в шаль, потерла пальцы. Холодно. Пойду, что ли...

Тяжелая рука легла на мое плечо. Я обернулась.

— Хотел сказать тебе спасибо.

Долго же ты ждал. Мог бы и потанцевать со мной разок. В благодарность.

— Не за что.

— Так ты лекарка или баронская дочка?

— Одно другому не мешает.

Мне показалось, он хотел еще что-то спросить. Но вместо этого развернул меня,

прислонил спиной к груди. Он был горячим, и я не стала отстраняться.

— Подождешь меня? Я ведь тоже не безродный, просто... решить надо кое-что.

"Не задавай мужчинам вопросы о мужских делах, Сьюз!"

— А если не решишь?

— Решу. Или... нет, никаких «или». Обещаю.

— Сьюз!..

Я вздрогнула: бабушка. Что-то случилось? Или просто решила, что слишком поздно?

— Так подождешь?

Вот интересно, спросил бы ты о том же не баронскую дочку, а деревенскую лекарку?

Что, королевский пес, теперь я вписываюсь в твои планы?

Жаль, что не вижу его лица. Зато он моего тоже не видит, а это, пожалуй, хорошо.

— А ты вернешься?

— Сьюз, где ты?

Я отстранилась, крикнула:

— Иду, ба!

— Скорей, ты нужна!

— Все-таки лекарка, — хмыкнула я. — Так вернешься?

— Вернусь.

Что ж, он ответил, а мне отвечать не хотелось. Так что моя помощь понадобилась очень даже кстати.

Что некоторым с лишней кружки браги напрочь соображение сносит, то дело обычное. И у нас в деревне всякое по праздникам случалось, и в замке наверняка тоже. Но такого...

Посреди кухни, рядом с опрокинутой лавкой и косо сдвинутым столом, Рихар прижимал к полу Рэнси: одна рука давит холку, вторая крестец. Пес рычал и рвался, и ярость его вмиг захлестнула меня мутной волной — аж в глазах потемнело. И как у рыжего силы хватает эдакого зверя удерживать?! За спиной Рихара прижалась к стене Динуша, глаза перепуганные, ладошка рот зажимает. А рядом с оскаленной песьей мордой сидел на полу пьяный в дымину парень, икал, бормотал что-то невнятное и время от времени махал перед носом Рэнси криво свернутым кукишем.

Жить надоело.

И парень-то из тех, кто обычно тише воды ниже травы...

— Я его сейчас отпущу, — зло процедил Рихар.

— Стоило бы, — едко сказала бабушка.

Люди добрые, Звериная мать, да что у них тут стряслось-то?!

Я присела рядом с рыжим, положила ладонь Рэнси на голову. *Успокойся, хороший мой. Хороший пес, умный пес... спокойно, спокойно...*

Как в пустоту! Рэнси дрожал крупной дрожью, по вздыбленной холке пробегали волны судороги, ногти скребли по полу. В нем не осталось места ничему, кроме яростного желания вцепиться в глотку.

А этот придурок пьяный еще машет своим придурочным кукишем! Сама бы убила, честное слово!

— Слушай, проваливал бы ты, а? Иначе я пса не успокою.

— Никуда он не пойдет! — резко возразила бабушка. — Дело серьезное, его милость рассудить должен.

Рэнси, хороший мой, да успокойся же... Его милость?! Боги великие, что же должно произойти, чтобы пьяная выходка баронского суда потребовала?! *Тихо, Рэнси, тихо...*

Рэнси взвыл особенно злобно, Рихар навалился на пса, пробормотал:

— И ведь точно отпущу! Давай, Сьюз, сделай что-нибудь! Не дело девчонкам после праздника ошметки с пола подметать... да и крови много будет...

Хороший мой, умный мой... тихо, Рэнси, тихо... спокойно...

— Я не могу! Это ж надо было... так его раздражить...

Вошел Анегард.

— Что тут?...

Умолк на полуслове, подскочил к нам. Выдохнул сквозь зубы.

— Сьюз, ты не так делаешь. Гляди, как надо, — ладонь Анегарда легла рядом с моей, и... Словами не передать, но я *услышала*. Брат владел родовым даром в совершенстве, не то что я, крох по верхам нахватавшаяся. Анегарду не потребовались слова, он не уговаривал и даже не приказывал. То, что послал он Рэнси, было глубже слов, уговоров и приказов. Словно молния, разом осветившая каждую травинку в лесу. И, как молния, бьющее мгновенно, сильно и верно. Рэнси проскулил коротко, виновато... Анегард ласково погладил черную морду, шершавый язык прошелся по его руке...

— Рихар, отпускай. Медленно. Резких движений не делаем, все слышат?

Рыжий медленно встал, отступил к Динуше.

— Сьюз, ты держишь.

Тяжелая песья голова легла на мои колени, хвост слабо вильнул.

Хороший мой, славный... умница...

Я выдохнула, покачала головой:

— Как ты его... Мне так никогда не суметь.

— Я бы объяснил, но не успею. Ты отца попроси, пусть научит. У тебя должно получиться. — Молодой барон встал, обвел кухню внимательным взглядом. — Рассказывайте.

Бабушка пожала плечами, Динуша с Рихаром переглянулись. Говорить начал Рихар.

— Я Дину провожал. А тут этот, — мотнул головой на затихшего придурка. — Ты, говорит, такая красивая выросла, дай я тебя поцелую.

— Это повод, — хмыкнул Анегард. — Дальше?

— Дальше я ему дал по морде.

— Мало дал. Надо было сразу укладывать, чтоб до утра.

— Ну, — вроде как смутился Рихар, — господин еще когда говорил, чтоб без... ну...

— К таким случаям не относится, — отрезал Анегард. — Дальше?

Рихар замялся. Динуша взяла его за руку, сказала чужим высоким голосом:

— Дальше он сказал, что если я такая задавака и недотрога, то лучше он песика поцелует, и пусть мне станет завидно.

Боги... о боги... ой, мамочка!

— Так, — явно с трудом сдерживаясь, выговорил Анегард. — Ладно. Суду все ясно. Рихар, отведи этого целовальщика Гарнику, пусть запрет. Проспится, тогда... я не успею, но оно и к лучшему, пусть Зигмонд с ним поговорит, надолго охоту целоваться отобьет. В конце концов, оскорблена невеста его человека... Гарнику я утром скажу.

Ого, а Динуша у нас, выходит, уже не просто подружка, а невеста? Ай да молодцы!

Рихар взял онемевшего «целовальщика» за шкуру, вздернул на ноги. Рэнси взрыкнул, я

торопливо надавила на холку, прошептала:

— Спокойно, хороший мой, сейчас его уведут...

— Да, — хмыкнул Анегард, проводив рыжего взглядом, — больше никто не полезет к тебе целоваться, бедный ты пес. Дина, ты в порядке?

— Я... да, я... да, — девчонка всхлипнула, торопливо вытерла глаза. — Спасибо, господин. Я пойду, ладно?

— Конечно. Доброй ночи.

Анегард кивнул и вышел. Динуша юркнула в свою каморку. Бабушка подошла к печке, нацедила отвара. Сказала:

— Ступай и ты спать, девонька.

— Да, сейчас... — я сняла с полки флакон с зельем, набрала в кружку воды. — Зиг просил к Ульрике заглянуть. Знаешь, ба, ты б ее глянула, какая-то она совсем хилая, куда такой замуж... не приведите боги, помрет родами.

— Сама о том думала, — вздохнула бабушка. — Ульфару меньше надо было в мятежах крутиться да на соседское добро зариться, а больше на дочку глядеть. По всему видать, взаперти сидела, ни погулять, ни поплясать...

Ульрика спала. Я поставила на стол кружку с подкрепляющим питьем и тихо вышла. Ночи осталось всего ничего, а завтра...

Иди-ка и ты спать, Сьюз.

Белая "осенняя звезда" стояла в утянутом с кухни кувшине, по комнате плыл слабый запах, терпкий и свежий. Я распахнула окно, села на кровати, подтянув колени к груди, и долго глядела на белый цветок в серебряном свете луны. Спасибо, Анитка. Когда счастливая невеста загадывает для подруги, оно сбывается. Почти всегда. Почти. Почти-почти-почти...

Завтра они уезжают.

Уже завтра.

Ничего, зато у меня будет время разобраться, хочу ли такого.

Утро выдалось холодным и пронзительно ясным. Я вышла во двор, кутаясь в шаль, ежась от пронизывающего ветра. Десяток, выбранный в охрану Анегарда, уже ждал. Зигмонд обсуждал что-то с Гарником, Рихар у самых дверей кухни шептался с Динушей. Марти делал вид, что подгоняет под себя стремяна, а сам поглядывал из-за спины гнедого меринка, и от его взглядов у меня горели уши и хотелось послать его по-простому, по-деревенски, куда подальше.

Все выглядело так... обыденно! Верховые кони, выючные кони, два сторожевых пса в широких ошейниках с железными бляхами, сонные лица мужчин. Будто в Оверте на ярмарку едут!

И старый барон провожать не стал. Анегард вышел один, махнул рукой:

— По коням!

А что, может, и правильно. Все уже сказано, а долгие проводы — лишние слезы. Не зря ж вчера прощались. Я прислонилась к стене, плотнее запахнула шаль. Зиг тоже, наверное, сегодня уедет. Ему баронство к рукам прибирать, небось дело непростое. И останемся мы коротать скучную осень и долгую зиму. Гадать, все ли в порядке с Анегардом, а к Зигмонду в гости ездить. Мне придется заняться... как это отец сказал? — подобающим гардеробом. И правилами подобающего поведения заодно, чует мое сердце. Хорошо бы научиться так ходить, как баронесса и Ульрика. А еще нам с бабушкой перебирать собранные за лето и

осень травки, готовить снадобья, выбраться в гости к Гвенде... Рольфа все-таки поздравить...

Дел хватит. Дадут боги, тосковать будет некогда.

Маленький отряд выехал за ворота, я вздохнула. Вот и все. Кончилась суeta и кутерьма, надо втягиваться в ровные, размеренные дни. Привыкать к новой жизни.

Я убралась со двора, пока никто не подошел поздороваться. Не хотелось ни с кем говорить. И делать ничего не хотелось. И даже думать. Хотелось, пожалуй, всплакнуть, но не сильно, а так, немного. Посижу у себя, все и пройдет. Тем более что комнаты, так поначалу испугавшие, за две ночи стали привычными и уютными.

И даже хорошо, что лестница на третий этаж такая длинная. Можно представить, что на каждой ступеньке остается капелька грусти. Одна капелька на ступеньку — а на сколько их станет меньше, пока дойду? Все будет хорошо, веришь, Сьюз?

Верю. Жизнь продолжается.

Окно в моей спальне все еще было распахнуто.

На столе, кое-как пристроенный в высокую кружку из-под эля, стоял букет. Осенние звезды, белые и желтые. Цветок, подаренный Аниткой, казалось, повеселел и словно кивал довольнo из своего кувшина: вот видишь, сбывается, и без всяких "почти".

Белые и желтые, Звездная дева и Жница. Признание в любви и предложение замужества.

Ну-ну. Кто ж тебе, хотела бы я знать, помог на третий этаж влезть? Если Зиг...

Хотя разве это важно?

Я тронула цветы ладонью, осторожно, боясь смять нежные лучики лепестков.

Вернешься, говоришь?

Почему-то вспомнился не вчерашний разговор, а давнее: "Да пустячок, на удачу". Он много о себе воображает, этот королевский пес. И Гарник с Колином считали, что он не для меня, даже когда я была всего лишь деревенской лекаркой.

Хорошо, я подожду.

Возвращайся.

А там поглядим.

Больше книг на сайте - Knigolub.net